

Глава 1

Утро началось со скандала в большой гостиной.

Для Корнуэллов такое времяпрепровождение было привычным делом, но на этот раз скандал гроыхал куда сильнее и громче предыдущих. Правда, меня то, что происходило за закрытыми дверями нашей с братом комнаты, не слишком-то касалось, потому что в ту часть губернаторского дома мы с Олли были не вхожи.

Поэтому, пожав плечами, я снова уставилась в книгу. Мало ли о чем спорили мой дядя и двоюродная сестрица с утра пораньше?

Правда, для меня сейчас уже был разгар дня. Встала я несколько часов назад вместе с поднимавшимся над Вильмой солнцем. Зажгла свечи перед образами, попросив Богов об их милости.

Ну, и чтобы Они были особо милостивы к Олли...

После чего, одевшись и завязав косу, отправилась на кухню. Помогла поваренку растопить печь, потому что магией это сделать куда проще, чем лучинами, затем натаскала вместе с ним из колодца воды. Водопровода, диковинного столичного животного, в Вильме отродясь не водилось.

Позже, взяв с дядиной конюшни лошадь, немного проехала по утренним улицам северного городка, вдыхая все еще морозный, но уже весенний воздух. Вернувшись, вычистила Снежинку и покормила остальных лошадей, после чего с чистой совестью отправилась в дом. Прошмыгнула в свою комнату через черный ход — мы с братом жили на половине слуг — и уселась за стол, открыв книги с заданиями по естественным наукам и магии.

До начала урока оставалось еще полтора часа, так что я как раз успевала все повторить.

Заодно дожидаясь, когда встанет дядя со своей единственной дочерью Абигейл, размышляя, вспомнят ли они сегодня о нашем с братом существовании или же на этот раз Боги нас милуют.

Вскоре поднялся и Олли. Сегодня он выглядел бледнее, чем обычно, с нездоровым румянцем на щеках. Но я выдавила из себя приветливую улыбку, старательно пряча под ней тревогу, и, поцеловав младшего брата, наказала ему хорошенько позавтракать. И нет, ему вовсе не стоит валяться в кровати, потому что так делают только больные, а он у меня совершенно здоров!

Проследила, чтобы Олли съел все, принесенное мной ему с кухни, после чего усадила за книги. Сказала, что чуть позже он сможет побегать с младшим сыном конюха в саду. Только не слишком сильно и не очень долго...

Потому что его болезнь снова набирала силу, как бы мне ни хотелось этого не признавать. Подходило время очередного магического вливания, которое подарило бы брату еще один год жизни. Вернее, подарить ему этот самый год — второй в богатом особняке на самом высоком холме Вильмы — должен был наш дядя, лорд Бернард Корнуэлл, новый губернатор острова Хокк.

В последние дни дядя, которого ждала оплата лечения Олли, стал куда более язвительным, а моя кухня Абигейл, старше меня всего на полгода — ей только что исполнилось девятнадцать, — совершенно невыносимой. Всячески меня унижала и третировала, постоянно напоминая, что мы с Олли — бедные родственники и живем в этом доме только по милости ее отца, а я...

Я плохо ей кланяюсь и не слишком проникновенно ее благодарю.

Вообще-то, благодарить я должна была дядю, родного брата моей покойной матери, но мне приходилось молчать и терпеть. А еще приседать ниже и благодарить Абигейл так, как ей этого хотелось.

Потому что я понимала: только лорду Корнуэллу под силу спасти моего брата. И что таких денег — если я не выдержу и пошлю противную кузину куда подальше и нас с Олли выставят на улицу за подобное неуважение, — мне нигде не заработать.

Даже если я стану хвататься за все подряд, мне все равно их не заработать. И даже если я начну воровать или... гм... в теории продавать свое тело, в этом случае мы с Олли тоже долго не протянем.

Деньги нужны нам были сейчас, а в таком количестве их мог дать только дядя.

К тому же я вовсе не хотела воровать и уж тем более становиться продажной девицей, одной из промышлявших возле порта, куда приплывали торговые корабли или же заворачивали китобойные суда. Поэтому мне приходилось терпеть унижения со стороны кухни, скрывая под напускной покорностью свой гнев. И еще украдкой молиться Богам, чтобы у Абигейл нашлось занятие на весь

день и она не вспомнила о нашем существовании.

Но сегодня, кажется, Боги меня услышали. Абигейл в чем-то порядком провинилась, и я надеялась, что ей будет не до меня. Потому что из-за закрытых дверей, ведущих на хозяйскую половину губернаторского дома, доносились истошные крики лорда Корнуэлла, прерываемые плачем кузины.

— Как ты могла!.. — вопил дядя. — Где твоя совесть?! Продажная девка, вот кто ты!..

Вздохнув, я все же отложила в сторону «Три принципа магического лечения» магистра Крута. Получалось, лорд Корнуэлл наконец-таки осознал истинную природу своей дочери и решил провозгласить это на весь дом. Хорошо хоть, Олли ушел гулять — ему в свои одиннадцать лет рано о таком слышать!

Впрочем, стены губернаторского дома много чему были свидетелями. А у стен, как известно, водятся не только уши, но и глаза, так что дядиными громогласными обвинениями никого из слуг было не удивить. Знала об этом и я.

Ну, о том, что Абигейл увлекалась молодыми и сильными мужчинами...

Не был в курсе только лорд Корнуэлл. Но, похоже, настал и дядин черед.

— Кто он?! — зычный голос дяди, отражаясь от каменных стен, разносился по всем уголкам особняка, стремясь вырваться наружу из распахнутых навстречу северной весне окон и разлететься по всей Вильме. — Скажи мне, кто этот негодяй?! Я прикажу сейчас же его казнить, сегодня же! Или нет, я заставлю его на тебе жениться!

На это Абигейл зарыдала пуще прежнего, потому что тогда ей... гм... пришлось бы выйти замуж одновременно за троих. По крайней мере, о которых я знала.

За ее учителя танцев, недавно выписанного из столицы, за курьера из порта, рано утром привозившего в особняк губернатора свитки с таможенными отчетами, а еще за племянника конюха, с подачи Абигейл получившего должность лакея в доме.

— Папочка... Папочка, прости меня! Дура я! — рыдала Абигейл, и я была с ней полностью согласна.

Но затем решила, что Святая Истония вряд ли бы одобрила обуявшее меня легкое злорадство — наконец-таки Абигейл досталось по заслугам! Так думать было нехорошо, поэтому я накинула на свою комнату заклинание, заглушающие звуки.

Снова уткнулась в книгу, но сосредоточиться на прочитанном выходило из рук вон плохо. Потому что я понимала: такие крики к добру не приведут. Пусть противная Абигейл и получила по заслугам, но лорду Корнуэллу с его здоровьем вредно волноваться из-за похождений своей непутевой дочери.

Потому что эти самые похождения будут продолжаться, так как, уверена, раскаивалась Абигейл только на словах. А что, если дядю из-за ее поведения хватит удар?! Здоровье в последнее время у него было так себе... Зимой он сильно кашлял и слег на целый месяц. К тому же у него была склонность к повышенному давлению — не зря личный лекарь постоянно отпаивал его травами и целебными настоями, — и ему нельзя волноваться!

Что, если Абигейл вконец его доведет?! Тогда, оплавав нашего старшего родственника, мы с Олли снова окажемся на улице, и брата мне уже не спасти, даже если я очень сильно постараюсь!

Так думать тоже было плохо, поэтому, вздохнув, я всеми силами постаралась выкинуть подобные мысли из головы.

Вернее, мысли-то я выкинула, но внутри все равно поселилась противная тревога. Потому что по Вильме упорно ходили слухи, будто бы цены на магические услуги вот-вот взлетят до небес. Король Брайн решил обложить практикующих магов дополнительными налогами, что, естественно, выльется в неминуемое повышение цен на их работу. И тогда...

Мне было даже страшно подумать, к чему это может привести!

— И как только тебе не пришла мысль обложить налогами еще и воздух? — повернувшись, спросила я у висевшего на стене возле дверей портрета молодого короля.

Такие портреты были развешаны в каждой из комнат губернаторского дома — лорд Корнуэлл старательно демонстрировал, насколько сильно он любит нынешнюю власть.

Но король привычно промолчал, оставив мой вопрос без ответа. Смотрел на меня сурово, хмуря темные брови.

И я снова вздохнула.

Брайн Стенвей был молод и, что уж тут скрывать, демонически красив. К тому же он правил Аронделом крепкой рукой, карая без жалости и облагая налогами по собственному желанию. Какое ему дело до того, что мы с Олли — бедные сироты с бедного северного островка на задворках его огромного королевства — попали в совсем уж бедственное положение?!

— С тебя и не такое станется! — пробормотала я.

Хотела добавить «королевский кровопийца», потому что последние три года после прихода к власти Брайна эти самые налоги порядком возросли, но не стала.

Решила, что не мое это дело.

Мое дело — это прекратить думать о плохом и помолиться за здоровье дяди. Потому что в тот ужас, который последовал за смертью наших родителей шесть лет назад, когда мы с Олли оказались в приюте, а потом я оттуда сбежала, чтобы достать деньги на его лечение...

Так вот, возвращаться в тот ужас мне нисколько не хотелось.

Пусть в доме лорда Корнуэлла нас считали бедными родственниками, а Абигейл называла нас «мерзкими побирушками», но, по крайней мере, у нас была крыша над головой, вдоволь еды, и дядя, пусть и скрепя сердце, разрешал преподавателям Абигейл давать нам уроки и оплатил лечение Олли в прошлом году.

Я надеялась, что так будет и в этом.

Но тут внезапно распахнулась дверь, и в нашу комнату ворвался лорд Корнуэлл собственной краснолицей персоной. На это я подскочила, выронив книгу, потому что визита лорда Корнуэлла никак не ожидала. Да еще и полог тишины заглушил дядины шаги.

Впрочем, тут же поклонилась почтительно. Затем, распрямившись, с тревогой уставилась на своего родственника. Дядину внушительную фигуру обтягивал черный бархатный камзол, с трудом сходящийся на его животе. Пышное жабо сдавливало ему горло, и он, тяжело дыша, стоял, навалившись на резную трость.

И я отстраненно подумала, что лорд Корнуэлл, похоже, снова увлекся жарким на ночь, не забыв запить его парой литров красного вина, потому что от него шел тяжелый запах перегара, который не заглушал даже выписанный из столицы парфюм.

Тут дядя уставился на меня, и я заметила, что один глаз у него красный, налитый кровью. Второй, впрочем, тоже не сильно отставал от собрата.

Ахнула:

— Дядя Бернард! — и в полнейшем ужасе кинулась к нему. — Прошу вас... О, умоляю, вам же нельзя так волноваться! Почему вы не слушаетесь своего доктора, он ведь столько раз вам говорил?! Вам немедленно нужно сесть и успокоиться!

Он послушно опустил на стул, и я тотчас же отодвинула в сторону свои учебники.

— Вы позволите? — спросила я у него. — Я... Я могу... вам помочь!.. Я умею!

Вместо ответа он снова уставился на меня налитыми кровью глазами, а затем перевел взгляд на «Три принципа лечения» — книгу, которую я читала перед его приходом.

Моргнул.

— Мне кажется, новый приступ совсем близко, — тем временем говорила я, — а ваш лекарь ушел в Серые Пустоши собирать весенние травы. Он же не знал, что вы будете волноваться с утра пораньше! — Да так волноваться, что весь дом услышал! — Но я могу... Я прилежно учусь, и меня очень хвалит преподаватель по магии...

Не думала, что он мне позволит, потому что дядя много раз давал мне понять, что только вера в Богов не дает ему вышвырнуть нас с Олли вон. Но человек слаб, и его милосердие не безгранично, поэтому однажды мы снова можем очутиться на улице.

А ведь в нас с братом текла такая же кровь Корнуэллов — как в дяде и в Абигейл!

Но мы с Олли были Дорсеттами, потому что еще до моего рождения дед прогневался на маму и лишил ее наследства и титула за не угодный ему брак с моим отцом, обычным магом.

Дядя тоже не слишком далеко от него ушел. Много раз мне выговаривал, что его сестра Флоя загубила свою жизнь, связавшись с «тем мерзавцем» Норманом Дорсеттом. А мы с Олли — живое напоминание об этом прискорбном инциденте. Свалились ему на голову, и при виде нас он едва не умер от отвращения. Но все же проявил милосердие, хотя он много раз пытался отговорить Флою от этого брака, предрекая ей печальный конец. Но сестра никого не послушала, и все получилось именно так, как он и думал.

Потому что шесть лет назад мой отец погиб, а мама... Мама умерла через восемь месяцев после его смерти от тоски и безденежья, быстро растратив все наши небольшие сбережения. Затем наш дом продали королевские поверенные, тем самым оплатив наше с братом пребывание в Приюте Святой Истории на несколько лет вперед, и еще на год лечение для Олли.

На большее денег уже не хватило.

А дядя даже не приехал на похороны своей сестры, хотя я ему написала — тогда он еще жил в столице. Позже я отправила еще несколько писем, умоляя его о помощи. Просила не за себя, а за Олли, потому что мой брат болен и ему нужно раз в год получать дорогостоящее магическое лечение.

Но Бернард Корнуэлл, важный столичный придворный и член Парламента, так и не снизошел до ответа на мои мольбы.

А потом... Потом в столице случилась попытка государственного переворота, и в том заговоре оказались замешаны многие из высшестоящих. Но король Брайн выжил и вернул себе власть, после чего полетели головы, титулы, состояния и места при дворе.

Бернард Корнуэлл сохранил и голову, и титул, и свое богатство. А вот место при дворе и членство в Палате Лордов он все же потерял и был выслан на наш северный остров — назначен его губернатором! — с наказом не покидать Хокк до особого королевского распоряжения.

Со слов дяди выходило, что его оклеветали завистники, хотя он всегда стоял на стороне законного короля. Его вину доказать не удалось, хотя у следствия были какие-то косвенные улики. Фальшивые, как любил заявлять дядя. Именно из-за них Бернард Корнуэлл и лишился королевской милости.

Впрочем, два с лишним года назад, когда я узнала, что губернатором Хокка стал мой дядя... Нет, я не побежала сразу же обивать пороги его особняка в центре Вильмы. Вместо этого тянула так долго, как могла, не собираясь взывать к его милосердию, пока наконец не поняла, что другого выхода у нас с Олли попросту нет.

Иначе мой брат умрет.

Именно тогда я переступила через свою гордость и упала дяде в ноги. И Бернард Корнуэлл почему-то смилостивился, разрешив нам с братом остаться. Но при этом он неустанно мне напоминал, в каком мы перед ним долгу, а Абигейл постоянно надо мной издевалась.

Зато сейчас он пришел в нашу с братом маленькую комнатку, сидел за моим столом, уставившись на меня налитыми кровью глазами.

— Ты хорошая девочка, Агата! — наконец, произнес он с чувством, когда я немного подровняла магически его состояние, убрав признаки приближающегося нервного криза. — И очень хороший маг.

— Нет, дядя! — отозвалась я с явным сожалением. — Маг из меня посредственный, но я очень стараюсь.

Мне хотелось выучиться и полностью раскрыть свой магический дар, чтобы в будущем помогать родному брату. Но пока его болезнь была куда серьезнее моих умений — с ней могли совладать только Высшие Маги.

— Агата, скажи мне, — дядя уставился мне в глаза, — ты ведь все еще девственница? — На это я ахнула, а он продолжал: — Думаю, Сестры Святой Истории вбили в твою маленькую голову, что до брака любовные утехы неуютны Богам!

Кровь прилила к моим щекам.

— Как вы можете во мне сомневаться?! — произнесла я срывающимся голосом. — Я бы ни за что!.. Нет же, дядя Бернард, клянусь вам, я никогда!

Однажды Мэтью меня поцеловал. Это было в тот день, когда он уплывал в столицу. Но поцелуй вышел смазанным — дружеским с моей стороны и не особо дружеским с его.

— Охотно в это верю, — согласился дядя. — Ну что же, Агата!.. Никогда не думал, что мне придется это сказать, но сегодня я даже рад, что ты пришла в мой дом. Потому что настал твой черед отплатить мне за доброту и те щедроты, которыми вы с братом пользовались по моей милости.

— Буду только рада, дядя! — отозвалась я осторожно, не совсем понимая, что ему от меня могло понадобиться. На секунду даже пожалела, что поставила полог тишины и не слышала всех деталей скандала. — Я сделаю все, что в моих силах!

Но уже через пару минут сказала ему категорическое «нет».

— Но это невозможно! — повторила я, украдкой покосившись на красивое, харизматичное лицо короля на портрете.

Я давно уже поняла, почему портреты короля Брайна Стенвея были развешаны по всему губернаторскому дому, а горничные на кухне смеялись, что в дядиной спальне возле его кровати висят аж целых два!..

Потому что Бернард Корнуэлл истово мечтал вернуться в столицу, надеясь заслужить королевское прощение.

— Нет же, — снова сказала я, уставившись в карие глаза короля, словно тот лично настаивал на моем приезде в столицу. — Это просто немыслимо!

Впрочем, тяжелый взгляд дяди ясно давал понять, что все очень даже мыслимо. А еще — ощутимо близко. Настолько, что и рукой подать, потому что он, лорд Корнуэлл, уже все решил, не спросив моего мнения.

— Я отправил посыльного к доверенным магам. Они прибудут через пару часов и проверят тебя, Агата, на предмет... гм... невинности! Но я уверен, что ты еще девственна, — добавил дядя, не обратив внимания на мой протестующий возглас. — В отличие от моей дочери, которая так сильно меня разочаровала. Но Абигейл росла без матери, которая умерла при родах, а я, признаюсь, никогда не уделял ей достаточно времени. Так что в этом есть и моя вина...

В поведении Абигейл я винила только лень и распущенность своей кузины, но промолчала, потому что дядя продолжал:

— Именно сейчас, когда король проявил свою милость, впервые обратившись ко мне за два последних года... Сейчас, когда он вспомнил, что я принадлежу к Первым Лордам, которые возвели Стенвеев на престол Арондела!.. Именно в этот момент Абигейл так сильно меня подвела! Потому что Корнуэллам пришло приглашение на королевский отбор...

На это я округлила глаза. Ну конечно же, приглашение-то пришло Корнуэллам! А это означало...

— Насколько я понимаю, на отбор позвали именно Абигейл, — произнесла я негромко, потому что по страдальческому лицу дяди казалось, будто бы король лично предложил ему стать своей невестой, но он вынужден ему отказать.

— Все намного сложнее, Агата!.. — Бернард Корнуэлл вытащил из кармана своего жилета носовой платок и промокнул взмокший лоб. — Это не просто королевский отбор!..

— Разве? — удивилась я.

— Это мой шанс, Агата! Молодой король дает мне еще один шанс!.. Брайн Стенвей хочет, чтобы я вернулся ко двору, а это приглашение — символически протянутая мне королевская длань. И я должен... Я обязан ее принять, после чего начать свое восхождение вверх. Снова занять то место, которое причитается мне по праву рождения. Но раз уж Абигейл меня подвела, то на отбор поедешь ты!

— Но я не могу, — сказала ему спокойно, выдержав давящий дядин взгляд, — потому что я не Корнуэлл. Мы с Олли — Дорсетты, если вы вдруг забыли. Ваш отец лично вычеркнул мою маму из Золотой Книги Лордов...

— Ты меня не дослушала, Агата! — поморщился дядя. — Я уже все решил и отправил в Ратушу своего человека. Скоро придет королевский нотариус, и ты станешь леди Корнуэлл...

На секунду я замерла с раскрытым ртом, а затем все-таки решилась.

— Не только я, но и мой брат тоже, — сказала ему, смело посмотрев дяде в глаза.

Потому что, выходило, лорд Корнуэлл оказался в безвыходной ситуации и мог рассчитывать только на меня. Раз уж Абигейл его подвела и ей никак не явиться на отбор, который, по сути своей, символически... гм... протянутая королевская длань, то отправиться туда придется все-таки мне.

И от этого уже никуда не деться, даже если мне совершенно не хотелось никуда уезжать, а про отбор не могла и помыслить! Но если я откажусь, в этом доме нам с Олли не жить. Дядя разгневается окончательно, сгнобит меня, а брату не даст денег на лечение, и это его погубит.

Поэтому я решила, что мне стоит... набить себе цену, понимая, что и дяде некуда деваться.

Судя по всему, он тоже это понимал.

— Хорошо, — заявил мне. — Твой брат тоже получит титул. Я согласен, Агата!

— И еще вы оплатите лечение Олли в этом году, — продолжала я торговаться. — Знаю, дядя Бернард, вы и так хотели это сделать по зову своего большого и любящего сердца... — На это он снова моргнул. — Но я хотела бы у вас попросить, чтобы ко мне больше не приходила Абигейл и не читала мне морали, рассказывая, насколько мы с Олли мерзки в своей нищете.

— Я за этим прослежу, — кивнул он. Затем склонил голову, прищурившись: — Но раз так, Агата, то с моей стороны тоже будет условие. Я хочу, чтобы ты поехала в столицу и...

— И?!

— Чтобы ты покорила сердце нашего короля.

Услышав это, я с сомнением покосилась на дядю, а затем украдкой взглянула на собственные руки. Не переборщила ли я с магическим лечением? Или, быть может, все-таки опоздала? Неужели дядю разбил удар, и он немного того...

Свихнулся?!

Да, я собиралась отправиться на отбор и сделать все, что в моих силах, чтобы не сильно на нем опозориться. Вернее, достойно представить семью Корнуэллов, хотя слабо понимала, как все будет происходить и что мне придется для этого сделать.

Но покорить сердце короля?! Как дядя себе это представляет?

— Это невозможно, — сказала ему, а затем выразительно покосилась на портрет Брайна Стенвея. — Подумайте, кто он и где я?! Вернее, кто я?

В двенадцать лет я попала в приют, из которого сбежала через два года, потому что деньги, оставленные на лечение Олли, закончились, а Сестры заявили, что на все воля Богов. И, если Боги решили, что Олли пора покинуть сей бренный мир, кто мы такие, чтобы Им противиться?..

Такая ситуация нисколько меня не устраивала, поэтому я всеми силами пыталась раздобыть деньги и делала это целых два года, пока, наконец, не поняла, что это выше моих сил. Зато последние два года я провела в доме дяди на правах бедной родственницы.

И, можно сказать, у Корнуэллов мы с Олли зажили припеваючи.

У нас имелась крыша над головой, а у меня целых три старых платья, которые Абигейл сперва приказала сжечь в печи, но затем почему-то передумала и подарила мне в странном душевном порыве. Наверное, чтобы ей было чем меня попрекать. А еще у меня были две ее сношенные пары обуви и несколько книг по магии — вот и все мое приданое.

Какая из меня невеста короля Арондела?! Смешно!

— Я сделаю тебе предложение, Агата, — вкрадчивым голосом произнес дядя, — от которого ты уже не сможешь отказаться.

И он мне его сделал.

Каждое пройденное испытание — год жизни моего брата, вот что сказал мне дядя. И еще — он сейчас же позовет писаря, и мы составим соглашение.

Он даст мне с собой в столицу платья и украшения — вернее, моя кузина поделится своим гардеробом, потому что мы с ней одного роста. Правда, комплекция его дочери достаточно... гм... пышная, но швеи решат эту проблему к завтрашнему дню. Потому что уже завтра отплывает корабль в столицу, и дядя послал человека, чтобы тот выкупил мне каюту.

Письмо добралось до наших мест с запозданием, отбор вот-вот начнется, и мы не можем терять ни единого дня.

— То есть, если я пройду шесть испытаний... — пробормотала я, прикидывая. — Выходит, в этом случае мой брат доживет до совершеннолетия?!

А потом, когда его собственный магический дар, который оказался настолько силен, что буквально сжигал изнутри, придет в равновесие, ему больше не понадобятся дополнительные магические вливания и «глубинная настройка», которые требовали так много денег.

— Если ты пройдешь шесть испытаний отбора, представив Корнуэллов с самой выгодной стороны и утерев нос моим завистникам, тогда я оплачу лечение твоего брата вплоть до его совершеннолетия, — согласился дядя. — А если ты войдешь в финал отбора, я оплачу тебе и Оливеру еще и учебу в столичной Академии Магии. — Повернулся к писарю. — Да-да, так и запиши! С твоей стороны, Агата, ты должна будешь сделать все, чтобы обелить мое доброе имя. Я дам тебе с собой документы, которые успел собрать за эти два года. Они должны в этом помочь.

— То есть...

— С твоей помощью я собираюсь вернуться в столицу, это обязательное условие. Без него наша сделка не имеет силы.

— Ясно! — отозвалась я, понимая, что перспективы заполучить шесть лет спокойной жизни без тревоги за Олли и судорожных поисков денег, а потом попасть в Академию Магии у меня такие же туманные, как и берега острова Торгис, очертания которого можно было разглядеть всего лишь пару раз в год при самой ясной погоде.

Но своим отъездом и провальной попыткой удержаться на отборе я хотя бы обеспечу Олли год жизни.

И то хлеб, решила я, а дальше уже будет видно. Вернее, дальше можно и помечтать о счастливой и спокойной жизни, если мне вдруг удастся убедить короля в том, что мой дядя самый верный из его поданных.

Вот, в спальне у него целых два портрета! Наверное, еще и целует их позолоченную раму перед сном...

Как оказалось, дядя тоже был мечтателем.

— Но если ты станешь королевой, Агата... — произнес он глубокомысленно, на что я не удержалась от нервного смейка.

— Простите! — сказала ему и портрету Брайна Стенвея. — Да, давайте помечтаем, дядя, что будет, если я стану королевой Арондела! Обещаю, тогда я сразу же открою Грани и запущу в наш мир драконов. — Папа всегда об этом мечтал, за что и поплатился. Его, как и дядю, изгнали из столицы, хотя до этого ему пели дифирамбы, называя лучшим магом королевства. — Нет, лучше пусть это будут единороги с гривами в цвета радуги... — Затем, охнув, повернулась к писарю. — Не надо записывать единорогов в договор!

— Ты недооцениваешь себя, Агата! — покачал головой дядя. — Ты унаследовала красоту моей сестры, а в молодости Флоя разбила немало сердец, потому что была первой красавицей столицы. К кому же тебе достался пылливый ум и своевольный нрав твоего пропавшего отца...

Тут я все-таки не выдержала.

— Единорогов вычеркните, а вот это впишите в договор, — сказала писарю. — Если я пройду дальше первого испытания, то про моего отца в этом доме больше никогда не будут говорить плохо!

Дядя Бернارد сузил глаза, но все же кивнул.

— Согласен, — заявил мне.

И я снова не удержалась.

— Ваша сестра Флоя... Вернее, моя мама была несказанно счастлива с моим отцом. Папа носил ее на руках. Боготворил и делал все, чтобы она ни на миг не пожалела о своем решении.

— Но он сгинул...

— Его забрали к себе Боги, — заявила ему строго, подражая голосу сестры Инноренции. — И не нам с вами осуждать Их за такое решение!

— Чувствуется рука... гм... Ордена Святой Истони! — пробормотал дядя. — Ну что же, быть может, это даже к лучшему. — Он оглядел меня с ног до головы. — Красивое личико, отличная фигурка, сообразительная голова, приютская скромность и взрывоопасный характер... Пожалуй, если сейчас окажется, что моя дочь Абигейл невинна, как слеза Святой Анны...

— Как вы можете такое говорить?! — ахнула я.

— То на королевский отбор все равно поедешь ты, Агата! — закончил он свою мысль. — И когда ты станешь королевой, а я вернусь ко двору, то я хочу... Да, министерский портфель. Так и запиши, — повернулся он к составлявшему договор писарю.

— Только не забудьте упомянуть, какого именно министерства, — добавила я ехидно. — Чтобы, когда я стану королевой и запущу в небо единорогов, я бы случайно не ошиблась, что именно мне нашептать в ухо своему мужу. Давайте послушаем о ваших мечтах, дядя Бернارد!

И он мне о них рассказал. Сказал, что хочет возглавить министерство финансов Арондела, и я похвалила его за столь мудрый выбор.

Затем дядя заявил, что сейчас он уйдет, но пришлет ко мне модистку и горничную, которая приведет... гм... меня в порядок. Мои волосы, пожалуй, нужно чуток укротить и приструнить, а то они похожи на буйную конскую гриву. Черные брови немного проредить... Но он не особо сведущ в моде на женскую красоту, так что поручит позаботиться о моем внешнем виде своей непутевой дочери.

На это я вздохнула украдкой, подумав, что ничего хорошего из этого не выйдет. Уверена, Абигейл будет просто в ярости, станет рвать и метать!

И я ни в чем не ошиблась.

Стоило дяде уйти, как явилась моя кузина. Полноватая, пышногрудая блондинка, пылающая гневом в буквальном смысле этого слова. Лицо Абигейл было красным, причем, как мне показалось, вовсе не от слез.

И я подумала, что в будущем двоюродной сестре нужно старательно следить за своим здоровьем. А то, глядишь, удар ее хватит даже раньше, чем отца.

Но пока что здоровье у нее было отменным — Абигейл так сильно хлопнула дверью нашей с Олли комнаты, что с потолка чуть было не осыпалась штукатурка, а на маленьком иконостасе возле окна закачались образки богов и богинь.

Дархи — прародителя магии, Эмгу — покровителя путешественников, Элиты — заботящейся о стариках и детях, и Святой Истории, у которой я просила защиты, а еще молилась за своих родителей и всех тех, кто ушел в Иной Мир.

— Даже и не думай, — заявила мне Абигейл, — что тебе это сойдет с рук, мерзкая нищенка!

Я покачала головой.

— Поверь, Абигейл, я вовсе этого не хотела! Все вышло из-за того...

Но она не стала слушать моих объяснений, продолжая изрыгать проклятия и ругать меня на все лады.

— Гадюка, которую мы приютили у себя на груди! — вопила кузина. — Склизкая тварь, которая укусила руку своей хозяйки!..

И я не выдержала.

— Ты мне не хозяйка, Абигейл! — заявила ей.

— Думаешь, если ты смогла занять мое место на отборе, я спущу тебе это с рук?! — взвизгнула она. — Потому что пригласили меня!.. Меня, а не тебя!.. Я — леди Корнуэлл, и именно я должна была поехать в столицу, а не ты, подзаборная тварь!

Замахнулась, чтобы залепить мне пощечину, но ее рука налетела на выставленную мною магическую стену. Отскочила, и кузина заскулила, баюкая ушибленную ладонь.

— Не делай так больше, — сказала я ей, — потому что бить себя я не позволю. И вот еще, я отправляюсь в столицу только потому, что ты не смогла поехать. Там я постараюсь исправить то, что ты чуть было не испортила своим легкомысленным поведением!

— Не тебе меня осуждать, мерзкая девка! Я сейчас же пойду и пожалуюсь отцу! Скажу, что ты меня ударила, тварь!

— Только попробуй, — ответила ей, — и я сразу же воспроизведу магическую историю того, что произошло в этой комнате. Лорд Корнуэлл своими глазами увидит, какими словами ты меня обзывала и что ты собиралась ударить меня первой, а я всего лишь защищалась. Твой отец поймет, что ты еще и лгунья, Абигейл, и это не доставит ему радости. Поэтому он накажет тебя куда сильнее, чем сейчас! Думаю, он запрет тебя дома даже не на месяц, а на целый год, а всех слуг

мужского пола уволит...

От последних моих слов на лице кузины промелькнуло выражение неподдельного ужаса. Впрочем, Абигейл быстро пришла в себя.

— Сомневаюсь, что ты на такое способна! — заявила мне.

— Давай проверим, — пожала я плечами. — Только не забывай, что мой отец был сильнейшим магом в Аронделе!

Правда, его идеи в столице не оценили по достоинству. Да и мой собственный магический Дар пока только просыпался, так что до обещанного Абигейл было еще очень и очень далеко.

Но она-то об этом не знала!

— К тому же я твоя двоюродная сестра, — добавила я. — Такая же леди Корнуэлл, как и ты, поэтому попридержи язык, Абигейл! Иначе захлебнешься в собственном яде.

На это она побагровела и принялась хватать воздух раскрытым ртом, а я подумала: неужели ее все-таки разобьет удар?

— Посмотрим, — наконец, придя в себя, заявила кузина. — Поглядим на то, как ты отправишься на королевский отбор! В чем ты туда поедешь и с кем ты туда приедешь. А еще — с каким треском ты оттуда вылетишь! Думаю, этот треск будет слышен даже в Вильме!

Сказав это, она развернулась и ушла, снова хлопнув дверью. Да так, что на этот раз образок с изображением Эмгу, покровителя путешественников, закачался и упал на землю.

Это был плохой знак, и я отстраненно подумала, что мой путь в столицу вряд ли будет легким.

Но я и представить себе не могла, насколько!

Глава 2

Что дорога в столицу будет непростой, я поняла еще вчера в губернаторском доме, а утром убедилась в этом еще раз.

О том, что будет происходить на самом отборе, мне даже думать не хотелось! При мысли о встрече с королем ладони моментально начинали потеть, а в груди поселялась противная тревога. Но я гнала ее прочь, точно так же как северный ветер гнал по небу серые, свинцовые облака.

Задувать он начал с самого утра, когда я отправилась на привычную конную прогулку по Вильме, все еще пытаюсь сжиться с мыслью, что вот-вот покину родной остров.

Но не это тревожило меня больше всего, и даже не предстоящая встреча с Брайном Стенвеем, правителем Арондела, холодила кровь. Очень скоро мне придется оставить Олли одного, вот что не давало мне покоя!..

Ветер к моему отправлению разыгрался не на шутку. То и дело бросал нам с дядей в лицо россыпь мелкий брызг, срывая их с волн, обрушивавшихся на причал, рядом с которым покачивался трехмачтовик «Гордость Империи». Тот самый, на котором мне предстояло проделать путь в столицу.

Олли в порт с собой брать я не стала, подумав, что у него, как и у меня, от затянувшихся расставаний сердце разорвется на кусочки. Попрощались мы с братом еще дома, и я долго держала его в своих объятиях, шепча Олли, что все-все будет хорошо.

Нет, я не могу взять его с собой — путь в столицу неблизок, да и на отбор приглашена только леди Корнуэлл, а юного лорда Оливера Корнуэлла туда не позвали. К тому же Олли нужно остаться на Хокке — завтра его ждал поход в магический докторат, такое пропускать ни в коем случае нельзя!

Но я обязательно вернусь, пообещала ему. Очень и очень скоро, и мы с ним проживем еще лучше, чем прежде. Потому что я собиралась сделать для этого все, что в моих силах.

Наконец, расстались.

Провожать меня отправился дядя, и, к удивлению, вызвалась еще и кузина. Мы уселись в губернаторскую карету, а во вторую повозку загрузили мой багаж, рядом с которым устроилась Мадлен, приставленная ко мне дядей горничная.

Впрочем, в порту Абигейл сразу же отошла в сторону и поглядывала на меня брезгливо, и я никак не могла взять в толк, зачем она поехала. Что ей могло здесь понадобиться?!

Зато дядя... Дядя продолжал делать то, что и в карете, — вываливать на меня имена и должности людей, с кем я могла встретиться во дворце. И я, стоя возле готовящейся к отплытию «Гордости Империи», старательно их запоминала, чтобы не попасть в столице впросак. А еще украдкой поглядывала на север, потому что со стороны Драконьего Утеса к Вильме приближались черные грозные облака.

В том, что вскорости на нас обрушится непогода, у меня не оставалось никаких сомнений, и к тревоге за брата и за то, что будет на отборе, присоединились еще и закономерные опасения за собственную жизнь.

К тому же старый капитан «Гордости Империи», до этого с невозмутимым видом покуривавший свою трубку, поглядывая, как заносят на борт тюки с поклажей и закатывают бочки с ячменным пивом, гордостью Вильмы, принялся подгонять грузчиков. Прикрикнул, чтобы они пошевеливались, сухопутные крысы, гроза не за горами...

И я закрыла глаза, пытаюсь совладать с дурными предчувствиями. Потому что прекрасно понимала, что мы вряд ли успеем уйти из гавани Вильмы до начала шторма. Наш корабль вовсе не из быстроходных, и гордостью империи Арондел старенькая «Империя» могла называться если только полвека назад.

В столице давно уже появились огромные корабли с двигателями — новое слово! — которые работали на пару и магии, а вовсе не использовали силу ветра. Строили эти корабли из железа, и никакие бури им были не страшны.

Впрочем, о них я читала только в книгах или же слышала в разговорах. На наш остров они никогда не заплывали: им здесь попросту нечего было делать. Потому что на Хокке время остановилось...

Нет, не так! Мы словно провалились в прошлое, вот как говорила мама.

Провалились и увязли в прошлом, как мухи в варенье, — ее любимые слова.

Когда еще была жива, мама рассказывала нам с Олли об огромных домах и широких столичных улицах, по которым ездили не только дорожные кареты и коляски, запряженные лошадьми, но и самоходные повозки на паровом и магическом ходу. Никакие лошади им были не нужны — человек мог править сам, поворачивая ручку.

Говорила мама о железной дороге, связавшей разные части материка, и я удивлялась: как это, вся дорога из железа, это сколько же его надо?! Рассказывала нам о монстрах-поездах, которые бегают, движимые силой пара и магии, по тем самым дорогам, и о других чудесных диковинках столицы...

Например, о мраморном королевском дворце, наверное, размером с половину Вильмы. О поющих фонтанах на центральной площади Стенстеда, о восхитительных подвесных садах, ступенями сбегавших к морю... По этим садам могли гулять все жители столицы, а не только особо приближенные к королю! О столичном зоопарке, где жили звери, привезенные со всех концов Арондела и из других стран.

К тому же в столице находилась Королевская Опера — роскошное здание из серого мрамора, почти что миниатюрная копия дворца Стенвеев. На ее сцене выступали лучше певцы Арондела и проходили театральные постановки.

Конечно же, все это было не чета нашей утопающей в грязи главной площади Вильмы, помост на которой служил как сценой, так и эшафотом...

С маминих слов я уяснила, что жизнь на нашем острове никуда не годилась по сравнению с тем, что происходило в столице. Поэтому я в чем-то понимала страдания дяди, изгнанного из рая в холодную северную действительность.

Наверное, этот корабль и приближающийся к нам шторм, заставивший грузчиков и матросов забегать по палубе, тоже никуда не годились, но другой возможности выбраться с Хокка и успеть на королевский отбор у меня попросту не было.

Поэтому я стояла рядом с дядей, пытаюсь бороться с тревогой, и уговаривала себя, что все будет хорошо. Мы обязательно успеем отплыть до грозы, а потом она пройдет стороной, не став нам помехой.

За погрузкой моих вещей дядя оставил следить Мадлен. Я же сжимала в руках маленький саквояж, в который только что положила копию его «доказательств», пристроив свиток по соседству с новым паспортом, подтверждающим, что я теперь новоиспеченная леди Корнуэлл. К тому же в саквояже лежали несколько монет, выданных мне лордом Корнуэллом на мелкие расходы, молитвослов, ключи от сундуков и пара носовых платков.

Мало ли, растрогаюсь, глядя, как скрывается вдаль родной остров...

— Я отправил королю несколько писем, — тем временем говорил мне дядя. — Пытался объяснить, что мое имя очернили, а истинные зачинщики заговора до сих пор на свободе. Они рядом с ним, и я нисколько не сомневаюсь в том, что скоро они снова нанесут удар. Но я ни разу не получил от него ответа, поэтому думаю, что мои письма не дошли.

— Как такое могло случиться? — пробормотала я, хотя куда сильнее меня волновал надвигающийся шторм.

— Те самые враги, Агата! — с придыханием заявил дядя. — Предатели, которые меня обогнали! О, в столице у меня осталось предостаточно врагов!

И я вздохнула, сказав ему, что враги — это всегда очень и очень плохо. Затем вздохнула еще раз, потому что Драконий Утес уже почти полностью исчез в дождевом облаке.

Гроза вот-вот должна была обрушиться на Вильму.

— Поэтому ты отдашь эти доказательства лично королю в руки, — добавил лорд Корнуэлл. — Либо, если по какой-то причине у тебя это не получится, передай их его кузену, герцогу Раткрафту. Джеймс ближайший советник короля, и тот всегда к нему прислушивается. — Затем произнес: — Это мой единственный шанс, Агата! Но ты должна обязательно проследить, чтобы письмо дошло до адресата.

— Понимаю, — кивнула я. — И чтобы он проникся важностью того, что вы ему написали.

Тут с корабля принялись созывать пассажиров — нас было шестеро, но корабль не шел налегке, его трюмы были полностью забиты бочками с пивом — срочным грузом в столицу, — а потом раздался звон корабельного колокола.

— Не подведи меня, девочка! — произнес лорд Корнуэлл вместо прощания.

Затем вытащил платок и вытер влажный лоб. Руки у него дрожали, и я подумала, что дядя волновался еще больше моего.

— Я сделаю все, что в моих силах, — пообещала ему. — Но и вы тоже выполните свою часть сделки! Я говорю насчет Олли. Он мне очень дорог, поэтому я прошу вас...

Нас с братом еще вчера вечером переселили в другие, просторные, даже роскошные комнаты, а на завтра Олли был назначен поход к магистру Гундерсону. Но я не знала, что произойдет, как только «Гордость Империи» покинет порт Вильмы, и мое сердце сжималось от тревоги.

Слишком долго я привыкла полагаться на саму себя и защищать брата! А теперь, получалось, я уезжала в далекие края — на материк, — и когда вернусь было ведомо одним лишь Богам.

Именно поэтому я втихую оставила Олли половину суммы, которую дядя выдал мне «на булавки» и на обратную дорогу домой. Решила, что «булавки» мне не пригодятся, потому что целая артель швей работала не покладая рук со вчерашнего утра и на «Гордость Империи» были загружены два сундука с нарядами, наспех перешитыми из платьев Абигейл.

Взяла я деньги только на обратный путь для себя и своей горничной, раньше прислуживавшей Абигейл, а теперь по волевому решению дяди отправлявшейся со мной в столицу.

Это, естественно, не понравилось кухне, и Абигейл закатила еще один скандал. Правда, дядя быстро ее уговорил, но я была уверена, что двоюродная сестра мне ничего не простила. Ни того, что на отбор поехала именно я, ни того, что она на время лишилась части своего гардероба и личной горничной.

А еще, подозреваю, Абигейл не могла простить мне того, что теперь «мерзкая нищенка» носила один с ней титул.

Но в порт кузина почему-то приехала. Стояла чуть поодаль и поглядывала на меня с улыбкой кобры, которая ждет удобного момента, чтобы вонзить в мое тело ядовитые зубы.

Но я уезжала, а Олли оставался... Кого она будет кусать, если меня не окажется рядом?!

— Я позабочусь о твоём брате, — пообещал мне дядя. — Иди уже, Агата! Тебе пора!

Повинуясь душевному порыву, на долю секунды я прижалась к его крупному телу. Потому что Бернард Корнуэлл был единственным моим родственником кроме Олли и противной Абигейл. На это он хмыкнул растерянно, после чего осторожно похлопал меня по плечу, сказав, что на корабле уже ждут. И пусть Боги будут ко мне благосклонны...

Абигейл я обнимать не стала. Кинулась наверх, по сходням, которые уже готовились убрать матросы. И почти сразу же раздался приказ капитана поднять якорь и расправить паруса, а через несколько минут в светлые полотнища, украшенные черными драконами Арондела, с остервенением ударил очередной порыв ветра.

«Гордость Империи», покачиваясь, принялась медленно отплывать от причала, покидая небольшой, но загруженный порт Вильмы. Направлялась к узкому выходу из гавани, в которую, наоборот, спешили вернуться до шторма рыбацкие суденышки.

— Леди, вам надо пройти в каюту! — гаркнул мне в ухо один из матросов. — Ветер крепчает, — и поднял палец, указав на несшиеся по небу темные, рваные облака — передовые отряды надвигавшейся грозы.

На это я кивнула, но все же решила задержаться у борта, потуже завязав ленты новой шляпки. Стояла, хотя ветер порядком трепал подол коричневого дорожного платья и хлестал им по моим ногам. Смотрела, как исчезал вдаль мой родной город, а потом как удалялся серый, неприветливый остров Хокк, зелен на котором была лишь у берега, да и то с трудом отвоеванная у хмурых, темных скал, обители горных овец и разбойничьих шаек.

Затем, когда мы вышли в открытое море, ветер стал совсем уж порывистым, да и качать нас принялось так, что мне пришлось вцепиться в деревянный борт. А свинцовые волны, казалось, лишь набирали свою силу!..

Глядя на них, я решила, что самое время спуститься в каюту и хорошенько помолиться Эмгу и Святой Истории за старенькую «Гордость Империи» и всех тех, кто находился на ее борту!

— Скоро нас порядком потреплет, Эмгу мне в зад! — перекивая штормовой ветер, заявил мне старенький матрос, когда я попыталась добраться до лестницы, ведущей на нижние палубы.

Тут корабль подбросило на очередной волне, да так сильно, что я оторвалась от пола и, взвизгнув,

повисла у него на шее.

— Ничего, юная леди, мы и не такое видали! Старушка «Гордость» выдержит! — добавил тот уверенно, но почему-то это меня не утешило.

Матрос заботливо проводил меня до двери, за которой оказалась небольшая лестница в четыре ступени, и я по ней спустилась, всего лишь пару раз приложившись об стены во время качки. Другие пассажиры «Гордости Империи» давно уже укрылись в своих комнатухах на носу корабля, но дядя на этот раз не поспешил — моя каюта соседствовала с капитанской, расположенной на корме.

Состояла она из двух маленьких комнат, одна из которой предназначалась для меня, а во второй должна была разместиться Мадлен. Еды нам с собой в дорогу не сложили, потому что обедать мне предстояло за одним столом с капитаном, а Мадлен должны были приносить в каюту — это была максимальная роскошь, которую только можно было купить на губернаторские деньги.

Правда, думать о еде мне нисколько не хотелось. Вместо этого я решила снять новое дорожное платье, переодевшись во что-нибудь попроще, и лечь в кровать, потому что чем дальше мы отплывали от порта, тем меньше оставалось возможности устоять на ногах. После этого мне хотелось закрыть глаза и... хорошенько помолиться Эмгу и Святой Истории, а затем просмотреть дядины документы, если, конечно, получится читать.

А если удастся сидеть за столом и писать, то раздобыть где-нибудь чернильницу и бумагу и составить список тех, с кем я могла встретиться на отборе и чьи имена я до сих пор помнила.

Но в каюте горничной, которая должна была мне помочь переодеться, так как она заведовала моими новыми вещами, не оказалось. Две наших комнатухи — комнатами их можно было назвать только в натяжку — были пустыми. И это порядком меня встревожило, потому что я не видела Мадлен с самого приезда в порт, занятая тем, что выслушивала напутственные дядины речи.

Наверху оставаться было невозможно — да и не было ее там, я бы заметила! — поэтому, вывалившись в проход — штормить нас стало еще сильнее, — я отправилась на поиски горничной. Заглянула на нижнюю палубу, но там было пусто, лишь покачивались матросские гамаки; затем добралась до камбуза, но и там ее не оказалось.

Перепугавшись не на шутку, я принялась стучать в пассажирские каюты. Может, их обитатели что-то видели?!

В одних выпивали, в других молились, в третьих возвращали богу моря съеденное за завтрак. Но Мадлен нигде не было, никто ее не видел!..

Сперва я подумала, что мне нужно как можно скорее разыскать капитана и бить тревогу — вдруг мою горничную смыло за борт и теперь она борется за жизнь в холодных свинцовых волнах?!

Но потом, вернувшись в свою каюту, я по наитию открыла первый сундук.

Тот самый, в котором оставила часть денег и куда дядя приказал положить шкатулку с драгоценностями Абигейл. Подняла крышку, и даже ключа для этого не понадобилось, потому что замок был открыт.

Внутри не оказалось ни денег, ни шкатулки, хотя я собственными глазами видела, как слуги укладывали вещи в последние минуты перед выездом!

Затем они заперли сундук на замок, а я забрала ключ. Но, наверное, мог быть и еще один...

Как раз у Мадлен, почему бы и нет?!

К тому же у горничной было предостаточно времени, чтобы прихватить деньги и драгоценности, после чего исчезнуть — на палубе стояла суeta, никто и ни за кем толком не следил. Вернее, я не следила — смотрела на дядю, а тот смотрел на меня, тогда как Абигейл...

Что, если она поджидала Мадлен?! Увидела, как горничная сделала свое дело, и успокоилась. То-то кухня перед самым отправлением окинула меня презрительным взглядом!

Потому что я не сомневалась, кто именно отдал приказ Мадлен. К тому же они явно не ждали моего возвращения на Хокк... Иначе как объяснить то, что я увидела в сундуках — сперва в одном, а затем и во втором?!

...Я смотрела на искромсанные ножницами платья, порезанную обувь и порванные сорочки. Не только одежда не уцелела, шляпки и обувь тоже оказались полностью уничтоженными.

У меня осталось лишь то, что было надето на мне.

И я отстраненно подумала, что все это могла сотворить даже не Мадлен, а сама Абигейл еще в Вильме. Растерзать предназначенные мне вещи в порыве гнева, заставив горничную промолчать. Почему бы и нет?!

И я закрыла глаза.

Выходило, я прибуду на королевский отбор такой, какой была на самом деле — самой незавидной невестой из всех, — потому что корабль назад уже не повернуть. Капитан не станет меня слушать — «Гордость Империи» боролась со штормом, везя в трюмах срочный груз в столицу.

Это означало, что я предстану перед королем Брайном в одном дорожном наряде, с маленьким саквояжем, в котором лежал свиток с компрометирующими врагов дяди документами, мой новый паспорт, пара носовых платков, молитвослов и несколько дукаров.

Денег должно было как раз хватить, чтобы нанять извозчика, который довезет меня до королевского дворца, а там...

Там уже будь что будет, решила я.

На берег в Стенстеде я сошла, подозреваю, даже не бледная и не зеленая, а бирюзовая, под цвет морской воды в столичной гавани, сверкающей и переливающейся в лучах жаркого весеннего солнца.

Но даже оно меня не радовало.

Признаюсь, меня вообще мало что радовало. Если только тот факт, что я все-таки выжила, хотя я до сих пор с трудом могла в это поверить. Потому что комфортабельного путешествия в столицу вместе с чинными трапезами и долгими беседами о жизни в капитанской каюте не получилось.

Ничего не получилось, ведь вместо трех суток в пути мы провели целых четыре, и почти все это время «Гордость Империи» пробовали на прочность штормовые ветра и непогода. И, признаюсь, много раз мне начинало казаться, что старый корабль не выдержит, несмотря на заверения матроса.

Развалится на части, и мы уйдем на дно кормом для рыб.

Но он все же выдержал.

Шторм успокоился только на подходах к материку. Тучи разбежались, выглянуло солнце, да и ветер почти стих, и я выползла — в буквальном смысле этого слова — наружу из своей каюты. И теперь стояла, вдыхая теплый воздух полной грудью, и смотрела, как невозмутимый капитан с таким же невозмутимым видом отдавал команды, а матросы ловко лазали по реям и меняли паруса.

Потому что мы входили в переполненную судами столичную гавань. И я смотрела — смотрела во все глаза! — не только на парусники, но и на похожие на гигантских китов огромные железные корабли с дымящимися трубами.

Правду люди говорили: там даже не было парусов!..

Чуть позже появились и остальные пассажиры — такие же зеленые, как и я. Разве что кроме тех двоих, кто беспробудно пил четверо суток и ничего не заметил. Теперь они тоже стояли у бортов, вяло переговариваясь, потому что у кого-то шторм, а у кого-то выпивка забрала все силы...

Качало нас так, что все эти дни я могла только лежать и молиться. И молилась так долго, пока мне не начинало казаться, что Святая Истония мне отвечает. При этом я прекрасно понимала, что со мной говорила лишь моя надежда, обещая, что на этот раз все обойдется.

Потому что я не могла умереть. Не сейчас, когда так нужна Олли!

И дяде... Дяде я тоже была нужна!

В редкие моменты, когда ветер был не настолько яростен — наверное, ему тоже нужно было немного передохнуть, — я все же прочитала то, что лорд Корнуэлл дал мне с собой, и поняла, что собранные дядей доказательства никуда не годятся. Потому что в них не было ничего такого, что могло бы связать графа Маклахана и лорда Браммера, главных врагов дяди, с заговорщиками.

Неудивительно, что король не стал ему отвечать!..

Затем снова налетал ветер, и мне становилось не до заговорщиков и не до еды, которую мне приносили в каюту. Ни до чего!..

Зато сейчас, когда я немного пришла в себя и даже что-то поела — первый раз за четыре дня, — но

все еще страдала от одуряющей слабости, к ней присоединилась еще и тревога.

Потому что в пути мы были на сутки больше и теперь я опаздывала на отбор. Одно хорошо — мне все еще было настолько плохо, что я даже не была в состоянии из-за этого переживать.

«Потому что я еще не опоздала!» — заявила я себе строго.

Именно такой — с зеленого цветом лица, саквояжем, который я прижимала к груди, и в дорожном платье, болтавшемся на моей фигуре, потому что живого веса во мне, подозреваю, стало еще меньше, я готовилась покорить столицу...

Наконец, смогла разглядеть Стенстед — утопающий в бесконечной зелени невероятно прекрасный город, обнесенный белоснежными крепостными стенами и с трех сторон окруженный Арвийскими Горами, высшие пики которых терялись в белесой дымке облаков.

Говорили, что где-то там, в этих горах, проходила одна из Граней, за которой лежал то ли вход в другой мир, то ли кратчайший путь на другую часть материка.

Заведомо точно я не знала.

Знала лишь то, что открывать Грани в Аронделе было под силу только обладателям древнего артефакта, который принадлежал королевской семье и сейчас находился в сокровищнице Стенвеев.

Маги, даже сильнеешие, могли об этом только помечтать... Как мечтал об этом мой отец, которого за инакомыслие двадцать лет назад с позором изгнали из столицы, лишив всех магических регалий.

Впрочем, я тут же потрясла головой, прогоняя эти мысли — мне и без них было нехорошо! — и снова стала смотреть на Стенстед. На высоченные шпили храмов Всех Богов, его огромные башни и гигантские сооружения.

Наверное, одно из них было королевским дворцом, но какое именно — отсюда я так и не смогла разглядеть, хотя очень, очень старалась!..

Станным образом вид на огромный город несколько меня не пугал. Наоборот, вскоре я стала чувствовать себя намного лучше. Головокружение постепенно проходило, и я решила, что обязательно со всем справлюсь. Обязательно доберусь до дворца, а затем пройду первое испытание.

Да, в этом самом коричневом платье, которое казалось мне очень даже красивым. Вернее, лучшим из всех, которые были у меня до этого.

Затем я отдам дядины документы герцогу Раткрафту, потому что мысль о короле, который два года подряд с недовольным видом взирал на меня с портретов в губернаторском доме, внушала легкий ужас. Но с королем мне все же придется встретиться, а затем попытаться произвести на него впечатление, чтобы меня не выставляли с отбора как можно дольше.

А если и выставят, то я обязательно найду способ вернуться домой, потому что денег на это у меня больше не было...

Как оказалось, денег у меня нет ни на что.

— Сколько стоит взять извозчика от порта до королевского дворца? — спросила я у таможенных магов, когда, все еще покачиваясь, сошла с «Гордости Империи».

Двое мужчин в темной форме с некоторым сомнением уставились на мой саквояж, выслушав заверения о том, что я люблю путешествовать налегке. Но мои документы были в полном порядке, так что задерживать меня никто не стал. К тому же маги вполне любезно ответили на вопрос.

Оказалось, извозчик может попросить примерно двадцать дукаров.

На это я выпучила глаза — на такие деньги в Вильме можно было прожить почти неделю! — и еще крепче прижала к себе саквояж, подумав, что со своими четырьмя дукарами мне придется идти во дворец пешком.

С другой стороны, в оригинальности леди Корнуэлл не отказать — я прибуду на отбор на своих двоих в одном лишь дорожном наряде, в котором на берегу мне моментально стало жарко. На корабле гулял ветерок, навевая мысль о приятной прохладе, здесь же, в порту, я поняла, что в Стенстеде давно уже наступило лето, пропитанное запахом пота и рыбы и наполненное оживленным гомоном человеческих голосов.

Но и это не подорвало моей решимости.

К тому же у меня было еще одно дело.

Повернувшись к магам, я поинтересовалась, где находится городской рынок. Подумала, что раз отбор начинается сегодня вечером, то если я задержусь еще на немного, хуже уже не будет.

А я... Я хотела отыскать Мэтью.

Вернее, хотя бы попытаться.

Потому что он был единственным, кого я знала в столице, а помощь друга мне сейчас не помешает.

Глава 3

Мы познакомились с Мэтью в Приюте Святой Истони. Он, как и мы с Олли, попал туда, потому что тоже остался сиротой. Его отца уличили в растрате и бросили в долговую тюрьму, где тот умер из-за обострившейся чахотки, бича острова Хокк.

Мать Мэтью долго не прожила. Как, впрочем, и наша...

После смерти родителей двенадцатилетнего Мэтью забрал к себе дядя, живший в одном из рыбацких поселений на севере острова. Но, по словам моего друга, дядя много пил, а по этому делу лупил его чем ни попадя. Впрочем, продолжалось такое не слишком-то долго — где-то через год горький пропойца случайно упал с причала в зимнее море.

Нет, выплыть он уже не смог.

Именно тогда Мэтью и угодил в приют — проданного дядиного имущества как раз хватило, чтобы оплатить пару лет там пребывания. Там мы и подружились. Мэтью было тринадцать, а мне двенадцать, и мы оба не сразу смогли примириться с царившими в приюте строгими порядками. Однажды оказались среди наказанных сестрой Инноренцией и... разговорились.

Затем Мэтью почему-то решил, что раз он старше и вообще мужчина, то будет защищать нас с Олли, хотя до этого я вполне справлялась со всем сама. Никому не давала нас в обиду, потому что приютские нравы жестокие и там каждый сам за себя.

Но мне повезло, я родилась с магическим даром и к этому времени умела худо-бедно его применять.

Впрочем, моей магии пока что хватало только на то, чтобы нас с братом обходили стороной. И, к моему величайшему сожалению, моих умений оказалось недостаточно, чтобы помочь Олли справиться со своей болезнью.

Именно поэтому через два года я сбежала от строгих Сестер Святой Истони. Не одна, а вместе с Мэтью. Он не выдержал приютских порядков и суровых наказаний за любую провинность, а я... Мне срочно нужны были деньги на лечение брата, потому что я совершенно не была согласна ни с матушкой-настоятельницей Тилинией, ни со Старшей Сестрой Инноренцией, заявивших, что жизнь Олли в руках Богов.

Потому что она, эта самая жизнь, грозила вот-вот оборваться. Олли уже больше года не получал своего лечения и ему было настолько плохо, что он даже не мог ходить — не хватало на это сил. Его поместили в лазарет, но там ему не становилось лучше. Наоборот!..

Вскоре брата перевели в палату, в которую, я знала, клали только умирающих, потому что она была расположена ближе всех к часовне. К Богам, которым мы молились по пять раз на дню.

Но Олли ничего не помогало — ни молитвы Сестер, которыми они пользовались вместо лечения, ни то, что я почти перебралась жить в ту самую часовню, целыми днями простаивая у образов.

Олли давно уже метался в горячечном бреде, все реже и реже приходя в себя. А я... Я не знала, как ему помочь, потому что магический Дар сжигал его изнутри.

Когда папа был еще жив, мы не сталкивались с подобной проблемой. Отец, Высший Маг, сам контролировал происходящие с Олли магические процессы. Со слов папы выходило, что и я унаследовала похожий Дар, но мне каким-то образом удалось с ним совладать, а брату — нет...

Возможно, потому что его был значительно сильнее моего.

Потом, когда отца не стало, а Олли снова заболел, мы с мамой вызвали магистра Гундерсона из Вильмского Магического Доктората. За лечение тот попросил с нас три сотни дукаров. Уже тогда мне показалось это ужасной суммой, но сейчас, когда у меня не водилось ни единой монетки, я была на грани полнейшего отчаяния.

Понимала, что, даже если я сбегу и подамся просить милостыню к храму Всех Богов, отбив себе место у тамошних завсегдатаев, таких денег мне никогда не собрать. Или если я приду на порог того самого доктората и упаду магистру Гундерсону в ноги, это тоже ничего не изменит.

Единственный Высший Маг в Вильме, зачем ему помогать кому-то бесплатно?!

Именно тогда Мэтью сказал, что знает человека, который даст мне нужную сумму. Правда, этого человека разыскивают все жандармы Вильмы, но деньги у него водятся. И еще, что я его заинтересовала, поскольку ему нужен свой маг...

И я не стала ни о чем спрашивать. Например, каким образом он, приютский мальчишка,

познакомился с тем самым человеком, которого разыскивают жандармы, или почему Мэтью ему обо мне рассказал.

Мне было все равно, за что его искали, как я не стала говорить, что маг из меня никакой... Вернее, почти такой же, как и из Мэтью. Все, на что я была способна, — лишь на несколько слабеньких боевых заклинаний. Ах да, еще магические светлячки, они выходили у меня на отлично!

Но в тот момент я была готова занять денег у кого угодно. Да хоть у всех демонов из преисподней, лишь бы спасти своего брата!

Именно поэтому, поцеловав давно уже лежавшего без сознания Олли в пылающую щеку, я не стала раздумывать ни секунды. Очень скоро с Мэтью покинули приют, выбравшись за обносившую его высоченную каменную стену через подкоп со стороны огородов.

Оказалось, там был лаз, о котором Мэтью знал уже давно. Именно так мальчишки тайком попадали в город, посещая заведения, при упоминании о которых сестра Инноренция бы залилась краской, а потом бы заставила их неделю стоять на коленях на холодном полу часовни!

Тем же вечером я явилась к магистру Гундерсону, сжимая во вспотевшей ладони триста пятьдесят дукаров — сумму за лечение и доплату за срочность, чтобы тот, не теряя ни секунды, тотчас же отправлялся к Оливеру Дорсетту в Приют Святой Истории.

Именно таким образом Олли получил еще два года жизни, купленные на деньги Хорошего Годфри — тот одалживал мне их два раза, — а мы с Мэтью остались в Братстве Голодных. Потому что назад, под строгие очи Сестер Святой Истории, путь мне был заказан, а мой друг в любом случае не собирался возвращаться.

Через какое-то время Мэтью стал полноправным членом банды, но меня это не коснулось. Нет, сказал Годфри, он не станет заставлять меня напрямую нарушать закон и грабить бедных жителей острова.

На эту работенку у него найдутся свои ребята.

Я была нужна ему совсем по другому поводу. В мои обязанности входило ставить магическую защиту на его логово в Черных Скалах. Именно там банда хранила награбленное и именно там Годфри и его люди прятались от жандармов и конкурирующих банд.

Я должна была ставить магические ловушки и секретные маячки, чтобы обнаружить врагов еще на дальних подходах и чтобы в случае опасности банда успела бы скрыться. Уйти по длинным темным подземным тоннелям и затеряться среди неприступных скал.

Еще я следила, чтобы его люди, возвращавшиеся из города, не принесли на себе магических меток, по которым можно было отыскать то самое логово, по мне, оказавшееся намного уютнее приютских келий.

В последний год своего пребывания у Годфри я стала еще и лечить его людей, потому что делать это больше было некому, а у меня все-таки магический Дар и еще книги, которыми меня старательно снабжали.

И я очень старалась...

Сама хотела этого больше всего на свете — как можно скорее осознать свою магию и научиться ею пользоваться. Прекрасно понимала, что очередной год пролетит слишком быстро и мне снова понадобятся те самые три сотни дукаров для Олли...

Брать деньги взаймы у Годфри мне не хотелось, потому что я надеялась отдать главарю свой долг. Но время несло вперед, а я так и не разобралась... Моих магических умений все равно не хватало, поэтому Годфри снова одолжил мне нужную сумму.

Впрочем, через полгода его с несколькими парнями поймали во время дерзкого ограбления. Они угодили в тюрьму, причем надолго, а оставшиеся на свободе остатки банды спешно покинули логово. Боялись, что за ними придут, поэтому, разделив добычу, разбежались кто куда.

Я ушла вместе с Мэтью. Он нашел нам заброшенную хижину в том самом рыбацком селении, где когда-то жил со своим дядей. Сперва я думала остаться в Вильме, в старом доме моих родителей, откуда пропали все папины книги и тетради, но Мэтью сказал, что нас там быстро найдут.

Поэтому мы прятались в рыбацкой деревушке. Мой друг где-то пропадал с утра до ночи, а я... Я пыталась помогать местным — за еду для себя и Мэтью — и еще не впасть в полнейшее отчаянье. Потому что денег у нас не было, а Олли очень скоро снова потребует магическое вливание!

Именно там, в той самой хижине, я узнала от Мэтью, что на Хокке появился новый губернатор и что он — наш с Олли дядя. А через пару месяцев и то, что Мэтью отправляется в столицу.

Один, без меня.

Оказалось, моему другу якобы пришло письмо от дальнего родственника в столице. Оно ждало Мэтью в приюте, куда он время от времени заглядывал, чтобы получить благословение матушки-настоятельницы Тилинии. На это я удивленно вздернула бровь, но промолчала.

Ну что же, хочет врать — пусть врет дальше!

И Мэтью продолжил самозабвенно сочинять. Со слов выходило, что матушка Тилиния отдала ему то письмо вместе с небольшой суммой на билет. Послание Мэтью, конечно же, мне не показал, заявив, что прочел его сам. На это я усмехнулась, потому что из Мэтью был еще тот чтец!..

Затем он заявил, что уже все решил. Причем не только решил — Мэтью купил билет на корабль, который отплывал на следующий вечер.

Нет, он не собирался меня бросать. Наоборот, хотел оставить мне немного денег на первое время и обязательно за мной вернуться, как только устроится в Стенстеде. Да-да, он собирался начать новую, честную жизнь в столице, потому что там куда больше возможностей, чем на забытом Богами острове Хокк!

На это я пожала плечами и пожелала ему удачного пути. Потому что, даже если бы Мэтью и предложил мне отправиться вместе с ним, я бы все равно отказалась.

Брату снова было плохо, и я тоже для себя все решила.

Я собиралась отправиться на поклон к дяде.

Так мы и расстались. Мэтью, попытавшись поцеловать меня на прощание, заявил, что скоро за мной приедет, после чего отправился покорять столицу, и я не видела его целых два года.

Мы же с Олли явились в дом лорда Корнуэлла.

...И вот теперь я тоже прибыла в столицу — зеленая... Вернее, уже просто бледная — именно такой я отражалась в многочисленных стеклянных витринах магазинов. А еще судорожно сжимавшая ручку саквояжа и... выглядывавшая тех, кто мог бы помочь мне разыскать Мэтью.

Мне мало верилось в то, что Мэтью, прибыв в Стенстед, нашел своего родственника и встал на путь добропорядочного гражданина. Уверена, он бежал от закона на Хокке, потому что в Вильме ему могла грозить тюрьма.

Поэтому он решил попытать счастья здесь, на этих широких мощеных улицах — в нашем городе была лишь одна, ведущая от дома губернатора к ратуше, — среди толп людей, огромных домов и...

Да-да, я их все-таки увидела!

Обомлела, уставившись вслед пронесшемуся мимо меня порывающему экипажу, ехавшему без лошади. Держась за медную ручку, им управлял важный господин в черном котелке. От экипажа несло гарью и странной магией, и я замороженно уставилась ему вслед. Нет, не господину, а механической повозке.

Затем, опомнившись, отправилась дальше, и мой путь лежал к городскому рынку.

Еще перед самым прибытием в столицу я решила найти Братство Голодных. Для этого мне нужно было разыскать мальчишек-беспризорников, живущих на улицах и знавших всех и вся о тех, кто стоял по другую сторону закона. Они-то и могли мне помочь найти Мэтью.

Поэтому шагала по улицам, иногда спрашивая дорогу. Втайне радовалась тому, что рынок находился не слишком далеко от порта, одновременно поражаясь огромным толпам...

Наконец, дошла, ужаснулась еще большей толпе, после чего, немного постояв и придя в себя, свернула к цветочным рядам. Прошлась вдоль лотков с горшками и срезанными цветами, вдыхая сладкий аромат и не забывая внимательно поглядывать по сторонам.

Потому что покупающий цветы мужчина довольно часто бывает рассеян... Он куда больше думает о даме сердца, чем о том, что ему стоит стеречь свой кошелек. Именно в такие моменты обворовать его проще простого. Так говорили мне промышлявшие у пары вильмских цветочных лавок мальчишки-карманники, делясь своей наукой, пока я затягивала их раны магией.

Но то время осталось в далеком прошлом.

Сейчас же продавцы повсю нахваливали передо мной свой товар, а один из цветочников даже сделал мне комплимент, сказав, что такой красавице он подарит любой букет со своего лотка. Но я лишь покачала головой и пошла дальше.

Мне было не цветов и не до ухаживаний.

Время близилось к полудню. Я прекрасно понимала, что должна была как можно скорее отправляться во дворец, и поиски Мэтью больше не казались мне такой уж хорошей идеей. Особенно когда вокруг ни следа Братства...

Но стоило мне подумать о том, что надо выбираться с рынка, как я заметила двух мальчишек — лет десяти-одиннадцати, босоногих, чумазых и порядком оборванных, ловко шнырявших среди лотков, выглядывая будущую жертву.

Замерла, а затем отошла в сторону, решив за ними понаблюдать.

Оказалось, я ни в чем не ошиблась — работали здесь по тому же принципу, что и в Вильме. Один из воришек ловко подрезал с пояса важного господина, с недовольным видом рассматривавшего фрезии, кошелек, а второй, прохаживавшийся неподалеку, кинулся наутек, отвлекая и пострадавшего, успевшего хватиться пропажи, и двух жандармов, тут же засвистевших в свистки.

Жандармы кинулись следом за вторым мальчишкой, требуя у него немедленно остановиться. Но я знала, что они все равно его не догонят. А если вдруг и догонят — мало ли, опутают его магией, — то все равно ничего не найдут, потому что тот ничего не брал.

Почему бежал? Просто бежал... Испугался жандармов, во-он какие они страшные!

Но сперва нужно было его поймать.

Я же, несмотря на поднявшуюся суету, отправилась ловить первого, ловко поднырнувшего под лотки с розами и теперь оказавшегося в соседнем ряду от меня.

Это было мне только на руку, и очень скоро я встала у него на пути.

— Погоди-ка, дружок! — сказала ему. — Воровать нехорошо... — Он дернулся было в сторону, но я тут же закончила: — Но неисповедимы пути Богов, которые привели нас в Братство Голодных!

После чего по-особому скрестила пальцы, понадеявшись, что знак столичного Братства ничем не отличается от того, которым мы пользовались в Вильме. Не ошиблась, и ненависть, промелькнувшая на лице мальчишки, сменилась любопытством.

— Значит, из наших? — спросил он недоверчиво, когда мы остановились у стены здорового каменного амбара, решив уйти от толпы. — А по виду не скажешь. Похожа на леди... Торгуешь собой для богатых?

Покачала головой

— Нет, собой я не торгую. Я — маг, — пояснила ему, решив не вдаваться в подробности.

— И что тебе надо, маг?! — поинтересовался он. — Свен меня зовут...

На это я сказала ему, что ищу в Стенстеде одного человека.

— Мэтью... Мэтью Пирс, он из Вильмы, с самого севера Арондела. Когда-то его звали Мэтью-Ловкие Пальцы. Думаю, ты можешь его знать. Скорее всего, он сейчас в Братстве.

В глазах мальчишки что-то промелькнуло, и я решила, что несколько не ошиблась. Мэтью здесь, в Стенстеде, только Свен не спешил в этом признаваться.

— Понятия не имею, — заявил мне.

— Ты его знаешь, — кивнула я, — и ты кое-что ему передашь. Вот, возьми, у меня есть четыре дукара...

Судя по его насмешливому взгляду, мне стоило убрать подальше свои деньги и не позориться.

— Скажи ему, что Агата приехала в столицу, — вздохнув, попросила я. — И еще, что я буду во дворце, если, конечно, меня оттуда не выставят. А если выставят, тогда я... Я буду где-нибудь здесь.

Потому что идти мне больше было некуда.

Свен взглянул на меня с любопытством.

— Может, передам, — заявил мне привычными словами Братства, — а может, и нет. Может, еще свидимся, а может, и нет...

На это я кивнула. Собиралась было попрощаться и уйти, но внезапно заметила, как Свен напрягся. Похоже, увидел кого-то в толпе, и его лицо искривилось в недовольной гримасе.

Я тоже посмотрела, но все было тихо — ни жандармов, ни королевских магов, лишь людская разноцветная толпа, текущая одновременно в разные стороны. Разодетые горожане, среди которых я внезапно заметила еще двух мальчишек-беспризорников.

Да-да, как раз в том самом ряду с фрезиями, где Свен со своим подельником обворовали важного господина.

— Конкуренты? — спросила я с любопытством, потому что другого объяснения резкой перемене его настроения у меня не было.

— Какие же они конкуренты?! Богатые идиоты! — заявил тот с презрением. — Притворяются нашими... Вот, даже одежду где-то раздобыли, но слишком уж чистенькие. Наверное, даже моются каждый месяц!

На это я украдкой вздохнула, потому что Свену тоже не мешало бы помыться. Его месяц давно уже истек.

— Как-то сюда уже приходили, даже знак показывали, — добавил он. — Но неправильно показали. Патрик им сказал, чтобы они убирались и что если мы их еще раз увидим, им уже не жить.

Судя по всему, «богатые идиоты» не послушались, и Свен собирался с ними разобраться. А как разбирались на улицах я прекрасно знала — много раз затягивала магией ножевые раны, но не всегда успевала.

— Не надо, — покачала я головой. — Погоди, Свен, не стоит!.. Если они богатенькие, их только тронь — сразу же набегит толпа жандармов. — Его лицо искривилось в презрительной гримасе, и я поняла, что его не убедила. — Послушай меня, я ведь маг... И я чувствую, что на них стоят магические метки. Значит, их родители или опекуны за ними приглядывают, чтобы чего не вышло.

На это Свен поморщился, заявив, что про метки-то он и не подумал. Но он быстро бегаёт, так что поймать его все равно не успеют...

— Знаешь что, давай-ка я их отсюда уведу и разумно объясню, чтобы они здесь больше не появлялись, — сказала я. — Ты прав, нечего им здесь делать!

И раньше, чем Свен ответил, отправилась через толпу к мальчишкам — возраста, как мой Олли, похожим друг на друга, как...

Это были братья-близнецы, попавшие по своей глупости в огромные неприятности. Настолько неприятные, что у меня были серьезные причины опасаться за их жизнь.

Они не были никакими конкурентами, решившими «отнять» у Свена и Патрика их денежное место. Мальчишки нисколько не походили на членов Братства Голодных, хотя пытались себя за них выдавать. Мне показалось, они следили за дерганным типом с бакенбардами, но следили неловко, и тот давно уже понял, что за ним «хвост».

Шагал, недовольно оглядываясь, а потом кинулся куда-то в бок. Близнецы попытались было его догнать, но им не удалось, потому что я встала у них на пути. Они ринулись было в разные стороны, но я схватила одного за плечо, а перед вторым выставила магическую стену.

— Сейчас же остановитесь! — заявила им.

— Все в порядке, милая леди? — рядом с нами моментально возник жандарм в черном котелке. — Это еще кто такие?! Воришки?!

— Нет же, — улыбнулась ему, стараясь, чтобы вышло не слишком фальшиво. — Это мои непослушные племянники, господин жандарм! Вот же проказники, переоделись в тряпье и снова сбежали из дома. Но я им сейчас задам!.. О, может, вы хотите проверить мои документы? Я леди Корнуэлл...

Документы мои жандарм рассматривать не захотел. Бросив на нас подозрительный взгляд, ушел, но сказал, что будет рядом и, если что, я могу позвать его на подмогу.

Поблагодарив его, я уставилась на двух темноволосых мальчишек с ярко-синими глазами и веснушками на вздернутых носах. При чем нос у одного был немного поцарапан.

Они тоже смотрели на меня с крайне недовольным видом.

— Тебя наш брат послал? — спросил поцарапанный.

— Вообще-то, меня никто не посылал, — ответила ему, а затем добавила, потому что они засобирались было снова сбежать: — Стойте и не дергайтесь! Скажу вам сразу, ищейки из вас так себе. К тому же я не знаю, кто именно показал вам знак Братства, но либо вы бездари и не смогли выучили его правильно, либо этот человек серьезно вас надул. А Братству такое не нравится! Поэтому вы чуть было не угодили в серьезные неприятности, из которых я пытаюсь вас вытащить.

Вернее, неприятности поджидали их за углом того самого амбара — смотрели на них с грязными и недовольными лицами, потому что к Свену присоединился еще и Патрик.

Близнецы нахмурились.

— Как это, знак неправильный? — спросил у меня не поцарапанный.

— Смотрю, я привлекла ваше внимание! — отозвалась я со смешком. — Но у меня есть для вас еще одна новость, которая должна привлечь ваше внимание намного сильнее. Я вижу, как пульсируют на вас магические метки. Тот, кто их поставил, — мальчишки растерянно переглянулись, — уже идет по вашему следу. Он совсем близко и будет здесь через несколько минут. — В таком-то я разбиралась, не зря два года стерегла вход в логово Годфри! — Судя по всему, вам все-таки придется вернуться домой, откуда вы сбежали...

— Откуда ты знаешь, что мы сбежали? — поинтересовался поцарапанный. Кажется, у них была такая манера задавать вопросы — по очереди. — Может, у нас нет дома?..

— И почему мы не заметили меток? — вступил в разговор его брат. — Ведь мы же смотрели!

— Потому что вы плохо смотрели. К тому же вы плохо подготовились. Эта ваша одежда, где вы ее взяли? Она никуда не годится...

— Выменяли у сына конюха, — признался второй, без царапины. — Почему это она никуда не годится?

— Она слишком чистая, — усмехнулась я. — Как и ты со своим братом.

Мальчишки были домашними, ухоженными, с аккуратно постриженными волосами и без въевшейся грязи под ногтями. Никакого отношения к Братству Голодных они не имели.

— А ты можешь снять метки? — поинтересовался первый.

— Может, и могу, — пожала я плечами, — а может, и нет. Зачем мне это делать? Вас едва не прикончили в подворотне, так что наказание вам не повредит. — Их лица вытянулись. — Кстати, зачем вы следили за тем типом?

Признаваться они не спешили.

— Я Том, а это Дэнни, — вместо ответа произнес тот, что с царапиной. — Нас никто не различает, так что можешь звать нас как угодно. И мы будем отзываться, если, конечно, ты нас научишь знаку Братства. И еще покажешь, как снимать магические метки.

— Очень привлекательное предложение, — отозвалась я. — Только зачем мне это делать? Чтобы вы снова сбежали из дома?! Вас что, обижают? Может, родители вас бьют?

Пусть лица у близнецов были ясными, а глаза яркими и братья явно ни в чем не нуждались, это не отменяло факта, что даже в богатом доме жизнь могла быть невыносимой.

— Наши мама с папой умерли, — заявил мне Том. — Из родни у нас остался только старший брат и еще дядя. Нет, они нас не обижают...

— Они нас не замечают, — подхватил Дэнни. — Но мы-то все видим! И мы думаем, что против нашего брата снова готовится заговор. Мы с Томом подозреваем того, с усами и бакенбардами...

— Мы сказали об этом брату, но тот лишь отмахнулся. А дядя сказал, чтобы мы не лезли не в свое дело, — надулся Том.

— Потому что нас никто не замечает! — снова вступился Дэнни.

— А этот тип — он секретарь лорда Маклахана, и он либо что-то знает, либо в этом замешан...

Услышав имя Маклахана, одного из дядиных врагов, я округлила глаза. До этого хотела попросить

близнецов, чтобы они не говорили так быстро, потому что они и так уже задурили мне голову, но вместо этого выдавила:

— Ах вот как!..

Потому что начала понимать, о каком старшем брате может идти речь. И еще — что это за дядя...

— Давай мы ее возьмем с собой? — повернулся Том к своему брату. — Она будет нашим третьим шпионом. — Затем посмотрел на меня: — Тебя как зовут?

— Агата, — сказала им. — Меня зовут Агата Дорсетт. Вернее, леди Корнуэл... А ваш старший брат, он...

Могла и не спрашивать, потому что у меня больше не осталось никаких сомнений.

В Аронделе было три принца — Брайн, ставший правителем Арондела пять лет назад после трагической смерти родителей, и его два младших брата-близнеца: Томас и Дэниел.

К одному из Стенвеев я прибыла на отбор, а с двумя другими столкнулась на улице, когда они следили за дерганным типом с бакенбардами, подозревая его в заговоре против своего брата. Уверена, это были всего лишь мальчишеские шпионские игры, хотя имя секретаря Маклахана заставило меня напрячься. А еще подумать: насколько же причудливы изгибы судьбы...

Но они стали куда более причудливыми, потому что близнецы так и не успели ответить на мой вопрос.

Дружно повернули головы и замерли с раскрытыми ртами, и я тоже решила посмотреть.

Поэтому повернулась и сразу же увидела молодого темноволосого мужчину, приближавшегося к нам с крайне мрачным выражением на загорелом лице. Он выделялся из толпы — и своим ростом, и ощущением уверенной властности, исходящей от его крепкой фигуры.

И толпа покорно расступалась, давая ему дорогу.

За ним шагали два мага, хотя и от того мужчины тоже шли сильнейшие магические вибрации.

Но не это заставило меня застыть с раскрытым ртом.

На миг мне показалось, что за непослушными близнецами явился сам король. Уж больно похожим оказалось лицо мужчины на то, которое взирало на меня с портретов в дядином доме два года подряд!

Правда, волосы цвета вороного крыла были слишком длинными, собранными сзади в хвост. К тому же, глаза у мужчины оказались синими — это я разобрала, когда он подошел поближе, — а вовсе не карими.

Брайн Стенвей на своих портретах всегда был изображен с короткой прической. Но, мало ли, отрастил, а заодно и сменил цвет глаз, и сейчас явился на цветочный рынок, чтобы лично забрать своих младших братьев?!

От этой мысли мое сердце заколотилось в бешеном темпе — неужели я нежданно-негаданно повстречалась с самим королем?! — а ладони моментально вспотели, и я чуть было не выронила саквояж.

Но тут близнецы выдохнули разочарованно:

— Дядя Джеймс! — и их лица искривились, словно мальчишки наелись кислых яблок.

— От него уже не сбежать, — расстроено сообщил мне Том. — Потому что дядя Джеймс — самый лучший маг в королевстве!

И я внезапно поняла, кто он, этот самый лучший маг в королевстве.

Конечно же, это был Джеймс Стенвей, герцог Раткрафт, третий в очереди на престол. Кузен короля, его ближайший советник и правая рука. Тот самый, которому мне следовало отдать дядин свиток с доказательствами, проследив, чтобы герцог отнесся к ним со всей серьезностью.

А еще он оказался самым красивым мужчиной их всех, которых я встречала до этих пор!

Впрочем, я прекрасно понимала, что вряд ли могу вызвать у него похожие чувства. Да и зачем их вызывать, если я приехала... на отбор к его двоюродному брату?

Не ошиблась, потому что герцог, подойдя, мазнул по мне безразличным взглядом. Склонил голову в вежливом приветствии, на что я, очнувшись и перестав на него пялиться, тут же изобразила поклон.

Впрочем, Джеймс Стенвей уже с недовольным видом уставился на понурых близнецов. Оглядел их с ног до головы, но ничего не сказал. Вместо этого перевел взгляд на мое, подозреваю, все еще бледное после четырехдневного шторма лицо.

— Леди...

— Корнуэлл, — выдавила я из себя, раздумывая, что мне делать дальше.

Быть может, раз выдалась такая оказия, сразу же наброситься на него с дядиными документами? Отдать их здесь, на цветочном рынке, и дело с концом?!

Или же, наоборот, будет лучше, если я тихонько растворюсь в толпе? Пусть он сам разбирается со своими неугомонными племянниками! Это их семейное дело, и мне не стоит при этом присутствовать.

Или же все-таки остаться?.. Глядишь, они довезут меня до дворца, и мне не придется тащиться пешком, под раскаленным солнцем на самый высокий столичный холм — именно там располагался королевский дворец?

И я решила, что последнее. Не стану никуда растворяться, но и дядин свиток тоже отдавать не буду, вместо этого дождусь лучшего момента. К тому же меня не оставляла мысль, что собранные доказательства никуда не годятся.

Тут герцог Раткрафт снова заговорил, и у него оказался на редкость приятный голос.

— Простите моих беспокойных племянников, леди Корнуэлл! Подозреваю, они причинили вам порядком проблем.

Сказав это, он картинно нахмурился, на что близнецы тут же заявили, что они ни при чем. Вернее, они не сделали мне ничего плохого.

— Мы возместим вам ущерб, леди Корнуэлл, как материальный, если таковой был, так и моральный, который, подозреваю, достаточно велик, — добавил герцог, вновь обратив свой взор на племянников: — Неужели вы решили на этот раз поиграть в уличных воришек?! И вам не стыдно?..

На это близнецы тут же заявили, что им нисколько не стыдно, потому что они не собирались ничего воровать.

— Нет же, они нисколько меня не побеспокоили, — встряла я в разговор. — И ущерба никакого не было, милорд! Наоборот, несказанно воспитанные молодые принцы...

На это Джеймс Раткрафт взглянул на меня с большим сомнением.

— Извольте шутить, леди Корнуэлл? Или же это завуалированная попытка мне польстить?

На это я открыла рот, собираясь возмутиться, но тут заговорил Том.

— Дядя Джеймс, а можно мы возьмем ее с собой?! — произнес он с придыханием.

— Она нам нравится! — тут же подхватил Дэнни. — Дядя Джеймс, ну пожалуйста!.. Можно она поедет с нами?! Мы будем хорошо себя вести!

— И не станем больше убегать! — пообещал дяде Том, но тут же добавил: — По крайней мере, целый месяц!

На это герцог Раткрафт закатил глаза, а я решила подлить масла в огонь.

— Да-да, — сказала ему, — возьмите меня с собой, всем будет от этого только польза! Принцы не станут убегать целый месяц, а я буду только рада, если вы довезете меня до дворца. Потому что я... — Не говорить же, что у меня нет денег даже на извозчика? — Потому что я приехала на королевский отбор!

В синих глазах герцога промелькнуло удивление.

— Ах вот как! Значит, еще одна невеста моего кузена? — и он с легким любопытством оглядел меня с ног до головы.

— Невеста, — подтвердила я, догадываясь, какие выводы он мог сделать. — Но, признаюсь, не

слишком-то завидная!

На его твердо очерченных губах появилась едва заметная улыбка.

— Леди Корнуэлл, — протянул он, — подозреваю, это очередная шутка! Вашей красоте может позавидовать любая девушка во всех пределах Арондела.

И я подумала, что это, наверное, тоже шутка с его стороны, но все же поблагодарила герцога за комплимент.

— Кстати, отбор начинается уже сегодня вечером, — намекнул он. — Судя по всему, вы не слишком-то на него спешили!

— Все из-за шторма, — отозвалась я. — Корабль, на котором я плыла, угодил в страшнейшую бурю... На какой-то миг мне даже показалось, что сам Эмгу не хотел, чтобы я приезжала на этот отбор!..

— Но потом Он передумал, — усмехнулся Джеймс Стенвей. Впрочем, его лицо тут же приняло сочувствующее выражение. — Мне жаль, что ваше плавание было не из приятных, леди Корнуэлл! — произнес он, и мне показалось, что герцог говорил искренне.

— Эмгу все же передумал, — кивнула я, — но далеко не сразу, поэтому я прибыла в столицу на день позже. И еще... Весь мой багаж сейчас со мной.

Он с удивлением взглянул на мой саквояж.

— Все остальное погисло, — добавила я твердо. — Отправилось на морское дно, но я надеюсь, что хотя бы рыбы неплохо повеселились, заполучив мои платья и украшения.

— Они устроили там бал, — засмеялись близнецы, и я покивала, заявив, что, наверное, так оно и было.

— Очень, очень досадное происшествие, леди Корнуэлл! — возвестил герцог, хотя я так и не поняла, поверил ли он мне или же нет. — Но я надеюсь, что гостеприимность семьи Стенвеев сможет загладить те трудности, с которыми вам пришлось столкнуться по дороге в столицу. Начнем с малого — я доставлю вас во дворец.

Улыбнулся, и мое сердце заколотилось с удвоенной силой, хотя со стороны Джеймса Стенвея это было всего лишь проявлением вежливости. Затем герцог взглянул на своих племянников и наказал им больше не дурить.

На это принцы с энтузиазмом покивали, не спуская с меня глаз. Судя по всему, близнецы, как и я, были довольным подобным поворотом дел.

Тут Джеймс Стенвей поманил нас за собой, и мы двинулись вдоль цветочных рядов к выходу с рынка, сопровождаемые магами в черном. Люди покорно расступались, провожая нас взглядами, и довольно скоро мы оказались возле поджидавшего герцога экипажа.

Признаюсь, по дороге я загадала, что мы пойдем порталами, потому что кузен короля был Высшим Магом. Я нисколько в этом не сомневалась, так как чувствовала идущие от него сильнейшие магические вибрации.

Но мы ими не пошли, и я стала думать, что, быть может, у герцога Раткрафта окажется та сама самоходная повозка — с железным двигателем, работавшим на пару и магии, и без лошадей...

Но и эти мои чаяния не сбылись. Похоже, представитель королевской семьи предпочитал традиционный способ передвижения, потому что я увидела черную карету с запряженной в нее белоснежной четверкой и гербом с драконьими крыльями Стенвеев на лакированном боку.

Да и сам Джеймс Стенвей, на которого я украдкой косилась всю дорогу до кареты, чем-то напоминал мне того самого дракона...

Пусть разумные и благородные ящеры, которые когда-то умели сливаться с людьми в одно целое, давно уже ушли из Арондела, отправившись в мир за Гранью, но мне казалось, что герцог Раткрафт мог бы быть их гордым потомком.

Но при этом еще и крайне обходительным, потому что помог мне устроиться на обитом бархатом сидении и проследил, чтобы племянники заняли места напротив. Затем сел рядом со мной и приказал кучеру трогать, а сопровождающие герцога маги устроились на запятках.

Именно таким образом мы отправились во дворец.

Глава 4

В карете герцога Раткрафта оказалось... роскошно.

Куда более роскошно, чем в обитой бархатом и украшенной золотыми шторами исповедальне в часовне Святой Истории, расположенной на территории нашего приюта.

Почему-то вспомнилось, как ее специально готовили к прибытию архиепископа Плесби и мне с другими девочками довелось туда заглянуть.

Его Преосвященство пробыл в Вильме ровно два дня, но нашел время навестить матушку-настоятельницу Тилинию. Отпустил грехи Сестрам, затем отведал в трапезной соленой трески с особым сортом пива — единственное, чем гордился наш остров, — и сыграл несколько партий в шахматы.

Затем, когда архиепископ отбыл восвояси, украшения с исповедальни сняли, золотые подушки вернули в дом тогдашнего губернатора, и все стало как всегда.

Холодно и аскетично, как любила говорить моя мама.

Зато роскошь из кареты герцога никуда деваться не спешила — я устроилась на мягком бархатном сидении, затем, не удержавшись, осторожно провела рукой по его покрытию, чем заслужила удивленный взгляд герцога.

И руку сразу же убрала. Вот еще!..

Тут карета тронулась, и я, повернув голову, уставилась в свое окно, решив не пялиться на хищный, волевой профиль сидящего рядом со мной мужчины. При этом продолжала вдыхать резкий аромат его парфюма — от него уже никуда было не деться, — и мои мысли почему-то стремились превратиться... в кашу.

Но я запретила себе и эти мысли, и эту кашу.

Мне нужно научиться вести себя раскованно и спокойно рядом с особами королевских кровей, сказала я себе. Потому что я приехала на королевский отбор, где придется показать себя с лучшей стороны.

Это означало не мямлить и не превращаться в кашу рядом с мужчинами из рода Стенвеев, чтобы меня не выставили оттуда в первый же день. Поэтому поездка в карете с герцогом Раткрафтом будет хорошей возможностью в этом потренироваться.

Решив, что мне помогут молитвы и наука сестры Инноренции, я сложила руки на коленях, собираясь обратиться к Богам. Но не успела, потому что герцог уставился на меня пронзительно-синими глазами. Вернее, сначала он посмотрел на мои руки, а затем перевел взгляд на мое лицо, и я увидела на его лице неподдельный интерес.

— И тут ко мне пришло озарение! — возвестил он с легкой улыбкой. — Я вспомнил, что однажды уже встречал юную леди Корнуэлл на одном из приемов, пока Бернард Корнуэлл еще... гм... не отправился губернатором в северную провинцию. Но уже тогда она отличалась, — склонил голову, — довольно-таки раскованным нравом. К тому же у нее были светлые волосы и округлые формы, что никак не совпадает с тем, что я имею удовольствие лицезреть перед собой...

— Это моя кузина, — сказала ему. — Но Абигейл не смогла приехать в столицу.

— Интересно, почему?

Вместо ответа, подозреваю, я покраснела — почувствовала, как кровь прилила к щекам. Не говорить же ему, почему!..

— По личным причинам, — наконец, выдавила из себя, — которые я не стану оглашать вслух. Это не моя тайна.

На это герцог кивнул. Его губы вновь тронула легкая усмешка, и я подумала, что для Джеймса Стенвея тайна Абигейл уже нисколько не тайна.

— Похоже, нрав у нее оказался излишне раскованным для того, чтобы принять участие в королевском отборе, — произнес он.

И я решила, что мне стоит быть с ним поосторожнее, так как герцогу Раткрафту не отказать в проницательности. Но тут, как назло, вместо того чтобы оставить меня в покое, он принялся задавать вопросы и начал с моих родителей. Поинтересовался, как так вышло, что нам не довелось

встречаться до этого времени, потому что такую красавицу он бы обязательно запомнил.

И я подумала, что сейчас герцог узнает, кто я такая, и комплименты из его уст прекратятся.

— Нам не довелось встречаться до этого момента, милорд, — сказала ему, — потому что мой отец — бывший архимаг Норман Дорсетт.

Замерла на секунду, дожидаясь, когда изменится его лицо. Ну что же, он понял, о ком идет речь!

Впрочем, я тут же продолжила:

— Папа женился на леди Корнуэлл, но после свадьбы им пришлось уехать на север, на остров Хокк, где появились на свет я и мой брат. Правда, позже мои родители умерли. — Про приют решила ему не рассказывать. — Но затем на остров отправили губернатором моего дядю, и наша... гм... семья наконец-таки воссоединилась. А после того, как Корнуэллам пришло приглашение на отбор, дядя решил... В общем, я поехала вместо Абигейл, потому что королевское приглашение для нас очень большая честь!

— Значит, лично для вас, леди Корнуэлл, приглашение моего кузена — очень большая честь? — поинтересовался Джеймс Стенвей вполне любезно, и я уставилась в его синие глаза.

— Не только это, — сказала ему твердо, подумав, что его вопрос может быть проверкой. — Портреты вашего двоюродного брата развешаны в каждой из комнат дядиного дома. В моей тоже висит, и я... Я давно уже влюблена в короля Брайна!

Врать так врать! А заодно и сложить пальцы в особом знаке, защищавшем от гнева богов за ложь.

Потому что это была ложь во спасение Олли.

— Значит, в каждой из комнат? — усмехнулся Джеймс Стенвей. — Повезло же моему кузену! Кстати, я многое слышал о вашем отце, леди Корнуэлл!

После его слов я порядком напряглась, готовая к тому, что герцог вот-вот выльет на меня ушат грязи. Потому что папины идеи в Аронделе мало кому пришлись по нраву.

Отец мечтал открыть Грани, используя хранившийся в королевской сокровищнице древний артефакт — Сердце Пламени. Уверял всех, что, если Грани исчезнут, ничего страшного не произойдет. Вернее, ничего не произойдет, кроме того, что мы получим неведомые доселе возможности передвижения не только в новых мирах, но и в нашем.

И еще, что тот самый всплеск, произошедший около тысячи лет назад из-за вышедшей из-под контроля магии и давший толчок к образованию этих самых Граней, не повторится больше никогда. Потому что магические потоки стабилизировались и повторение катастрофы нам уже не грозит.

В подтверждение своим словам отец исписал несколько томов с математическими выкладками, разобрать которые было выше среднего ума. Я как-то пыталась, но не смогла, несмотря на папины объяснения, а позже его труды исчезли вместе с проданным неведомо кому домом.

Одно я знала наверняка — отец настаивал на том, что без Граней наш мир не погибнет. Да и воссоединение с драконами пойдет всем только на пользу.

Но его оппоненты в столичной Магической Гильдии сочли папины идеи не только вздорными, но и опасными для Арондела. К ним подключились еще и священники, осудив его за святотатство.

Все закончилось тем, что папу заключили под стражу. Затем был суд, на котором от него потребовали отказаться от ереси. Вместо этого отец отказался от магического сообщества, назвав их упертыми глупцами.

Нет, в тюрьму папу не посадили и на каторгу не отправили. Эти самые глупцы лишили его звания архимага, с позором исключив из Магической Гильдии и изгнав из столицы. Отцу пришлось уехать на север, а мама отправилась вместе с ним. Там родились мы с Олли, и, видят Боги, мы были счастливы в нашем маленьком домике в Вильме!..

— Я вас внимательно слушаю, — сказала я герцогу. — Смело говорите все, что у вас на душе!

Но вместо грязи он заявил:

— Ваш отец был гениальным магом и ученым, во многом опередившим свое время. Мне доводилось читать его книги. Особенно интересными показались работы по Магии Граней, и мне очень жаль, что я не застал то время, когда архимаг Дорсетт преподавал в Академии.

Услышав это, я растрогалась.

Но ненадолго. Ровно до момента, пока герцог не спросил, что на самом деле приключилось с моим багажом.

И мне снова пришлось скрестить пальцы, рассказывая — не вранье! — в какой страшный шторм мы попали по пути в столицу. И о пробоине — вранье! — из-за которой пришлось выкинуть за борт весь мой багаж, чтобы наш корабль не затонул.

Не говорить же ему, что моя кузина из зависти и по причине врожденной глупости испортила все мои платья, наказав Мадлен украсть деньги и украшения, а мы с дядей подписали договор, по которому я должна выставить Корнуэллов в столице в лучшем свете?!

Ведь на кону была жизнь моего брата!

— А ваша горничная, она тоже угодила в пробоину? — любезно поинтересовался герцог. — Или же ее выкинули за борт, как ненужный балласт?

Я вздохнула украдкой.

— Моя горничная, — сказала ему, — была настолько опечалена происходящим, что стоило нам сойти с корабля, как она тут же выразила желание отправиться в монастырь Святой Анны, чтобы обрести покой в своей душе. И я дала на это свое согласие. Кто я такая, чтобы стоять между ней и Богами?!

— А вы, леди Корнуэлл, все-таки решили поехать на отбор, потому что покой вашей души нарушен увлеченностью моим кузенком? Не зря же в каждой комнате вашего дома висит по его портрету.

Похоже, герцог порядком забавлялся на мой счет, несколько не поверив истории об утрате багажа и отправившейся в монастырь горничной, но я все равно выдавила из себя улыбку.

— Именно так, милорд! Вы совершенно правы, — заявила ему, хотя на миг мне захотелось...

Меня терзали два совершенно противоположных желания — одновременно хотелось его придушить и в то же время все ему рассказать. Но первое было неуютно Богам, а второе шло вразрез с нашим с дядей договором.

Потому что лорд Корнуэлл обязательно должен вернуться в столицу, а Олли получить лечение до своего совершеннолетия.

И я улыбнулась герцогу еще шире.

Впрочем, оставив меня в покое, Джеймс Стенвей не придумал ничего лучшего, как переключиться на своих племянников.

— Скажите мне, малолетние вредители, — заявил он принцам, — чем вам так сильно не угодил секретарь графа Маклахана? Бедный Густав, он уже боится собственной тени! Жаловался, что вы не даете ему прохода. Итак, признавайтесь, что же натворил несчастный, из-за чего он стал причиной вашего повышенного внимания?

— Мы думаем, он заговорщик! — торжественно возвестил Дэнни. — Потому что он тайком встречается с послами из Зарейна. Мы сами это видели!

— Ах вот как! — усмехнулся герцог. — А почему же вы не подумали, мои маленькие друзья, что бедный Густав встречается с послами из Зарейна вовсе не тайно, а по приказу графа Маклахана? Того самого, кто входит в Ближний Совет вашего брата... Еще вчера в столицу прибыла младшая дочь правителя Зарейна. Их вероисповедание и традиции во многом отличаются от наших, но мы хотим, чтобы каждая из избранниц вашего брата чувствовала здесь себя как дома. — И посмотрел на меня со значением. — Именно поэтому с послами Зарейна ведутся длительные переговоры. Что вы на это скажете, разбойники?!

Разбойники, насупившись, промолчали, а дядя продолжил их распекать:

— К тому же вы сбежали от своего гувернера третий раз за эту неделю и обвели вокруг пальца стражу. Гувернер в полнейшем отчаянии, и я боюсь, как бы бедняга не наложил на себя руки. Вашу охрану брат грозит уволить, потому что им больше нет никакого доверия. Вы о них-то подумали?

Близнецы вздохнули и переглянулись, но герцог не собирался останавливаться:

— И что это еще за одежда? Почему вы, принцы династии Стенвеев, выглядите как свинопасы?

— Как конюхи, — не удержалась я, потому что мне стало жаль расстроенных братьев. — Свинопасы выглядят немного по-другому.

— Мы хотели, чтобы нас никто не заметил, — признался Том. — Решили не выделяться из толпы.

— Оделись, чтобы походить на Братство Голодных, — добавил Дэнни. — Потому что они...

— Они — невидимки, — подхватил его брат. — Они могут появляться и исчезать без следа. Это Тайная Гильдия, у которой есть устав и кодекс чести, и они никогда не выдают своих другим. К тому же они могут выследить кого угодно и украсть что угодно. Даже у Высших Магов!..

Тут мы въехали на вымощенную крупной брусчаткой улицу, и у Тома принялись клацать зубы. Он замолчал, а его дядя насмешливо произнес:

— Братства Голодных не существует, уясните это раз и навсегда! Никакой Тайной Гильдии в Аронделе нет. Это миф, который давно уже бродит по столице и берedit слабые умы. Я же надеюсь, что ваши к таковым не относятся, поскольку вы — Стенвей. Поэтому выкиньте подобные глупости из своей головы!

Тут карета наехала колесом на большой камень, нас порядком подкинуло, и я, картинно ахнув, завалилась на герцога. Но сразу же отстранилась, принявшись извиняться, на что он галантно спросил, все ли со мной в порядке, а затем намекнул, что стоит поправить шляпку, потому что та немного съехала набок.

Впрочем, могу и не поправлять, леди Корнуэлл прекрасна в любом виде.

— Братство Голодных существует! — насупившись, заявил герцогу Дэнни, но мне показалось, что мальчишки порядком расстроились после его слов. Настолько, что вот-вот заплачут, словно их великолепный и уверенный в себе дядя собирался украсть у них детскую мечту.

— Милорд, мне кажется, вы кое-что обронили, — сказала я Джеймсу Стенвею, а затем протянула ему золотые часы в форме луковицы.

Задержалась на миг на них взглядом, успев разглядеть дарственную надпись на крышке: «От Бэсси», но тут же отвела глаза. Не мое это дело!

— Обронил? — удивился он совершенно искренне. — Интересно, когда только успел?

— Карета на что-то наехала, — пояснила я. — Наверное, выпали из вашего кармана.

У него не было карманов. Это я поняла, когда пыталась стащить те самые часы, которые обнаружила во внутреннем отделении его камзола.

— Надо же! — отозвался он, а затем, как и близнецы, уставился на меня во все глаза.

Но я лишь пожала плечами, затем с независимым видом стала перевязывать шляпку.

Ничего не знаю и знать не хочу — уронил, и все тут!

И пусть герцог вскоре вернулся к своему рассказу о том, что Братство Голодных — это всего лишь глупые выдумки — такие же, как и сказки, которые рассказывала принцам старая нянюшка на ночь, — я-то видела, как загорелись глаза Тома и Дэнни.

Судя по всему, дяде их настроения было уже не испортить. Что же касается меня, то я нашла вполне действенный способ не пялиться на его лицо, не смотреть на обтянутые дорогой материей тренированные плечи, загорелую шею и крепкие запястья, выглядывавшие из белоснежных манжет батистовой рубашки.

Вместо этого я стала с интересом рассматривать мелькавшие за окном красоты Стенстеда и делала это так долго и старательно, пока герцог не перестал распекать близнецов. Оставив их в покое, он снова обратил свое внимание на меня. Но вместо очередного допроса стал рассказывать мне о чудесах столицы.

Да-да, о тех самых подвесных садах — семи гигантских ступенях, на каждой из которых были собраны уникальные образцы растений из разных частей Арондела. Об огромных зданиях Королевского Театра Оперы и Балета...

Тут мимо нас проехала самоходная повозка, на которую я уставилась во все глаза, забыв, что именно хотела спросить о здании Оперы, и тогда Джеймс Стенвей, улыбаясь, поделился со мной принципами работы парового двигателя.

Но я не все поняла и принялась задавать вопросы. На этот он, поинтересовавшись, на самом ли деле мне интересно или же я только делаю вид — на что получил мои горячие заверения в том, что это в высшей степени увлекательно, — создал в воздухе несколько магических иллюзий, наглядно показывая, как внутри двигателя рождается сила, которая, в свою очередь, крутит ось ведущих

колес...

Беседа настолько меня увлекла, что я и не заметила, как мы доехали до дворца. Потому что отец, я прекрасно это помнила, всегда говорил о том, что после появления Граней ослабевшую магию в нашем мире стала теснить наука, — и столичные чудеса как раз были тому подтверждением.

Тут наша карета миновала распахнутые золотые ворота, возле которых застыла стража с алебардами, после чего покатила по подъездной дорожке к дворцу.

Мы проезжали по чудесному саду, от красоты которого у меня перехватило дух. Я смотрела во все глаза на аккуратно подстриженные кусты, на мраморные статуи Богов и героев, золотые фонтаны и изумрудную зелень газонов, по которым расхаживали странные птицы с огромными разноцветными хвостами, похожими на распахнутые веера.

Павлины... Уверена, это были павлины, которых до этого я видела только в книгах!

Затем карета свернула к дворцу, и я смогла воочию узреть великолепное здание, фасад которого украшали двадцатиметровые изваяния главных Богов Арондела. Остановились, и я, опомнившись, закрыла рот, так как к нам уже спешили поджидавшие на мраморном крыльце лакеи в черных с золотом ливреях.

Но карету покидать мы не спешили, потому что, оказалось, близнецы захотели меня навестить. Причем сегодня же.

Дядя Джеймс, они ведь могут это сделать? Или же им нужно спросить разрешение у старшего брата?

— Спросить разрешение у вашего брата, конечно, не помешает, — заявил им герцог. — Но сперва вам нужно получить на это согласие самой леди Корнуэлл.

Услышав это, близнецы уставились на меня выжидательно.

— Конечно же! — сказала им. — Я буду только рада, если вы меня навестите. Но сначала вам придется извиниться перед гувернером и людьми, которым вы причинили беспокойство своим побегом, и пообещать им, что вы так больше никогда не будете делать. Затем извиниться еще и перед своим братом, он тоже за вас переживал. — Уж я-то знаю, за Олли я волновалась куда больше, чем за себя! — После чего сходить в часовню и хорошенько помолиться.

Брови герцога полезли вверх, а близнецы закатили глаза.

— Да-да! — сказала им. — Именно в такой последовательности, и никак иначе! После этого, если еще не придет мой черед предстать перед королем, я буду рада нашей встрече. Вы как раз покажете мне часовню, где я смогу возблагодарить Святую Истонию за то, что мне все-таки удалось добраться до столицы...

— То есть ваша горничная, отправившаяся в монастырь, этого за вас не сделает? — поинтересовался герцог, как мне показалось, с легкой ехидцей в голосе.

— Я собираюсь поблагодарить Святую Истонию лично, — произнесла я с достоинством, — потому что Боги любят персональное обращение. И вам, кстати, тоже не помешает...

На это глаза закатил уже он.

Наконец, принцы нас покинули, а герцог Раткрафт помог мне выбраться из кареты. Его прикосновения оказались на редкость приятными, но я... Нет же, на этот раз я не спешила превращаться в кашу — мысли о деяниях Святой Истории очень мне в этом помогли! — и лишь улыбнулась ему вежливо.

— Если позволите, я провожу вас в Крыло Невест, — заявил он после того, как объяснил одному из слуг, что прибыла еще одна королевская избранница. Затем приказал тотчас же найти леди Виторину, главную распорядительницу отбора, и передать той столь благую весть.

— Буду только рада! — отозвалась я.

Мне почему-то не хотелось с ним расставаться. Наоборот, в его присутствии я чувствовала себя значительно увереннее, несмотря на весь его... гм... саркастический нрав.

— Заодно я бы хотел узнать, — произнес герцог, когда мы поднялись на крыльцо, а слуги перед нами уже распахивали огромные позолоченные двери дворца, — как вы это сделали.

— Что именно, милорд?

— Вытащили у меня часы, леди Корнуэлл! — усмехнулся он.

— Но вы же их сами обронили, милорд! — картинно возмутилась я.

— Ничего подобного, — возразил он. — При этом вы сняли мою защиту буквально за долю секунды, а потом поставили обратно. И сделали это так, что я не сразу и понял... Вернее, до сих пор в недоумении, как вам удалось это проверить. А я ведь все-таки Высший Маг, леди Корнуэлл! — намекнул он. — Причем с отличием окончивший Академию Магии Стенстеда. Хотя рядом с вами я уже начинаю в этом сомневаться...

— Ничего не знаю, — сказала ему, поджав губы. — Ни о вашей Академии, ни о вашей защите, а уж тем более о Высшей Магии!

Тут мы вошли в гигантский холл, и я замерла, а сердце пропустило удар, потому что от увиденного у меня снова перехватило дух. Уверена, попроси у меня кто-нибудь описать то, что я лицезрела перед своими глазами, у меня попросту не хватило бы на это слов.

Оказалось, герцог до сих пор смотрит на меня выжидательно.

— Итак, леди Корнуэлл...

— Ой, а расскажите мне, что это за статуи? — спросила у него. — Никак не могу признать... Неужели это пять ипостасей Бога Дархи? Да-да, как раз по количеству магических Стихий...

— Не увиливайте, леди Корнуэлл! — улыбнулся он. — Я все еще жду вашего ответа.

Вместо этого я всеми силами попыталась выразить ему свой восторг от увиденного.

— Итак, что мы имеем, — наконец, констатировал Джеймс Стенвей. — Вернее, у вас имеется сильнейший магический дар, леди Корнуэлл! Похоже, вы унаследовали его от своего отца, архимага Дорсетта. При этом я чувствую довольно необычные колебания и вынужден признать, что ни с чем подобным я раньше не сталкивался!

— Ничего об этом не знаю, — вновь повторила я. — Мой отец давно уже умер, моя мама тоже, а магов на острове Хокк раз два и обчелся. К тому же мой дядя...

— Ваш дядя — сноб, — вынес свой вердикт герцог. — Именно таким я запомнил его в нашу последнюю встречу. Собственного дара у Бернарда Корнуэлла нет, магию он никогда не одобрял, и я серьезно сомневаюсь в том, что вы получаете надлежащее обучение.

— В чем-то вы правы, — отозвалась я. — Дядя не слишком-то одобряет магов, но это не мешает ему быть хорошим человеком. Он заботится о нас с Олли...

— Олли?..

— Это мой младший брат, Оливер, — пояснила ему. — Он серьезно болен, и дядя платит большие деньги, чтобы поставить его на ноги. Так что не смейте говорить о лорде Корнуэлле плохо!

— Я и не думал, — пожал герцог плечами. Затем сделал приглашающий жест, и мы пошли дальше.

Наш путь лежал в отведенное для избранниц короля Крыло Невест, расположенное, по словам Джеймса Стенвея, в восточной части дворца. Чтобы туда попасть, нам пришлось порядком поплутать по длинным галереям, один за другим минуя просторные залы, которые могли бы посоревноваться друг с другом роскошью своего убранства.

Наконец, мы попали в картинную галерею, где у меня снова перехватило дыхание. Настолько, что я даже остановилась, чтобы получше рассмотреть портреты королей и королев династии Стенвеев, и сразу не расслышала, что говорил мне герцог.

— Агата, — неожиданно позвал он. — Агата Дорсетт!

Повернула к нему голову — оказалось, Джеймс Стенвей снова улыбался.

— Вы забавная, когда открываете рот и смотрите на мир огромными изумрудными глазами, — произнес он.

На это я закрыла рот. Надо же, ну что за глупая привычка?!

— Я слышу, как к нам приближается леди Виторина, — добавил герцог. — Ее неодобрительные шаги не спутать ни с чьими другими... Ну что же, очень скоро нам придется расстаться, и я передам вас с рук на руки распорядительнице отбора. Но мы обязательно встретимся, Агата! Уже этим вечером, на балу по случаю его открытия. Думаю, мне причитается один танец за то, что я вас доставил в

целости и сохранности...

— О чем вы сейчас говорите? — спросила я, окончательно запутавшись.

Он что, просит у меня танец?! Джеймс Стенвей, герцог Раткрафт просит танец у меня?!

— Я говорю о том, что вы хорошо влияете на моих племянников, леди Корнуэлл! — заявил он. Затем повернулся и поприветствовал подошедшую к нам пожилую даму. — Леди Виторина, посмотрите, кого я вам привез!

Она посмотрела, да и я тоже.

Седые волосы распорядительницы были собраны в строгую прическу и уложены на затылке. Черное платье полностью закрывало шею, из всех украшений присутствовала лишь одна маленькая аметистовая брошь на плече. Лицо леди Виторины было строгим, худые губы сжаты в тонкую линию, и на миг я засомневалась, способна ли она улыбаться.

Впрочем, куда больше меня заинтересовали ее руки. Потому что они были сложены именно так, как нас учили в приюте.

Выходило, что леди Виторина тоже имела отношение к Сестринству Святой Истони.

— Милорд, — произнесла она полным достоинства голосом, посмотрев на герцога Раткрафта, — значит, вы привезли... — Уставилась на меня. — Леди Корнуэлл, не так ли? Последняя из невест нашего короля.

И самая незавидная, добавила я про себя. Впрочем, тут же спохватилась и, поклонившись, произнесла:

— Доброго вам дня, леди Виторина, и пусть Боги будут к вам благосклонны! Да, я прибыла на отбор самой последней. Но мы живем на северной оконечности Арондела, и письмо с приглашением пришло к нам с задержкой. К тому же по пути в столицу мой корабль угодил в шторм, и только благодаря помощи и заступничеству Святой Истони...

Леди Виторина с явным интересом слушала мой рассказ.

На этот раз я не стала врать. Сказала, что вещей у меня с собой нет. Только этот саквояж, в котором лежат мой паспорт, приглашение на отбор и молитвослов. Горничной у меня тоже нет, но я готова предстать перед королем такой, какая я есть, и в том, что на мне надето.

Потому что стыдиться мне нечего. К тому же, молитвами Святой Истони....

На это герцог, улыбнувшись, откланялся и ушел, заявив напоследок, что оставляет меня в компании леди Виторины и Святой Истони. Нам троим явно есть что обсудить и без него.

— Монастырь и приют Святой Истони на Хокке, не так ли? — поинтересовалась распорядительница, когда высокая фигура Джеймса Стенвея исчезла за дверью картинной галереи. Дождавшись моего положительного ответа, спросила: — Кто сейчас там настоятельница?

— Матушка Тилиния.

— А Старшая Сестра?

— Сестра Инноренция, — отозвалась я и украдкой вздохнула, вспомнив, как мне доставалось от излишне строгой монахини.

Леди Виторина снова окинула меня взглядом, после чего сказала, что обе ей прекрасно знакомы.

— Что случилось с твоей одеждой, дитя? — мне показалось, что голос распорядительницы потеплел.

— У меня нет другой одежды, — призналась ей. — Боги дали, Боги взяли... Но нас в приюте учили смиренно принимать их выбор.

На это леди Виторина склонила седую голову. Поразмыслив несколько секунд, произнесла:

— Следуйте за мной, леди Корнуэлл!

И я покорно отправилась за ней.

Джеймс Стенвей, герцог Раткрафт

Его кузен стоял, облокотившись на подоконник, возле окна в Малом Овальном Кабинете. Только что закончилось собрание Близкого Круга, пятеро советников покинули рабочий кабинет, но Джеймс

все же остался, так как Брайн попросил его задержаться.

Им было о чем поговорить.

Впрочем, сперва король взял небольшую передышку, но от партии в шахматы отказался. Вместо этого подошел к окну и с явным интересом уставился в сад.

Джеймс, устроившись в мягком кресле возле неразложенного камина — как раз рядом с тем самым шахматным столиком, за которым они с двоюродным братом проводили достаточно времени, — нисколько не сомневался в том, что вид оттуда открывался интересный.

По дорожкам прогуливались прибывшие на отбор избранницы — по крайней мере, большая часть из них. Из своего кресла он видел лишь край сада, но от разноцветных платьев даже у него порядком рябило в глазах.

Вполне возможно, что под окнами Малого Кабинета прогуливались все двадцать четыре избранницы, тогда как двадцать пятая — Джеймс нисколько в этом не сомневался — первым делом отправила разыскивать часовню, чтобы помолиться Святой Истории или еще кому-нибудь из главных Богов Арондела.

Зато остальные специально выбрали эту часть огромного сада, словно стараясь привлечь внимание короля.

И они его привлекли.

— Как думаешь, которая из них? — повернув голову, спросил у него Брайн.

На это герцог Раткрафт привычно пожал плечами, но все же задержал взгляд на своем венценосном кузене.

Многие говорили, что они с Брайном похожи как две капли воды, разве что темный цвет глаз король унаследовал от покойной матери, уроженицы жаркого юга Арондела. К тому же Джеймс отращивал длинные волосы по негласному кодексу выпускников столичной Академии — еще одно отличие! — собирая их в хвост и тем самым подчеркивая свою принадлежность к Высшим Магам.

— Та, которую ты выберешь, — ответил он на вопрос кузена, потому что тот не спускал с него требовательного взгляда. — Впрочем, ты давно знаешь мое отношение к отбору. Ничего не изменилось, Брайн, и я до сих пор не вижу ни единой объективной причины для его проведения. Ты вполне мог выбрать себе жену и без этого фарса.

Их перепалка началась еще ранней зимой, когда Брайн объявил на совете о своем решении, и Джеймс так и не смог его отговорить, хотя всячески старался. Но Брайн вбил себе в голову, что для укрепления монархии и стабильности в стране им стоит вернуться к первоисточникам.

Он собирался возвести еще несколько храмов Всех Богов и часовен Святой Истории в разных концах Арондела, а также возродить древнюю традицию королевских отборов — последний прошел во время правления его прапрадеда, — пригласив как принцесс соседних королевств, так и дочерей высших придворных.

Придворные игры — вот что, по мнению Джеймса, ждало его кузена в ближайшие пару недель, а вовсе не укрепление монархии и стабильности. И скорая женитьба на той, которая будет больше всех отвечать интересам Арондела.

Впрочем, кто ею станет, пока еще было неизвестно. Споры насчет кандидатуры будущей королевы тянулись вот уже пятый месяц — такие же бурные, как и обсуждение самой идеи отбора, — хотя Брайн старательно делал вид, что его выбор будет сделан сердцем и одобрен древним артефактом.

— Я бы не отказался послушать, что мне подскажет умудренный опытом кузен, — усмехнулся король. Джеймс был всего лишь на несколько месяцев его старше, но Брайн любил подшучивать на эту тему. — Признайся, которая из них тебе приглянулась больше всего? Лично тебе, Джеймс, без соображений выгоды для Арондела.

— Все твои избранницы, без сомнения, прекрасны, — отозвался на это герцог уклончиво.

Еще до начала отбора он видел многих, а за последние пару дней успел оценить и остальных, но... В голове после сегодняшней неожиданной встречи поселился образ Агаты Дорсетт, который он никак не мог оттуда изгнать. Хотя, надо признать, всячески пытался.

Не получалось — не только до, но и во время заседания Ближнего Круга перед глазами время от времени вставало ее лицо. Он отлично помнил взгляд ее округлившихся от удивления зеленых глаза, приоткрытый рот, что, странным образом, показалось ему вполне милым.

Быть может, потому что он понимал: Агата Дорсетт обладала пытливым умом, ярким магическим даром и не напускным благочестием. Ко всему этому прилагалось чудесное личико и худенькая фигурка с приятными округлостями в плавильных местах...

— Джеймс! — вырвал его из задумчивости голос короля.

Оказалось, Брайн подошел к креслу и смотрел на него с легким удивлением.

— Ты о чем-то меня спросил? — нахмурился Джеймс.

— Я только что говорил о Бэсси Берналь, — терпеливо произнес король. — Быть может, ты хочешь, чтобы я отпустил ее с отбора уже сегодня вечером?

К удивлению, мысль о недавнем разрыве с Бэсси, которой Джеймс был порядком увлечен, сейчас больше не причиняла ему ни боли, ни тревоги.

Ему было все равно.

— Делай как хочешь, — сказал он кузену. — Бэсси среди твоих избранниц, так что выбирать из них тебе. Но знай, она твердо намерена занять место на соседнем с тобой троне.

Именно это и стало причиной их разрыва — юная леди Берналь заявила, что ее устроит одна единственная партия и она не намерена размениваться по мелочам. Бэсси собиралась выйти замуж за короля.

— Думаю, я все же выставлю ее на втором испытании, — заявил на это Брайн. — На первом было бы довольно унижительно и для нее, и для ее отца, маршала Берналя.

— Мне все равно, как долго задержится на отборе Бэсси Берналь, — пожал плечами Джеймс. — Но ты должен трезво взвесить все за и против, если решишь сделать ее королевой. Подозреваю, характером она пошла в отца, а тот никогда и ни в чем не видел преград. На поле боя это, конечно, прекрасное качество, но в любви... Но тебе решать, Брайн! К тому же Бэсси поразительно красива, в этом ей не отказать.

Сказал и про себя отметил, что, опять же, нисколько не удивлен ее чудесной красоте, хотя, без сомнения, внешность Бэсси приковывала к себе мужские взгляды.

— Тогда кто? — вновь спросил король, на что Джеймс снова посоветовал ему принять взвешенное решение.

— Похоже, мой кузен твердо решил воздержаться от советов, забыв, что он не только мой первый советник, но еще и близкий друг, — с улыбкой произнес Брайн. — Впрочем, ты прав, я справлюсь с выбором и сам. Но скажи мне, Джеймс!.. До меня дошли слухи, что ты привез во дворец последнюю из приглашенных. Агату Корнуэлл, а вовсе не Абигейл.

— Мы столкнулись с ней случайно, когда я искал близнецов, — подтвердил он.

— Эта самая Агата Корнуэлл уже успела покорить два мужских сердца, — сообщил ему с легкой улыбкой Брайн.

— Чьих? — резко спросил Джеймс, за что кузен взглянул на него удивлением.

— Мои младшие братья, — усмехнулся король. — Явились перед началом совета якобы извиниться за свой побег и сказали, что уже выбрали мне невесту. Да, это та самая Агата Корнуэлл! А затем они ушли в часовню... — Брайн уставился на него задумчиво. — Ты не знаешь, что им могло там понадобиться? Вернее, мне пора уже вызывать реставраторов или же еще немного погодить?

— Подозреваю, им там понадобилось помолиться, — со смешком отозвался Джеймс. — Такое иногда случается... Так сказать, внезапная тяга к общению с Богами.

На это Брайн нахмурился.

— Не к добру такая тяга! — произнес он с озабоченным видом. — Отправлю-ка я к близнецам своего лекаря, пусть он их осмотрит. — А затем добавил: — Пожалуй, я пригляжусь к этой Агате Корнуэлл. Интересно, что в ней такого?

На это Джеймс неожиданно отметил, что его настроение, до этого вполне умиротворенное, несмотря на трехчасовой совет и несомненные проблемы Арондела, начало безвозвратно портиться.

И это нисколько ему не понравилось.

Поэтому, резко поднявшись из кресла, он приказал себе выкинуть леди Корнуэлл из головы. После

чего, пересев за овальный стол, предложил кузену все же вернуться к насущным делам. Пусть совет уже закончился, но до вечернего бала еще далеко, так что у них оставалось время...

В городе стремительно распространялась смертельная зараза, и ее нужно было остановить как можно скорее.

Глава 5

Когда я вышла из ванной комнаты, смежной с чудесной спальней, меня поджидал сюрприз.

Вернее, сюрпризы начались еще с того момента, когда леди Виторина проводила меня в заранее приготовленные покои, расположенные на втором этаже в конце длинного коридора Крыла Невест. В этот самый коридор, по всей протяженности которого стояли стражники, выходило множество комнат — сейчас пустующих, потому что их обитательницы разбрелись кто куда.

Мои покои оказались самыми последними в ряду — потому что я тоже прибыла последней, — и они дожидались двадцать пятую из приглашенных на отбор избранниц короля. Именно в них мне предстояло прожить все время, пока я буду оставаться во дворце.

И это оказалось восхитительным местом!..

Сбивчиво поблагодарив короля и леди Виторину за их доброту — не забыла и мысленно обратиться к Богам, — я обошла три комнаты — малую приемную, большую гостиную и свою спальню. Обставлены они были в пастельных тонах — изящная белая мебель, шелковые ковры на полах, картины на стенах и вазы с цветами на столах в каждой из комнат — и казались мне настолько неправдоподобно-красивыми, что я едва удержалась от возгласа восхищения.

Затем обнаружила ванную комнату, и от этого самого возгласа уже не удержалась.

Потому что большую часть огромной комнаты занимал бассейн, наполненный горячей водой. Оказалось, пока мы с леди Виториной шли из центрального корпуса в крыло невест, бассейн успели еще и подогреть.

А я... Если честно, я еще никогда в жизни не видела так много горячей воды в одном месте!

Да, Северное Море было постоянным нашим спутником, и мы, жители Хокка, привыкли к тому, что оно шумит, волнуется, иногда гневается и обрушивается огромными волнами на прибрежные скалы. Мы все умели плавать — поголовно, — но делали это в холодной, а порой даже в ледяной воде.

Что же касается горячей, то в родительском доме имелась большая бадья, в которой мама купала нас с Олли, когда мы были маленькими. В приюте каждому выдавали железное блюдо для умывания, два раза в месяц для девочек топили баню, а для мальчиков считалось, что хватит и одного.

В пещере Хорошего Годфри никого не заботили отсутствие горячей воды и сложности с купанием — только меня. В доме дяди мы с Олли жили скромно, как и положено бедным родственникам. Правда, у нас с братом снова появилась бадья, в которой я нагревала воду с помощью магии — так было значительно быстрее и проще, чем таскать ее ведрами с плиты.

Зато сейчас я осторожно прикоснулась пальцем к наполненному теплой водой бассейну — длинному, размером с целую комнату. Завораживающее зрелище!..

— Горячо, госпожа? — встревожилась молоденькая темноволосая горничная, приставленная ко мне леди Виториной.

Ее звали Майя, а вторая, светловолосая, была Дина. Наверное, служанки неправильно истолковали изумленное выражение на моем лице, поэтому всполошились, заявив, что сейчас же покликают мага, чтобы остудить воду.

— Не надо! — благоговейным шепотом отозвалась я. — Мне нисколько не горячо.

Меня обуревали совсем другие чувства и ощущения.

Признаюсь, мне было немного страшно из-за того, что все это лишь сон и он вот-вот закончится. Я сейчас проснусь и никогда в жизни не испытаю, каково это, когда можно лечь и вытянуть ноги в горячей воде. Или... даже переплыть с одной стороны бассейна на другую, после чего выйти наружу, не стуча зубами и не умирая от холода.

А еще, если честно, я чувствовала себя недостойной всего этого внимания, которое мне оказывали в королевском дворце. Две горничные, эти чудесные комнаты и этот... бассейн. Потому что я — бедная родственница Агата Дорсетт и никакая не Корнуэлл!..

Вернее, по документам-то я была Корнуэлл, но только потому, что кузина вылетела бы с позором еще до начала отбора. Именно из-за этого я оказалась на ее месте, возле бассейна с зелено-голубой водой, в который бросала розовые лепестки одна из моих горничных.

В нем должна была нежиться Абигейл Корнуэлл, а вовсе не я!..

— Вам все же не помешает принять с дороги ванну, леди Корнуэлл! — внезапно раздался голос распорядительницы. Повернувшись, я наткнувшись на излишне пронизательный взгляд леди Виторины. — Король будет занят до самого вечера, так что времени у вас предостаточно.

— Я вымою вам волосы, — тут же подхватила Дина, и я решилась...

Попрощалась с леди Виториной и не стала протестовать, когда горничные помогли мне раздеться. Затем, завернувшись в простыню, осторожно ступила в воду. Блаженно закрыв глаза, погрузилась в нее с головой.

Вынырнув, полежала немного, наслаждаясь моментом, после чего позволила вымыть себе голову, хотя прекрасно могла бы справиться со всем сама. Затем исполнила свою мечту, проплыв с одной стороны бассейна на другую, после чего с явным сожалением вышла наружу. Накинув на себя протянутый Майей халат, отправилась в спальню, по дороге подсушивая волосы магией.

А там...

Именно там меня поджидал сюрприз.

На кровати лежало чудесное бледно-голубое платье — открытые плечи, рукава-фонарики, пышные юбки и узкий лиф с квадратным вырезом, — расшитое тончайшими кружевами.

Самое красивое из всех, которые я когда-либо видела.

— Что это такое?! — выдохнула я растерянно, повернувшись к горничным.

— Это вам, госпожа! Только что принесли, — с готовностью отозвалась Дина.

— Но откуда? И кто его принес?!

Оказалось, платье доставила служанка из центрального крыла, но от кого, мои горничные не знали. Точно так же, как и явившаяся узнать, как у меня дела, леди Виторина.

— Но я не могу его принять! — сказала ей, уставившись на распорядительницу во все глаза. — Это очень дорогой подарок, а я... Я даже понятия не имею, кто его прислал!

— Вы можете это принять, — с нажимом произнесла пожилая леди, и мне показалось, что она уж точно все знает!.. — Думаю, это платье прислал ваш друг, а друзья, леди Корнуэлл, вам здесь не помешают. Потому что недругами на королевском отборе обзавестись проще простого.

— Это ведь герцог Раткрафт? — спросила у нее негромко, потому что других друзей у меня здесь не было.

Вернее, я не была уверена в том, что герцог испытывал ко мне дружеские чувства, но из обитателей королевского дворца я знала только его. Близнецы были еще слишком малы, чтобы помочь мне с гардеробом, а Мэтью...

Мэтью вряд ли успел бы обо всем узнать и настолько быстро решить мою проблему с бальным платьем. К тому же я не была уверена в том, что подобное ему под силу.

Леди Виторина улыбнулась уголками губ:

— Вы сможете спросить об этом у милорда герцога на балу! И если этот подарок сделал он, то заодно и поблагодарить за то, что он выручил вас в столь сложной ситуации. Потому что явиться на представление к королю в дорожном наряде было бы не самым правильным решением.

— Но Святая Истония всегда говорила...

— Я прекрасно осведомлена в том, что именно говорила Святая Истония, — отозвалась непререкаемым тоном леди Виторина, — но при этом я знаю, что происходит во дворце и на отборе. Поэтому я уверена, что Она бы одобрила, если бы вы приняли это платье. — И больше ничего не стала мне объяснять. — Начинайте уже собираться, леди Корнуэлл! — заявила вместо этого. — У вас около двух часов, после чего за вами придут. Вам предстоит навестить магов, а затем отправиться на встречу с королем.

— Я предстану перед Брайном Стенвеем лично? — дрогнувшим голосом спросила у нее.

— Вы имеете в виду свидание? Нет, сегодня личных встреч не будет. Церемония представления пройдет в Бальном Зале. Приглашено много гостей — весь высший свет столицы, — и в их присутствии король сделает свой первый выбор. Но я не думаю, что кто-нибудь уйдет с

сегодняшнего отбора. — Затем добавила: — Если, конечно, девушки будут выглядеть достойно, — это леди Виторина произнесла со значением, и я поняла, почему это платье настолько важно, — а маги не обнаружат ничего, что могло бы помешать избранницам продолжить отбор.

— Проверка на невинность, не так ли?

Распорядительница кивнула, подтвердив, что именно так.

— И вот еще, леди Корнуэлл, не забудьте что-нибудь съесть. Подобные мероприятия могут затянуться до самого утра, а голодные обмороки вряд ли придутся нашему королю по нраву. К тому же на балу я советую вам воздержаться от горячительных напитков. Насколько мне известно, король не одобрит, если его избранница станет проявлять подобную несдержанность. Это может плохо отразиться на будущих наследниках, которыми он мечтает обзавестись в скорейшем времени.

Услышав это, я уставилась на леди Виторину во все глаза, потому что мысль о будущих наследниках вызвала у меня состояние, близкое к панике.

Впрочем, я тут же сказала себе, что это не про меня. Какие еще наследники?! Главное, пройти первое испытание и хоть немного задержаться на отборе, а еще отдать дядины документы в нужные руки.

Например, тому самому герцогу Раткрафту, чей дорогой подарок оказался сегодня как нельзя кстати. Уверена, именно он прислал мне это самое платье!..

— Я не пью горячительных напитков, — сказала я леди Виторине.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — заявила мне распорядительница, после чего перед самым уходом добавила, что на встречу с магами мне идти самой последней, так как я прибыла позже остальных. Но это не означает, что мне стоит затягивать со сборами.

А я подумала, что два часа — это же целая уйма времени...

Этих двух часов мне вполне хватит и на то, чтобы собраться, и на то, чтобы поразмыслить о происходящем. А потом, быть может, дождаться маленьких принцев, которые собирались меня навестить, и вместе с ними — или же самой — выйти из комнаты и немного прогуляться по дворцу.

Вернее, я собиралась спуститься в сад, чтобы пройтись по его дорожкам, поглазеть на павлинов и, конечно же, отыскать часовню и поблагодарить Святую Истонию за то, что я добралась до дворца живой и невредимой.

Но, оказалось, времени у меня нет ни на что.

Сперва горничные порядком провозились с моей прической — это заняло у них больше часа, потому что Майя откуда-то принесла голубые бусины, и мои служанки принялись в четыре руки украшать подколотые кверху локоны и завивать распушенные.

Затем появилась служанка с подносом, на котором стояли два позолоченных блюда, накрытых крышками, а рядом лежала записка от леди Виторины с наказом обязательно все съесть.

После обеда ко мне пришел важный лакей с еще одним подносом, правда, размером чуть поменьше. На нем оказалось три флакона с духами — их на выбор слала мне леди Виторина. И, опять же, к подносу прилагалась записка.

«На ваш вкус, леди Корнуэлл, — писала мне распорядительница, — но я бы предложила вам обратить внимание на последний пузырек справа».

И я обратила.

Духи в нем оказались резкими и немного горьковатыми — но именно такой мне виделась моя родина. Суровый скалистый остров, омываемый холодным Северным Морем, приют вечно голодных чаек и людей, привыкших выживать, отбивая у скал места для своих полей, а у моря — пропитание.

Поэтому я остановила выбор на третьем флаконе, мысленно поблагодарив Святую Истонию за то, что Она послала мне друга. Вернее, я надеялась, что леди Виторина испытывала ко мне искреннее расположение — быть может, потому что распорядительница сама состояла в Сестринстве, — и я вовсе не стала пешкой в непонятной мне игре.

Затем с помощью горничных я облачилась в бальное платье, немного переживая, что маленькие принцы так и не пришли меня навестить. Судя по всему, ждать мне их сегодня не стоило, потому что за окном уже начинало вечереть. Тут горничные настолько туго затянули мне лиф, что мысли о близнецах королевских кровей вылетели у меня из головы, и я взмолилась о пощаде...

Горничные все же прислушались к моим мольбам и чуть ослабили завязки, а я, посмотрев на часы, с жалостью перевела взгляд на роскошный сад. Подумала, что если меня выставят уже сегодня, я так и не успею по нему пройти и полюбоваться вблизи на чудесные цветы, павлинов и фонтаны. Вместо этого вернусь в свои покои, сниму великолепное платье, наконец-таки вздохнув полной грудью. Затем надену дорожный наряд и... пойду в город пешком.

Там, если не найду никого из Братства, мне придется отправиться в женский приют Святой Истории — слышала о таком еще на Хокке. Быть может, Сестры смилостивятся и разрешат мне переночевать?..

А дальше я уже буду думать, как вернуться домой.

Покачив головой, разогнала не слишком-то приятные мысли о том, как встретит меня на Хокке дядя, хотя мне было что ему рассказать о поведении родной дочери. Затем уставилась на себя в зеркало, пытаюсь привыкнуть к новому образу, потому что на меня смотрела... не совсем я.

Вернее, себя-то я узнавала, но это уже была какая-то другая я.

У незнакомки оказались огромные, широко распахнутые изумрудные глаза — наверное, от удивления из-за произошедших со мной перемен, — полные губы — их намазали целебным бальзамом, и я до сих пор ощущала его вкус, — и бледная кожа — четыре дня в море давали о себе знать, — которую оттеняли черные, искусно завитые волосы.

Но, признаюсь, мне нравилось то, что я увидела.

При этом я прекрасно понимала, что если в детской сказке лягушка скинула кожу и в конце превратилась в прекрасную принцессу, то в моей все будет как раз наоборот. Лягушке придется надеть свою шкурку обратно, и из незнакомки в бальном платье я снова превращусь в Агату Дорсетт, лишь по милости дяди получившую титул, к которому ничего не прилагалось...

Тут в двери гостиной постучали, и я вздрогнула от неожиданности. Оказалось, пришел тот самый слуга, который должен был проводить меня на встречу с магами.

Наверное, я порядком побледнела — началось! — и горничные это заметили. Всполошились не на шутку, принявшись в два голоса меня успокаивать.

— Это простая формальность, леди Корнуэлл! — заявила мне Майя. — Вам не стоит так волноваться! Уверена, на отборе вы пройдете очень и очень далеко!

— Потому что вы удивительно красивы, — тут же добавила Дина, — и король не оставит этого без внимания. Все во дворце знают, насколько он большой ценитель... женской красоты.

Дина на мгновение запнулась, а затем еще и покраснела, за что Майя посмотрела на нее осуждающе.

— То есть у короля есть любовницы? — поинтересовалась я, сложив одно с другим.

На это Майя нервно улыбнулась, заявив, что слухи ходят разные, но леди Корнуэлл не стоит обращать на них внимания.

И я пожала плечами, решив не обращать.

Почему меня должно волновать, есть у короля любовницы или нет? Я здесь для того, чтобы получить как можно больше лет жизни для моего брата, а вовсе не для того, чтобы покориť сердце Брайна Стенвея!

Так уж получилось, что в Бальный Зал я пришла последней из избранниц, когда представление королю уже вот-вот должно было начаться. Но задержалась не по своей вине — пришлось дожидаться, когда маги, проводившие в западном крыле осмотр невест, освободятся, хотя пришедший за мной слуга заявил, что настал мой черед.

Но они все еще были заняты, поэтому я исполнила свою мечту — не стала дожидаться под дверью, вместо этого отправилась гулять по садовым дорожкам. Встретила двух девушек в ярких платьях и двух павлинов с расправленными веерами хвостов — и одни, и вторые окинули меня надменными взглядами.

Затем остановилась возле увитой розами беседки и долго смотрела, как готовятся открыться бутоны, хотя на Хокке розы цвели разве что в самом конце холодного северного лета.

Наконец, меня покликали еще раз, извинившись за то, что встреча с предыдущей избранницей настолько затянулась. Я даже ее увидела — столкнулась на лестнице, — и лицо у девушки оказалось красным, а глаза заплаканными.

Наконец, постучала, после чего, дождавшись разрешения, вошла в небольшую, уютно обставленную комнатку. В креслах возле круглого низкого стола сидели двое мужчин в черных мантиях с крыльями Стенвеев на плечах. Один — с начинающей сидеть головой, но все еще крепкий, жилистый. Второй — молодой, темноволосый, приятной наружности.

Судя по всему, это были те самые маги, которые должны подвергнуть меня проверке.

Но не они привлекли мое внимание.

На столе, на простенькой железной подставке, лежал круглый, бордового цвета камень, излучавший сильнейшие магические колебания. Настолько сильные, что я порядком растерялась, замерев у двери.

Затем дыхание и вовсе перехватило, а магия почему-то прилила к ладоням, складываясь в непонятное мне заклинание. На миг мне даже показалось, что я его не удержу и оно, непрошенное, сорвется с моих рук.

Но что за этим последует, я понятия не имела.

Испуганно дернулась, пытаюсь как можно скорее успокоить магические потоки, а заодно приказывая успокоиться еще и себе. Что со мной? И почему я так странно реагирую на этот артефакт?!

Уставилась на него, размышляя, что бы это могло быть.

Ответ напрашивался сам собой, но я мысленно покачала головой. Нет, сказала себе, этот круглый камень вряд ли может быть Сердцем Пламени, которым так славился Арондел! Не верю, что столь бесценную вещь запросто достали из королевской сокровищницы и принесли в западное крыло, и теперь она стоит здесь, на этом столе, на обычной подставке, охраняемая всего-то двумя магами!..

К тому же папа многое мне рассказывал о древнем артефакте, и я имела представление о его силе. Нет, сокровище Арондела было другим, невероятной и завораживающей мощи!

— Проходите, леди Корнуэлл! — подал голос пожилой маг.

Кажется, они так и не обратили внимания на мою заминку у дверей. Вернее, на то, что из меня чуть было не полилась магия, сложившаяся в неведомое заклинание.

Подошла, поклонилась.

— Доброго вам вечера, господа!

— Леди Корнуэлл, прошу вас, садитесь! — молодой маг указал на пустующее кресло. — Это не отнимет у вас много времени, если, конечно, вы ответите на наши вопросы честно, ничего не утаив.

— Я отвечу на все ваши вопросы предельно честно и ничего не утаив, — сказала ему, устроившись в кресле. Хотела посмотреть магу в глаза и не смогла: артефакт притягивал все мое внимание. — Если, конечно, сочту, что готова на них ответить.

— Вы же понимаете, — нахмурился пожилой маг, — что вам придется поделиться с нами тем, что у вас на душе. Иначе вы не будете допущены к встрече с королем и вам придется сегодня же покинуть отбор.

— Это простая формальность, леди Корнуэлл! — тут же подхватил молодой.

Улыбнулся мне, заявив, что понимает причину моего смущения и нежелания говорить на столь деликатные темы. Но им все же придется задать мне два вопроса.

Спросить, девственна ли я и свободно ли мое сердце. На это мне стоит дать либо отрицательный, либо положительный ответ, и артефакт подтвердит, искренна ли я или же пытаюсь обвести их вокруг пальца.

Кивнула, продолжая заворуженно разглядывать круглый камень. Мне казалось, что он был рукотворного происхождения и что это очередная, но очень хорошая попытка подражания Сердцу Пламени, которое создала сама Святая Истония, а потом подарила первому королю из династии Стенвеев.

О, эта история была описана в «Житии Богов», и я знала ее наизусть, потому что она была одной из моих любимых. Речь в ней шла о том, что Святая Истония сумела утихомирить магию в Смутные Времена, когда наш мир застыл на грани разрушения и, казалось, у людей не было ни единого шанса на спасение.

И все потому, что магия вышла из-под контроля.

Но Святой Истонии все же удалось ее усмирить. Для начала Она успокоила большую ее часть, которой мы сейчас продолжали пользоваться, а те излишки, что отказывались ей повиноваться, отправила в другие миры. Чтобы не позволить магии вернуться и снова приняться за свое, Святая Истония создала Грани, запечатав входы и выходы в те миры, и тем самым спасла наш собственный от полного уничтожения.

Но хаотичной, бесконтрольной магии все еще оставалось слишком много.

Именно тогда Святая Истония, стоя на уступе одной из скал в Арвийских Горах, что неподалеку от Стенстеда, сотворила артефакт — сильнейших из всех, которые когда-либо появлялись в нашем мире.

Сердце Пламени — вот как его называли.

В него Она поместила всю собранную и усмиренную ею магию — десятки, а то и сотни взбунтовавшихся Стихалиев, до этого крушивших все подряд. Замуровав их на веки вечные, Святая ушла из нашего мира навсегда...

Правда, папа был не согласен с подобной трактовкой событий тысячелетней давности. Говорил мне, что в «Житии Богов» — полнейший бред, и Истония вовсе не была святой. Она, по его словам, была сильнейшим магом того времени, но ее стали обожествлять, хотя Истония всего лишь сделала свою работу.

Но глупые люди принялись строить храмы в ее честь и причислили к лику Святых, вместо того чтобы растить новое поколение таких же Истоний, разыскивая и опекая талантливых и магически одаренных детей по всему Аронделу.

Папины убеждения, признаюсь, мало кому пришлись по нраву. Я и сама к ним относилась настороженно, потому что в приюте нас учили совсем по-другому. Настоятельница подолгу беседовала со мной на эту тему — потому что Сестра Инноренция могла только кричать, грозить небесными карами и наказывать.

Но матушка Тилиния терпеливо объяснила мне, что Истония, рожденная человеком с сильнейшим магическим Даром, была еще и наделена божественной силой. Иначе как бы ей удалось спасти наш мир, когда другие спасовали?!

И вскоре я согласилась с ее словами, потому что отчасти это совпадало с тем, что говорил папа. Но, в отличие от него, я тоже думала, что Святую Истонию прислали нам Боги в самый отчаянный момент.

Все началось еще за сотню лет до Ее рождения. Неведомая сила сперва разлучила людей с драконами, лишив нас прежнего единства. Все попытки воссоединиться закончились полнейшим провалом. Вернее, стало только хуже — люди пытались изобрести способ, как это сделать, но в результате множества экспериментов магия окончательно вышла из-под контроля.

Взбунтовалась, из-за чего повсюду стали возникать сильнейшие Стихалии, мощи которых людям нечем было противостоять. Их было не утихомирить, и через десятилетие почти все города лежали в развалинах, а позже на нас обрушились еще и природные катастрофы.

Летописцы тех времен утверждали, что под воздействием неконтролируемой магии материки пришли в движение, вызвав повсеместные землетрясения и извержения вулканов. После этого стали истончаться границы между мирами, и в наш хлынули монстры.

Демоны, пришедшие покарать людей за их грехи, вот как говорила нам Сестра Инноренция.

Близился конец света, но Святой Истонии все же удалось его остановить. Спасти людей, хотя, по словам папы, способ она выбрала довольно странный. Ее стараниями магия успокоилась, и возникли Грани, отделившие наш мир от других.

К тому же несколько Граней появилось и в нашем — в самом Аронделе их было целых три, — препятствуя движению между странами. Да и драконы вместо того, чтобы снова слиться с людьми, оказались где-то в ином месте.

Вернее, в другом мире.

Но все же это было спасение, после чего Святая Истония, загнав оставшихся Стихалий в камень, вручила артефакт лорду Стенвею. Пусть Ее сопровождали и другие Первые Лорды, среди которых был и предок Корнуэллов, но Святая почему-то выбрала именно Стенвея. Сказала, что ему править новым Аронделом и его династия принесет стабильность и процветание в наш мир.

А еще сказала, что у нее было видение, в котором столицей Арондела, вместо разрушенного землетрясением Бордума, станет Стенстед — в то время лишь небольшая рыбацкая деревушка.

После чего Святая ушла. В приюте нас учили, что Она вознеслась небо, заняв место одесную Богов, но папа говорил, что Истония отправилась в мир, куда она послала драконов, потому что могла ходить через Грани.

И еще он утверждал, что оставленный ею артефакт сможет их убрать.

Утверждал неголословно — написал с десятков книг с доказательствами своей теории, твердо уверенный в том, что нашему миру больше ничего не грозит. Даже если Грани падут, мы продолжим жить как прежде, даже этого не заметив. Потому что магия, которой в нашем мире после ухода Истонии стало значительно меньше, чем до этого, уже не в состоянии взбунтоваться.

Впрочем, папа имел лишь отдаленное понимание, как убрать Грани, хотя ему казалось, что разгадка находится в оставленном Святой Истонией артефакте. Правда, ему так и не довелось поддержать Сердце Пламени в руках, и отец не до конца понимал, что оно из себя представляет.

Мне тоже было любопытно, поэтому я решила осторожно расспросить магов.

— Говорят, в Сердце Пламени есть капля крови Святой Истонии, — произнесла я, вспомнив папины слова об особой магии артефакта. — Так ли это?

Пожилой пожал плечами.

— Люди многое говорят, леди Корнуэлл! Но мы бы хотели поговорить с вами немного о другом. Не могли бы вы положить руку на артефакт, а потом ответить на наши вопросы...

Но я все еще не оставляла надежды узнать чуть больше.

— А что, если внутри кровь Святой Истонии? — сказала ему, старательно подражая тону сестры Инноренции. Еще и губы поджала, точно так же как она. — Разве я могу его коснуться?! Это же святотатство!

На это молодой маг закатил глаза.

— Кровь Святой Истонии находится в Сердце Пламени, — заверил он меня. — Тот артефакт хранится в королевской сокровищнице...

Кивнула. Значит, другой — так я и думала!

— Тогда что это за камень?

— Когда Сердце Пламени помещали в сокровищницу, от него откололся небольшой кусок. Да-да, именно этот, леди Корнуэлл! Правда, сам кусок истинного артефакта вы не увидите, потому что позже его поместили в каменную оболочку. Но вы можете не переживать, в нем нет ни единой капли крови Святой!

— Тогда зачем мне к нему прикасаться?

На это глаза закатил уже пожилой маг.

— Затем, леди Корнуэлл, что за столетия нахождения рядом с Сердцем Пламени Малое Сердце, так называют этот артефакт, успело пропитаться его магией и обрести похожие свойства. Именно поэтому с его помощью мы узнаем, говорите ли вы нам правду. Хотя есть и другие, вполне действенные способы, — намекнул мне маг, — чтобы выяснить, сохранили ли вы невинность до этого времени. Например, осмотр королевским лекарем...

На это я, вздохнув, положила руку на артефакт и сказала, что они могут смело задавать мне свои вопросы.

Но пока они их еще не задали, я принялась смотреть, как внутри Малого Сердца всколыхнулось пламя, с каждой секундой разгораясь все сильнее и сильнее. Нет, оно не обжигало, хотя артефакт начал светиться, и вскоре мне стало казаться, что внутри него запылал настоящий пожар.

Маги тоже смотрели. Затем один из них попросил меня убрать руку.

Послушалась.

Ах, снова положить? Как скажете, мне не тяжело!

Убрать? Да пожалуйста!

— Гм, — пожилой взглянул на молодого, — необычно! Можно ли еще раз попросить вас прикоснуться к артефакту, леди Корнуэлл?

И я положила на него ладонь в очередной раз. После чего спросила, что со мной не так. Вернее, если они сейчас мне заявят, что я не девственна, это будет в высшей степени возмутительно! И я обязательно потребую осмотра у королевского лекаря — или пусть их даже будет несколько, этих лекарей, чтобы все убедились! — потому что я никогда в жизни...

На это оба мага уставились на меня долгими взглядами, а затем сказали, что я могу идти.

— А как же моя невинность? — растерялась я. — А как же мое сердце? Вы так и не задали своих вопросов, вместо этого заставили меня упражняться в поднимании и опускании рук!

— Вы девственны? — спросил пожилой маг, хотя мне показалось, что этот вопрос его нисколько не интересовал.

Но я все же кивнула, добавив, что мое сердце тоже совершенно свободно, на что маги мне снова заявили, что я могу идти.

— Как, и все?!

Оказалось, что все.

Потому что они даже не ответили, продолжая замороженно рассматривать артефакт, внутри которого до сих пор билось, волновалось пламя. Правда, уже не такое сильное, как в тот момент, когда я положила на него свою ладонь.

Пожав плечами, сказала себе, что понятия не имею, что у них произошло. Но я уж точно здесь ни при чем, потому что ничего плохого не сделала.

Если у них... гм... сломалось Малое Сердце, то моей вины в этом нет!

Оставив комнату с задумчивыми магами, я нашла своего лакея, и тот длинными дворцовыми коридорами проводил меня к дверям переполненного Тронного Зала, сообщив, что все избранницы уже собрались и король вот-вот должен появиться.

И да, мне нужно поторапливаться — как можно скорее пробиться через толпу к трону, потому что через несколько минут начнется представление избранниц. Затем, взглянув на колыхавшееся передо мной людское море, сочувствующим голосом пожелал удачи.

И я подумала, что, судя по всему, она мне не мешает!

Глава 6

Я попыталась протиснуться сквозь толпу, но это оказалось еще той задачей!..

Придворные стояли насмерть, плечом к плечу, и на все мои просьбы посторониться и пропустить окидывали меня недовольными взглядами и просили не напирать, потому что им самим плохо видно.

А ведь мне надо было туда, в самый конец огромного зала, потолки которого подпирали колонны из серого мрамора!.. Именно там находилось возвышение, где стоял украшенный драгоценными камнями королевский трон. Рядом с ним располагался еще один, поменьше, предназначенный для будущей королевы Арондела.

Пока еще пустующий, но все должно было измениться в ближайшую неделю.

Не успела я пройти — пробиться! — и треть пути через переполненный зал, как раздались звуки фанфар, после чего зычный голос глашатая объявил, что прибыл король Арондела, милостью Богов представитель избранной династии Стенвеев Брайн I.

Придворные принялись аплодировать и выкрикивать здравницы, но я, вместо воодушевления, ощутила прилив отчаяния. Подумала, что, быть может, мне стоит проложить себе дорогу магией, потому что все попытки объяснить, что я тоже избранница, но немного опоздавшая, не слишком помогали.

Вернее, меня-то пропускали, но тут же приходилось объяснять следующим...

К моему удивлению, магии в тронном зале не оказалось. Уж и не знаю по какой причине, но магические потоки старательно обходили это место стороной. И я решила, что, наверное, их изгнали подальше из этих стен с помощью артефактов или же заклинаний, чтобы не было возможности причинить вред королю или друг другу.

Наконец, Брайн Стенвей занял свое место на троне, поприветствовав гостей и прибывших в столицу избранниц, после чего все тот же зычный мужской голос принялся рассказывать историю королевских отборов в Аронделе. Я же удвоила свои усилия, чтобы ни в коем случае не опоздать...

Но тут, откуда ни возьмись, рядом со мной появились близнецы. Вынырнули из толпы, на что я выдохнула с явным облегчением — быть может, они мне помогут?!

Сказала, что рада их видеть.

На это принцы заявили, что выполнили все мои задания — и извинились, и даже сходили в часовню, но после этого их задержали. Брат почему-то прислал к ним лекаря, и тот отнял у них порядком времени, заставляя то открывать рот, то показывать ему язык, а потом и вовсе провел полный осмотр, хотя они совершенно здоровы.

На самом деле, раз уж так вышло, они решили притвориться больными, но пока лекарь выводил их на чистую воду, прошло слишком много времени и ко мне они уже не успели.

Но, быть может, они смогут прийти завтра?..

На это я ответила, что если я все еще буду во дворце — вернее, их брат не выставит меня на сегодняшнем испытании, потому что попросту меня не найдет... Так вот, если я останусь во дворце, то, конечно же, буду рада их видеть!

— Не выставит, — подмигнул мне Том. — Мы ему все про тебя рассказали!

На это я округлила глаза, а Дэнни уже продолжил:

— Завтра утром у вас охота. Нас, конечно же, на нее не возьмут, потому что все считают, будто бы мы маленькие...

— И еще, что мы все испортим, — подмигнул мне Том.

— Но днем ты будешь свободна и покажешь нам знак Братства! — добавил его брат.

Он все же понизил голос, потому что к нам стали прислушиваться.

— И научишь снимать магические метки, — покивал Том.

— Поговорим об этом завтра, — пообещала я им. — Сейчас мне надо поскорее попасть к остальным избранницам.

На это близнецы пообещали меня проводить. И проводили, принявшись расталкивать придворных и гостей, нисколько не церемонясь, как делала я до этого. Прокладывали нам дорогу, требуя пропустить избранницу короля, да так резво, что я едва за ними попевала.

Наконец, выбралась из толпы и тут же оказалась в группе красавиц, стоявших перед возвышением, ведущим к трону. Быстро поблагодарила принцев, на что они, кивнув на прощание, затерялись среди придворных.

Я же испуганно взглянула на Брайна Стенвея — надеюсь, я еще не успела впасть в королевскую немилость?! Но если он и заметил мое опоздание, то вида не подал. Зато я увидела, как нахмурилась леди Виторина, кивком указав мне на место в самом конце принявшихся выстраиваться в ряд избранниц.

И я, подхватив юбки, ринулась вдоль длинной шеренги. Стала в нее последней, но решила, что это даже к лучшему: у меня будет время отдышаться и прийти в себя. А заодно и понять, испортила ли я все на свете или же у меня оставался шанс на то, что представление королю пройдет не так уж и плохо.

Но я, опять же, толком не успела прийти в себя, потому что стоило мне занять свое место, как Брайн Стенвей поднялся на ноги и отправился вниз со своего возвышения. И я уставилась на него во все глаза, решив получше его разглядеть.

Король был красив — в жизни он оказался куда более привлекательным, чем на портретах в губернаторском доме. К тому же холст не передавал всей той энергии и мощной силы, исходившей от крепкой фигуры в светло-сером, парадном наряде.

Еще немного посмотрев, я решила, что Брайн Стенвей попросту идеален.

Если в его кузене, герцоге Раткрафте, я могла найти какие-то изъяны — ну, если бы решила это сделать, — то в короле их попросту не было. К тому же лицо его дышало благородством, и даже со своего места мне казалось, что он преисполнен любезности и благодушия. Не то что его кузен, стоявший неподалеку от трона и разглядывавший избранниц короля с крайне скептическим выражением!..

Лицо герцога, в отличие от его двоюродного брата, было чуть более узким, профиль куда более хищным, да и сам он казался худее и резче в движениях, чем король.

С другой стороны, почему я все время думаю о герцоге Раткрафте, если должна думать о короле?!

И я снова повернула голову, уставившись на то, как Брайн Стенвей остановился напротив первой девушки в ряду избранниц. Она была чудо как хороша собой — смуглая, с резкими, южными чертами лица, одетая по моде Зайрена в салатового цвета широкие шаровары и длинную, расшитую драгоценными камнями тунику.

Две иссиня-черные косы спадали ей на грудь.

— Удивительная красавица эта принцесса Зайрена! — раздался знакомый голос позади меня, и я нисколько не удивилась тому, что герцог, оставив свое место возле тронного возвышения, подошел и встал за моей спиной, явно собираясь комментировать церемонию представления.

Конечно же, с кем еще обсудить достоинства и недостатки избранниц короля, если не с одной из его избранниц?!

— Хотя мне больше по нраву красавицы Арондела, — добавил Джеймс Стенвей.

— Интересно, а вашему двоюродному брату какие красавицы больше по нраву? — шепотом спросила я у него.

Покосилась на герцога и вздохнула украдкой, потому что и он в своем черном наряде был убийственно хорош собой.

И я неожиданно подумала, что если Первый из Стенвеев, сопровождавший Святую Истонию, обладал хотя бы частью привлекательности и внутренней силы Джеймса или Брайна Стенвеев, то у меня не оставалось ни единого сомнения, почему именно ему Она протянула Сердце Пламени.

— Скажем так, ему придется по нраву та, которая принесет больше пользы нашему королевству, — отозвался герцог, и его губы тронула легкая усмешка. — И вы, леди Корнуэлл, если не хотите в будущем разочароваться, должны принять этот факт к сведению.

— Спасибо за вашу науку, милорд! — отозвалась я негромко. — И за заботу о моем сердце. А еще я хотела бы поблагодарить вас за чудесное платье...

— Всегда готов помочь пострадавшим в кораблекрушении, — кивнул он, окинув меня одобрительным взглядом. — Не этому ли учила Святая Истония, на которую вы постоянно ссылаетесь?

— Именно этому, — согласилась я. — Вернее, Она говорила, что стоит протягивать руку помощи бедным и обездоленным, но вы протянули мне целое платье!.. — Джеймс Стенвей снова усмехнулся, но улыбка исчезла с его лица, потому что я добавила твердо: — И это платье я обязательно вам верну!

— Оставьте его уже себе, — заявил герцог. — Мне, пожалуй, оно будет не слишком-то к лицу. К тому же если я начну расхаживать в нем по дворцу, то, боюсь, подобное зрелище привлечет к себе куда больше внимания, чем отбор невест моего кузена.

Теперь уже я не удержалась от смешка. Хотя хихикать, стоя в строю избранниц, подозреваю, было еще тем занятием, за которое можно заслужить неодобрение со стороны леди Виторины!

— Лучше уж подарите мне танец, — добавил Джеймс Стенвей, — это будет вполне достаточной благодарностью.

— Какая-то несоразмерная благодарность!..

— Тогда два, — философски заявил он. — Два танца, леди Корнуэлл, и мы с вами в расчете.

— Два танца, и я верну вам платье, — сказала ему, на что он качнул головой, явно собираясь возразить.

Но мы так и не успели закончить наш спор, потому что герцог внезапно заявил, что поговорим позже. Затем шагнул назад, в толпу придворных, перед этим с многозначительным видом покосившись в сторону трона.

Оказалось, король, беседовавший со своими избранницами, был уже неподалеку от меня. И я повернула голову, пытаясь сосчитать, со сколькими девушками ему осталось поговорить, прежде чем настанет мой черед.

Но видно мне было не очень хорошо, потому что передо мной стояла тоненькая блондинка с дрожащими губами. Причем дрожали не только ее губы — чем ближе подходил король, тем сильнее она раскачивалась из стороны в сторону. Вовсе не от нетерпения — казалось, девушка едва стояла на ногах.

Тоже смотрела на короля, затем повернулась ко мне.

У нее оказались испуганные светло-голубые глаза и острый подбородок. Одета она была в белоснежное платье, расшитое серебряными нитями, своим покроем напоминавшее подвенечное. Но, несмотря на столь говорящий наряд, встреча с королем ее явно страшила.

Мне стало жаль бедняжку, и я улыбнулась сочувственно.

— Агата, — представилась ей негромко, разглядев, что Брайну Стенвею оставалось поговорить еще с четырьмя избранницами, после чего придет черед бедняжки, а затем и моя очередь предстать перед королем. — Меня зовут Агата Дорсетт, она же леди Корнуэлл.

— Вильгельмина Найд, — прошелестела блондинка. — Можно просто Тэль...

— Почему ты так боишься встречи с королем? — шепотом спросила у нее, увидев, как тот, оставив предыдущую избранницу, остановился рядом с приятной, но не сказать что сильно выделявшейся на фоне остальных красавиц девушкой.

У нее было простенькое лицо в форме сердечка, выющиеся каштановые волосы, выбивавшиеся из строгой прически, и серые глаза.

— Это принцесса Элиза из Визмора, — склонилась к моему уху Тэль. — Как можно соревноваться за внимание короля, если здесь почти каждая — либо принцесса, либо признанная красавица Арондела?! Здесь собрались все — и Бэсси Берналь, и Эстель Маклахан, и Харриет Рэнд, а еще приехали принцессы Визмора, Зайрена и Устеда!

Затем уставилась на мое лицо и округлила глаза.

— И ты тоже! — добавила она обреченно. — Как я могу соревноваться в красоте... например, с тобой?! — На это я нахмурилась, а девушка продолжала: — Отец приказал мне ни в коем случае не опозориться на отборе. По его воле мне даже пришлось покинуть монастырь, хотя я собиралась посвятить себя служению Богине Элите. Но он мне сказал, что я должна показать себя и достойно представить нашу семью, иначе я ему больше не дочь.

— Сочувствую, — отозвалась я, потому что была здесь примерно по той же самой причине. — Знаешь что, давай держаться вместе! Вместе даже провал не так страшен...

Не так страшен, как первая встреча с королем, который был уже совсем близко.

То ли от понимания этого, то ли из-за того, что передалась часть волнения Тэль, но меня стало порядком потряхивать — и даже молитва к Святой Истони, слова из которой я неустанно повторяла в голове, уже не особо мне помогала. А ведь я твердо решила не пасовать и не превращаться в кашу в присутствии Стенвеев!

Но король был уже совсем рядом... Очередь Тэль оказалась следующей, и бедная девушка, кажется, и вовсе перестала дышать. Я было подумала, что она вот-вот упадет в обморок от переживаний, но Вильгельмина сделала по-другому...

Ничего мне не сказав, юркнула за мою спину, а потом встала последней в ряду избранниц, а Брайн Стенвей остановился напротив меня.

И я... Мне ничего не оставалось, как сделать шаг вперед.

— Агата Дорсетт, леди Корнуэлл, — представилась ему.

Присела в глубоком реверансе — мама научила, когда была жива. Она всегда мечтала о том, что однажды мы сможем вернуться в столицу и меня представят ко двору.

— Приветствую гостью с самой северной оконечности Арондела, — отозвался король, и я уставилась в его темные глаза. — Но расскажите мне, Агата, как вы добрались до Стенстеда, и как чувствует себя ваш дядя?

— Добралась я очень хорошо, ваше величество! — сказала ему, решив, что сейчас не время для жалоб. — Что же касается моего дяди, он чувствует себя порядком замерзшим вдали от вашего королевского внимания. — На это губы Брайна Стенвея коснулась легкая улыбка. — А еще погруженным в ледяную воду несправедливого обвинения, — добавила я. — Но он всеми силами старается выполнить возложенную на него миссию и сделать остров Хокк спокойным и процветающим местом. Конечно, насколько это возможно.

— И насколько это возможно? — с все той же улыбкой поинтересовался король. — С какими врагами ему приходится вступить в бой?

— О, все не так-то и просто, ваше величество! Сперва ему придется победить армию чаек, ворующих наши и так скудные урожаи ячменя, и целую армаду моржей, облюбовавших северную оконечность Хокка и покушающихся на поголовье трески... А это, скажу я вам, серьезные противники!

Король снова усмехнулся, а я подумала... Как же они все-таки похожи с герцогом Раткрафтом!

— Вы остроумы и удивительно красивы, леди Корнуэлл! — отозвался король Арондела, и в его голосе мне послышались легкие нотки восхищения. — Я рад нашему знакомству. Несомненно, вы станете украшением этого отбора. А еще, — внезапно он потянулся к моему уху, а я...

Тут я увидела расстегнутую пуговицу его белоснежной рубашки в непосредственной близости от своих глаз и неверяще уставилась на темные волоски на его груди.

Станным образом, этот вид порядком меня взволновал. Настолько, что закружилась голова, словно сейчас у меня, а не у леди Вильгельмины Найд случится обморок.

— Что?! — отведя взгляд, шепотом спросила у короля.

— Еще я бы не отказался узнать чуть больше о природе того чуда, которое вы сотворили с моими братьями. Наверное, вы уже слышали, что близнецов частенько называют демонами во плоти и пытаются найти в нашей родословной тому подтверждение...

На это, с трудом сдержав смех, я покачала головой.

— Не верьте злым голосам, ваше величество! Ваши братья — замечательные и любознательные мальчишки, которым всего лишь нужно чуть больше внимания.

Сказав это, я твердо посмотрела ему в глаза.

— Ну что же, леди Корнуэлл, — отозвался король, — спасибо за ваше мнение! Сейчас у нас, к сожалению, не так много времени на беседу, но я буду рад нашей личной встрече в ближайшие дни.

Вновь улыбнулся и двинулся дальше, к полумертвой от волнения Тэль. А затем, все же дождавшись от нее неуклюжего реверанса и пары слов, отправился назад, к трону, а я уставилась ему вслед.

И тут, к своему удивлению, обнаружила, что на меня смотрят двадцать с лишним пар женских глаз. Да что там избранницы — я повернула голову, и оказалось, что на меня неверяще уставился чуть ли не весь огромный Тронный Зал!

Неужели потому, что король со мной секретничал?!

Особенно мне не понравился взгляд ослепительно-красивой блондинки в золотом платье, которая стояла одной из первых в нашем ряду. Он был даже не давящим, а... каким-то режуще-колющим. На это я лишь мысленно пожала плечами, подумав: неужели я не угодила ей тем, что король задержался возле меня чуть дольше, чем рядом с остальными избранницами?

Впрочем, Брайн Стенвей уже занял свое место на троне, после чего грянул гимн Арондела — наш славный гимн, под который наши войска одержали так много побед, разбив не одну армаду...

И Зарейн мы разбивали, и Устед — причем много раз! — но они все равно не оставляли попыток нас завоевать. Впрочем, в последние годы между нашими королевствами установилась видимость дружбы. Войны поутихли, но мы-то прекрасно понимали, что сегодняшняя дружба зиждилась на крови...

Вернее, на крови и страхе, что Арондел все равно победит.

Но если бы Брайн Стенвей женился на одной из прибывших на отбор принцесс — Шейлы из Зарейна или же Сины из Устеда, — то у этой дружбы появилась бы куда более сильная опора в виде родственных связей...

Тут отзвучала музыка, и шагнувший вперед распорядитель — пожилой, преисполненный важности придворный в белоснежном наряде — объявил, что сейчас король назовет имена девушек, которых он решил оставить на отборе.

Я уже знала, что во дворец нас прибыло двадцать пять, но беглого взгляда хватило, чтобы подсчитать: перед тронном выстроились всего лишь двадцать две избранницы. Выходило, трое не прошли проверку у магов, и их не допустили на церемонию представления.

Теперь же, после ее окончания, пришло время узнать, кто из оставшихся девушек продолжит отбор.

И если мое имя не прозвучит, то король вежливо со мной попрощается, после чего мне придется думать, как вернуться на Хокк и где взять деньги на лечение брата, потому что вряд ли дядя будет так благосклонен после моего провала...

Я впилась ногтями себе в ладонь, а в другую руку мне впились ногтями Тэль.

Но, к удивлению, своего имени ждать мне слишком долго не пришлось.

Впрочем, первой из избранниц король назвал имя красавицы Бэсси Берналь. На это ослепительная блондинка в золотистом платье величественно качнула головой, словно ничего другого не ожидала. Вышла из ряда и поклонилась монарху Арондела.

Вскинула голову, обедая остальных избранниц торжествующим взглядом, и я отстраненно подумала, что корона Арондела ей будет очень даже к лицу.

Но время ее триумфа подошло к концу, потому что уже прозвучало следующее имя. Второй из избранниц, прошедших испытание, оказалась принцесса Зарейна Шейла. Затем было названо имя Элизы, младшей дочери короля Визмора, после чего я решила, что сейчас придет черед светловолосой принцессы Сины из Устеда.

Но я ошиблась.

— Леди Корнуэлл, — произнес король, устремив свой взгляд в мою сторону. — Рад вашему приезду на отбор!

И в этот самый момент в меня впились даже не десятки, а сотни глаз.

— Агата!.. — прошептала моя новая подруга, и я почувствовала легкий толчок в бок. — Агата, ну выйди же ты вперед!

Очнувшись, сделала шаг из строя, потому что...

Потому что прекрасно понимала, что именно сейчас Олли заполучил целый год жизни!

Улыбнулась королю, все еще не в силах верить в свое счастье — я прошла первое испытание! — затем шагнула назад, слушая, как Брайн Стенвей продолжил одну за другой вызывать девушек, и они, поблагодарив его, возвращались на свои места.

Вскоре Тэль совсем уж приуныла, готовая вот-вот расплакаться, потому что имен прозвучало около двадцати, а ее все еще не было... Но тут король вызвал из строя и леди Найд.

Это тут же зажгло румянец на ее бледных щеках. На губах заиграла робкая улыбка, а я подумала, что зря она на себя наговаривает: Вильгельмина Найд тоже была удивительной красавицей! Пусть не такой яркой, как многие девушки на отборе, но в ней присутствовал особый шарм, который нужно было лишь разглядеть.

Затем, когда все закончилось, Брайн Стенвей замолчал, и слово снова взял важный придворный. Заявил, что король сегодня решил не отпускать никого из избранниц, прошедших проверку у магов. Имена тех, кто по какой-то причине ее провалили, оглашать не стали, и я подумала, что это было правильным решением...

Как и то, что меня оставили во дворце!

Но при этом я прекрасно понимала, что в следующий раз мне может так сильно не повезти. И еще, что борьба за внимание короля только начинается.

— Пройденное испытание очень вам к лицу, леди Корнуэлл! — раздался над ухом знакомый голос, и от неожиданности я резко повернулась.

Конечно же, герцог Раткрафт, кто же еще?!

— Вы раскраснелись, и ваши зеленые глаза сверкают, — добавил он. — Неужели вас настолько окрылила надежда заполучить в свои сети моего кузена? Или же вас куда больше вдохновляет возможность стать королевой Арондела?

Мне показалось, что за последние несколько минут настроение герцога серьезно испортилось. Сейчас он выглядел куда более язвительным, чем до оглашения имен, и его губы кривились в саркастической усмешке.

И я подумала: какая муха его укусила? Что с ним не так, если все... именно так, как мне бы хотелось?! Ведь я прошла, и Олли будет жить!..

Или же... Быть может, герцог хотел, чтобы король отпустил с отбора одну из девушек, которая запала ему в душу, но Брайн Стенвей оставил всех, тем самым испортив своему кузену настроение?

Хотя что я могла знать о королевской семье и перепадах настроения герцога Стенвея?!

— Не придумывайте! — улыбаясь, сказала ему. Потому что моего ему было не испортить. — Королевой Арондела мне никогда не стать, и вы прекрасно это знаете. Сами же мне на это намекали! Зато я поняла, что наш король не только на портретах, но и в жизни удивительно красив...

К тому же, произнеся это, я еще и вспомнила, как палилась на смуглую кожу и темные волосы в распахнутой на груди рубашке Брайна Стенвея, и, кажется, покраснела.

Взгляд герцога посуровел.

— Поздравляю вас с поразительным успехом быть названной четвертой на королевском отборе! — заявил он, и я поняла, что, по его мнению, это была так себе честь. — Желаю вам приятного вечера, леди Корнуэлл! Не забывайте, что по правилам отбора вы танцуете с королем четвертый танец. Во избежание недопонимания со стороны моего кузена, я советую вам не принимать приглашения других кавалеров, пока этого не произойдет. Позже вы сможете танцевать с кем вашей душе угодно. Например, со мной.

— Но почему?..

Вернее, я хотела сказать ему, что вовсе не собираюсь принимать чьи-либо предложения — только его, да и то в благодарность, что он так выручил меня с платьем, — но, кажется, милорд герцог понял меня не совсем правильно.

— Если вы хотите знать причину, то я вам ее назову. Мой кузен — большой собственник, — произнес герцог, а затем почему-то добавил: — Подозреваю, это у нас семейное.

После чего развернулся и ушел.

А я осталась, недоуменно уставившись ему вслед.

Затем, повернувшись, я еще немного послушала, как вздыхает и собирается вот-вот расплакаться от счастья Тэль, после чего бросила взгляд на проходившую мимо леди Виторину.

Распорядительница, обняв за плечи одну из избранниц, выглядевшую совсем уж бледной, вела ее к ближайшей колонне. Похоже, собиралась привести девушку в чувство, потому что я услышала, как она попросила кого-то принести ей нюхательные соли.

Тут объявили танцы, и собравшиеся в Тронном Зале пришли в движение, заслонив от меня и леди Виторину, и ту самую страдалицу. Вернее, счастливицу, потому что сегодня никто из стоявших в ряду избранниц не ушел.

Да и Тэль куда-то исчезла — наверное, отправилась к своей семье, присутствующей на приеме, чтобы выслушать от отца... Не думаю, что поздравления. Скорее, наставления на дальнейший отбор.

Тем временем слуги распахнули двери в соседний зал, и король, вновь спустившись с трона, подхватил под руку Бэсси Берталь. На это она ответила ему улыбкой будущей королевы, и Брайн Стенвей повел ее туда, откуда уже разносилась чудесная мелодия одного из контрдансов.

И я возблагодарила Богов за то, что знакома с придворными танцами.

Да, мама научила меня и этому, так что я куда сильнее страшилась опоздать к своему танцу, чем опозориться во время него. Решила сразу же отправиться в Бальный Зал, чтобы король уж точно меня нашел, но, опять же, не дошла, так как дорогу мне преградил высокий, грузный мужчина в бархатном черном камзоле. Вырос из толпы придворных и остановился передо мной — так сразу и не обойти!

У него были седые волосы, глубокие борозды морщин, надменное лицо и ледяные серые глаза.

— Значит, на отбор прибыла Агата Корнуэлл, — произнес он. — А почему же не Абигейл?!

Лицо его показалось мне неприятным, а в голосе не было ни капли даже напускной вежливости. Наоборот, мужчина был подчеркнуто груб и вовсе не собирался со мной церемониться.

— Бедняжка Абигейл заболела, поэтому приехала я, — сказала ему, размышляя, кто бы это мог быть.

По словам леди Виторины, приобрести врагов на отборе проще простого, что, судя по всему, и произошло. Но почему же так быстро?!

Или же это были старые враги дяди Бернарда?

— Похоже, бедняжка Абигейл сидит на своем острове и не высовывается, — усмехнулся здоровяк. — Значит, старик Корнуэлл побоялся отправить в столицу родную дочь и вместо нее прислал племянницу... Опасается меня, и правильно делает!

— Кто вы такой? — нахмурилась я. — И что вам от меня нужно?

— Альберт Блаквелл, граф Маклахан, — представился он. — Неужели маленькая леди Корнуэлл меня не знает? Уверен, в вашем доме мое имя прославляли на все лады, потому что именно я вывел твоего дядю на чистую воду!

И мне все стало совершенно ясно.

— Это вы стали причиной потери доверия со стороны короля, — сказала ему, — потому что интриговали против моего дяди. Многократно его оболгали, потому что предоставляли следствию то фальшивые доказательства, то несуществующих свидетелей... — На это он было вскинулся, но я не дала ему вставить и слова: — Но очень скоро король поймет, как обстояли дела на самом деле, и накажет истинных злоумышленников того заговора! Вернее, он уже начал что-то подозревать, поэтому сделал шаг навстречу моему дяде и прислал Корнуэллам приглашение на отбор. Поэтому я и здесь...

— Поэтому ты, — заявил мне граф Маклахан, — будешь сидеть тихо и не высовываться! Я советую тебе держаться как можно дальше от короля. А еще лучше — собрать свои манатки и возвращаться домой, делать тебе здесь нечего! Убирайся отсюда, иначе ты закончишь в месте, которое намного хуже, чем то, куда отправили твоего дядю.

На это я хотела сказать ему, что из манаток у меня всего лишь один саквояж, на мне чужое платье, а местами похуже меня не испугать.

Но не стала, решив, что связываться с таким грубияном — не уважать себя. Поэтому, пожав плечами, заявила ему, что мы еще посмотрим. Затем развернулась и ушла, не став слушать, что он, пылая гневом, говорил мне вслед, — вот еще!..

К тому же удара в спину я не ожидала.

С мечом на меня он бы не бросится. Оружия у графа Маклахана не было, на такое у меня глаз наметан, а магические потоки обходили Тронный Зал далеко стороной. Поэтому я со спокойной совестью отправилась в Бальный, где, нисколько не опоздав, совершенно чудесно протанцевала с королем свой четвертый танец, видя одобрение в его темных глазах.

После этого я вернулась в толпу, чувствуя, как от волнения у меня снова начинает кружиться голова. Король тем временем пригласил рыжеволосую красавицу Хариетт Рейд — ее имя прозвучало пятым, как раз после моего, затем своей очереди ждала Сина, принцесса Устеда.

Ко мне же подошел Джеймс Стенвей.

— Ваш танец, — повернулась я к нему. — Когда бы вы хотели его получить?

— Прямо сейчас, — отозвался он. — Но с единственным условием — вы не станете петь хвалебные оды моему кузену. Поверьте, я наслушался их порядком — каждое утро во всех Храмах службы начинаются за его здравие.

— Неужели вы ему завидуете? — удивилась я.

— Нисколько, — уверенно заявил герцог, протягивая мне руку. — Потому что я свободен в своем выборе, а Брайн должен думать не столько о себе, сколько о нуждах королевства.

— Зачем вы мне это говорите? — нахмурилась я. — Неужели затем, чтобы снова предупредить, что на отборе мне не победить? — Я прекрасно это понимала и без него. — Или же вы твердо решили испортить мне настроение, потому что и ваше не слишком-то хорошее?

На это Джеймс Стенвей широко улыбнулся, и я передумала спорить.

— Давайте уже танцевать, Агата! — произнес он. — Надеюсь, вы простите мою некую неучтивость — я забыл вам сказать, что этим вечером вы выглядите поистине очаровательно.

Вашими стараниями, хотела сказать ему. Но, опять же, не стала.

— Уверена, вы самый любезный из всех кавалеров в этом зале, — заявила так же любезно.

Кроме его кузена, чье имя мы договорились не упоминать, ну и графа Маклахана — тому вежливости еще нужно поучиться!

— Ну что вы, Агата, во дворце обо мне ходят ужасные слухи! Например, что я терзаю молодых девиц, причиняя им невероятные страдания своим ужасным нравом...

— О, как интересно! — отозвалась я. — И когда вы уже начнете меня терзать? А то я до сих пор не заметила вашего ужасного нрава!

На это он, усмехнувшись, пожаловался, что я нисколько его не боюсь, и этот феномен требует пристального изучения.

Изучал он его на протяжении даже не двух, а трех танцев, потому что король был занят до самого окончания бала — целых двадцать две избранницы нуждались в его внимании и ждали своей очереди быть приглашенными!..

Наверное, герцог изучал бы и дальше, но в один прекрасный момент — вернее, так себе момент! — я поняла, что на этом все. Мои силы подошли к концу, и даже нюхательные соли леди Виторины вряд ли мне помогут.

Потому что голова кружилась так, что перед глазами рябило. Накатила жуткая слабость, и я с трудом стояла на ногах.

Мне хотелось лечь, закрыть глаза и забыться.

— Что с вами, Агата? — встревожился герцог, когда я попросила отвести меня к колонне. А еще подумала — странное дело, он не отходил от меня весь вечер, а ведь вокруг полным-полно прелестных девушек!

— Я чувствую себя жертвой кораблекрушения, — призналась ему. — Кажется, будто бы плыла целую неделю, боролась за свою жизнь, а потом, когда сдалась, меня все-таки выкинуло на берег... Но сил, чтобы подняться и возликовать, у меня уже не осталось.

Он усмехнулся.

— Похоже, вы не слишком-то привыкли к подобного рода развлечениям!

— Простите, если вас разочаровала. Надеюсь, сейчас я немного постою и мне станет лучше...

— Думаю, вместо того, чтобы превратиться в украшение этой колонны, — той самой, к которой я прижималась спиной, — вам все же нужно вернуться в свои покои и хорошенько отдохнуть. Потому что завтра рано утром намечена большая охота, на которой, я уверен, вы поразите моего кузена своим умением великолепно держаться в седле... — Тут он уставился на меня. — Кстати, леди Корнуэлл, вы умеете великолепно держаться в седле?

— Уж как-нибудь не выпаду, — пообещала ему. — А если я... Если я сейчас уйду с бала, король очень расстроится? Или же он этого не заметит?

— Если вы упадете в обморок, Брайн наверняка это заметит, — отозвался герцог. — Но, подозреваю, это не то внимание, которое вы бы хотели на себя обратить.

Кивнула. Тут он прав!

— Спасибо, что вы со мной возитесь! — произнесла я растроганно.

— К сожалению, несмотря на то, что я с вами вожусь и не отказался бы проводить и своими глазами убедиться, что вы отправились отдыхать, мне все же не стоит появляться в крыле невест. Это может навредить вашей репутации, — заявил он, затем добавил, что поищет леди Виторину, и посоветовал мне не падать с ног хотя бы еще несколько минут.

Ушел, а я закрыла глаза, понимая, что герцог во всем прав. Мне нужно вернуться и лечь спать, так как я не рассчитала своих сил. И еще, леди Виторина тоже права — у меня не так много друзей, чтобы отказываться от их помощи.

Только вот мне почему-то казалось, что в некоторых словах и взглядах Джеймса Стенвей, крылось куда большее, чем дружба и сочувствие к нуждающимся, как завещала нам Святая История.

Но разве такое возможно?!

Джеймс Стенвей, герцог Раткрафт

Они устроились в креслах в Малом Овальном Кабинете. Брайн потягивал амаранский коньяк, и на его лицо бросали блики алые языки пламени из камина. Сам же король разглядывал шахматную доску. Вернее, уставился на совершенно безвыходную позицию, в которую попали его белые, загнанные в угол после быстрого и напористого нападения черных.

Джеймс Стенвей, вытянув длинные ноги, посматривал на своего кузена, потому что ситуация на шахматной доске была прекрасно ему известна и полностью его устраивала. До этого он никогда не замечал в себе особой кровожадности по отношению к венценосному брату, но сейчас и эта партия, и разговор, который затеял король, его порядком раздражали.

Именно из-за этого он решил поскорее закончить игру, затем, сославшись на усталость, отправиться в свои покои; и с самого начала партии был быстр, стремителен и кровожаден, не оставив Брайну ни единого шанса спасти ладью, чтобы уже через два хода загнать короля в угол.

Белого короля на шахматной доске.

При этом он никак не мог понять причины собственной раздражительности. Неужели дело в их разговоре? Обычном вечернем разговоре без обсуждения проблем Арондела, одобренном парой глотков выдержанного коньяка?

Или же дело в том, как Агата Дорсетт смотрела на его кузена?!

Раскрасневшаяся, с блестящими глазами и вздымающейся от учащенного дыхания грудью — воспоминание о груди леди Корнуэлл в узком лифе голубого платья все еще порядком тревожило его воображение, — она не спускала глаз с короля и выглядела удивительно прелестной.

Чтобы заполучить это платье, Джеймсу пришлось поднять на ноги всю дворцовую артель швей, которые и сейчас, озадаченные его приказом и щедрым вознаграждением, не спали, расшивая амазонку для завтрашнего выезда леди Корнуэлл.

— Джеймс, да что с тобой? — нахмурился Брайн. — В последнее время ты порядком растерян, брат мой! Признаю, в шахматах тебе нет равных во всем Аронделе, если не считать архиепископа Плесби... Но неужели тебе настолько скучно со мной играть, что ты витаешь в облаках? — Затем улыбнулся: — Это, признаюсь, довольно болезненный удар по моему самолюбию.

- Нет же! — отозвался герцог с досадой. С досадой на себя. — Но ты прав, я немного задумался. Так о чем ты у меня спрашивал?

— Мне нужен дружеский совет, Джеймс, потому что мне советуют все подряд. Даже те, у кого я не спрашиваю. Зато ты молчишь...

— Какого именно совета ты от меня ждешь?

— Хочу узнать твое мнение, как мне лучше поступить. Повести себя как наш дед, Теодор II, сперва прозванный в народе Безумным, потому что никого и никогда не слушал, а потом Справедливым, потому что делал только то, что считал нужным... И во многом это были правильные решения.

— Или же? — вскинул темную бровь герцог.

Разговор начинал его занимать.

— Или же как мой покойный отец, всегда прислушивавшийся к тому, что говорят другие, и опиравшийся в своих решениях на древний артефакт? Быть может, мне стоит следовать советам Ближнего Круга и вытащить Сердце Пламени из сокровищницы?

— А что подсказывает твое собственное сердце? — спросил у него Джеймс. — Мы ведь говорим о твоей женитьбе, Брайн! Какой бы ты выбор ни сделал, по какому бы пути ни отправился, тебе с этим выбором жить.

Король пожал плечами.

— Их слишком много, Джеймс! И я боюсь ошибиться.

— Их много, — согласился герцог. — Так отсебей тех, кто не подходит и кто тебя не впечатлил, и девушек останется намного меньше. Так сделать выбор будет значительно проще.

Сказав это, Джеймс повернулся к шахматной доске, и Брайн потерял белую ладью. Но король к своей утрате отнесся философски, лишь пожал плечами.

— Знаешь, что сказали мне маги? Те, кто проводил освидетельствование избранниц.

— Вернее, проверку их девичьей чести? — губы Джеймса коснулась скептическая улыбка. — Неужели они допустили ошибку, и среди избранниц посмела затесаться блудница? Нарушила правила отбора, чтобы внести краски в это... гм... довольно скучное мероприятие?

Это была шутка, потому что Брайн, при всем своем спокойствии, обладал решительным нравом и тяжелой рукой. После провалившегося заговора он без сожаления казнил несколько сотен заговорщиков. Больше тысячи гнили в тюрьмах или же пытались искупить свою вину на королевских каменоломнях.

Поэтому мало кто рискнул бы нарушить правила отбора.

— Все значительно интереснее, — отозвался король. Затем усмехнулся: — Хотя что может быть интереснее блуда? Бессмысленного, но такого приятного?

— И что же они тебе сказали? — поинтересовался Джеймс, не настроенный на подобного рода философские беседы.

— Они посоветовали обратить внимание на Агату Дорсетт, — заявил Брайн и потянулся к бокалу с коньяком.

Рука герцога, которой он решительно двигал ферзя, чтобы поставить белому королю мат и прервать его жалкое существование, дрогнула, и фигура так и не встала на нужную шахматную клетку.

— Даже так? — удивился Джеймс. — Интересно, почему?

— Потому что, по их словам, на нее странным образом реагирует Малое Сердце. Но они так и не смогли дать мне внятного объяснения, так как сами теряются в догадках. Вернее, единственное их предположение было в том, что легенда о Святой Крови, записанная в хрониках Стенвеев, — это никакая не легенда.

— Бред! — пожал плечами Джеймс. — Неужели ты веришь в эту глупую сказку тысячелетней давности? В то, что Первому из Стенвеев досталась корона Арондела от самой Святой Истони, а Корнуэллам, на которых короны не хватило, она всучила своего ребенка, потому что согрешила с одним из них?

Брайн пожал плечами.

— Признаюсь, не слишком, — отозвался он. — К тому же до сегодняшнего дня не было ни единого подтверждения этому факту. Да и та запись...

— Я видел ее, Брайн, — кивнул Джеймс. — Одна строка в семейной хронике, и я не думаю, что тебе стоит брать это в голову!

Затем, почувствовав очередной прилив недовольства — как каждый раз, если речь заходила об Агате Дорсетт, — Джеймс уставился на шахматную доску, пытаясь понять, как выбраться из неприятностей, в которые сам себя и загнал.

— Но артефакт все же реагирует на Агату Дорсетт, — произнес король, — и от этого факта никуда не деться. Маги говорят, что такого они никогда не видели.

— Они не могут ошибаться?

— Думаешь, начали пить во славу королевского отбора с самого утра? — усмехнулся Брайн. — Интересная версия, но мне кажется, в ней что-то есть, в этой Агате Дорсетт! И я собираюсь к ней хорошенько присмотреться.

Затем перевел взгляд на доску, после чего с легким удивлением посмотрел на своего кузена.

— Почему ты меня еще не прикончил? Ты должен был поставить мне мат еще ход назад.

— Решил дать тебе возможность еще немного пожить, — отозвался Джеймс, чтобы как-то скрыть свою досадную ошибку.

Потому что его слабость как раз и была той самой досадной ошибкой, и ему это нисколько не нравилось. Вернее, он собирался покончить со своей слабостью к Агате Дорсетт.

Мне это ни к чему, заявил он себе. Хватило мне и Бэсси.

— Благородно с твоей стороны, — похвалил его Брайн. — Ну раз так, тогда скажи мне, что ты думаешь насчет принцессы Визмора Элизы?

— Мила и набожна, — отозвался Джеймс. — Но зная твой безудержный нрав... Боюсь, очень скоро ты с ней заскучаешь и начнешь искать себе развлечения на стороне, а это вряд ли пойдет на пользу твоему браку. Отец Элизы суров и тоже набожен, и мне не хотелось бы потерять такого союзника.

— Тогда как насчет Шейлы, принцессы Зарейна?

— Опасно, — усмехнулся Джеймс, — но довольно интересно. Хотя после свадьбы она вполне может поселиться в твоих покоях с ящиком кобр, сказав, что это ее приданое.

Король рассмеялся.

— Ты прав, друг мой! Пожалуй, это слишком опасно. А Бэсси... — голос короля дрогнул, что не укрылось от внимания Джеймса. — Скажи мне, как ты отнесся к тому, что я назвал ее первой? Это сильно задело твои чувства?

— Шах, — вместо этого заявил ему Джеймс. — Шах и мат!

И тут же подумал, что за последние часы ни разу не вспоминал о Бэсси, словно она оказалась за Гранью его мира. Вернее, Бэсси где-то была, существовала, смеялась, облизывала пухлые губы и смотрела на мир синими как небо глазами... Ей тоже смотрели вслед, ее красотой восхищались, ее воспевали, за ней пытались ухаживать, таскались многие, терзая свои сердца несбыточными надеждами.

Надеждами, которые она втаптывала в землю острыми каблучками.

Но сейчас все это происходило далеко от него. Настолько далеко, словно не было между ними никакого разрыва, потому что его чувств к ней не существовало и в помине.

— Это твой отбор, Брайн! — в который раз сказал он своему кузену. — Они приехали к тебе, поэтому тебе и выбирать. А сейчас, если ты простишь, мне нужно откланяться. Остались еще кое-какие незаконченные дела.

— Ах вот как?! — усмехнулся король. — А ты, гляжу, не изменяешь своим принципам, Джеймс! Полгода назад ты сказал, что совета от тебя не дожидаться. Так оно и есть.

На это Джеймс пожелал королю приятного вечера, после чего покинул Малую Приемную и зашагал в сторону своих покоев. Потому что та, до которой ему почему-то оказалось дело, давно уже спала.

Глава 7

Лакей, которому леди Виторина поручила отвести меня назад, в мои покои, расположенные в восточном крыле огромного дворца — так называемом Крыле Невест, — шел туда каким-то слишком уж замысловатым путем.

Я брела за ним, поглядывая то на его спину и широкие плечи, обтянутые черной с золотом ливреей, на которую бросал блики факел в его руке, то по сторонам... И пусть мне до ужаса хотелось спать, а в Бальном Зале я буквально валилась с ног от усталости, но довольно скоро я проснулась и даже падать перестала.

Подумала... Он что, держит меня за дуру?!

Дурой я себя не считала, и представление, в какую сторону нужно идти, я тоже имела. Но вместо этого мы двигались в противоположном от Крыла Невест направлении, причем выбирая малоосвещенные коридоры и залы, в которых к тому же не стояло стражи.

Судя по всему, лакей старательно обходил ее стороной, и это тоже бросалось глаза.

— Интересно, куда это вы меня ведете? — спросила я, накинув на себя магическую защиту.

С испугу у меня вышло довольно прилично. Преподаватель, который обучал магии Абигейл, потому что Дар у кузины все же имелся, а заодно учил и нас с Олли, наверное, остался бы доволен.

И я собиралась обязательно ему об этом рассказать. Если, конечно, выживу, потому что я понятия не имела, что здесь происходит.

Но выжить все-таки бы не отказалась, поэтому под моими ладонями принялись разгораться красные магические вихри боевого заклинания.

— Не волнуйтесь, леди Корнуэлл! — отозвался лакей. Он был молод и вполне уверен в себе. — И магию свою тоже уберите. Я не причиню вам вреда.

— Уберу, когда скажете, что вы задумали!

— С вами кое-кто хочет увидеться, — вот что он мне на это ответил.

И раньше, чем я успела возмутиться — ему следовало предупредить об этом заранее, а не ставить меня в известность, когда я чуть было не стерла боевым заклинанием ухмылку с его лица!.. Так вот, в этот самый момент лакей показал мне знак Братства Голодных.

На это я кивнула — ну конечно, кто же еще?! — и мы продолжили путь. Ничего рассказывать он не стал, кроме того что мы направляемся к конюшням, расположенным возле западного крыла, где и состоится встреча.

И я уже догадывалась, с кем именно.

Вскоре мы беспрепятственно выбрались из дворца, но затем столкнулись с патрулем. Они тоже не стали проблемой — лакей показал знакомым ему стражникам знак Братства, и нас пропустили без разговоров. Затем показались те самые конюшни — узнала их по запаху, — но, приблизившись, внутрь мы не пошли и лошадей пугать не стали. Вместо этого свернули за угол, после чего лакей заявил, что дальше он уже не пойдет. Подождет меня здесь, чтобы проводить после встречи назад, в Крыло Невест.

Меня же ждут как раз за следующим углом.

Кивнув, зажгла магический светлячок — потому что факел остался с моим проводником, — после чего завернула за бок темного здания, представ перед тем, с кем рассталась два года назад.

Именно его я искала после того, как сошла с борта «Гордости Империи», и именно он меня нашел. Это был мой друг детства — тот, кто помог мне раздобыть деньги на лечение Олли, и, что уж тут кривить душой, только благодаря его помощи мой брат все еще был жив. Не умер в приютском лазарете, куда переводили безнадежно больных.

— Агата! — выдохнул Мэтью, двинувшись мне навстречу.

А я... Я почему-то непроизвольно отшатнулась.

Отшатнулась, потому что я вовсе не думала кидаться ему на шею после двухлетней разлуки. Вместо этого попятилась, так как зажженный мною магический светлячок, с трудом отвоевывавший кусочек освещенного пространства у чернильной темноты, вырвал из полумрака совсем другого

человека.

Мало похожего на того, кто оставил меня на острове Хокк.

Он сильно изменился, решила я.

Но все же это был Мэтью — мой старый друг, которого я целых два раза вытаскивала с того света, залатывая огромные дыры на его теле. Один раз во время неудачного ограбления в него угодило боевое заклинание от охранявших банк магов, и его притащили ко мне едва живым. Второй раз мне пришлось затягивать несколько ножевых ран. По словам Мэтью, он получил их в пьяной драке в трактире, в котором кому-то угодил под горячую руку...

Я не слишком-то в это поверила, но, в очередной раз отбив его у смерти, взяла с него обещание. И Мэтью, глядя мне в глаза, пообещал, что на этом все. Он больше не будет грабить магазины, нападать на стоявшие в порту Вильмы корабли или же врываться в банки, потому что возьмется за ум и выберет себе другой путь и другую жизнь.

Жизнь добропорядочного человека.

Но, стоило ему встать на ноги, как все снова становилось по-старому, на что Мэтью тут же начинал меня уверять, что делает это ради нас с братом.

Но я-то знала, что это ложь! Причина вовсе не в Олли или же во мне — потому что одолженное Годфри я отработывала сама, рассчитываясь с ним лекарскими или магическими услугами.

Мэтью делал это ради себя — ему нравилось ходить по лезвию ножа и зарабатывать нечестным путем, — хотя я твердила ему, что так он себя погубит!.. Однажды его либо убьют, либо засадят за решетку на долгие годы — а то и на десятилетия, потому что законы в Аронделе жестокие, никакой пощады!..

На это Мэтью продолжал мне обещать, что обязательно завяжет, прекратит, найдет нормальную работу. Ведь он крепкий и руки у него умелые — как раз то, что нужно на Хокке!

Может, даже пойдет моряком на китобой, — вот что он мне говорил...

Но все тянулось и тянулось, пока половину банды Годфри не поймали и Мэтью не пришлось скрываться.

И теперь, глядя на него — на его гладковыбритое, возмужавшее лицо, на добротную одежду и уверенно расправленные плечи, я прекрасно понимала, что раз он пришел по моему зову, то ничего не изменилось.

Он все еще в Братстве.

Вернее, в одной из столичных банд.

— Агата!.. — повторил Мэтью, но на этот раз настойчивее.

И я, прикусив губу, все же позволила себя обнять, на миг ощутив прикосновение его крепкого тела и уловив запах жевательного табака и дорогого алкоголя. Затем Мэтью отстранился, заглядывая мне в лицо.

— Зажги-ка посильнее свою магию! — приказал мне, потому что никогда не хотел слушать то, о чем я ему рассказывала. Например, что магию нельзя зажечь, для этого существуют заклинания. — Хочу получше тебя рассмотреть!

На это я запустила в воздух еще один светлячок, после чего, очнувшись от тягостных воспоминаний детства, накинула на нас звуконепроницаемый купол и выставила магические метки, которые должны были предупредить, если появится кто-то из посторонних.

— Выросла! — заявил мне Мэтью довольным голосом.

Я тоже уставилась ему в лицо, отметив тяжелую челюсть, непокорную черную челку, спадавшую на широкий лоб и казавшиеся черными как сама ночь глаза. На Хокке он всегда привлекал девичьи взгляды, и я не думала, что в столице что-либо изменилось.

— Какая же ты все-таки стала! — наконец, перестав меня разглядывать, заявил Мэтью.

— Какая? — спросила у него.

— Красавица! — выдохнул он. — Ты стала настоящей красавицей, Агата! Но я всегда об этом знал. Сразу же понял, как только увидел тебя в приюте.

— Мэтью! — покачала я головой.

Он много раз пытался за мной приударить, на что я постоянно давала ему понять, что между нами может быть только дружба.

— Итак, ты приехала в Стенстед! — добавил он, к моей радости обойдя сложную тему стороной.

— Приехала, — согласилась ему, — но не по своей воле. Дядя отправил меня на королевский отбор. Поэтому я здесь, во дворце.

Мэтью кивнул, словно для него это не было секретом.

— И что же он от тебя хочет?

— Дядя? — усмехнулась я. — Чтобы обелила его порядком запятнанную репутацию.

Затем решила ему рассказать — так, в общих чертах, потому что это все-таки был Мэтью, мой старый, мой лучший, вернее, мой единственный друг детства.

— Это старое дело, Мэтью! Дяде приписывали близкие связи с семьей заговорщиков Зеймурами. К тому же несколько мятежных лордов состояло в его партии... Партия Влияния, вот как она называлась!

— Никогда о такой не слышал, — пожал он плечами.

— Потому что после мятежа ее запретили во всем Аронделе. Так вот, этот самый Зеймур и еще двое мятежников из высших кругов как раз в ней и состояли. Потом их схватили и казнили, потому что их вина была полностью доказана, а дядю, как председателя той самой Партии Влияния, протащили через следствие. Прямых доказательств против него не было, но его враги, Маклаханы и Браммеры, упорно пытались отправить лорда Корнуэлла на плаху. Подкидывали следствию фальшивых свидетелей и сфабрикованные улики. Правда, дядю все же оправдали, потому что ничего доказать так и не удалось. Но королевского расположения он все-таки лишился.

— А он, значит, хочет, чтобы ты его вернула?

Кивнула. Именно так!

— К тому же дядя подозревает, что его враги и сами замешаны в заговоре. Слишком многое они знали, когда пытались его утопить, и слишком уж ладно «пели» подсунутые ими свидетели. Лорд Корнуэлл дал мне с собой бумаги...

Сказав это, я мысленно поморщилась, потому что и дядины документы тоже были так себе — ни одного прямого доказательства, одни лишь его подозрения.

— Но я пока не знаю, как мне быть, — призналась я Мэтью. — Вернее, с чего мне начать.

Наверное, стоило повнимательнее присмотреться к графу Маклахану. Наше с ним знакомство началось с угроз, и мне показалось это довольно странным.

— Как далеко ты зашла? — Мэтью красноречиво покосился на темную громаду королевского дворца.

— На отборе? — поинтересовалась я. — Только что закончилось первое испытание. Его прошли все, кто приехал в столицу, так что это несомненный мой успех. — Усмехнулась. — А вот завтра... Завтра уже состоится настоящее испытание, там-то и будет видно.

— И что ты собираешься делать?

— Пока еще не знаю. Попробую для начала что-то разузнать. Если ничего не получится, то отдам дядины документы королю или его кузену.

Думать о Джеймсе Стенвее оказалось куда спокойнее, чем о короле.

— Герцогу Раткрафту? — поморщился Мэтью. — С этим поосторожнее, Агата! Он не только входит в Близкий Круг, но еще и курирует Тайную Канцелярию и знает обо всем на свете. Может понять, что ты не та, за кого себя выдаешь.

На это я уставилась на него недоуменно.

— А кто я, по-твоему? За кого я себя выдаю?

— Ты наша, Агата! — заявил мне Мэтью уверенно. — Ты всегда была нашей!

Кажется, я снова отшатнулась.

— Мы тебе поможем, — добавил Мэтью.

— Поможете, вы?! Но как?

— Наши люди из Братства будут за тобой присматривать, а я порасспрашиваю там и сям о твоих Маклаханах и Бруммерах. Может, кто и что слышал...

— О лорде Браммере, — поправила я, ощущая, как меня охватывают не слишком хорошие предчувствия.

Потому что я вовсе не собиралась просить у Мэтью о помощи в этом деле. И оказалась права — да, насчет этих самых плохих предчувствий!..

— Но есть одно условие, — добавил Мэтью.

— Какое еще условие? О чем ты говоришь?!

Но вместо того, чтобы все мне рассказать, старый друг заюлил:

— Кое-кто узнал, что ты на отборе, Агата! Он желает тебе удачи и шлет подарок...

— Мэтью, — я посмотрела ему в глаза, — кто именно обо мне узнал? И какой еще подарок?!

— Вот, — он достал из кармана браслет, от которого — я сразу же почувствовала! — шли необычные магические колебания. — Просил передать тебе защитный талисман...

— Артефакт, — поправила я. — Но для чего?!

— Это какая-то магия, — отмахнулся Мэтью.

— От кого, Мэтью? Кому ты успел про меня рассказать?

И, главное, зачем?!

— От Жилия ДеСоля, — наконец, произнес он.

На это я поморщилась — никогда о таком не слышала.

— Кто он, этот Жиль?! Очередной Хороший Годфри? Ты ведь в его банде, Мэтью?

- Агата...

Он протянул было ко мне руку, но я покачала головой. Пусть и не думает ко мне прикасаться!

— Я так и знала, что ничего не изменится! Еще тогда, на Хокке, поняла, что в столицу ты едешь вовсе не к своему несуществующему родственнику. Просто бежишь от жандармов, потому что влип в серьезные неприятности.

Он нахмурился, а я добавила:

— Но я все равно решила разыскать тебя, потому что...

— Потому что тебе понадобилась моя помощь, — констатировал он.

— Нет же, Мэтью! Потому что ты — мой единственный друг здесь, в Стенстеде! Мы так много пережили с тобой на Хокке, и я хотела тебя увидеть. Тебя, Мэтью, а не главаря твоей шайки! А ты приносишь вот это, — кивнула на браслет, — и ставишь мне условие. Что ему от меня нужно?!

— Ты права, — наконец, признался он. — Жилю кое-что от тебя нужно, но я не могу тебе об этом рассказать.

— Интересно, и почему же? — спросила у него с сарказмом. — Ты ведь ему уже так много обо мне рассказал, теперь и я бы не отказалась послушать о нем.

— Потому что я и сам ничего толком не знаю, — отозвался он, но я ему снова не поверила.

— Неужели ты до сих пор не его правая рука?! — спросила язвительно.

— Пока еще нет, — покачал Мэтью головой, восприняв мой вопрос с полной серьезностью, — но ты поможешь мне ею стать. Агата, он хочет тебя видеть, поэтому ты должна обязательно с ним встретиться. Жиль не последний человек в столице. К тому же он не последний человек во всем

Братстве. Выслушай его! Он поможет тебе, а ты поможешь ему. А потом я стану его первым помощником.

— Ты сошел с ума, — произнесла я, твердо решив, что не стану ни с кем встречаться. — Даже и не подумаю!

Но Мэтью привычно не обратил на мои слова внимания.

— У нас везде свои люди. Скажешь одному из них, что ты готова, — гнул он свою линию, — и они тут же свяжутся со мной, а я отведу тебя к Жилю.

— Мэтью, эта часть моей жизни навсегда осталась в прошлом, и я к ней уже никогда не вернусь. Я собираюсь оставаться на отборе так долго, сколько у меня получится, после чего уехать назад, к Олли.

И справлюсь со всем уж как-нибудь без его помощи!

— Агата, если ты поможешь мне и Жилю, тебе уже не придется кланчить подачки у своего дяди. Вы будете жить здесь, со мной — ты и Олли. Ты выйдешь за меня замуж и больше ни в чем не станешь нуждаться, я тебе обещаю!

— Ах вот как! — не удержалась я от смешка. — Ты, значит, станешь грабить банки и ювелирные магазины, а я по ночам залечивать твои раны — твои и твоих подельников, а потом носить тебе передачи в тюрьму? Именно такой ты видишь нашу будущую жизнь?

— Все совсем не так, Агата! — покачал он головой. — И все намного серьезней, чем было на Хокке. Очень скоро я не буду размениваться по мелочам, потому что Жилю принадлежит половина столицы. Он контролирует много кого...

— Проститутки, контрабанда, воровские шайки, что еще?

— Не могу тебе сказать, — отозвался он. — Но когда Жиль узнал, что ты отправляешься во дворец, а потом наши люди нашептали, что ты на отборе, он заинтересовался...

— Почему ты вообще ему обо мне рассказал?!

— Потому что это мой шанс, Агата! Я почти его правая рука и хочу ею стать. И я обеспечу тебе будущее...

— О, Мэтью! — закатила я глаза. — Только не начинай!..

— Я люблю тебя, — произнес он. — Всегда любил, Агата, хотя ты и не хотела об этом слушать! И я вовсе не собирался бросать тебя на Хокке. Наоборот, думал за тобой приехать...

И я почему-то не удивилась. Ни тому, что он меня любил, ни тому, что думал за мной приехать.

Но как-то слишком долго думал, уже два года прошло, а он так и не придумал. И даже весточки ни разу мне не прислал, хотя знал, что мы с братом отправились к дяде.

— Мэтью, — сказала ему, — наше прошлое осталось в прошлом, я больше никогда не встану на путь, по которому ты идешь. Так и передай своему Жилю ДеСолю! И тебе тоже я серьезно советую подумать о том, что ты делаешь. Потому что еще не поздно вернуться к нормальной жизни. Святая Истония тоже была простым человеком, и Она тоже совершала ошибки до того момента, пока не прозрела и не спасла мир...

...Она любила того, кто не мог на ней жениться, потому что уже имел законную супругу. Я читала об этом в «Хрониках Конца», хранившихся в тайном отделении приютской библиотеки. Сестра Инноренция, узнай она об этом, уверена, оторвала бы мне голову, хотя кровопролитие в Сестринстве не одобряли.

Но матушка Тилиния сама дала мне ту книгу. Потому что настоятельница была в курсе моих душевных метаний и понимала, что я заплутала на пути к истинной вере, так как отец учил меня совсем другому.

Мы вели с ней долгие беседы, и настоятельница однажды мне сказала, что даже Святой Истонии было сложно сделать выбор. В Ее жизни тоже было место грехам, но Она все равно смогла спасти свою душу и примкнуть к сонму Богов.

А потом матушка Тилиния позволила мне прочесть «Хроники»...

— Агата, — Мэтью покачал головой, — не надо рассказывать мне о житии твоих любимых святых! Я вдоволь хлебнул этой науки еще в приюте, с меня уже хватит! Я выбрал свой путь и пройду по нему

до конца. Стану правой рукой Жилия, а потом займу его место. К тому же то, что он делает, всем идет только на благо.

— О каком благе ты говоришь?

— О том, что Жиль чтит законы Братства и держит порядок в столице. Следит за тем, чтобы на улицах не было бессмысленной жестокости, а банды не нарушали границ своих территорий. Без него в Стенстеде была бы война, и столица умылась бы кровью. Но у нас появилась кое-какая проблема...

— И, конечно же, эту самую проблему решить смогу только я! — усмехнулась в ответ. — Я, Агата Дорсетт, самая незавидная из невест короля Брайна Стенвея!

— Нет, — покачал Мэтью головой, — свои проблемы Жиль решит и сам. Но ты можешь ему помочь. Правда, обо всем расскажет тебе Жиль лично. — И снова протянул мне подарок вора. — Возьми браслет, Агата, ему будет приятно!

— И не подумаю! — покачала я головой, на что Мэтью поморщился.

Все явно шло не по его плану, и Мэтью это порядком раздражало — о такой черте его характера я помнила еще с приюта.

— Браслет защитит тебя от многих неприятностей, — попробовал он меня уговорить. — К тому же это дружеский подарок.

— Ничего я не возьму и встречаться с Жилем не стану, — твердо произнесла я. — Да и вообще, мне давно пора возвращаться. Наверное, меня уже хватились...

Попыталась его обойти, но Мэтью не позволил.

— Подумай, Агата, о том, что тебе нужны друзья! — заявил он, встав у меня на пути. — И что ты всегда сможешь попросить у Братства помощи. Вот и Жилю нужна помощь, потому что это наша общая проблема. Всего Арондела!

— О чем вообще идет речь?! Что это за проблема?

— Желтая Смерть, — наконец, признался Мэтью. — Она уже в столице, Агата, и Жилю это нисколько не нравится!

Я все же вернулась в свои покои — снова прошла, ведомая тем же лакеем, через темный двор, затем по погруженному в полумрак дворцу. Ближе к восточному крылу до меня стали доноситься музыка из Бального Зала и взрывы смеха, а потом мы застали целующуюся парочку, которая тут же юркнула за тяжелую дверь.

Мне показалось, что девушку я видела среди избранниц короля, но целовал ее вовсе не Брайн Стенвей...

Пожала плечами — всякое случается! — после чего, поднявшись по мраморной лестнице и миновав длинный коридор со стражниками, наконец-таки добралась до своих покоев. Лакей, поклонившись, меня покинул, а я закрыла за собой дверь, вздохнув с явным облегчением — добралась!

Как оказалось, своим приходом я порядком удивила горничных. Потому что, несмотря на мою встречу с Мэтью, вернулась я слишком рано и бал все еще был в самом разгаре.

На это я заявила, что буквально валяюсь с ног, так как морское путешествие лишило меня последних сил. И довольно скоро оказалась в постели, возблагодарив Богов за то, что у меня есть горничные, которые помогли справиться со шнуровкой и снять платье, а потом смыть пот и тревоги этого дня.

Я лежала, таращась в темноту, вдыхая незнакомый запах чужой спальни, наполненный тонким цветочным ароматом — в вазах появились свежие букеты, но у меня не было сил расспрашивать, от кого они и кто их принес. Вернее, принесли ли их лично мне или же это повсеместная практика в крыле невест.

Разговор с Мэтью разбудил тягостные воспоминания прошлого, которые смешивались с тревогами сегодняшнего дня. Одно накладывалось на другое, усиливая хаос в моей голове, не давая погрузиться в мир сновидений.

И я тяжело вздохнула.

Стала размышлять о том, что так и не взяла подарок Жилия, хотя Мэтью всеми силами пытался мне его всучить. Сказала, что мне не нужен никакой браслет и с хозяином тоже встречаться не стану, пусть даже меня не уговаривает.

Но Мэтью настаивал, заявляя, что мне пригодится помощь Братства. Потом все же ушел — раздосадованный, сказав напоследок, что они все равно станут за мной приглядывать и чтобы я еще раз подумала насчет Жилия, потому что наша встреча очень важна.

Тут я не удержалась от зевка. Ничего не знаю — для меня важно заполучить как можно больше лет здоровой жизни для Олли и помочь дяде вернуться в столицу. Жиль ДеСоль вряд ли мне в этом поможет — это было выше его сил, каким бы важным человеком он ни оказался в Братстве Голодных.

Потому что заговоры и придворные игры не имели ничего общего с миром по ту сторону закона.

Закрыла глаза, но сон все равно не шел. Вместо него накатила тревога.

Желтая Смерть... Мэтью сказал, что Желтая Смерть уже в столице!

А ведь я с ней уже встречалась!..

Уж и не знаю, каким образом на нашем забытом Богами острове оказалась целая партия сильнодействующего наркотика. Но этот факт уже было не отменить — в притонах и трактирах Вильмы ушлые люди принялись торговать им по пять дукаров за дозу.

Для Хокка это были большие деньги, но продавцы сулили райское наслаждение и сладкое, длительное забытие от всех проблем, забывая добавить, что Желтая Смерть вызывала немедленное привыкание.

Правда, не у всех.

У некоторых — тех, кто принял слишком много или же его тело по какой-то причине отвергало заразу, — наркотик становился причиной быстрой и мучительной смерти. Зато насчет остального зазывалы не врали — у остальных он вызывал продолжительную эйфорию, по окончании которой тут же приходила жажда заполучить еще одну дозу.

Помню, однажды в убежище в горах ко мне притащили бьющегося в судорогах члена банды Годфри. Тогда мы еще не знали, что он принял Желтую Смерть — «Прекрасная Жизнь», вот какое имя ей дали зазывалы...

И нет, я его не спасла, хотя всеми силами старалась. Но мои попытки оказались тщетными — наркотик был сильнее меня.

Затем я не спасла еще одного, который уже успел привыкнуть к этой дряни, хотя Годфри строго-настрого запретил своим людям к ней прикасаться. Во второй раз были уже не судороги, и не паралич, и даже не желтая пена, идущая изо рта несчастного.

Годфри убил его сам.

Воткнул тому нож в горло, заявив, что так будет с каждым из его банды, кто прикоснется к Желтой Смерти. И что он убил несчастного исключительно из человеколюбия — спас его от неминуемых страданий, которые того ждали в будущем.

Затем Годфри долго и старательно изничтожил запасы Желтой Смерти на Хокке. Кто именно ее привез, он так и не нашел, зато убил нескольких продавцов, и наркотик все-таки исчез из Вильмы.

Но это был северный остров, а тут целая столица...

История повторялась, и мне внезапно стало не по себе — появилось странное, нехорошее предчувствие. Вернее, ощущение надвигающейся беды.

А потом стало еще хуже, потому что в полуночной тишине спальни раздались шаги. Тяжелые, мужские — казалось, они прозвучали прямо у меня над головой, отдаваясь в уши. На это я испуганно подскочила, накинув на себя магическую защиту, потому что мне почудилось, будто бы кто-то вломился в комнату и ходит совсем рядом...

Сидя в постели с бешено колотившимся сердцем и прижимая к себе одеяло, я трясущимися руками запустила под потолок два светлячка.

Но в комнате никого не оказалось.

Тут сердце застучало еще быстрее, и я с испугу усилила защиту, потому что снова раздались шаги. Правда, на этот раз быстрые, семенящие, но, опять же, где-то совсем рядом у изголовья моей огромной кровати.

— Да что же это делается?! — пробормотала я.

Зажгла еще один светлячок, пытаюсь разобраться, кто и где ходит. Нет же, в моей комнате никого не было, даже под пологом невидимости — магических колебаний, кроме своих собственных, я не ощущала.

К тому же сейчас мне начинало казаться, что топали не под потолком, а где-то у самого изголовья кровати... Уставилась на светлую стену, которая вела наружу из замка, пытаюсь понять, как такое могло произойти.

Кто может ходить за пределами стены?! Или же внутри она полая?

Или мне все-таки это послышалось? Быть может, я незаметно для себя задремала и мне приснился кошмар?!

Тут распахнулась дверь смежной с моей спальней комнаты, и оттуда появились заспанные горничные.

— Что-то случилось, госпожа? — спросила у меня встревоженная Майя.

За ней стояла и Дина, одеты девушки были в длинные сорочки и с накинутыми на плечи шальями.

— Мне кажется, я слышала шаги, — призналась им, чувствуя себя законченной истеричкой. — Но никак не могу понять, где именно. Судя по всему, кто-то прошелся за моей кроватью или же... Может, все-таки над ней.

Поди тут еще разберись!..

— Над нами покои графа Вендендера, — пояснила мне Дина. — Возможно, он уже вернулся из Бального Зала, вот и ходит туда-сюда, а веса в нем почти под две сотни килограммов!..

На это я покачала головой. Ни одни, ни вторые шаги не могли принадлежать толстяку, проживавшему над моей комнатой. Хотя бы потому — теперь я была в этом почти уверена! — что ходили не над головой.

— Замок старый, — успокаивающе произнесла Майя, — здесь иногда такое случается. Мне тоже порой слышатся шорохи и кажется, что где-то недалеко хлопают дверью, хотя там не должно быть никаких дверей... Но не переживайте так, госпожа! Вы устали, и вам нужно вернуться в кровать. А тот, кто ходит, — пусть он себе ходит, Боги с ним!..

— Поговаривают, во дворце повсюду тайные ходы, — добавила Дина. — Но никто не знает, где они начинаются и где заканчиваются. Я сама, например, никогда и ничего не слышала, — заявила она, неодобрительно уставившись на Майю.

— Наверное, потому что этот самый потайной ход проходит рядом с моей кроватью, — пробормотала я.

Майя замерла, прислушиваясь, и я тоже задержала дыхание. Но все было тихо.

— Госпожа, — улыбнулась мне горничная, — если вам страшно спать на новом месте, я могу остаться в вашей комнате. Может, вы хотите, чтобы я вам немного почитала?

На это я покачала головой.

— Наверное, мне все-таки показалось, — сказала ей. — Как бы там ни было, я ложусь спать, и вам тоже стоит вернуться в постель. Завтра нам рано вставать.

Потому что с утра меня ждала королевская охота, очередное испытание, а горничным, судя по всему, придется сделать мне прическу. Как же без прически гоняться за зверьми по лесу?!

Вскоре служанки ушли, а я, закрыв глаза, натянула на себя одеяло, на этот раз погружаясь в полудрему. Сквозь нее мне снова послышалось, как рядом с моей головой протопали мужские сапоги, а потом где-то вдалеке раздался стук, похожий на звук закрывающейся двери.

Кажется, первый бродивший возвращался. Зато второй еще не пробежал...

— Надеюсь, вы все-таки ляжете спать, — пробормотала я, — и не станете ходить всю ночь туда-обратно. Здесь, вообще-то, люди живут!

Сказав это, закрыла глаза. Затем зевнула, понимая, что на этот раз окончательно уплываю в мир сновидений, и пусть над моей головой ходят сколько их душе угодно!

Тут где-то у изголовья пробежали вторые, семенящие шаги, и я все-таки встрепенулась. После чего, успокоившись, пообещала себе, что обязательно разберусь и с этим тайным ходом, и с теми, кто по

нему топает, мешая спать избраннице короля Брайна. Пусть и самой незавидной, но я до сих пор оставалась на отборе!..

Но завтра, сказала себе, не сегодня, после чего все-таки взяла и заснула.

Глава 8

Утром стоило мне разлепить глаза, как горничные тут же радостно сообщили, что меня поджидает очередной подарок и мне не придется отправляться на охоту в своем дорожном наряде.

Да-да, потому что мне принесли новое платье!

Вернее, это была амазонка цвета спелой вишни — приталенный корсаж, длинная юбка и жакет с отворотами. К ней прилагалась кокетливая шляпка того же цвета с небольшими полями и перчатки из тончайшей кожи.

Признаюсь, это оказался самый красивый наряд для верховой езды, который я когда-либо видела в своей жизни. Даже у Абигейл, любительницы роскоши и последовательницы столичной моды, ничего подобного не водилось.

И я, затаив дыхание, осторожно прикоснулась к прочному твиду, погладив вишневую юбку по боку. Подумала, что в такой можно смело скакать через лес, не опасаясь порвать подол, зацепившись за кусты или же колючки.

— Но разве я могу это надеть? — спросила у появившейся в гостиной леди Виторины, у которой, похоже, утро началось с посещения моих покоев.

Пожилая леди стояла в гостиной, где разложили мой подарок, и смотрела на меня подозрительным взглядом, словно опасалась, как бы я чего не выкинула.

— И почему же ты не можешь это надеть, дитя мое? — подчеркнуто любезно поинтересовалась распорядительница. — Судя по всему, оно как раз тебе по размеру.

— Не в размере дело! — покачала я головой. Затем вздохнула: — Я думаю, что амазонку мне снова прислал герцог Раткрафт, а это очень, очень дорогой подарок! Да, я знаю, сейчас вы мне скажете, что герцог богат и для него это сущий пустяк, но ведь для меня-то нет!..

— К чему вы это ведете, леди Корнуэлл? — нахмурилась леди Виторина.

Я уже заметила — если что-то шло не так, как ей хотелось, она тут же переходила на подчеркнуто-любезный тон. Как, например, сейчас.

— К тому, что я понятия не имею, как отплатить ему за его доброту, — призналась ей.

— Для начала вам не стоит отказываться от помощи, которую предлагают ваши друзья, — заявила мне распорядительница. — Потому что, подозреваю, они не ждут от вас оплаты, леди Корнуэлл! Вместо этого вам стоит возблагодарить Святую Истонию за то, что такой благородный человек, как милорд герцог, встретился на вашем пути!

Я попыталась ей объяснить, что меня не оставляет ощущение, будто бы Джеймс Стенвей положил на меня глаз, и эта мысль тревожит меня даже сильнее, чем предстоящая королевская охота...

Так вот, на все мои аргументы у пожилой распорядительницы нашлись сотня и один собственный аргумент. И очень скоро она наголову разбила все мои доводы, с легкостью цитируя и «Житие Богов», и «Деяния Святой Истории», и «Заповеди Высших»; и в какой-то момент я с уважением подумала, что им с Сестрой Инноренцией определенно нашлось бы о чем поговорить. Они друг друга стоили!

Наконец, сдалась.

Приняла подарок, по совету леди Виторины мысленно возблагодарив Святую Истонию за то, что послала такого человека, как милорд герцог, на моем пути. А еще подумала, что буду каждое воскресенье ставить свечки за его здоровье, когда вернусь на Хокк.

Но не только это!..

Еще я решила осторожно выяснить, было ли его участие в моей судьбе исключительно дружеским или же все-таки...

При мысли о последнем сердце начинало колотиться как бешеное, ладони потели, а мозги стремились превратиться в кашу. Да-да, ту самую, которую я уже однажды почувствовала, когда села с Джеймсом Стенвеем в одну карету!

Но я тут же себе запретила и эти мозги, и эту кашу...

Вернее, мозги все-таки решила оставить, потому что мне надо было как можно дольше задержаться

на королевском отборе, а Олли дотянуть до совершеннолетия. А вот с герцогом поговорить бы не помешало!..

Тут леди Виторина, оглядев меня с ног до головы — я понадеялась, что она не догадается о каше в моей голове, — наказала хорошенько поесть перед охотой, после чего, преисполненная чувства собственного достоинства, ушла. Я же, покорно устроившись перед зеркалом, попросила горничных заняться моей прической.

И они ею занимались — провозились почти добрый час. Смирившись с неизбежной потерей времени, я сидела и смотрела сквозь раздвинутые шторы на то, как за окнами занималось очередное великолепное утро — яркое, солнечное, без единого облачка.

Из моих покоев была видна только часть сада — дорожки, клумбы и три фонтана, из которых уже вылетали струи воды, и над двумя из них играла радуга. Но если оторвать взгляд от чудесного зрелища и поднять глаза чуть выше, то можно было разглядеть море черепичных крыш жилых кварталов столицы, над которыми возвышались шпили храмов Всех Богов.

Дальше, если поднапрячь зрение, за белоснежной полоской крепостных стен виднелась темно-зеленая полоса леса — судя по всему, именно туда мы и должны были отправиться на охоту. Затем уже начинались предгорья Арвийских Гор, поросшие темно-зеленым подлеском, а еще дальше, в отступавшей утренней дымке, устремлялись в небо высочайшие их пики.

Где-то там, не слишком далеко от Стенстеда, находился уступ, на котором Святая Истония передала Первому из Стенвеев Сердце Пламени, сказав, что именно ему править Аронделом. Мне очень хотелось побывать на этом знаковом месте, но я прекрасно понимала, что с моими четырьмя дукарами хорошо, если монастырь Святой Истонии распахнет передо мной свои двери...

Тут горничные наконец-таки закончили с моей прической, уложив косы так, чтобы можно было закрепить шляпку, после чего появилась служанка с позолоченным подносом.

Оказалось, мне принесли завтрак.

Служанка спросила, куда его поставить, и я указала на столик передо мной, решив воспользоваться советом леди Виторины и хорошенько подкрепиться перед выездом за город. Хотя есть мне нисколько не хотелось: начинало сказываться волнение.

— Будьте осторожнее на конюшне, — неожиданно произнесла молодая светловолосая девушка в строгом чепце, когда склонилась, чтобы пристроить поднос на столешницу. — С утра там крутились непонятные люди. Вроде бы из охраны, но наши в недоумении... Как бы чего не задумали!

Услышав это, я взглянула на нее с удивлением. Хотела было спросить, кто такие «наши», но передумала, когда служанка быстро показала мне знак Братства.

— И вот еще, глядите в оба в лесу, — добавила она негромко. — Там нам будет сложно за вами присматривать, но мы постараемся...

— Разве мне что-то угрожает?! — спросила я шепотом, но девушка этого не знала, лишь пожала плечами.

— Сегодня обедать вы будете не здесь, — добавила она. — Вас ждет пикник в лесу, но мы уже не сможем уследить, чтобы вам не подсыпали яд в еду. То, что вам приносят сюда, в ваши комнаты, ешьте смело, но за этими стенами постарайтесь ни к чему не прикасаться.

Затем передала мне привет от Жилия деСоля и ушла.

А я... Я же, пожав плечами, потянулась за вилкой. Подумала, что раз люди из столичного Братства хотят за мной присматривать, то пусть присматривают. Это их решение, я ни о чем таком не просила, поэтому чувствовать себя обязанной Жилю не собиралась.

Затем с удовольствием позавтракала, после чего горничные помогли мне одеться. Как оказалось, очень даже вовремя, потому что через несколько минут за мной пришли, чтобы проводить на конюшни.

Впереди меня ждала первая и, если уж быть реалистичной, последняя в жизни королевская охота.

Как оказалось, сопровождать меня станет даже не лакей, а сам герцог Раткрафт — потому что я столкнулась с ним возле большой лестницы, ведущей из крыла невест в центральную часть дворца. И серьезно засомневалась в том, это была случайная встреча.

Джеймс Стенвей, одетый для выезда — и темный наряд был ему очень даже к лицу, — явно поджидал меня возле мраморных ступеней, украшенных позолоченными скульптурами главных

Богов Арондела. Завидев, кивнул удовлетворенно, после чего отпустил лакея, заявив, что проводит леди Корнуэлл до конюшни сам.

Но сперва оглядел меня с головы до ног.

Кажется, остался вполне доволен увиденным, потому что сделал мне комплимент. Что-то вроде чудесного утра и чудесного моего вида...

Но я так толком и не расслышала, потому что принялась судорожно размышлять, как бы получше выразить ему свою благодарность за доброе и угодное Богам деяние. А еще расспросить, что на самом деле означают его подарки.

Это ведь просто доброе и угодное Богам деяние или же... что-то большее? А если все-таки второе, то осознает ли он причину, по которой я сюда явилась?!

Ведь я приехала на отбор к королю Арондела и собиралась оставаться во дворце как можно дольше, потому что это вопрос жизни и смерти. Нет, не моей, а моего брата, но его жизнь волновала меня куда больше своей собственной!..

Но все же не спросила, потому что в голове снова образовалась каша — и великолепный вид герцога лишь усилил царившее в моих мыслях смятение. Все, что мне удалось, это поблагодарить его за чудесный подарок, оказавшийся как нельзя кстати, и за его комплемент.

А затем мы пошли.

Но в проницательности герцогу было не отказать — он заметил, что меня что-то тревожит, и принялся расспрашивать.

— Так что же случилось, Агата? — спросил у меня. — Я ведь могу вас так называть? Кстати, я буду рад, если вы станете звать меня Джеймсом.

На это я растерялась еще сильнее.

— Да, меня кое-что тревожит, — наконец, собравшись с мыслями, призналась ему.

Мы как раз проходили по длинной галерее, и с ее стен на меня с неодобрением взирали предки герцога и короля. Наверное, понимали, что невеста из меня совсем уж никудышная, и недоумевали, что я здесь все еще делаю.

— И что именно? — любезно поинтересовался он.

— То, что я явилась на отбор к вашему кузену, — наконец, решилась. — Причем явилась сюда с самыми серьезными намерениями. — Тут я все же запнулась. — Наверное, про серьезные намерения должны говорить мужчины, но у меня... У меня они именно такие! Я несказанно вам благодарна, милорд, за то, что вы дарите мне такую прекрасную одежду! Это позволяет мне не выглядеть, как нищенка... Но при этом я не до конца понимаю мотивов, которые вами движут. — Остановилась, уставившись в его синие глаза. — Скажите мне, ваше внимание ко мне... Оно ведь дружеское?! И оно продиктовано вашей благородной натурой и стремлением помочь ближнему, как и завещала нам Святая Истония?

На это Джеймс Стенвей, еще раз оглядев меня с ног до головы, усмехнулся, хотя — клянусь Богами! — я не сказала ничего смешного.

— Вы такая прелесть, Агата! — заявил мне. Затем добавил: — Вы совершенно правы, леди Корнуэлл! В кои-то веки решил сделать что-то бескорыстно, поэтому вы не должны ни о чем переживать. Мы с вами друзья, и я рад принимать участие в вашей судьбе.

— Спасибо вам! — отозвалась я с запинкой, почувствовав прилив благодарности. — Мне и правда стало намного спокойнее, когда вы это сказали. Поверьте, я тоже испытываю к вам самое искреннее, самое дружеское расположение... А еще несказанную благодарность за то, что вы мне так помогаете!

На это он не ответил, но мне почему-то показалось, что настроение у герцога Раткрафта стало значительно хуже, чем в тот момент, когда он встретил меня возле лестницы. Впрочем, мы уже вышли наружу, и я улыбнулась утреннему, но уже припекающему солнцу. Затем все-таки остановилась, на пару секунд закрыв глаза, наслаждаясь блаженным теплом и залиvistым щебетом птиц, перелетавших с одного аккуратно постриженного куста на другой.

Очнувшись и открыв глаза, я обнаружила, что герцог стоит и смотрит на меня так, словно еще и не видел.

— Простите! — сказала ему. — Здесь, в Стенстеде... Вернее, во дворце все настолько отличается от

того, к чему я привыкла на Хокке, что я никак не могу налюбоваться.

На какой-то миг мне тоже показалось, что Джеймс Стенвей глядел на меня точно так же, как и я на это прекрасное утро... Но в следующую секунду я покачала головой, разгоняя странные мысли. К тому же мы уже пошли дальше, и очень скоро герцог свернул на дорожку, ведущую к конюшням. Я ее знала — ступала по ней прошлой ночью, когда меня вели на встречу с Мэтью.

И тут в голову ударила мысль... А не рассказать ли мне Джеймсу Стенвею о том, что передала мне служанка? Да-да, о непонятных людях, которые крутились на конюшне... Вроде бы из королевской стражи, но они почему-то вызвали подозрение Братства.

Впрочем, тщательно все взвесив, я все-таки решила, что не смогу ответить на вопросы герцога, которые он непременно задаст. Как ему объяснить, откуда я узнала о происходящем на конюшне? Птичка на хвосте принесла?

Тут мимо нас как раз прошла одна, с горделиво изогнутой шеей, волоча по траве длинный пышный хвост. Окинула нас высокомерным взглядом, как и две девушки, прошедшие по параллельной к нам дорожке. Вернее, на Джеймса Стенвея они посмотрели с явным интересом, зато мой вид не вызвал у них никакого энтузиазма.

Впрочем, герцог теми девицами нисколько не заинтересовался. Вместо этого принялся расспрашивать меня, хорошо ли я спала на новом месте, и вот тогда я задала ему вопрос о тайных ходах — хорошо, хоть об этом вспомнила!..

На это Джеймс Раткрафт склонил голову, а на его лице появилось любопытствующее выражение. Но ни о чем спросить или же ответить мне он так и не успел, потому что на нашу дорожку вышли еще две девушки, а потом мы столкнулись с принцессой Зарейна, которую, в отличие от остальных, сопровождала целая свита — то ли придворные в расшитых национальными узорами халатах, то ли ее охрана.

Один из них почему-то бросился мне в глаза. Высокий, очень худой, с желтым узким лицом, одетый в черную одежду и такого же цвета тюрбан на голове, он смотрел на мир — ну и на меня заодно — волчьим взглядом, словно подозревая, что вокруг одни враги.

И я решила, что это личный страж принцессы Шейлы.

Тут черноволосая красавица, одетая в традиционный наряд своей страны, улыбнулась герцогу, как своему хорошему другу, после чего они перебросились несколькими фразами на чужом для меня языке — гортанном, с тягучими гласными «о» и «э».

Неожиданно принцесса рассмеялась, а затем уставилась на Джеймса Стенвея, округлив черные как ночь глаза, и улыбнулась ему донельзя кокетливо. Такую улыбку было ни с чем не спутать — именно так заигрывала Абигейл с заинтересовавшими ее мужчинами.

На это я... Я внезапно почувствовала легкий, но довольно болезненный укол в область сердца. Вздохнула растерянно, размышляя, что это было. Вернее, из-за чего?

Нет-нет, уж точно не из-за ревности, сказала себе. Кто я такая, чтобы ревновать герцога Раткрафта к очаровательной принцессе Зарейна?!

Проведя быстрое совещание с кашей в собственной голове, выяснила, что я — никто, — после чего совершенно бесстрастно дождалась окончания их беседы и, поклонившись принцессе, отправилась с Джеймсом Стенвеем дальше, к видневшемуся впереди большому серому зданию конюшни.

Впрочем, поговорить нам особо и не удалось — со всех сторон по садовым дорожкам стекались избранницы, и мы останавливались, чтобы обменяться с некоторыми из них приветствиями. Наконец, Джеймс Стенвей заявил, что свою миссию он выполнил. Довел меня до нужного места, а дальше я уже сама. Конюхи подберут для меня лошадь, он же должен меня оставить, но мы обязательно встретимся во время охоты.

— Но ваш кузен...

— Он будет немного позже. Король сейчас на псарне, и мне не помешало бы его найти.

Распрощавшись, Джеймс Стенвей меня покинул, а я направилась к конюшне.

По дороге поймала несколько ядовитых взглядов — неужели из-за того, что герцог Раткрафт довел меня почти до дверей? — но решила не обращать на них внимания. Вместо этого стала выглядывать Тэль, подумав, что та сможет мне помочь.

Вернее, мне нужен был от нее совет, другой помощи не требовалось. Потому что Джеймс Стенвей

ушел, а я не знала, что мне делать дальше — то ли зайти в распахнутые двери конюшни, откуда доносились ржание лошадей и оживленные людские голоса, или же постоять здесь, на дорожке, дожидаясь, когда на меня обратят внимание?

Но Тэль среди нарядных девушек я так и не разглядела — то ли она опаздывала, то ли уже была внутри, — зато заметила миловидную светловолосую девушку, одетую в ярко-синюю амазонку. Зацепилась на ней взглядом, но не столько потому, что Тэль еще вчера обратила на нее мое внимание, а потому что та стояла с отрешенным лицом. Глаза ее были закрыты, губы шевелились, подозреваю, читая молитвы, а руки были сложены точно так же, как учили нас в приюте.

Выходило, принцесса Визмора Элиза тоже имела отношение к Сестринству Святой Истони!

На миг мне захотелось к ней подойти и, когда та откроет глаза, обо всем ее расспросить. Но я все же засмушалась. Так и не решилась, подумав... Кто она, а кто я?!

По всем моим прикидкам опять же выходило, что никто.

К тому же я заметила, как к принцессе уже подводили каурого, с блестящими на ярком солнце боками жеребца. Увидев хозяйку, тот заржал приветственно, и Элиза Визморская открыла глаза. Шагнула к нему навстречу, обняв коня за шею, и я тут же вспомнила слова Джеймса Стенвея о том, что многие девушки прибыли на отбор со своими лошадьми.

Тут принцесса улыбнулась — не мне, а своему жеребцу, — и ее миловидное личико моментально расцвело, словно озаренное внутренним светом.

Я слышала, как шептались придворные на вчерашнем балу. Говорили о том, что принцесса Элиза далеко не красавица и именно это может помешать ей стать новой королевой Арондела, хотя по всему остальному она была бы отличной партией для Брайна Стенвея. Но если бы они увидели ее сейчас, на этом дворе, улыбающуюся, — уверена, они бы изменили свое мнение!

— Леди... — оказалось, ко мне тоже подошел молодой конюх.

— Корнуэлл, — подсказала ему, оторвавшись от созерцания принцессы Визмора. И прежде, чем он задал следующий вопрос, добавила: — Нет, своей лошади у меня нет, и я буду несказанно признательна, если вы сможете помочь мне в этом вопросе.

На это он позвал меня за собой к входу в конюшню, по дороге задавая вопросы. И я принялась на них отвечать. Да, сказала ему, я умею держаться на лошади и привыкла к верховой езде. Предпочитаю мужское седло, но вполне сойдет и женское...

На это он взглянул на меня удивленно, и я украдкой вздохнула — кажется, снова что-то не то сказала! Тут мы остановились у дверей в конюшню, и мне открылся вид на длинный, усыпанный чистой соломой проход. В него выходили два ряда денников, из которых тянули любопытные головы десятки лошадей.

Впрочем, внутри оказалось полным-полно народу — там были и девушки, и слуги, и чье-то сопровождение, — поэтому конюх попросил меня подождать у входа, пообещав скоро привести мою лошадь. Уже вчера они прикинули, что да как, и решили, что леди Корнуэлл подойдет серая в яблоках Орхидея. Она вполне спокойная, несмотря на свой молодой возраст, и послушная.

Улыбнувшись ему, я похвалила их выбор. Конюх ушел, а я осталась ждать у входа, поглядывая, как выводят девушки своих лошадей, и вспоминая слова молодой служанки о том, что этим утром здесь крутились непонятные люди. То ли из королевской стражи, то ли просто... непонятные.

Интересно, что им могло понадобиться на конюшне? Если они хотели кому-то навредить, то каким образом?

Именно тогда, в очередной раз заглянув внутрь и пытаясь угадать, какая из лошадей моя Орхидея, я и заметила... Вернее, мне показалось, что в царящей суете есть что-то такое, что выпадало из общей картины.

Легкое, мимолетное ощущение, вызвавшее приступ тревоги.

Что-то тут не так, заявил внутренний голос.

Тогда я, кусая губы, стала приглядываться, пытаюсь понять, что именно. Но так ничего и не разглядела — все было как обычно. Привычная суета — люди, лошади, голоса, запах...

Поэтому закрыла глаза, постаравшись на этот раз почувствовать. К удивлению, довольно скоро ощутила едва различимые магические колебания, которых здесь не должно было быть и в помине.

Попыталась было себя убедить, что мне показалось, но так и не смогла. Потому что легкое, но в то

же время характерное волнение магического поля все-таки присутствовало, и я отлично помнила, что это такое.

Мысленно охнув, открыла глаза, стараясь отыскать его источник.

Разглядела.

Одна из девушек — высокая, рыжеволосая, с непослушными кудрями, выбивавшимися из-под кокетливой шляпки с небольшой вуалью, — выводила из конюшни вороного жеребца артийской породы — гордого и красивого. Они как раз проходили мимо меня, и магические колебания из едва заметных стали куда более ощутимыми.

Впрочем, сперва я уставилась на девушку — быть может, заклинание накинуто на нее?!

Но ничего не ощутила, кроме идущего от нее магического фона — девушка обладала сильным, ярким Даром, — поэтому я перевела взгляд на ее коня.

Мне показалось, что жеребец шел немного скованно, словно ему что-то мешало. Впрочем, это вполне могло быть и обманом зрения, так как ноги у того были свободными, а странно шагать он мог потому, что вокруг было полно людей и лошадей, и посторонние звуки его нервировали.

Но именно тогда я их и разглядела — нет, не глазами, а магическим зрением. Замерла неверяще — никогда бы не подумала, что кто-то осмелится применить подобное заклинание здесь, во дворцовой конюшне!..

Но предупреждение Братства заставило меня быть начеку, и вскоре у меня не осталось ни малейших сомнений в том, что злоумышленник воспользовался Высшей Магией, чтобы спутать ноги лошади невидимыми простому глазу Нитями Амрона!..

Я уже сталкивалась с подобными, когда снимала их с двух пацанят из Братства. Нити накинул вызванный на Хокк из столицы Высший Маг, большой любитель такого рода жестоких заклинаний. Приехал он по приглашению тогдашнего губернатора, чтобы справиться с распоясавшимися в Вильме карманниками и ворами.

Боролся с ними как мог, тогда как я... Я устраняла последствия его борьбы.

Все еще помнила израненные в кровь ноги мальчишек-беспризорников, потому что невидимые, но прочные магические нити не позволяли им убежать. Стягивались все сильнее и сильнее, лишая их возможности передвигаться, впиваясь в конечности и причиняя жуткую боль.

Но они все равно уползли от того мага, а потом я, рыдая вместе с ними, придумала способ, как перерезать сцепку и залечить их раны. Заодно и запомнила исходящие от Нитей Амрона магические колебания...

Запомнила уже навсегда.

И теперь я снова ощущала похожие, хотя заклинание и попытались скрыть под наведенной иллюзией.

— Погодите! — кинулась я за рыжеволосой девушкой, потому что она уже вышла из конюшни.

К тому же рядом с ней оказался слуга, готовый вот-вот посадить избранницу в седло. На это я охнула и от ужаса вспомнила ее имя.

Леди Харриет Рэнд — вот как ее звали!

Нити на ногах жеребца до сих пор оставались свободными, но я не знала, в какой момент они начнут стягиваться. И еще, насколько сильно по воле наложившего их мага они должны будут стянуться — это заклинание вполне могло оставить лошадь и без ног.

Но в любом случае жеребца леди Рэнд ждали жуткие травмы, а наездницу неминуемое падение. И, если это произойдет не во дворе, а на охоте, когда все несутся во весь опор, тут и подумать страшно, чем все может закончиться!..

— Харриет, стойте!.. Вернее, леди Рэнд... Прошу вас, отойдите от лошади!

— Но почему? — повернулась ко мне рыжеволосая красавица. Распахнула голубые как небо глаза, взглянула недоверчиво. — Это мой Верзус, и он...

— С ним не все в порядке! — Подбежав, я опустила, показывая ей на передние ноги встревожившегося жеребца. — Вот здесь, смотрите! Я вижу сцепку. — У нее был магический Дар, поэтому я решила не углубляться в слишком длинные объяснения. — Нити Амрона, одно из Высших

заклинаний... Кто-то хотел навредить вашему Верзусу! Думаю, сцепка должна была впиться ему в ноги, и тогда вы вдвоем неминуемо бы упали!

— То есть кто-то хотел причинить вред мне? Таким жутким образом?! — сделала она совершенно верный вывод.

— Вполне вероятно, — кивнула я. — А заодно, что тоже вероятно, еще и другим девушкам, не только вам...

— Тебе, — подсказала она. — Давай уже перейдем на «ты».

Кивнув, я закрыла глаза, пытаюсь почувствовать... И ощутила похожие колебания неподалеку.

— Стойте! — кинулась я к принцессе Элизе, которую тоже собирался посадить в седло молодой конюх. — Остановитесь, сейчас же!

Тут на нас стали оглядываться, кто-то из девушек осуждающе покачал головой, еще несколько принялись шушукаться, с недоумением поглядывая в мою сторону. Но меня это мало встревожило.

— Что-то не так? — мягким голосом спросила принцесса Элиза.

У нее был приятный визморский выговор — слышала такой, когда к нам добирались торговые корабли.

— С вашей лошастью не все в порядке, ваше высочество! — пояснила ей.

В магическом даре принцессы у меня тоже не было никаких сомнений, так что очень скоро она нити тоже разглядела. Правда, не сразу, пришлось показывать несколько раз.

— Вы правы, леди Корнуэлл, — наконец, заявила мне уважительно. — Но как вы их обнаружили?!

— Потому что я с ними уже встречалась, — пожала плечами. — Так что особой моей заслуги в этом нет.

— Я тоже с ними встречалась, — усмехнулась подошедшая к нам Харриет. — Кстати, я учусь в магической Академии, причем на последнем курсе, но как-то ни мне, ни моему Верзусу это не особо сильно помогло. Как и господам королевским магам!.. — повысила она голос, потому что те, привлеченные поднятой мною суетой, были уже рядом.

Среди них оказался тот самый молодой маг, который проводил вчерашнюю проверку с артефактом. Улыбнулся мне многозначительно, словно мы с ним старые знакомые, на что я округлила глаза.

Неужели запомнил меня среди избранниц, которые отвечали на их неудобные вопросы? Или же потому, что я сломала Малое Сердце Арондела?!

Но ему пришлось отвлечься, так как несколько девушек, привлеченные суетой, все же встревожились. Кинулись к магам, принявшись расспрашивать, правда ли это, что на их лошадях стоят опасные заклинания?

Тут и остальные прослышали — и сразу же поднялась еще большая суматоха. Девушки стали требовать, чтобы сейчас же, сию минуту проверили их коней! А заодно и самих...

Потом откуда-то прошел слух, что на всех избранницах стоит смертельная связка, которую не видно обычным глазом, и даже с магическим даром ее тоже не разглядеть. Но одно известно наверняка: мы все очень скоро умрем. Причем жуткой смертью!..

Кто-то принялся рыдать во весь голос, — опоздавшая Тэль была в их числе, — кто-то истерически засмеялся, а две девушки попытались упасть в обморок.

Наверное, потому что во дворе конюшни появился король со свитой. С ними был и Джеймс Стенвей. Герцог, нахмурившись, тут же направился в мою сторону, тогда как королю нашлось чем заняться — Брайн склонился над изящно распластавшимися возле его ног красавицами.

Мне показалось, что вместо сострадания на привлекательном лице короля... ничего не появилось. Он провел над ними рукой, заявив, что девушки живы и дышат, после чего приказал магам тут же ими заняться. А напоследок добавил: он сомневается, что те смогут принять участие в сегодняшней охоте...

Услышав это, девушки моментально пришли в себя. Сели, захлопали глазами, заявив, что им уже значительно лучше и что свежий лесной воздух определенно пойдет на пользу. Но Брайн Стенвей оказался непреклонен. Приказал тотчас же проводить этих двоих назад, во дворец, и прислать к ним врачей, после чего направился к дверям конюшни, потребовав доложить ему, что здесь

произошло.

К этому времени я уже успела быстро пообщаться с магами, двое из которых бегло оглядели конюшню.

— Четыре лошади, — шагнул к королю молодой маг, — были стреножены Нитями Амрона, ваше величество! Но нам удалось снять заклинания до того, как они причинили кому-либо вред.

Затем принялся пространно объяснять, что такое эти самые Нити, так как не все в королевской свите о них знали, после чего стал рассказывать, как именно они снимали заклинания.

Мне было интересно послушать, но я все же отвернулась, потому что возле меня оказался герцог Раткрафт. Подошел, оглядел с ног до головы, и я почувствовала легкое прикосновение магии, словно Джеймс Стенвей хотел лично убедиться, что со мной все в порядке.

После чего спросил, как я себя чувствую.

— Конечно же, хорошо! — отозвалась я, пожав плечами. Затем, спохватившись, поблагодарила его за заботу, после чего добавила: — Да и что со мной станется? Думаю, хотели причинить вред самым сильным участницам отбора. Собирались вывести их из игры...

Потому что кто-то другой уж очень захотел взойти на трон королевы Арондела...

— Принцесса Элиза Визморская, — тем временем молодой маг принялся перечислять имена тех, кто должен был стать жертвой преступления. — Леди Бэсси Берналь. — Услышав это, герцог Раткрафт насмешливо вскинул бровь. — Кроме того, Нити Амрона мы обнаружили на жеребце леди Харриет Рэнд и на лошади, предназначавшейся леди Агате Корнуэлл.

На это я, собиравшаяся было сказать Джеймсу Стенвею, что да-да, я оказалась права и убирают самых сильных претендентов, а еще спросить у него, почему ему нисколько не жаль Бэсси Берналь, запнулась.

Вернее, так и осталась стоять с открытым ртом, на что он опять же скептически усмехнулся.

Но я все еще не могла поверить в услышанное, потому что это... Это было какое-то досадное недоразумение!

Уверена, злоумышленники допустили промах, перепутав мою лошадь с чей-то другой. Ладно бы они пытались устранить ослепительно красивую леди Берналь — уж не она ли подарила Джеймсу Стенвею его золотые часы? — или же принцессу Визмору, с кем король Арондела вполне мог бы породниться, чтобы укрепить союзнические связи... Или же рыжеволосую, яркую Харриет Рэнд, которая приковывала к себе взгляды — вот как на нее смотрели некоторые из свиты короля!

Этот выбор был бы мне вполне понятен и логически объясним. Но меня-то зачем?! Я-то что им сделала?!

— Это какая-то досадная ошибка! — пробормотала я.

— Серьезно в этом сомневаюсь! — отозвался герцог таким тоном, словно он серьезно в этом сомневался.

— Леди Корнуэлл подняла тревогу, — раздался приятный голос Харриет, к которой тут же присоединилась принцесса Элиза. — Если бы не она, то мой Верзус и остальные лошади серьезно пострадали. И еще непонятно, остались ли бы мы и сами в живых!

— Я и мой Призрак, — тут же добавила принцесса Визмора, — безмерно ей благодарны! — и посмотрела в мою сторону полным теплоты взглядом.

На это Джеймс Стенвей вскинул темную бровь, но уже в следующую секунду подался назад, как и остальные, пропуская короля, уступая ему место, потому что правитель Арондела решил ко мне подойти.

А я... Без герцога Раткрафта за своей спиной я внезапно почувствовала себя одинокой и беззащитной перед королевским любопытством.

— Судя по всему, я должен вас поблагодарить, леди Корнуэлл, — произнес он, остановившись рядом со мной, — за то, что вы избавили нас от огромных неприятностей и спасли жизни нескольким моим избранныцам.

На это я изобразила глубокий поклон, но король лишь махнул рукой, заявив, что стоило обойтись без подобных формальностей.

— Тот, кто это задумал, чуть было не совершил ужасное злодеяние, — отозвалась я. — Он собирался причинить боль и страдания невинным. Поэтому я искренне надеюсь, господа маги смогут его обнаружить и справедливость в конце концов восторжествует.

Брайн Стенвей кивнул, заявив, что так обязательно будет.

— Но поделитесь со мной, леди Корнуэлл, как именно вы обнаружили Нити? Как разглядели то, что не заметили другие? Мне любопытно!

— Лошадь леди Рэнд шла немного странно, ваше величество, — призналась ему, — поэтому я и обратила внимание. После этого почувствовала магические колебания, которых здесь не должно было быть. Принялась приглядываться и тогда их заметила. Но моей заслуги в этом никакой нет...

Не говорить же ему, что об опасности меня предупредила служанка, которая состояла в Братстве Бедных и приглядывала за мной по приказу Жилия деСоля? И еще что я сама была в банде Хорошего Годфри на Хокке и мне уже приходилось сталкиваться с подобным заклинанием на деле?

Но король, судя по всему, решил не довольствоваться моей отговоркой. Все еще ждал развернутых пояснений, поэтому я добавила:

— Мне всегда говорили, что у меня довольно сильный магический Дар. Он передался от отца, и пока папа был жив, он успел многому меня научить. Остальное я почерпнула из книг.

— Я прекрасно знаю, кто ваш отец, — кивнул Брайн Стенвей, но больше ничего не стал добавлять, а по его лицу я так и не поняла, что он думает о бывшем архимага Нормане Дорсетте.

Считает ли он его суждения вздорными и заслуживающими сурового порицания, чтобы другим было неповадно подобное инакомыслие, или же находит папины идеи опережающими свое время, как заявил мне его кузен, герцог Раткрафт.

— В благодарность за вашу внимательность, леди Корнуэлл, — добавил король, — я бы хотел пригласить вас на свидание. Надеюсь, вы не станете возражать и нам удастся встретиться уже сегодня, перед вечерним балом.

Тут кто-то из стоявших позади избранных не удержался от протяжного вздоха, но вовсе не от радости за меня, а, подозреваю, от огорчения.

— Это несказанная честь для меня, ваше величество! — отозвалась я дрогнувшим голосом. — И я невероятно польщена...

Снова присела в поклоне, на что король кивнул, после чего повернулся к магам, приказав им проверить лошадей еще раз, после чего усилить охрану избранных.

— А вы делаете удивительные успехи на отборе, леди Корнуэлл! — раздался над моим ухом саркастический голос герцога, о котором, признаюсь, я совершенно забыла, поглощенная раздумьями о тех самых собственных успехах. — Подозреваю, вы очень далеко зайдете!

Не успела я ему возразить или же поинтересоваться причиной внезапного раздражения — вернее, почему его настроение меняется со скоростью морского ветра, — как он развернулся и ушел.

А я осталась.

Уставилась ему вслед, размышляя, какая муха его укусила. Затем качнула головой, разгоняя странное подозрение — уж не ревнует ли он меня?!

Но нет же, нет! Разве герцог Раткрафт может ревновать... меня, да еще и к королю?!

Отвлеклась — девушки, многие с опаской, но все же стали усаживаться на своих лошадей, а один их конюхов заявил, что сейчас приведет мою Орхидею, с которой как раз заканчивали возиться маги.

Ушел, а я помахала Тэль, которая вполне грациозно держалась на спине серой кобылки. На это Вильгельмина махнула мне в ответ затянутой в кожаную перчатку рукой.

Но тут мне снова пришлось отвлечься, потому что мимо меня как раз проходила Бэсси Берналь. Демонстративно зацепила бы меня плечом, если бы я не успела отстраниться.

— Прости! — заявила мне признанная красавица Арондела, улыбаясь донельзя фальшиво. — Я задумалась... Задумалась о том, насколько ужасно не идет тебе это платье! — На ее замечание я вскинула бровь, потому что была противоположного мнения. — И еще о том, какие же кошмарные у тебя манеры! Как можно было ТАК приседать перед королем?! Тебя что, растили камнетесы? Или же это были свинопасы? — Тут Бэсси наморщила маленький носик. — Думаю, все-таки свинопасы! К тому же от тебя несет рыбой и китовым жиром, как и от всех, кто приехал с севера. Даже запах

духов этого не перебивает, сколько бы ты ни вылила на себя дорогого парфюма!

Собиралась было пройти дальше с видом королевы, но задержалась. Наверное, потому что я все-таки ей ответила:

— Рада была с вами пообщаться, леди Берналь! Где еще можно встретить столько фальши и неприкрытой грубости, как не на королевском отборе? Кстати, вам бы не помешало меня поблагодарить... Хотя бы за то, что я подняла тревогу! Одна из лошадей, связанных Нитями, была как раз вашей. Не заметь я той сцепки, лежать вам на полянке с переломанной шеей.

— Вот еще, благодарить тебя! — фыркнула она.

Открыла рот, чтобы произнести очередную гадость, но внезапно раздался резкий звук охотничьего рожка, призывавшего всех приготовиться к выезду. К тому же из дверей конюшни показался конюх с гнедой лошадкой. Двинулся к нам, и я решила, что это по мою душу.

— Позже! — заявила мне Бэсси и отправилась к поджидавшим ее слугам.

И я пожала плечами — позже так позже.

Затем, поздоровавшись с Орхидеей и потрепав ее по холке, взобралась на спину, устраиваясь в неудобном женском седле. Надо признать, до этого я почти все время ездила в мужском, но нисколько не сомневалась, что смогу удержаться и в этом.

Посему уверенно взяла в руки поводья и тронула ногой бок лошади.

Впереди меня ждала забава высшего общества — псовая охота, в которой я никогда не принимала участие. Да и не особо представляла, что от меня потребуется. Но решила не отставать и делать то же самое, что и остальные девушки, а заодно по дороге подумать над тем, что может для меня означать свидание с королем.

Вернее, я почти не сомневалась, что если я не поведу себя как дура, то пройду через еще один тур отбора, и это принесет целых два года спокойной жизни для меня и Олли. К тому же во время личной встречи у меня появится возможность поговорить с королем о дяде и высказать ему свои подозрения о причастности графа Маклахана к заговору.

Тут королевская кавалькада, к которой я пристроилась в хвост, тронулась с места. И уже скоро мы покинули дворец, направившись, сопровождаемые гвардейцами, к выезду из города. Проехали по столичным улицам — люди останавливались, выкрикивая здравницы королю, и махали нам вслед.

Затем без заминки миновали огромное арочное сооружение Южных Ворот. Копыта лошадей процокали по перекидному мосту, после чего мы поскакали по отличной дороге к видневшемуся впереди лесу.

Стоило нам в него углубиться, как где-то в голове разноцветной, разодетой кавалькады спустили собак, и легконогие гончие понеслись во весь опор. За ними устремились мужчины, да и девушки постарались от них не отставать.

Многие из избранниц оказались отличными наездницами — скакали во весь опор за мужчинами. Среди них были и Бэсси Берталь, и Элиза Визморская, и Харриет Рэнд, и золотоволосая Эстель Маклахан в ярко-красной амазонке.

Зато некоторые так себе держались в седле и отстали почти сразу же, стоило нам покинуть город. Тэль пропала где-то на въезде в лес, ну а я...

Я все еще держалась, стараясь не упустить из виду стремительно удалявшуюся «голову» кавалькады. Но при этом давно уже потеряла ее «хвост», потому что оказалась где-то посередине между «хорошими» и «так себе» наездницами.

За что и поплатилась.

Король со своей свитой все-таки скрылись из виду, а «хвост» из принимавших участие в охоте давно уже отстал. А я, все еще пытаюсь нагнать передовой отряд, ориентируясь на лай собак и топот лошадиных копыт, через какое-то время была вынуждена признать, что это выше моих сил.

В конце концов, отстала и я, а потом еще и заблудилась...

Вернее, не заблудилась — я неплохо представляла, в какой стороне находился город, так что выбраться из леса смогла бы в любом случае. К тому же у меня не было сомнений, где именно сейчас кавалькада — время от времени до меня доносились то залиvistый лай, то звуки охотничьих рожков.

Но я не понимала, что мне делать дальше — то ли снова нестись во весь опор по лесу, пытаюсь догнать короля, то ли все-таки повернуть к городу, потому что из меня оказалась та еще наездница?! Или же постараться найти потерянный «хвост»? Или ничего не делать, дожидаясь, когда заметят мое отсутствие?..

Если, конечно, кто-то его заметит, хотя король приказал магам охранять избранных...

Наконец, я все же повернула в сторону города, решив по дороге поискать таких же «потеряшек». Но далеко не уехала. Лишь до ближайшей залитой солнцем поляны, на которую с другой стороны въехала Бэсси Берналь.

Она была верхом на великолепном вороном жеребце, который оказался значительно выше моей Орхидеи. Поэтому, подъехав, Бэсси уставилась на меня сверху вниз.

— Мы еще не договорили! — заявила мне надменным голосом, на что я вздохнула украдкой.

Нет, не потому, что я ее испугалась — вот еще, и не таких видали! — а просто вздохнула.

Что уж тут душой кривить, Бэсси Берналь была убийственно хороша в своем изумрудно-зеленом наряде. К тому же, надо отдать ей должное, она удивительно хорошо сидела в седле. Белокурые волосы развевались за спиной, строгая амазонка подчеркивала идеальные формы ее тела.

— Слушаю тебя внимательно, — сказала ей.

Сложила руки, как учили нас в приюте, незаметно накидывая на себя защитное заклинание. Потому что не знала, что можно было ожидать от этой беседы. Станет ли Бэсси меня только унижать, как делала возле конюшни, или же перейдет от слов к делу, попытавшись физически извести соперницу?

Хотя соперница из меня была так себе... Сплошное недоразумение, как любила приговаривать Сестра Инноренция. Интересно, почему на меня все так взъелись?!

— Вот и слушай! — кивнула Бэсси. — Тебе это не помешает в будущем, потому что очень скоро я стану королевой Арондела. Это моя цель, и я иду к ней с самого рождения.

— Так уж и с самого рождения? — засомневалась я. — Насколько я знаю, ходить младенцы начинают где-то в год, а потом их долго водят за ручку нянюшки, но вряд ли по направлению к трону Арондела...

Бэсси едва удержалась от гневного возгласа.

— Я стану королевой, — заявила она, — и мне все равно, кто и что об этом думает! Но любой, кто встанет на моем пути, сильно об этом пожалеет! Когда я заполучу корону, первым делом я...

— Ты прикажешь всех нас казнить, не так ли? — поинтересовалась я любезно. — Тех, кто участвовал в отборе, за то, что мы тебе мешали.

— Вы все познаете глубину моего гнева, — согласилась Бэсси. — Я найду и покараю каждую, кто осмелился привлечь внимание короля. Поэтому сделай себе милость — собирай свои вещи и возвращайся в дыру, из которой ты выползла!

На это я усмехнулась, потому что Бэсси произнесла примерно те же самые слова, что совсем недавно граф Маклахан. Увидев улыбку на моем лице, красавица выверилась еще сильнее. Рывкнув от ярости, она выкрикнула проклятие. Но нет, не магическое — обычная ругань, которая куда больше подошла бы завсегдатаю вильмских пивных.

Затем взмахнула хлыстом — на миг мне даже показалось, что она собирается меня ударить. Я думала уже выставить магический блок, но вместо этого Бэсси хлестанула по боку своего жеребца и унеслась в зеленую чащу.

А я, опять же, осталась.

— Боги, сохраните Арондел от такой королевы! — вот то, что вырвалось у меня ей вслед.

Но тут я повернулась, снова заслышав треск веток, правда, уже с другой стороны поляны. Оказалось, на нее въехал, ломая кусты, знакомый мне маг. Тот самый, молодой и темноволосый, который проводил проверку с артефактом перед первым испытанием, а этим утром на конюшне почему-то не спускал с меня глаз.

Направился было ко мне, на что я приветливо улыбнулась. Развернула лошадь, решив с ним посоветоваться, что мне делать дальше. Быть может, он подскажет?..

Но так и не успела — ни доехать, ни посоветоваться, — потому что услышала слишком уж характерный свист.

Раздался он откуда-то сбоку, но вовсе не с той стороны, куда только что направила свою лошадь Бэсси Берналь — ее ярко-зеленое платье все еще виднелось в просветах между деревьями. И не оттуда, откуда ко мне приближался молодой маг. Скорее всего, это была сторона, в которой совсем недавно пронеслась королевская кавалькада.

И этот звук мне был прекрасно знаком.

Случалось, мы охотились в Черных Скалах вместе с Мэтью, когда нам совсем нечего было есть. А еще в первый год моего пребывания в приюте на Хокк напали пираты. Несколько десятков защитников острова заперлись в каменных стенах старого монастыря Святой Истории, переоборудованного позже под приют, где и держали оборону.

Пока пожилые Сестры молились Богам, прося у Них защиты, те, кто помоложе и не попадал в обморок при виде крови, уносили со стен раненых.

А над нами свистели стрелы.

Теперь одна из них летела в мою сторону, и я дернулась, вскидывая руку, понимая, что все равно не успеваю... И еще — что молодой маг, застывший с растерянным лицом, — он тоже не успевает... Пусть до этого на мне стояло защитное заклинание, но, едва Бэсси уехала, я по глупости его сняла.

А еще я подумала, что зря, наверное, не взяла тот браслет Жиля. Но кто же мог знать, что меня начнут так быстро и настолько откровенно убивать?!

Но стрела почему-то до меня не долетела, и мое тело она так и не пронзила. Уткнулась во вспыхнувшее в метре вокруг меня алое защитное поле и упала, опаленная неведомым заклинанием, к моим ногам.

Глава 9

Мне никогда не нравилось находиться в центре внимания.

Наверное, потому что в приюте это происходило только в тех случаях, когда я в чем-то провинилась и меня ждали суровый выговор от Старшей Сестры и не менее суровое наказание.

У Хорошего Годфри такое тоже порой случалось. Иногда он злился из-за того, что я не смогла спасти жизнь кому-то из его банды или же распутать сложную головоломку магических заклинаний. Правда, слишком сурово он меня не наказывал. Берег, так как понимал, что другого мага — пусть и такого плохонького, как я, — на Хокке ему не сыскать. По-своему даже заботился, оберегая от косых взглядов и приставаний других членов банды, — и он, и Мэтью.

Вспомнив о своем прошлом, а потом покосившись на стрелу у ног Орхидеи, я подумала, что, наверное, сейчас именно это и произошло. Прошлого меня настигло — вернее, кто-то из столичного Братства, взявшегося меня охранять, неплохо обо мне позаботился и даже спас мою жизнь.

Потому что другого объяснения тому, почему каленое железо не пронзило мое тело, у меня не было.

Но нужно было поскорее его придумать, это самое объяснение, так как ко мне подъехал молодой маг. Взглянул изумленно, затем накинул на меня защитное заклинание, после чего моментально вызвал подмогу.

Затем и представился — его звали Дирк Хатрейз.

Похоже, остальных он позвал с помощью неподвластной мне ментальной магии, потому что едва я успела спешиться, как на поляне появилось несколько встревоженных магов из королевской охраны. А через несколько минут пожаловал сам Брайн Стенвей, собственной монаршей персоной. Внесся на великолепном рыжем жеребце, сопровождаемый разноцветной свитой придворных и избранных.

Герцог Раткрафт тоже был с ним, как же без него!..

Остановившись на краю поляны, король сразу же поинтересовался у магов, что здесь произошло. Зато Джеймс Стенвей интересоваться ни у кого и ни о чем не стал. Вместо этого прямоиком направился ко мне, словно догадался, что только я могла стать причиной неприятностей и остановить королевскую охоту.

Подъехав, прыгнул с лошади и уставился на стрелу возле моих ног, над которой с озабоченным видом склонились двое магов, затем посмотрел на меня.

- Агата, все в порядке?! — задал мне вопрос, и его голос прозвучал встревоженно.

Впрочем, не успела я на него ответить, как тут же почувствовала магическое прикосновение. Герцог Раткрафт снова принялся проверять, уж не ранена ли я.

— Со мной все хорошо, — заверила его.

— Зато вид у вас, леди Корнуэлл, оставляет желать лучшего! — заявил на это Джеймс Стенвей.

— Я тоже рада вас видеть, милорд! — нервно улынулась ему в ответ, порядком смущенная из-за того, что собравшиеся на поляне смотрели на меня — на нас! — во все глаза.

И народ продолжал прибывать. Придворные и королевские избранницы вносились на поляну, останавливались, спрашивая, что происходит, а потом, опять же, смотрели на меня!

И даже псари, они тоже подросли. Ловили своих питомцев, сажали их на привязь и, опять же, смотрели на меня!..

К тому же, Бэсси Берналь далеко не уехала. Успела вернуться, а теперь о чем-то вещала звонким голосом, поглядывая на меня с таким видом, словно была готова придушить собственными руками.

Наверное, из-за того, что король направился не к ней, а в мою сторону. Подошел, окинул своего кузена любопытным взглядом, затем посмотрел на Дирка Хатрейза.

— Что здесь произошло? — поинтересовался у понурого мага суровым голосом, после чего взглянул на меня.

— Не знаю, — сказала ему честно — и за себя, и за Хатрейза.

Вернее, у меня не было сомнений в том, что стрела предназначалась мне, но я могла лишь догадываться, почему осталась жива.

— Леди Корнуэлл пытались убить, милорд! — отозвался Дирк Хатрейз.

— Но ведь не убили же! — выдохнула я негромко.

Собравшиеся на поляне принялись оживленно обсуждать услышанное, и я несколько не сомневалась в том, что у некоторых этот факт — то, что меня все-таки не убили, — вызвал большое сожаление.

Да-да, из-за того, что король снова уделял мне внимание.

— Думаю, произошло досадное недоразумение, — добавила я. — Не стоит обращать на него внимания, ваше величество!

— О да, стрела из арбалета — это крайне досадное недоразумение, — усмехнулся Джеймс Стенвей. — Особенно для того, кто в вас целил, леди Корнуэлл!

— Потому что он в меня не попал, — согласилась я, уставившись в синие глаза герцога.

Он тоже смотрел на меня, не мигая. В его взгляде мне чудилась тревога и еще что-то такое... Такое, от чего я порядком смутилась. Сбилась с дыхания, кровь прилила к щекам, и я, не выдержав, все же отвела взгляд.

Немного придя в себя, посмотрела на короля, все еще дожидавшегося разумного объяснения. Потому что я его придумала.

— На этой поляне я провела... довольно много времени, ваше величество! У стрелка была хорошая возможность прицелиться. Но раз он в меня не попал, значит... Значит, целили не в меня! Скорее всего, это была шальная стрела, которая отлетела от защитного поля...

Король кивнул, словно это объяснение его вполне устраивало. Но, оказалось, оно несколько не устраивало герцога Раткрафта.

— Мысль интересная, — произнес он. — Значит, шальная стрела?.. Судя по магическим отголоскам, эта шальная стрела летела с приличной скоростью, и остановило ее защитное заклинание как минимум Восьмого Уровня. Высшая Магия, леди Корнуэлл, которая вам, исходя из того, что я вижу своими глазами, не должна быть подвластна. Хотя я давно уже начал в этом сомневаться!..

Склонил голову, уставившись на меня с вежливым любопытством, дожидаясь моего ответа и объяснений. Но я лишь пожала плечами. Потому что он был прав: Высшая Магия мне неподвластна. Иначе... Иначе я бы лечила Олли сама, а не обивала пороги дядиного дома!

К тому же защиту я не выставляла — попросту не успела, и в этом у меня не было ни малейших сомнений.

— Понятия не имею, милорд, о чем вы говорите! — заявила ему.

— Кто же тогда спас вам жизнь, леди Корнуэлл? — король внимательно прислушивался к нашему диалогу. — Дирк, твоих рук дело? — повернулся он к молодому магу, но тот покачал головой.

— Не успел, ваше величество! — покаялся Хатрейз. — Судя по всему, леди Корнуэлл сделала это сама.

На это головой покачала уже я, решив... Я была почти на сто процентов уверена в том, что меня спасло Братство, но не рассказывать же об этом королю или герцогу Раткрафту?!

Но кто же тогда в меня стрелял? Уж не один ли из людей графа Маклахана, чья дочь сейчас была среди придворных на этой самой поляне и смотрела на меня, задрав нос?

Ответов, опять же, у меня не было.

Тем временем герцог поднял с земли стрелу. Показал ее своему кузену, и они принялись ее рассматривать. Остальные на поляне терпеливо ждали, когда король вынесет свой вердикт.

И он его вынес.

— Произошла досадная ошибка, — громогласно объявил Брайн Стенвей, после чего обвел собравшихся взглядом. — Мы загоняли лису, и чья-то стрела по неосторожности улетела в лес, чуть было не угодив в леди Корнуэлл. Это крайне неприятный... Я бы даже сказал, прискорбный инцидент! — Король повернулся ко мне: — Чтобы его загладить, я прошу у вас, Агата, разрешения

пригласить вас на сегодняшний первый танец. Надеюсь, вы мне не откажете?!

Он назвал меня по имени, из-за чего по поляне тотчас же разнесся протяжный вздох, а потом почти сразу же побежал шепоток разговоров — и все потому, что король пригласил меня на танец.

А я... Я уставилась на него во все глаза. Затем, все еще оглушенная услышанным, кивнула.

Конечно же, я ему не откажу! Еще как не откажу!..

От осознания того, что сейчас произошло, кровь снова прилила к моим щекам, и, кажется, я порядком покраснела. Затем, словно выйдя из спячки, внутри меня всколыхнулась радость. Радость от понимания того, что Олли... Мой милый, ласковый и озорной братик с такими же зелеными, как у меня, глазами — он будет жить!

Вернее, я только что прошла через следующее испытание — вот что означало приглашение на первый танец! — и дядя по нашему договору должен будет оплатить два года лечения моему брату!

— Ваше величество!.. — очнувшись, я изобразила глубокий поклон.

И наплевать, если я сделала это неловко в глазах у столичного высшего света и собравшихся на поляке избранниц, а Бэсси считала, что меня воспитали свинопасы! Ну и пусть она исходит злобой, потому что я продолжала уверенно идти к своей цели, а это был серьезный прорыв.

Прорыв, который едва не стоил мне жизни.

Стоило мне разогнуться, как король, улыбаясь, взял мою затянутую в перчатку руку и прикоснулся к ней губами, что, подозреваю, чуть было не стало причиной массового выпадения избранниц из седел. Затем спросил, хочу ли я продолжить сегодняшнюю охоту.

Но не успела я придумать, что ему ответить, как Брайн Стенвей тут же посоветовал мне вернуться во дворец. Слишком много волнений для одного дня, сказал мне, а затем добавил, что он надеется увидеть меня отдохнувшей на вечернем балу.

После чего, наказав магам усилить бдительность, взлетел на своего рыжего жеребца, и очень скоро разноцветная кавалькада покинула поляну. И собак с собой тоже забрали.

Уехали, а я осталась.

Но не одна — с милордом герцогом, который почему-то никуда не спешил, словно бедная лиса его нисколько не интересовала. А еще с Дирком Хатрейзом и двумя магами, с задумчивым видом рассматривавшими стрелу — обычную стрелу из каленого железа с черным оперением, — будто бы в ней была скрыта загадка бытия.

Только вот, судя по их репликам, никаких загадок они так и не нашли. И даже отпечатка ауры стрелявшего не смогли обнаружить. Потому что выпустили стрелу вовсе не в лису. Тот, кто это сделал, специально целил в меня, перед своим выстрелом затерев все магические следы преступления.

Стал бы кто-либо так стараться, если бы произошло досадное недоразумение, как уверял остальных король?!

Да и с защитой, которая меня уберегла, все оказалось совсем не просто. Вернее, она вызывала у магов множество вопросов, на которые я не спешила отвечать.

Не стала облегчать им жизнь, потому что и сама не до конца все понимала.

Дирк Хатрейз ее не ставил, а я на такое была не способна. К тому же если стрелять еще можно было издали, то для того, чтобы меня спасти, маг, накинувший защиту, должен был находиться где-то поблизости.

Но его здесь не было — я не заметила ни единой души.

— Так что же произошло на самом деле? — повернулся ко мне Джеймс Стенвей, когда последние из кавалькады, сопровождаемой резкими звуками охотничьих рожков, покинули поляну.

Ускакали убивать несчастную лисицу, у которой из-за выпущенной в меня — а не в нее! — стрелы появилась неплохая фора.

— Понятия не имею, — в который раз повторила я.

— Итак, что мы имеем? — подвел итог герцог Раткрафт. — У нас есть одна стрела и одна прекрасная, но молчащая дева.

И посмотрел на меня сверху вниз.

— Так уж и прекрасная? — пожала я плечами, потому что насчет стрелы и молчащей девы герцог был прав.

Ничего не скажу ему про Братство! Нет его и в помине, он же сам это утверждал!

— Вполне прекрасная, — вынес он свой вердикт. — Но я не уверен, что ваша красота, леди Корнуэлл, заставила эту стрелу засмущаться и упасть к вашим ногам. Зато я уверен в том, что вы знаете значительно больше того, о чем нам поведали.

— Спросите Дирка Хатрейза, — сказала ему. — Он тоже был на поляне и все видел своими глазами.

Судя по растерянному виду молодого мага, объяснить происходящее он был не в состоянии. Да, он пытался накинуть на меня защиту, но его заклинание сорвалось уже после того, как стрела упала к моим ногам.

На это я удостоилась еще одного давящего взгляда герцога.

— Хорошо! — наконец, сказала ему, подумав, что таким образом мы никуда отсюда не уедем. — Да, на мне была кое-какая защита. Верее, какую смогла, такую и поставила. Но в Академиях я не училась, так что ничего не знаю насчет этих ваших Восьми Уровней!

— И почему же вы это сделали, леди Корнуэлл? Неужели у вас есть привычка ездить по лесу со столь серьезной магической защитой? Или же вам кто-то угрожал?

Пришлось признаться, что до этого я разговаривала с Бэсси Берналь и не знала, чего мне ожидать от этой... гм... беседы. Но королю ничего рассказывать не стала, потому что мы с леди Берналь просто поговорили.

И даже не на повышенных тонах.

На это Дирк Хатрейз подтвердил, что видел удалявшуюся с поляны леди Берналь, но она не могла быть причастна к происходящему.

— Ах, значит, леди Берналь! — поморщился герцог. — Конечно, и здесь не обошлось без Бэсси! Агата, она вам угрожала?

Покачала головой.

— Нет, не угрожала. Просто донесла до меня свою позицию, но я на всякий случай накинула на себя защиту.

Джеймс Стенвей уставился на меня с любопытством.

— Покажите мне еще раз, леди Корнуэлл, что именно вы на себя накинули.

— Не покажу! — поджала я губы, потому что совершенно была неспособна на эту его защиту.

Герцог почему-то усмехнулся, а затем произнес:

— Признаюсь, я не ожидал, что вас начнут убивать так скоро! Конечно же, лиса здесь ни при чем, но я понимаю желание моего кузена как можно скорее замять этот инцидент. Зато не понимаю вашего молчания... Агата, это может быть опасно, поэтому я настаиваю, чтобы вы сейчас же все мне рассказали!

Но я молчала.

— Я все равно в этом разберусь, — пообещал мне герцог, недовольно хмуря брови.

Еще немного погипнотизировав взглядом, добавил, что проводит меня до дворца. Хочет убедиться, что я доберусь до своих комнат в целости и сохранности. Кроме того, с этого момента Дирк Хатрейз будет лично за мной приглядывать.

Вернее, не спускать с меня глаз.

К удивлению, новое назначение молодой маг воспринял с явным энтузиазмом. Произнес, что с радостью приступит к выполнению своих обязанностей. Уставился на меня и не удержался от довольной улыбки, на что лицо герцога слегка помрачнело.

А я, украдкой вздохнув, отвернулась и стала смотреть на зеленую стену леса. Мужчины, какими же они порой могут быть утомительными!..

— Так что же вы можете сказать мне по этому поводу, леди Корнуэлл? — в бесконечный раз спросил у меня герцог, когда мы, покачиваясь в седлах, ехали по лесу по направлению к городу.

И я снова пожала плечами.

— Мне нечего вам ответить, милорд!

— Тогда объясните мне, Агата, как вы успели за столь короткое время обзавестись смертельными врагами?

— Это было довольно сложно, но я очень постаралась.

— Я вижу, — усмехнулся он. — Ваш вчерашний успех, а потом утренняя внимательность на конюшне явно кому-то не пришлись по вкусу.

— Это не леди Берналь, — покачала я головой, — хотя она меня определенно недолюбливает. С ней тоже хотели разделаться, потому что и ее лошадь была стреножена Нитями Амрона. К тому же она была недалеко от поляны, когда в меня выпустили стрелу.

— Я слышал ее истерику по этому поводу, — кивнул герцог.

— Ее истерику слышали все обитатели леса.

— Тогда кто же хотел вашей смерти? Может, у вас есть идеи?

Услышав этот вопрос, я подумала, что сейчас настало время выполнить поручение лорда Корнуэлла. Быть может, мне удастся убедить герцога в том, что дядя невиновен, и он поговорит с королем?

— Думаю, это могли быть старые враги моего дяди, — решила я. — Граф Маклахан вчера вечером довольно ясно выразил свое неудовольствие тем, что я приехала на отбор. Подозреваю, он опасается моего дяди. Видите ли, я привезла с собой бумаги, в которых лорд Корнуэлл описывает, что именно произошло два года назад в столице. В них есть подтверждение тому, что враги всячески пытались его очернить. Среди этих врагов как раз есть граф Маклахан...

— Агата, я читал эти бумаги! — произнес Джеймс Стенвей, в его синих глазах промелькнуло сочувствие.

На это я украдкой вздохнула, потому что тоже их читала.

— Вашего дядю, Агата, подозревали в связях с мятежниками, потому что в заговоре была замешана вся верхушка его Партии Влияния. Руководил мятежом один из его друзей, с которым лорд Корнуэлл имел длительные беседы.

— Но то, что он был председателем партии, вовсе не делает его предателем! — возразила я. — Как и то, что один из его друзей оказался мятежником.

— Именно так, Агата! Это не сделало вашего дядю врагом королевской власти, но, согласитесь, у нас возникли закономерные подозрения. Поэтому было проведено тщательное расследование, в ходе которого появились новые косвенные улики...

— Фальшивые улики, — подсказала я.

— Я бы все-таки назвал их косвенными, — улыбнулся герцог. — Будь они прямыми, ваш дядя провел бы оставшуюся жизнь в камере, где намного холоднее, чем на острове Хокк. Агата, у следствия набрались косвенные доказательства его причастности к заговору, но не было ни одного прямого. Поэтому он сохранил свою жизнь и относительную свободу, но утратил доверие короля.

Покачала головой.

— Но дядя невиновен! Он думает, что его подставил граф Маклахан. Он и лорд Браммер, злейшие его враги!.. К тому же дядя считает, что именно эти люди стояли у истоков заговора, но каким-то образом ускользнули от правосудия. И они не успокоятся, пока не доведут начатое до конца!

— Нет же, Агата! — отозвался герцог. — Нет ни единого доказательства причастности графа или же лорда Браммера к заговорщикам. Кроме того, насколько мне известно, Маклахан начинает терять терпение из-за постоянных попыток вашего дяди его оболгать. Подозреваю, именно поэтому Альберт был не слишком рад видеть вас в столице и повел себя грубо. Но я обещаю, что впредь он будет держать рот на замке и обходить вас далеко стороной.

— Ясно! — пробормотала я. — То есть для него я как заноза — неприятная, но не смертельная...

— Прекрасная заноза! — с легкостью сделал комплимент герцог.

— Но это приглашение на отбор, — я ухватила за последнюю соломинку. — Выходит, раз уж Корнуэллы его получили, то король готов сменить гнев на милость?! Неужели дядя может надеяться на скорое возвращение в столицу?

Джеймс Стенвей покачал головой.

— Корнуэллы — одни из Первых Родов, и Брайн не мог не пригласить его дочь на отбор. Это древняя традиция, Агата, которой ему пришлось последовать... Но я рад, что вместо Абигейл прибыли именно вы, — добавил он, — хотя подозреваю, вернуться в столицу вашему дяде поможет лишь чудо. Вы верите в чудеса, леди Корнуэлл?..

На это я так и не нашла, что ему ответить, — если только словами из «Жития Богов», — потому что понимала, на что он намекает. Вернуться в столицу дядя мог только в том случае, если Брайн Стенвей сменит гнев на милость, а король вовсе не собирался этого делать.

Исполнение нашего с дядей договора оказалось под большим, даже огромным вопросом.

Выходило, мне надо либо предоставить стопроцентные доказательства невиновности лорда Корнуэлла — и виновности графа Маклахана! — либо вызвать у короля личную... симпатию. Такую, чтобы Брайн Стенвей проникся дядиным положением и позволил ему вернуться.

Но как мне это сделать, если ни в одном, ни во втором случае герцог Раткрафт мне явно не помощник?!

Какое-то время мы ехали, погруженные в свои мысли.

Наконец, вдалеке показались стены Стенстеда. Джеймс Стенвей, вырвавшись от задумчивости, принялся рассказывать мне о чудесах столицы, а я из вежливости поддерживать беседу, пока не увлеклась ею настолько, что едва не застонала от разочарования, когда впереди появились дворцовые золоченые ворота и стражи с алебардами.

— Провожу вас до покоев, — произнес герцог Раткрафт. — Хочу убедиться, что вы доберетесь до них в целости и сохранности и никто больше не покусится на вашу жизнь.

На это я кивнула, потому что в голову пришла интересная мысль.

Впрочем, провожал меня в крыло невест герцог не в одиночку — с нами отправился еще и Дирк Хатрейз, а где-то в середине длинного коридора слышались, как однажды заявил мне Джеймс Стенвей, недовольные шаги леди Виторины.

Распорядительница не замедлила к нам присоединиться, так что до моих комнат мы добрались уже вчетвером. По дороге я вкратце рассказала леди Виторине о произошедшем в лесу — о конюшне, она уже знала, — добавив, что только милостью Святой Истории я до сих пор жива.

Затем повернулась к герцогу и пожаловалась на ночные прогулки у меня над головой. Вернее, над изголовьем кровати.

На это он удивленно вскинул бровь.

— Не могли бы вы, милорд, — попросила его, — заглянуть в мою спальню? Я покажу вам, где именно раздавались те шаги. Леди Виторина, — я посмотрела на распорядительницу, — пожалуйста, побудьте с нами! Я бы не хотела, чтобы...

Мне не хотелось, чтобы на моей репутации появилось хоть малейшее пятно, но присутствия строгой распорядительницы вполне хватило бы, чтобы пресечь любые слухи.

На это она дала свое согласие, и уже очень скоро застыла в дверях моей спальни, тогда как я указала герцогу на свою кровать.

— Вчера я легла спать и кое-что услышала. Кто-то ходил у самого изголовья. Уверена, это был мужчина, и он прошел здесь...

Подойдя к стене, провела рукой по светлым обоям. К этому времени к нам присоединились еще и встревоженные горничные, а позади леди Виторины ответственно маячил Дирк Хатрейз.

— Потом шаги раздались откуда-то сбоку, — пожаловалась я герцогу, — но уже другие, семенящие. После этого вдалеке как будто бы хлопнули или же скрипнули дверью, и через несколько минут шаги стали возвращаться. — Мне показалось, что Джеймс Стенвей не слишком-то мне верил, поэтому я добавила: — Вы можете лечь на кровать, милорд! Закройте глаза и попробуйте прислушаться... Вдруг и сейчас над головой кто-то бродит?!

— Я и без вашей кровати слышу, как в моей голове кто-то бродит... А бродят там не слишком

приличные мысли, леди Корнуэлл! — усмехнулся он. — Я их даже... гм... даже чувствую!

Впрочем, уже в следующую секунду он вскинул руку, и комната моментально озарилась ярко-голубым светом. Затем с ладони герцога сорвался небольшой шар, принялся увеличиваться в размерах, пока не лопнул, а голубые лучи не разбежались-растеклись во все стороны.

Горничные ахнули и попятились, леди Виторина сильнее поджала губы, а я... Я выдохнула восхищенно. Высшая Магия — вот что это было!

— Что это за заклинание?! — накинулась я на Джеймса Стенвея с вопросами, потому что ни с чем подобным раньше не встречалась. — Как оно работает?

— Поисковое заклинание Декстера, — пояснил он. — Если где-то в стенах и есть потайной ход... Вернее, если этот ход берет начало из вашей комнаты, мы обязательно об этом узнаем. Магия соберется рядом с нужным местом.

Но мы так ничего и не узнали, потому что голубые лучи равномерно растеклись по всей спальне.

— Агата, тайные ходы во дворце существуют, — констатировал герцог. — Я много раз о них слышал и не отрицаю того, что один из ходов может проходить как раз рядом с вашей комнатой. Вчера вечером вы, подозреваю, услышали шаги человека, который его обнаружил.

— А вы не могли бы?..

— Нет, не могу! — покачал он головой, без слов догадавшись, о чем я хотела спросить. — На этих стенах стоят слишком мощные защитные заклинания. Их ставили, а потом укрепляли несколько поколений магов. Подозреваю, нужно еще целое поколение, чтобы пробиться через плетения и посмотреть, что там внутри. Зато я твердо могу вас заверить, что в вашу спальню проникнуть извне никто не сможет.

После что заявил, что он собирается проверить и остальные комнаты, и довольно скоро пришел к выводу, что я могу спать совершенно спокойно, поскольку ни один из тайных ходов не берет начало в моих покоях.

Но если меня беспокоят шаги, то леди Виторине стоит перевести меня в другое место.

На это я, взглянув на спокойное лицо распорядительницы, покачала головой. Сложила руки, как нас учили в приюте, подумав, что Святая Истония меня не оставит. А если кто-то по ночам и бегаёт по тайным ходам, то это нисколько меня не касается.

Пусть себе бегаёт на здоровье!..

Поблагодарив герцога Раткрафта за то, что он потратил на меня так много времени, я попрощалась с ним до вечера.

— Увидимся на балу, Агата! — произнес он и ушел.

А я осталась. Правда, не одна.

Еще раз в малейших деталях рассказала леди Виторине обо всем, что произошло этим утром, после чего мы сошлись во мнении, что Святая Истония уберегла меня от гибели целых два раза. Затем распорядительница все-таки ушла. Я же, смыв пыль и пот после конного выезда, переоделась в собственный дорожный наряд, чтобы встретить близнецов, которые, счастливые, явились меня навестить.

Мы вполне интересно провели следующие два часа. Сперва мальчишки тренировали руки, упражняясь складывать Знак Братства, затем мы с энтузиазмом облазили мою спальню, гостиную и Малую Приемную в поисках тайного хода.

Решили проверить все сами — простучали стены, после чего принцы зажгли свечи, а я запустила контролируемый магический светлячок, пытаясь обнаружить неучтенный сквозняк, который свидетельствовал бы о потайной двери.

Но все оказалось тщетно — мы так ничего и не нашли.

Наконец, день перевалил на вторую половину, и за маленькими принцами явился их гувернер. Близнецы с явным сожалением меня покинули, но договорились, что мы обязательно встретимся завтра и продолжим наши поиски. Даже если в моих покоях потайного хода нет, то он обязательно же должен где-то начинаться!

Мальчишки ушли, потому что их ждали вечерние занятия по стрельбе и фехтованию, а меня обед, после которого явились слуги... с подарками.

На этот раз мне принесли чудесное белоснежное бальное платье с красным пояском, золотые украшения в маленькой шкатулке и карточку с королевской печатью.

В своем послании Брайн Стенвей, король Арондела, сообщал, что искренне сожалеет о сегодняшнем досадном происшествии на охоте, а также о том, что он пока еще не в состоянии выполнить свое обещание.

Его задержали государственные дела, поэтому наше свидание откладывается. Вернее, оно переносится на завтрашний день. Или же на послезавтрашний.

Впрочем, король пока еще не может сказать точно, когда оно состоится, но он уже в предвкушении от нашей будущей встречи.

На это я усмехнулась — так уж и в предвкушении!.. Настолько спешит со мной встретиться, что даже не знает, когда это произойдет!

Но чтобы загладить свою вину, писал мне Брайн Стенвей, он будет счастлив, если я приму в дар это платье. Он надеется увидеть меня в нем уже на сегодняшнем балу, который мы и откроем нашим первым танцем. К тому же он прослышал, что с моим багажом случилось несчастье и я явилась на отбор с одним саквояжем...

На это я закатила глаза. Слухи — они такие слухи, имеют обыкновение расползаться!..

Так вот, продолжал король, он не понаслышке знает, настолько коварны воды Бискарского Залива, так как они уже забрали его родителей, погибших во время шторма. И будет рад, если я приму его скромный дар.

Тут в дверь постучали. Явились слуги, которые принесли мне целый ворох одежды — похоже, тот самый «скромный дар», — и я, несколько раз перечитав письмо Брайна Стенвея, подумала, что король несказанно мил и заботлив.

Но при этом я не чувствовала к себе интереса. Со стороны Брайна Стенвея, уверена, это было всего лишь проявление хваленного гостеприимства и... холодное любопытство.

Король вовсе не рассматривал меня как подходящую партию — да и какая из меня партия?! Наоборот, он разглядывал меня, как...

Как выставочный экземпляр — например, редкий и на короткий миг вызывающий удивление вид северных бабочек, которых искал в Черных Скалах Хокка знаменитый маг и энтомолог Стенли Уффорд.

Помню, нескольких мальчишек и девчонок из приюта отправили ему на помощь, чтобы мы выслеживали на каменистых склонах для известного столичного ученого редкую «добычу». Позже магистр Уффорд угощал нас сладостями и рассказывал о том, как много потерял наш мир, когда образовались Грани.

Вот и рядом с Брайном Стенвеем я не чувствовала себя особенной. Зато тем самым выставочным экземпляром, вызывающим кратковременное любопытство, — очень даже...

В Тронном Зале, в который я явилась в новом платье с открытыми плечами и золотым ожерельем на шее — еще одним подарком короля — и где первым прозвучало мое имя, тоже ничего не изменилось. Брайн Стенвей все так же смотрел на меня — с вежливым, но холодным интересом. Говорил комплименты — приятные, но от них веяло придворной любезностью.

Я ничего не могла с этим поделать, понимая, что сердце короля затронуть мне не удалось.

Зато в его присутствии я ощущала непонятную тревогу, охватывавшую меня каждый раз, когда наши взгляды пересекались. Или же когда я косилась на его расстегнутую рубашу под серебристым камзолом.

Тогда я закрывала глаза, пытаюсь представить, какой он... на самом деле. Что за человек прячется под вежливой маской монарха Арондела? Как он поведет себя с той, которой найдется место в его сердце?

Потому что мое рядом с ним было беспокойно, хотя я прекрасно понимала, что королевой мне никогда не стать.

Куда увереннее я чувствовала себя в обществе герцога Раткрафта, когда тот в очередной раз пригласил меня на танец. Король же, открыв со мной бал, следующей подхватил под руку Бэсси Берналь — ту самую, которая, судя по ее взгляду, став королевой, прикончит меня первой.

Вторым делом Бэсси, уверена, объявит войну Визмору — потому что после нее Брайн Стенвей

позвал на танец принцессу Элизу, в его присутствии моментально расцветавшую и становившуюся почти красавицей.

Третьим делом, подозреваю, Бэсси Берналь не отказалась бы разделаться с Зарейном, который мы не так давно победили. Потому что принцесса Шейла в сиреновом наряде — под цвет ее глаз, — увешанная драгоценностями, была чудо как хороша.

Настолько, что король не спускал с нее восторженного взгляда во время четвертого танца.

— А вы невнимательны, Агата! — заявил мне Джеймс Стенвей, когда мы оказались рядом во время очередной фигуры в контрдансе.

Обхватил меня за талию и оторвал от земли, словно я ничего и не весила.

— Простите! — выдохнула я в ответ, едва носки новых бальных туфелек коснулись пола. — О, неужели отдала вам ногу?!

— Ну что вы! — усмехнулся он. — Вы отлично танцуете, леди Корнуэлл! Все значительно тривиальнее — вы отдалили мне самолюбие, которое порядком пострадало из-за вашего невнимания. Я рассказывал вам такую занимательную историю, на что вы лишь кивали, не спуская восторженного взора с моего кузена...

На это я выдохнула расстроено, потому что уже знала, насколько болезненно Джеймс Стенвей воспринимал этот вопрос. Хотела было ему сказать, что мой взор несколько не восторженный, и я всего лишь пыталась разобраться в том, что со мной происходит в присутствии короля...

Не могла же я влюбиться в Брайна Стенвея?! Это было бы исключительно глупо с моей стороны!

Но решила, что герцогу Раткрафту не стоит знать о каше в моей голове.

— Я вовсе не хотела обидеть вас невниманием, — заявила ему вместо этого. — И готова загладить свою вину.

— Но мое сердце все-таки разбито! — констатировал Джеймс Стенвей, когда танец закончился и он повел меня назад, к колоннам. — И склеить его может только одно, — намекнул мне.

— Что именно? — поинтересовалась я.

— Партия в шахматы! — возвестил он. — Только не говорите мне, Агата, что вы не знаете правил. Нисколько в это не поверю! Архимаг Дорсетт, — он упомянул имя папы вместе с его прежним титулом, — насколько мне известно, был отличнейшим игроком. Уверен, он вас научил.

Пожала плечами.

— Возможно, папа кое-чему меня и научил. Правда, он давно уже умер, так что я...

— Но правила-то вы все-таки знаете?

— Знаю, — кивнула я, — и фигуры передвигать доводилось. Но разве мы можем... Вернее, разве сейчас подходящее время для игры в шахматы? Бал недавно начался.

По мнению герцога, время сейчас было самое что ни на есть подходящее.

— В принципе, вы уже совершенно свободны, Агата! Свой первый танец с королем вы станцевали, и мой кузен будет занят до поздней ночи. Из-за своей добросердечности он в очередной раз никого не отпустил, так что впереди его ждут еще восемнадцать жаждущих его внимания избранниц. Думаю, это затянется на несколько часов.

Кусая губы, я отыскала глазами короля, как раз взявшего перерыв после четвертого из двадцати двух обязательных танцев. Он стоял в окружении как минимум дюжины девушек в ярких бальных нарядах. Рядом с ним застыла Бэсси Берналь в блестящем платье и никуда не собиралась уходить, хотя ее черед давно уже прошел. Вместо этого она смотрела на остальных девушек так, что, будь у нее ядовитое жало, ни одной из них не жить.

— Возможно, мой кузен захочет пригласить вас на танец еще раз, — добавил герцог, — но к этому времени я обещаю вернуть вас в целости и сохранности.

На это я все же кивнула, подумав, что король вряд ли заметит мое отсутствие, потому что блеск бального платья Бэсси Берналь затмил ему взор.

— Хорошо, — сказала ему, — я готова загладить свою вину. Давайте сыграем одну партию, но после этого вы вернете меня назад, в Бальный Зал. А заодно... Заодно расскажете о дружбе между

Маклаханами и Браммерами.

Потому что их дочери везде держались вместе, словно были лучшими подругами. Зато их отцы оказались злейшими дядами врагами.

К тому же я своими глазами видела, как золотоволосая Эстель, за которой словно приклеенная ходила черноволосая, низенькая и чуть полноватая Дора Браммер, обменялись несколькими фразами с принцессой Шейлой.

В этом тоже не было ничего подозрительного, но мне почему-то вспомнилось наше знакомство с близнецами. Принцы следили за Густавом, секретарем графа Маклахана, подозревая того в шпионаже на...

Да-да, уверена, они говорили о Зарейне!

В бумагах моего дяди, в свою очередь, упоминалось о зарейнском следе, обнаруженном во время заговора — кажется, наши беспокойные соседи снабжали мятежников деньгами. Но на него, по мнению лорда Корнуэлла, дознаватели не обратили должного внимания. Или же обратили, но след так ни к чему и не привел.

Но ведь он же все-таки был!..

— О, это интересная история! — к удивлению, отозвался герцог, после чего заявил, что обязательно ее мне расскажет.

И еще, что он собирается похитить меня сию же минуту.

Но чтобы соблюсти все приличия, играть мы станем в одном из кабинетов неподалеку отсюда. Внутри будет находиться прислуга, а за нами станет наблюдать Дирк Хатрейз, который за все время на балу ответственно не спускал с меня глаз.

И я дала свое согласие.

И уже очень скоро мы расположились в уютной комнатке на втором этаже неподалеку от Бального Зала. Уселись в мягкие кресла как раз рядом с разложенным камином, и я, порядком озябнув по дороге в тонком платье, повела оголенными плечами, наслаждаясь идущим от огня теплом.

Рядом с креслами уже стоял шахматный столик с расставленными фигурами. На соседний стол слуги вскоре принесли угощение, а также два бокала с красным вином. Герцог было протянул мне один, но я покачала головой, заявив, что Святая Истония не одобрила бы.

Да и я сама не собиралась искушать судьбу.

— Так на что же мы с вами будем играть? — улыбаясь, поинтересовался Джеймс Стенвей. — Довольно жарко, — заявил мне, скидывая темный камзол, под которым оказалась тонкая батистовая рубашка.

Затем ослабил шейный платок, нечаянно дернув завязку. Она распахнулась, на что я тут же отвернулась, принявшись рассматривать обстановку.

Хватит уже, мне короля за глаза хватило!

— Так на что же, Агата? — повторил вопрос Джеймс Стенвей. Настроение у него было отменным, куда лучше, чем в Бальном Зале.

Пожав плечами, я повернула голову и уставилась на изящные фигурки на шахматной доске.

— На что обычно играют в столице? К вашему сведению, денег у меня нет.

Он усмехнулся.

— Раз денег у вас нет, давайте играть на желание!

— Хорошо, — кивнула я. — Пусть будет на желание.

— Агата, — улыбаясь, покачал головой Джеймс Стенвей, — никогда и ни в коем случае не играйте с мужчинами на желание, если не уверены в собственной победе. Вы слишком не искушены в подобных вещах и можете попасть в большие неприятности!

На это я кивнула.

— Спасибо за вашу науку, — сказала ему. — Но на этот раз мы все-таки сыграем на желание.

— То есть вы настолько в себе уверены? — удивился он.

— А почему бы и нет, — отозвалась я, добавив, что Святая Истония всегда со мной. Даже во время игры в шахматы.

И все потому, что я была вполне в себе уверена.

На это герцог с трудом удержался от смешка, затем все-таки намекнул, что ему нет равных в столице, если, конечно, не считать архиепископа Плесби, но это еще тот соперник!.. Играя, его высокопреосвященство любит пересказывать «Житие Богов» и все время призывает покаяться в грехах, пока еще не слишком поздно.

Но я все равно осталась непреклонной.

Потому что знала — Джеймс Стенвей не причинит мне вреда, даже если я проиграю. Хотя, признаюсь, я не собиралась сдаваться без боя, и меня охватил позабытый к этому времени азарт.

— Как скажете, леди Корнуэлл! — кивнул герцог.

Протянул мне руки, спрятав в своих ладонях шахматные фигурки. Мне выпали белые, на что Джеймс Стенвей заявил, что ему не терпится как можно скорее приступить к игре.

И мы приступили.

...Мое нападение было быстрым и жестким, как всегда учил меня отец. Играть я начала еще в раннем детстве, и с тех пор папа требовал, чтобы я неукоснительно совершенствовалась в своем мастерстве.

В нашем доме было много книг по шахматной науке, но куда большему научил он меня сам, потому что, по его словам, на этом острове ему не с кем было играть — мама оказалась не любительницей такого рода развлечений. К тому же в Вильме мы жили крайне уединенно, а во время шахматных партий папе, как он утверждал, думалось лучше всего.

После того, как он умер, я играла в приюте с бывшим каноником архиепископа Плесби, отцом Грегори, которого выслали из столицы за пьянство. Не сказать, что его это сильно отрезвило, но, как потом оказалось, в молодости отец Грегори мог дать фору лучшим игрокам Стенстеда.

Его подход к игре во многом отличался от того, чему меня научил отец, так что наши партии с каноником походили на боевые баталии. Он настолько впечатлился моей игрой, что, когда на Хокк прибыл архиепископ Плесби, каноник все обо мне рассказал.

И я, порядком смущаясь, сыграла с архиепископом две партии, после чего тот отбыл из приюта в полнейшей задумчивости.

Позже в шахматы я играла уже с Хорошим Годфри — главарь воровской банды тоже, как оказалось, любил передвигать по доске резные фигуры. Когда-то Годфри жил в столице и даже держал несколько лавок с пряностями, снаряжая собственные корабли за ними на юг, в Зарейн. Был честным человеком и, по его словам, всегда ходил в Храм по воскресеньям, не забывая жертвовать на богоугодные дела.

Но Боги все-таки его не уберегли.

Однажды часть торговой флотилии Центральной Купеческой Гильдии затонула во время страшного шторма. Среди них оказались и три корабля Годфри, и он потерял почти все, что у него было.

Чтобы вернуть былые обороты, Годфри стал понемногу промышлять контрабандой. Но не слишком-то удачно, поэтому был вынужден бежать на север, где, скрываясь от правосудия, сменил имя и сколотил собственную банду.

Но это осталось в прошлом, а сейчас я с огромным интересом играла с герцогом, понимая, что передо мной превосходный противник, с которым ни на секунду нельзя терять концентрацию и трезвость ума.

И, признаюсь, у меня получалось это из рук вон плохо — не терять концентрацию и сохранять трезвость мышления, — потому что стоило мне оторваться от доски и повернуть голову, как я видела тонкую рубашку герцога, через которую просвечивало его тренированное тело.

Это порядком выводило меня из равновесия. Да и мысли в голову лезли разные, далекие от комбинаций на шахматной доске.

В очередной раз покосившись на Джеймса Стенвея, я оценила размах каши в собственной голове и поняла, что пора заканчивать с игрой, иначе кто его знает, что именно пожелает от меня милорд

герцог...

К тому же ситуация на доске к этому как раз располагала — она явно была в мою пользу, и если в начале игры Джеймс Стенвей постоянно отпускал комплименты, хваля меня за смелые и продуманные ходы, то довольно скоро делать это он перестал. Его лицо приняло выражение крайней задумчивости, которое не проходило все время нашей партии.

— Гм!.. — наконец, произнес он, когда я загнала его короля в угол, откуда выход был только один — признать мою победу. — Надо сказать, это достаточно неожиданный для меня поворот!

— Почту за комплимент, — отозвалась я.

— Это не комплимент, Агата, а полнейшее признание вашей победы, — выдохнул он и уставился на меня восхищенно. — Еще один феномен! — возвестил торжественным голосом. — Вы не перестаете меня удивлять, и с каждым днем нашего знакомства мне хочется изучать вас все больше и больше, леди Корнуэлл!

После этого уставился на меня так, что по моему телу пробежал табун мурашек, вызвав массу противоречивых мыслей... Настолько противоречивых, что я, подозреваю, все-таки покраснела, а жар от щек растекся по телу, заполняя меня странными, тревожными, но крайне приятными ощущениями.

— Но что же вы пожелаете за столь блестящую партию, леди Корнуэлл? — принялся допытываться Джеймс Стенвей. — Вы заслужено выиграли свое желание. — И прежде, чем я ответила, заявил: — Дайте-ка я попробую угадать, каким оно будет!

— Попробуйте! — отозвалась я глухим голосом, подумав, что понятия не имею, что у него попросить.

Нет, дяде он не поможет — Джеймс Стенвей отчетливо дал это понять сегодняшним утром, когда мы возвращались с охоты. Значит, мне стоило загадать что-то личное...

— Одеждой и драгоценностями, вас, похоже, не слишком прельстишь, — произнес герцог. — К тому же после того, как мой кузен узнал о бедственном состоянии ваших вещей, подозреваю, он засыпал вас подарками.

На это я кивнула, но тут же спохватилась и еще раз поблагодарила Джеймса Стенвея за чудесное бальное платье и амазонку.

— Быть может, прогулка по городу? — продолжал допытываться он. — Что вы на это скажете, Агата? Кстати, вчера вы живо интересовались зоопарком... Или же начнем с Висячих Садов на Капитолийском Холме?

Покачала головой, потому что на уме у меня было совсем другое. Но я все еще не могла решить... Вернее, решиться.

В кои-то веки у меня появился шанс заговорить о брате и попросить герцога нам помочь.

С лечением.

Хотя бы на один год, если дядя больше не будет к нам так добр...

Но при этом я прекрасно понимала, что выигранная партия в шахматы совершенно несоизмерима со стоимостью этой услуги. Это все-таки большие деньги и серьезные неудобства для герцога Раткрафта.

А еще Джеймс Стенвей обязательно станет обо всем расспрашивать, и мне придется ему рассказать... Да, выложить правду о нашем с братом бедственном положении и договоре с лордом Корнуэллом, тем самым порядком подпортив дяде и так уже подмоченную репутацию. И тогда не видать тому возвращения в столицу!

А ведь мне — нам с Олли — после этого еще жить в его доме на Хокке!

— Прогулка, вероятно, меня обрадует, но не сейчас, — пробормотала я, все еще размышляя, как поступить.

Уставилась на тонкую рубашку герцога, затем качнула головой, в которую, перебивая тревогу за Олли, полезли совсем уж странные мысли.

Такие, что, узнай о них Сестра Инноренция, подозреваю, она сразу же упала бы в обморок. А потом, когда очнулась, заставила бы меня стоять на коленях неделю, замаливая греховные помыслы...

Потому что мне захотелось к нему прикоснуться.

Нет же, чтобы он прикоснулся ко мне!..

Подозреваю, из-за этого я посмотрела на Джеймса Стенвея совсем уж ошалелым взглядом, хотя тот как ни в чем не бывало продолжал перебирать варианты:

— Думаю, морскую прогулку после четырехдневного путешествия в столицу вам лучше не предлагать... Может, поездка на самоходной повозке? Что на это скажете, Агата? У меня есть парочка, — намекнул он мне. — Последние достижения магической науки.

— Думаю, все перечисленное в высшей степени увлекательно, — наконец, произнесла я. — Возможно, одно из них и будет моим следующим желанием... Если, конечно, состоится еще одна партия и мне с помощью Святой Истории удастся вас обыграть.

Судя по виду герцога, эта партия еще как состоится!..

— Тогда что же вы хотите именно сейчас, леди Корнуэлл? — любезно поинтересовался он.

Я снова уставилась на его крепкое тело, просвечивающее через тонкую батистовую рубашку.

— Вы не могли бы одеться? — попросила у него, обреченно осознав, что иначе кашу в голове мне не побороть. — Знаю, здесь достаточно жарко, — от собственных слов мне стало еще жарче, — но это... Это мешает мне связно думать!

- Итак, Агата, — посмеиваясь, заявил мне Джеймс. Все еще продолжая улыбаться, словно именно он выиграл главный приз, надел камзол и завязал шейный платок, — я выполнил вашу просьбу. Так каким же будет ваше желание?

Поморгала, а затем решила.

Вернее, это было так себе решение, но ничего лучшего придумать мне не удалось.

— Не могли бы мы отложить мое желание на другое время? Я расскажу вам о нем немного позже.

Позже, когда пойму, что одной в столице мне не справиться и обелить дядю мне не удалось. Когда настанет пора возвращаться домой ни с чем...

Именно тогда я попрошу у герцога Раткрафта об услуге!

На это он взглянул на меня удивленно.

— Значит, отложенное желание? — переспросил он. — Ну что же, пусть будет так! — Но, как оказалось, это не умаляло его намерения пригласить меня... — Что скажете о походе в театр? Не станете же вы мне отказывать, Агата?

И я снова решила, понимая, что другой такой возможности мне может и не представиться.

— Да, — сказала ему, — я всегда мечтала побывать в опере! Мама так много про нее рассказывала... Но только после того, как все закончится.

Чтобы, когда меня выставят с отбора и я отправлюсь на Хокк, мне было о чем вспомнить. Потому что дома, на холодном острове, я обязательно буду возвращаться в мыслях к своей поездке в столицу — воскрешать из воспоминаний и эту партию, и этого великолепного мужчину, которого... я все же обыграла.

Хотя, надо признать, получилось это у меня с большим трудом.

Засобиравшись было подняться на ноги, чтобы вернуться в Бальный Зал, но герцог меня не отпустил.

— А как же история? — напомнил мне. — Вы же хотели, чтобы я рассказал вам о Маклаханах и Браммерах! Признаюсь, шахматная партия оказалась настолько увлекательной, что я совсем об этом позабыл. Но, думаю, сейчас самое подходящее место и время, чтобы ее послушать.

Кивнув, я снова опустилась в мягкое кресло.

Герцог предложил мне бокал вина, но я покачала головой.

— Дружба этих семей началась давно, подозреваю, еще во времена Первых Лордов, — заговорил он, — но значительно окрепла, когда Иввен Браммер стала любовницей моего деда, короля Теодора. Ее призвали на отбор, который она все же проиграла, потому что дед женился на моей бабушке из рода Раткрафтов. Счел ее самой подходящей на роль королевы, хотя прелести Иввен не оставили

его равнодушным. Поговаривают, король стал ее навещать по ночам, когда отбор был еще в самом разгаре. Кстати, я читал в хрониках, что Ивьен поселили в тех же самых покоях, в которых живете вы, Агата!

— Ах вот как! — выдохнула я, потому что этот факт наводил на определенные размышления.

— Сразу же после женитьбы на моей бабке дед сделал Ивьен Браммер своей официальной фавориткой и довольно скоро стал уделять ей куда больше внимания, чем законной жене. Именно тогда и началось возвышение Браммеров, которые потянули за собой еще и Маклаханов. Не прошло и года, как они заняли почти все ведущие позиции при дворе, войдя в Ближний Круг, куда ввели и своих родственников.

— Похоже, это было не слишком верным решением вашего деда...

— Не слишком, — согласился Джеймс Стенвей. — У него было много подобного рода спорных решений. К тому же эта парочка — Маклахан с Браммером — стала раздаривать должности своим друзьям и торговать министерскими портфелями. Но дед настолько потерял голову от Ивьен, что закрывал глаза на дела ее отца и брата, продолжая засыпать фаворитку подарками.

— Королева, наверное, была в ярости...

— Подозреваю, что была, — пожал плечами герцог. — Но такова печальная участь многих королей Арондела — молчать и терпеть. Впрочем, через тринадцать лет их брак подошел к концу. Дед упал с лошади, перебрав вина перед охотой. Сломал себе шею, и спасти его не удалось. С этого момента началось стремительное падение Маклаханов и Браммеров. Вдовствующая королева больше не собиралась терпеть их всевластие. Она выгнала Ивьен из столицы, отобрав подаренные земли и замки, а ее отец с братьями и несколько членов семьи Маклаханов угодили за решетку. Впрочем, им все же удалось избежать плахи, хотя и было предъявлено обвинение в измене... Но они потеряли почти все и были высланы из Стенстеда.

— Ах вот как! — вновь отозвалась я, решив, что это крайне увлекательный рассказ.

— Наконец, через шесть лет на престол Арондела вззошел старший брат моего отца, — продолжил герцог. — Молодой король все же сменил гнев на милость и позволил Маклаханам с Браммерами вернуться в столицу.

— Но затем он погиб...

— Его корабль затонул, — кивнул Джеймс Стенвей. — Попал в шторм в Бискарском Заливе. Подозреваю, они налетели на одну из Граней и пошли ко дну. К этому времени Маклаханы и Браммеры уже успели отыграть значительные позиции при дворе.

— Потом грянул заговор, — добавила я. — Взошедшего на престол Брайна Стенвея попытались убить...

— В мятеже участвовали другие семейства, посчитавшие, что тысячелетнему правлению Стенвеев должен прийти конец. Но на этот раз Маклаханы и Браммеры доказали свою непричастность, тем самым окончательно завоевав расположение моего кузена. Хотя я думаю, что они бы не отказались пойти еще дальше и вернуться к тем временам, когда они распоряжались Аронделом, как своей вотчиной.

— Подозреваю, для этого нужно, чтобы одна из дочерей... Эстель Маклахан или же Дора Браммер выиграли королевский отбор, — подхватила я. — Тем самым они бы усилили свое влияние на короля.

— Или же кто-нибудь из них стал любовницей Брайна, — добавил герцог, потянувшись к своему бокалу. — Почему бы истории не повториться?

— Вы так спокойной об этом говорите!.. — ахнула я.

— Привыкай, Агата! — пожал он плечами, неожиданно перейдя на «ты». — Тебе здесь еще жить.

И больше ничего пояснять не стал.

Вместо этого вернул меня назад, в Бальный Зал, откуда я довольно скоро сбежала, поняв, что мне попросту нечего там делать. Джеймса Стенвея заняли беседой мужчины с крайне важными лицами, и, судя по всему, надолго.

Король к этому времени протанцевал только с десятью избранницами и собирался танцевать с одиннадцатой — Синой, принцессой Устеда, — на что Бэсси хмурила идеальные брови и кривила пухлый ротик. В мою сторону не смотрела, словно забыла о моем существовании.

Зато граф Маклахан не собирался о нем забывать. Бродил вокруг да около грозовой тучей, недовольно погромыживая где-то на заднем плане, но подходить ко мне все же не подходил. Подозреваю, герцог Раткрафт сдержал свое слово и поговорил с ним по душам.

Тэль не знала, то ли ей радоваться, то ли впадать в уныние из-за того, что ее имя и сегодня прозвучало двадцатым. Изливала мне душу — вернее, так долго орошала мое платье слезами, пока я не выдержала и не заявила ей, что стабильность — это залог успеха, и вместо рыданий ей стоит возрадоваться.

Она попробовала возрадоваться, но выходило это настолько уныло, и через какое-то время я все же не выдержала и от нее улизнула. Немного поговорила о столичной Академии Магии с вернувшейся после танца с королем Харриет — она оказалась несказанно мила и нисколько не заносчива.

Потом ко мне подошла принцесса Элиза — сама подошла, я бы не рискнула!..

Мы мило побеседовали, и я, разглядывая ее приятное лицо и сложенные на груди руки, много раз ловила себя на мысли, что снова и снова возвращаюсь к истории, рассказанной мне Джеймсом Стенвеем.

О его бабушке, которая стала королевой Арондела, выбранная за кроткий нрав и набожность, и о красавице Ивьен Браммер, которая по-настоящему завоевала сердце короля. Но была вынуждена довольствоваться ролью его фаворитки, потому что он выбрал ту, которая больше всего подходила на роль будущей матери его детей.

Отвечала всем интересам Арондела.

Затем я стала размышлять о том, что если Ивьен Браммер жила в тех самых покоях, где меня поселили, а король начал пользоваться ее... гм... расположением еще во время отбора, то, выходит...

Вернее, пока что у меня ничего не складывалось, потому что не только избранницы, но и король все время были на виду. Как бы он стал навещать ее по ночам?! Об этом бы судачил весь дворец, а Ивьен заклевали бы остальные избранницы!

Конечно же, если бы в ее комнату вел тайный ход, то Теодор Стенвей мог приходить к своей фаворитке в любое время, когда ему вздумается.

Только вот ни Джеймс Стенвей, ни мы с близнецами вход в тоннель так и не нашли. Но что, если мы искали его не в том месте?!

И я застыла с открытым ртом как раз посреди рассказа принцессы Элизы о поражающих воображение храмах Святой Истории в столице Визмора Идерилле. Покивав, заявила ей, что это, должно быть, восхитительное зрелище.

Потому что на ум мне пришла не менее восхитительная догадка. Внезапно я поняла, где именно мог находиться вход в тот тоннель. И еще — почему его не нашли ни герцог Раткрафт, ни мы с принцами.

Конечно же, и как я раньше об этом не догадалась?!

Глава 10

В свои комнаты я вернулась только часа через полтора — все же ответственно дождалась, когда король закончит с последним своим обязательным танцем, после чего обратит внимание на остальных избранниц. Потому что понимала, что в следующий раз мне может уже не повезти и «проскочить» через третье испытание вот так просто не удастся.

Хотя стрела с черным опереньем была тем еще везением!..

Впрочем, на этот раз не повезло никому, потому что, стоило королю закончить танцевать с леди Лианой Доррис — я ее вспомнила, именно она целовалась с мужчиной за портьерой, когда я шла в крыло невест после встречи с Мэтью... Так вот, вернувшись к поджидавшим его избранницам, король тут же извинился, заявив, что вынужден нас оставить. Сослался на важные дела, после чего, пожелав нам приятного вечера, покинул Бальный Зал.

Ушел вместе со своим кузеном.

Я же, еще немного постояв и отклонив то ли десятое, то ли двенадцатое приглашение на танец, с которыми ко мне время от времени подходили молодые придворные, попросила Дирка Хатрейза проводить меня в крыло невест.

К этому времени мои новые подруги разбрелись кто куда. Принцесса Элиза давно уже ушла спать, заявив, что привыкла вставать на рассвете, чтобы провести в молитвах утренние часы. Харриет, чей отец, как оказалось, владел собственной торговой флотилией, неплохо проводила время в обществе окруживших ее молодых лордов. Тэль грустила возле мраморной колонны, но уходить не собиралась, все еще втайне надеясь на возвращение короля.

Я же на такое не надеялась, поэтому, попрощавшись с подругами, отправилась в свои покои, сопровождаемая Хатрейзом.

По дороге мы разговорились.

Вернее, разговорился он, но уже после того, как задал мне несколько вежливых вопросов, на которые я ответила довольно уклончиво. Не собиралась открывать ему душу, не совсем понимая, чем вызван этот его интерес...

Затем все-таки поняла, но сперва всю оставшуюся дорогу слушала длинный, во всех подробностях монолог о его жизни и планах на будущее.

Оказалось, Дирк Хатрейз закончил столичную Академию Магии с отличием, затем по протекции отца получил должность в управлении столичного Департамента Артефакторики. Отличившись в нашумевшем деле о подмене артефактов — о котором, конечно же, на своем острове я ничего не слышала, — Хатрейз заслужил повышение. Его пригласили ко двору, и он продолжал стремительно подниматься по карьерной лестнице.

Тут, оставив свою карьеру в покое, он почему-то заговорил о собственном доме в столице, который достался ему от родителей. Те переехали за город, в сельское имение, где его отец, отличный маг, продолжал держать собственную практику.

Когда мы добрались до моих дверей, Хатрейз дошел до момента, что он всегда сможет обеспечить свою будущую семью и его жена и дети ни в чем не будут нуждаться.

На это я, украдкой вздохнув — потому что уже по дороге начала подозревать, к чему он клонит, — похвалила его за столь уверенную жизненную позицию. И почти сразу же получила полнейшее подтверждение своим мыслям, так как следующим делом Дирк Хатрейз заявил, что я произвела на него самое лучшее впечатление...

Вернее, настолько сильное, что он не оставляет надежды на нечто большее между нами.

Да, он прекрасно понимает, что нас разделяет титул — у меня он имеется, а у него пока нет, — но он приложит максимум усилий, чтобы заполучить его прилежной работой и стараниями на благо Арондела.

И если я бы дала ему шанс...

— Погодите, господин Хатрейз! — выдохнула я. — Мне кажется, вы немного неправильно оцениваете ситуацию. Я приехала на королевский отбор...

— Я ни о чем у вас сейчас не прошу, леди Корнуэлл! — произнес он. — Вернее, если вы позволите, я мечтаю звать вас по имени. — Не успела я ему не позволить, как он тут же добавил: — Агата, после того, как закончится отбор и вы не станете королевой...

— Я ею не стану, — согласилась с ним, на что он кивнул, подтверждая мои слова.

— Быть может, тогда мы могли бы попробовать... Смею ли я надеяться?!

На миг мне показалось, что он собирается взять меня за руку, чтобы его признание выглядело куда более весомым, на что я непроизвольно отшатнулась. Это движение маг не оставил без внимания — лицо Хатрейза приняло растерянное выражение.

— Понимаю, прозвучавшее для вас довольно неожиданно...

— Тут вы правы! — отозвалась я, размышляя, как бы половчее ему отказать, чтобы он не слишком расстроился.

С другой стороны, как бы я ему ни отказала, он все равно расстроится.

— Простите меня, господин Хатрейз! — вот что я ему ответила.

— Дирк, — улыбнулся он. — Зовите меня по имени, Агата!

— Дирк... — произнесла я, решив хоть как-то подсластить горькую пилюлю. — Дело в том, что ваше предложение оказалось для меня в высшей степени неожиданным. Признаюсь, я никогда о таком не думала. И даже сейчас, после того, как вы мне это сказали, я тоже... Тоже не думаю!

Но он меня не услышал.

— Я вас не тороплю, Агата! Надеюсь, после отбора вы все же задержитесь в столице, и у меня появится возможность...

На это я покачала головой, сказав ему, что после отбора мне нужно будет обязательно вернуться на Хокк, и чем скорее это произойдет, тем лучше для моего младшего брата.

Потому что я оставила Олли одного, беззащитного, вместе с Абигейл, и эта мысль наполняла меня тревогой. Впрочем, про двоюродную сестру говорить магу я не стала — это было наше семейное дело, и его оно нисколько не касалось.

Вернее, его не касалось ни одно из моих дел!

Постаралась донести до мага эту мысль, раз уж он меня не услышал в первый раз... Но и во второй слушать он тоже был не намерен. Заявил, что обязательно найдет меня после отбора, даже на столь отдаленном северном острове, чтобы узнать мой ответ, и я выдавила из себя нервную улыбку.

Попрощалась с ним до утра, сказав, что мне нужно отправляться в кровать, чтобы завтра пораньше встать и как можно скорее начинать готовиться к следующему испытанию.

И тут же подумала, что понятия не имею, каким оно будет, это третье испытание. Никто о нем не говорил, а я, признаюсь, забыла поинтересоваться.

Маг все же ушел, а я, порядком смущенная, отправилась в гостиную, размышляя о том, что теперь у меня появилась возможность купить себе билет на корабль... И сделать это самой, не обивая пороги Братства и не прося милости у Сестринства Святой Истони.

Продай я один из подарков — королевский или же герцога Раткрафта, — этого вполне бы хватило на оплату моей дороги на Хокк. А еще, подозреваю, если с дядей дела пойдут совсем уж плохо, — на то, чтобы перевезти в Стенстед моего брата.

Здесь мы могли бы устроиться, а в столице у меня бы появилось куда больше возможностей найти работу, чем на Хокке!

К тому же у меня имелось «отложенное желание» — я могла попросить у герцога Раткрафта что угодно. И я знала, что в самом крайнем случае это будет год лечения для моего брата.

А еще у меня здесь появились друзья и даже завелись те, кто ко мне неравнодушен.

Например, Дирк Хатрейз.

Или даже... Иногда мне казалось, что Джеймс Стенвей питает ко мне особую симпатию.

Но я не знала, не могла предположить, как все сложится дальше!

Стоило мне закрыть за собой дверь, как на меня тут же накинудли поджидавшие служанки — с расспросами, а еще чтобы помочь подготовиться ко сну. На это я сказала им, что все прошло замечательно и король был несказанно мил. Затем попросила как можно скорее расшнуровать мое

бальное платье, потому что лиф так туго стягивал грудь и талию, что в последний час это причиняло мне настоящие мучения.

Я не могла толком ни вздохнуть, ни выдохнуть, а уж о том, чтобы что-то съесть или же выпить, — об этом и речи не шло!..

Избавившись от чудесного, но ненавистного наряда, накинула на себя простенькое по сравнению с остальными домашнее платье, оказавшееся среди подарков короля. Затем заявила служанкам, что хочу провести следующий час в молитвах и размышлениях — и чтобы они ни в коем случае меня не тревожили! И еще, что я сама расплету и расчесу волосы, так что они могут смело ложиться спать.

И все потому, что я собиралась проверить свою теорию.

Наконец, закрыла за собой дверь и осталась одна — мне казалось, что вход в тайный тоннель должен был находиться именно в моей спальне. Обвела взглядом стены — те самые стены, до этого проверенные магией и старательно и многократно простуканные мною с близнецами, а потом еще раз проверенные с помощью свечек и светлячков.

Но все было тщетно, потому что, уверена, тайный ход начинался вовсе не в стене.

Он находился в том месте, где никто не удосужился его искать — и даже герцог Раткрафт со всей своей Высшей Магией его не обнаружил!

Все очень просто — вход располагался под тяжелой, намертво прикрученной к полу кровати, и мы его не нашли, потому что попросту туда не полезли!

Зато я полезла — легла на живот и заползла в темные недра. Вернее, уже не темные, так как запустила перед собой два магических светлячка. И ползала под кроватью так долго, пока в одном из мест не почувствовала дуновение сквозняка...

На самом деле, я бы его не ощутила, если бы один из светлячков не принялся подозрительно трепыхаться, и я, воодушевленная, стала ощупывать пол, пока не нашла едва различимый стык двух плит.

Но как бы старательно я его ни царапала, проследив этот самый стык до разворота, а потом и еще дальше, пока не нащупала прямоугольную плиту в полу размером с дверь, — открыть ее у меня не получалось. Она не поддавалась, хотя я изо всех сил пыталась найти хоть какую-то зацепку.

И тогда я поползла назад.

Выбралась из-под кровати и уселась на полу, раздумывая о том, что слабо представляю короля Теодора, крупного мужчину, которого я видела на дворцовых портретах, — выползавшего, словно краб, к ожидавшей его любовнице...

Это зрелище... гм... могло испортить им такой момент!

Значит, раз уж стены здесь настолько массивные, что между ними уместился целый тайный ход, то внутри них вполне мог быть спрятан и подъемный механизм...

Уверена, это был механизм, а не магия, потому что ее следов я так и не обнаружила. Да и Джеймс Стенвей, наверное, их бы заметил.

С помощью этого механизма сдвигалась целая кровать и открывался вход в тайный тоннель, из которого венценосный любовник Ивьен Браммер появлялся во всей своей красе...

Кусая губы от напряжения, продолжала размышлять. Мне казалось, что разгадка была совсем рядом, буквально перед моим носом. Оставалось всего лишь понять...

Додумать все до конца.

Поэтому я принялась рассуждать вслух.

Так вот, сказала я пустой комнате, скорее всего, именно Ивьен открывала проход, слышав шаги своего королевского возлюбленного. Да-да, это делала она — только так можно было удержать их встречи в тайне от слуг, не позволив королю явиться в самый неподходящий момент.

Тогда ключ, открывавший ход, должен был находиться в ее комнате. Вернее, сейчас уже в моей. В таком месте, где за полвека — специально или нет — его никто не обнаружил.

Но где же?!

Явно не в стенах — мы с принцами облазили и ощупали каждый сантиметр. Не на полу — служанки

во дворце убирались со всей тщательностью, и кто-нибудь обязательно бы его нашел.

Мебель, уверена, давно уже сменили, а из того, что сохранилось с тех времен, скорее всего, осталась лишь одна эта кровать — массивная, с четырьмя колоннами, поддерживавшими ненужный мне балдахин.

Эта мысль показалась мне вполне здравой, поэтому я решила хорошенько кровать осмотреть. И начать с колонн — ощупать их с низа до самого верха, не совсем понимая, что именно я ищу. Но старательно нажимала на старое, твердое дерево — сперва на одной колонне, затем на второй и на третьей, — несмотря на свои логические доводы, до сих пор слабо веря в то, что хоть что-нибудь найду...

Неожиданно мои пальцы коснулись незаметной панели сантиметров пять в диаметре, расположенной у места стыка колонны с корпусом. Она едва заметно шевельнулась, на что я, возликовав, тут же принялась ее ощупывать. И довольно скоро обнаружила, как сдвинуть ее в сторону.

Внутри оказалось небольшое углубление, в котором я разглядела железный крючок. Пожав плечами, потянула за него, но ничего не произошло. Тогда я решила повернуть...

Стоило мне это сделать, как где-то под полом раздался жалобный скрип. На это я замерла, подумав, что только что перебудила половину дворца.

Но, как оказалось, не перебудила, потому что даже мои служанки не прибежали поинтересоваться, что здесь происходит. Зато в ту же секунду кровать дернулась, и мне пришлось схватиться за колонну, чтобы не сверзиться с нее носом вниз. Но мебель продолжала свое медленное движение — судя по всему, приподнявшись, уходила в сторону большая плита, к которой и была прикручена кровать.

Наконец, дернувшись, плита застыла.

Я же добралась до противоположного края кровати, обнаружив, что на освободившемся месте в полу появился проход — лестница, уходившая куда-то в темноту. Из этой самой темноты на меня повеяло застоявшимся воздухом подземелья, и я застыла, размышляя, что мне со всем этим делать дальше.

Внизу был тайный ход, и я его нашла!..

Конечно же, можно было снова повернуть крючок, тем самым закрыв лаз, после чего, хорошенько помолвившись Святой Истории, лечь спать, чтобы завтра подумать обо всем на свежую голову.

Например, кому я расскажу о тайном ходе. Герцогу Раткрафту — всенепременно; ну и маленьким принцам — они будут в восторге!..

Но вместо того, чтобы лечь спать, я все-таки слезла с кровати. Затем, опустившись на корточки и добавив яркости магическому светлячку, осторожно прикоснулась пальцем к ступеням. Ощутила липкую пыль подземелья — на них появился вполне отчетливый отпечаток.

Это наводило на определенного рода размышления. Например, что на эти ступени давно уже не ступала нога человека. Причем очень давно!.. Подозреваю, целых полсотни лет, как раз с того самого отбора, про который мне рассказывал Джеймс Стенвей.

Но раз так, где именно бегали те мужчины, которые мешали мне спать?! Выходило, что рядом находился еще один коридор, по которому расхаживали люди и... хлопали дверями.

Все же не удержавшись, я попросила Святую Историю меня не оставлять, после чего осторожно поставила ногу на первую ступеньку. Постояв немного, начала спускаться. Ступеней оказалось семь, но, стоило моей голове исчезнуть под полом, как ход резко свернул вправо. Пройдя несколько метров по узкому коридору — буквально натываясь на стены, — я увидела еще одну лестницу.

На этот раз она уходила наверх, заканчиваясь закрытой дверью.

Пожав плечами — раз решилась, то решилась! — поднялась по лестнице, прикинув, что сейчас я как раз должна оказаться на уровне середины комнаты. Да-да, уверена, где-то за этой стеной находилось изголовье моей кровати, а значит, и ход, по которому топали сапогами.

Впрочем, чтобы в него попасть, сперва надо было преодолеть препятствие в виде закрытой наглухо каменной двери, у которой не оказалось ни ручки, ни щеколды. Она была монолитной, но я вспомнила, как отодвинула кровать, поэтому принялась ощупывать стены.

Через пару минут поисков обнаружила подавшуюся вперед пластину, расположенную с правой

стороны где-то в метре от двери. Внутри находился заветный крючок, на этой раз облепленный паутиной.

Признаться, мои руки тоже... гм... оставляли желать лучшего, но это не помешало мне повернуть крючок. И дверь, чуть скрипнув, принялась послушно отъезжать в сторону.

Едва она открылась, как я шагнула в куда более просторный ход, но тут дверь стала закрываться у меня за спиной. На это я ахнула — ну как же так?!

Впрочем, довольно скоро — вернее, сперва я огляделась, поняв, что темный проход убежал как в одну, так и в другую стороны, — я разыскала еще одну панель с крючком, который позволял мне открыть дверь и вернуться назад.

Это меня немного успокоило — в свою комнату я попаду в любом случае! — и я принялась осматривать тоннель.

Он был значительно шире и выше того ответвления, которое вело из моей комнаты. Похоже, его можно было считать центральным, идущим как раз внутри внешней дворцовой стены. Зато магических потоков, стоило двери закрыться за моей спиной, стало значительно меньше.

Похоже, плотные стены с поставленными на них защитными заклинаниями их почти не пропускали, поэтому мои светлячки едва-едва теплились.

Но и это не отбило у меня желания разобраться, что здесь происходит. Вернее, кто топал сапожищами напрямик над моей кроватью! И я завертела головой, пытаясь вспомнить, в какую сторону направлялись те самые шаги.

Выходило...

Пожав плечами — кажется, все-таки влево! — я побрела в полумрак, оставив едва тлеющий огонек возле своего ответвления. Второй тоже вскоре погас, а на то, чтобы зажечь новый, магии уже не хватало.

И это мне несколько не понравилось.

Поэтому я пообещала себе, что еще совсем немного пройду вперед, после чего обязательно вернусь. А завтра уже вместе с близнецами мы сможем снова сюда попасть и детально все обследовать. Или же первым делом я расскажу обо всем герцогу Раткрафту и посмотрю, как скептическая улыбка на его красивом лице сменится изумлением...

Мысль о Джеймсе Стенвее привычно меня успокоила, даже приободрила, и я стала подумывать о том, что пора уже повернуть назад — все равно ничего не видно!

Но тут совершенно неожиданно наткнулась на открытую дверь. Заметила ее только потому, что из распахнутого прохода в тоннель просачивался едва заметный рассеянный свет. Пожала плечами — надо же, кому-то удалось оставить открытой дверь, тогда как моя сразу же захлопнулась за моей спиной!

Затем в очередной раз стала прикидывать...

Получалось, новое ответвление вело в комнату одной из избранниц, потому что тоннель проходил по наружной стене вдоль длинного коридора крыла невест.

Кто именно жил рядом со мной — скорее всего, через одну комнату, — я не знала. Не удосужилась расспросить леди Виторину, не думая, что это может оказаться важным. Теперь же, признаюсь, мне стало крайне любопытно. Поэтому, еще немного постояв, все-таки решила посмотреть, к кому из девушек ходят мужчины взад и вперед, да еще и по ночам!..

Вот, судя по открытому проходу — и сегодняшней ночью тоже пришли!

Посмотрела — осторожно добралась до открытой двери, с каждым шагом чувствуя, как все быстрее и быстрее стучит мое сердце и как все громче и громче долетают до меня мужские голоса.

Потому что очень скоро поняла, что та избранница времени не теряла и у нее снова был полный дом гостей. Судя по голосам — даже больше, чем в прошлый раз, когда мне слышались шаги двух мужчин.

И я продолжала идти — ступая осторожно и беззвучно, потому что мне показалось, будто бы один из этих голосов я слышала раньше. Но, к моему удивлению, они сливались в равномерный гул, из которого я почему-то не могла вычленишь ни одного знакомого слова.

Затаив дыхание, на цыпочках спустилась по лестнице, вжимаясь спиной в стену, из-за чего,

подозреваю, испачкала новое платье. Зато очутилась возле распахнутой двери — скорее всего, за ней не ждали незваных гостей, так как «хозяева» думали, что о тайном ходе знают только они.

К тому же я обнаружила, что этот ход вовсе не заканчивался под кроватью, как в моей комнате, а начинался где-то в середине стены.

Только вот интересно, чьей именно стены?!..

Замерла, еще сильнее вжимаясь в холодный камень, потому что внезапно до меня долетел насыщенный цветочный аромат. Принюхавшись, поняла, что это был тягучий и сладкий запах южных благоволий, а потом и осознала, почему я до сих пор не разбирала ничего из сказанного, хотя мужские голоса звучали вполне отчетливо.

Они говорили на незнакомом мне языке, но я его уже слышала. Уверена, это был зарейнский, с его протяжными гласными «о» и «э». К тому же одним из беседовавших оказался граф Маклахан — его голос я узнала бы из тысячи! Отвечал ему деловитый бас, и я подумала: интересно, что это еще за встреча под покровом ночи в покоях принцессы Шейлы?!

Правда, в беседе она не принимала участие — женского голоса я так и не услышала, зато в разговор вступил третий — мужской, но визгливый.

И эта тайная встреча наводила на разного рода размышления. Например, а вдруг это тот самый зарейнский след, о котором твердил дядя?! Уверена, собравшиеся что-то скрывают, потому что другого объяснения их встречи на ночь глядя, да еще и с использованием тайного хода, у меня не было.

Но как же жаль, что я не понимала ничего... Ни единого слова из сказанного в этой комнате!

Не выдержав, решила все-таки взглянуть на говорящих. Хоть так, раз уж не разбирала того, о чем они говорили!..

Осторожно высунулась из прохода — всего лишь на секунду! — успев разглядеть низенький круглый стол, похожий на тот, который стоял в моей Малой Приемной, и светлые кресла. В них сидели трое, а еще один мужчина стоял чуть поодаль.

Двоих из них я узнала — это был граф Маклахан и его секретарь Густав, которого я видела на городском рынке в день приезда в Стенстед. Третий — вальяжный, с длинными усами по зарейнской моде, что-то кивал на то, что бубнил ему граф.

Четвертого — худого, с желтым узким лицом, в странном головном уборе — я тоже встречала, видела этим утром у конюшен. Он сопровождал принцессу Шейлу и цепко оглядывал всех, кто приближался к ней по дорожкам, а я еще подумала, что он, наверное, из ее охраны.

Уже тогда он показался мне крайне неприятным, опасным типом, зато сейчас...

Неожиданно этот самый тип повернул голову, но в тот же момент я успела юркнуть назад. Отпрянула, дыхание перехватило, но я все же уговорила себя, что он не мог меня заметить. Нет же, я была предельно осторожна, не издала ни малейшего звука и успела убраться до того, как он обратил бы на меня внимание!..

Но при этом не могла отделаться от ощущения, что взгляд темных глаз буравит стену, пытаюсь добраться до моей спины. И это было, признаюсь, не слишком приятное ощущение.

Оно-то и заставило меня прибавить скорость.

И я ее прибавила.

Стараясь ступать все так же бесшумно и не путаться в платье, чтобы глупо не растянуться в тоннеле, сперва быстрым шагом, а затем бегом поднялась по лестнице. Миновала коридор и добралась до своего прохода, не забыв поблагодарить Святую Истонию за то, что Она надоумила меня оставить возле двери светлячок — а то бы носилась, выпучив глаза, по всему тоннелю, разыскивая свою дверь!..

Слыша, как отдает в уши бешено стучавшее сердце, быстро нащупала нужную панель. Повернула рычажок, снова возблагодарив Богов и Святую Истонию, что меня никто не преследовал.

Буквально через несколько секунд я стремительно нырнула в образовавшийся проход, перед этим погасив светлячок, не забыв заклинанием — с трудом, но получилось собрать его из вялых магических потоков — затереть все следы.

Дождавшись, когда за мной закроется дверь, привалилась к ней спиной, пытаюсь отдышаться.

Кажется, мне повезло!..

Было тихо — могильно тихо; никто не бежал за мной по проходу и не пытался открыть мою дверь с другой стороны. Поэтому, еще немного постояв и отдышавшись, я спустилась по лестнице и уже очень скоро вернулась в свою комнату. Повернула рычажок, возвращая кровать на прежнее место, затем сняла платье, оставшись в одной сорочке. Отчистив магией одежду от пыли, аккуратно разложила платье на стуле, после чего юркнула в постель, пообещав себе...

Вернее, не стала ничего себе обещать.

Вместо этого принялась размышлять, был ли хоть какой-то резон в том, что я порядком натерпелась страху и чуть было себя не выдала, когда шпионила за собравшимися в комнате принцессы Шейлы.

Ответов на эти вопросы я не знала, хотя меня не оставляло ощущение, что я увидела нечто крайне важное.

Такое, чему не должно было быть места во дворце.

Граф Маклахан и его секретарь о чем-то тайно разговаривали с людьми из свиты принцессы Зарейна, хотя они вполне могли побеседовать об этом днем. Причем открыто, выбрав один из множества дворцовых кабинетов.

Значит, тут дело либо в людях — этих четверых ни в коем случае не должны были увидеть вместе, — либо в разговоре, который не должен был достичь чужих ушей.

Именно поэтому они воспользовались тайным ходом, о существовании которого, подозреваю, знали еще со времен предыдущего отбора.

Браммеры и Маклаханы, два сапога пара... А теперь к ним добавились еще и зарейнцы.

И я в который раз очень сильно пожалела, что не знаю чужого языка.

Впрочем, сожалением делу было не помочь, поэтому я принялась раздумывать о людях, которых увидела в той комнате. С графом и его секретарем все было ясно — вернее, я еще больше укрепилась в мысли, что с ними не все чисто.

Что же касается остальных, то тот, важного вида и с усами, скорее всего, был кем-то из высокопоставленных зарейнских чинов, прибывших в Стенстед в свите принцессы. Зато второй, с желтым узким лицом и тюрбаном на голове, наверное, их охранял.

И этот его тюрбан почему-то не давал мне покоя. Вернее, связанная с ним мысль...

Интересно, почему же он не снял его с головы? Солнце в разгар ночи вряд ли могло напечь ему затылок.

Он его не снял, сказала я себе, потому что это в традициях его страны. Наверное, какой-то отличительный знак или же символ, указывающий на принадлежность к обособленной группе или же клану...

Тут мои ладони вспотели, а во рту моментально пересохло, потому что я вспомнила одну из книг в папиной библиотеке. Речь в ней шла о тех самых традициях разных стран, и были подробно описаны зарейнские воинские кланы.

Мужчины одного из них как раз носили похожий головной убор — в книге были картинки, — не снимая его ни при каких условиях. Для них это бы означало бесчестие, что равносильно смерти.

Жестокие и умелые воины из клана самритов, они испокон веков состояли на службе у шейхов Зарейна. Об их беспощадности и воинской доблести слагали легенды, и мало кто мог уйти, если они шли по следу...

В этот момент мне окончательно стало не по себе — самрита на мою голову только не хватало!..

Впрочем, вскоре я смогла себя убедить, что тот мужчина с узким желтым лицом не мог... Вернее, он не должен был меня заметить, так что волноваться мне не о чем.

Это они должны были волноваться — я увидела нечто, подозреваю, крайне важное. И собиралась об этом рассказать Джеймсу Стенвею.

Джеймс Стенвей, герцог Раткрафт

— Неужели этим вечером мы обойдемся без шахмат? — поинтересовался у него король, взглянув на Джеймса озадаченно. — Редкий случай, надо его отметить!

Скинув камзолы и ослабив шейные платки, они сидели в рабочем кабинете Брайна. Кузен налегал на любимый коньяк, тогда как Джеймс решил обойтись без выпивки. Не собирався затягивать эту встречу, планируя переговорить с королем, после чего отправиться восвояси.

Несмотря на поздний час, у него было полным-полно работы.

— Если ты не настаиваешь на партии, то, пожалуй, на этот раз обойдемся без вечерней игры, — отозвался он. Затем все-таки признался: — К тому же мне не мешает перевести дух после поражения.

— Неужели поражение? — вскинул бровь двоюродный брат. — И кто же посмел?.. Признавайся, кто он, этот умнейший человек, и я тотчас же дам ему место в моем Ближнем Круге!

Это была шутка, на которую Джеймс натянуто улыбнулся, так как все еще не мог познать сути этого феномена. Думал, впереди его ждет приятная игра с Агатой Дорсетт, во время которой он станет ей поддаваться, отпуская комплименты «несомненным» умениям леди Корнуэлл. При этом наслаждаться ее обществом, одновременно пытаясь разобраться в чувствах, которые она у него вызывала.

Но все обернулось совсем не так, как он ожидал. Партия закончилась его полным и безоговорочным поражением.

Джеймс проиграл, но утешал собственное самолюбие тем, что не отнесся к своему оппоненту так, как следовало бы. Агата Дорсетт уже много раз показывала себя серьезным противником. Причем не только в шахматах, но и во всем остальном.

Она, словно острая игла, засела где-то у него в голове, претендуя на то, чтобы забраться прямоком ему в сердце. И он до сих пор не мог решить, что со всем этим делать. Продолжать ли бороться, пытаясь от нее отстраниться, посмотрев на происходящее со свойственным ему сарказмом, или же сдаться...

Сдаться на милость победительницы и посмотреть, что из всего этого выйдет.

Неожиданно Джеймс обнаружил, что король смотрит на него, склонив голову. Кажется, Брайн дожидался объяснений, но, так их и не услышав, заговорил первым:

— Пожалуй, я догадываюсь, кто это был, и думаю, что ты хочешь поговорить со мной именно об этом. Вернее, поинтересоваться моими намерениями по отношению к одной из избранниц на моем отборе.

— Возможно, так оно и есть, — отозвался Джеймс, подумав, что его кузену не отказать в проницательности.

— И еще, судя по всему, это вовсе не Бэсси Берналь. Вернее, мне так много раз нашептали, что это не Бэсси Берналь, что у меня не осталось в этом ни малейших сомнений.

— Нет, это не Бэсси, — качнул головой герцог. — Я уже говорил тебе, что существование леди Берналь меня нисколько не волнует.

- Вижу, ты относишься к ней с прохладцей, — отозвался король, после чего отпил янтарной жидкости из бокала. — Но все-таки признай, Джеймс, что в остроумии Бэсси не отказать, а ее красота сразу же затмила всех на этом отборе!

Но Джеймс не спешил признавать ни одного, ни другого, подумав, что во дворце есть та, кто могла бы дать Бэсси Берналь сто очков вперед. Как в остроумии, так и в красоте. А еще, что он уже второй день не мог выкинуть ее из головы, и с этим нужно было что-то делать.

- Знаю, — тем временем продолжал его двоюродный брат, — ты уже предостерегал меня от ошибки и говорил, что Бэсси Берналь как раз такой и будет. Я даже начал подумывать, а не достать ли мне из сокровищницы Сердце Арондела, чтобы древний артефакт помог мне сделать правильный выбор... Но затем решил, что разберусь без него, потому что предпочитаю совершать собственные ошибки.

— О да, я это вижу! — не удержался от колкости Джеймс.

— Но и ты, похоже, торопишься совершить свои, — тут же парировал Брайн, — потому что слишком откровенно интересуешься одной из моих избранниц. Весь двор об этом только и говорит! Агата Дорсетт... — произнес король ее имя, словно пробовал на вкус многолетней выдержки коньяк. И Джеймсу это, опять же, не понравилось. — Скажи мне, ты хочешь, чтобы я отпустил ее с отбора?

— Я хочу, чтобы ты поступил разумно, — отозвался герцог Раткрафт, вытянув длинные ноги и

уоставившись на огонь.

Он не собирался навевать своему кузену мысли о соперничестве, решив, что в этом случае Брайн ее так скоро не отпустит.

— Разумно? — переспросил кузен.

— Королевой ей не стать по многим причинам, и ты прекрасно их знаешь. К тому же, подозреваю, ты близок к тому, чтобы сделать окончательный выбор, а ее среди тех, кто затронул твое сердце, нет.

На это король усмехнулся.

— Похоже, Джеймс, сейчас ты поспешил со своими выводами. Я пока еще ничего не решил — ни насчет Агаты, ни насчет остальных. Что же касается леди Корнуэлл, скажу тебе сразу, что я нахожу ее достаточно привлекательной. В ней есть что-то необычное, но я так до конца и не понял, что именно. Не раскусил, кто она такая, потому что еще не успел рассмотреть. — Усмехнулся. — Зато сейчас я вижу, как смотришь на меня ты. Смотришь, не скрывая своего недовольства! О, Джеймс, я узнаю этот твой взгляд!

— И какой же у меня взгляд? — отозвался герцог, впервые за долгое время почувствовав, что кузен его порядком раздражает.

Они всегда были близки — оба рано потеряли родителей, и леди Виторина для них во многом заменила мать. Но сейчас ему хотелось, чтобы Брайн прекратил свои непонятные игры.

Ясно же, что кузен серьезно увлечен Бэсси Берналь, но рассматривать в жены будет принцесс Визмора, Зарейна или же Устеда. Но вместо этого Брайн заявил, что собирается хорошенько присмотреться к леди Корнуэлл, хотя Джеймс планировал сделать это сам!

— Помнишь, как мы пообещали друг другу, — неожиданно сменил тему король, — что никогда не поссоримся, какие бы разногласия между нами ни стояли. Дали друг другу клятву...

— На крови, — кивнул Джеймс. — Порезали руки, и у меня с той поры остался шрам. Тогда мы сбежали из дворца и уплыли на плоту в Визмор, а леди Виторина, когда нас с тобой нашли и вернули, заставила неделю замаливать свои грехи.

На это Брайн усмехнулся, заявив, что прекрасно понимает, в кого пошли близнецы, поэтому закрывает глаза на их бесконечные проделки. В детстве они с Джеймсом были такими же неудержимыми.

— Тогда, на плоту, мы с тобой решили, что всегда будем держаться вместе и никогда не поссоримся. Особенно из-за девчонок, Джеймс! Я знаю, ты обратил на нее внимание, поэтому я скажу тебе, что собираюсь отпустить Агату Дорсетт на следующем испытании.

Джеймс склонил голову, неожиданно почувствовав прилив родственной любви к своему кузену.

— Значит, завтра вечером она уйдет с отбора? — все же решил уточнить он.

— И у тебя будет хорошая возможность ее утешить! — усмехнулся король. — Знаешь, я бы отпустил ее раньше... Но на этом испытании они должны будут меня удивить, и я хочу посмотреть, на что способна маленькая леди Корнуэлл! Подозреваю, это будет нечто феерическое.

На это Джеймс пожал плечами.

— Понятия не имею, — заявил своему кузену, — что иногда творится в голове у леди Корнуэлл! Но если ты решишь играть с ней в шахматы, то советую тебе прихватить с собой бутылку коньяка.

На это Брайн рассмеялся.

— Я несколько не сомневался в том, что именно она разбила наголову моего самоуверенного кузена, — заявил ему король. — Ну что же, Джеймс, поздравляю, наконец-таки тебе попался достойный соперник! Но ты всегда можешь на меня рассчитывать, если понадобится помощь или же совет, — намекнул Брайн.

— С этим соперником я как-нибудь справлюсь и сам, — отозвался Джеймс, подумав, что впереди его ждало захватывающее противостояние.

Не только в шахматах.

— Кстати, у меня к тебе будет просьба, — неожиданно добавил король. — Раз уж я пошел тебе навстречу в этом вопросе, то хотел бы попросить об ответной услуге. Я пригласил Бэсси на

завтрашнюю премьеру, но оказалось, что и Шейла твердо намерена посмотреть это представление. Сказала мне, что давно уже слышана о «Покаянии Энносии» и мечтает попасть на премьеру. Потом посмотрела на меня своими сиреневыми глазами, и я...

— И ты не устоял, — усмехнулся Джеймс. — Пригласил и ее тоже.

— Пригласил! — покаялся Брайн, добавив, что тем самым попал в довольно-таки затруднительное положение.

Но он признает за собой эту слабость — ему сложно отказать, когда видит красивое женское личико и просящие глаза. Поэтому он хотел бы, чтобы Джеймс отправился вместе с ними.

— Чтобы они друг друга не поубивали, — закончил герцог.

— А заодно не прикончили и меня, — кивнул Брайн. — К тому же ты хорошо знаешь зарейнский и сможешь развлечь Шейлу. И вот еще что, Джеймс... Я бы посоветовал к ней присмотреться!

— То есть, ты думаешь, если я начну к ней присматриваться, то смогу разглядеть под ее одеждой двух кобр и три отравленных кинжала?

Брайн качнул головой, показывая, что сейчас ему не до шуток.

— Я думаю, что в тебе течет такая же королевская кровь, как и во мне, и твой брак может послужить на благо Арондела. Не одному же мне отдуваться!

— А как именно твой брак послужит благу Арондела, если ты женишься на Бэсси Берналь? — любезно поинтересовался у него Джеймс. — Ставки во дворце на нее и принцессу Визморскую примерно одинаковы.

На это Брайн поморщился, заявив, что ничего не решено и к демонам ставки!.. Но затем все-таки пошел на попятную.

— Это всего лишь просьба, Джеймс! К тому же Шейла о тебе расспрашивала. Мне кажется, ты ее интересуешь куда больше, чем я. Поэтому, если ты вдруг решишь жениться на маленькой принцессе наших кровожадных южных соседей, я нисколько не буду против. Наоборот, с радостью благословлю ваш брак.

— Я тебя услышал, — отозвался Джеймс, после чего добавил, что женитьба на принцессе Зарейна не входит в его планы на будущее. Но он готов исполнить просьбу Брайна и сопровождать Шейлу в театр.

Затем поднялся, добавив, что у него остались неотложные дела, потому что ситуация в столице оставалась напряженной. Попрощавшись с королем до завтра, он вышел из кабинета, при этом подумав, что одно из его «неотложных дел», наверное, давно уже спит...

Джеймс своими глазами видел, как Агата уходила из Бального Зала, сопровождаемая Хатрейзом.

При мысли о маге он в очередной раз почувствовал прилив раздражения. Кандидатура Хатрейза до этого дня не вызывала у него нареканий, поэтому он решил, что тот станет отличным стражем для Агаты.

Но теперь Джеймс серьезно сомневался в своем решении.

Выходило, он столкнулся с еще одной проблемой, над которой ему стоило как следует подумать. Вернее, придумать, что ему делать с тем, что он начинает ревновать Агату к каждому, кто на нее посмотрит.

Включая собственного кузена.

Включая собственного мага.

Включая всех тех, кто присутствовал на балу и кидал в ее сторону заинтересованные взгляды, потому что Агата притягивала их ничуть не меньше, чем та же Бэсси Берналь.

Немного посмотрев в сторону крыла невест, где леди Корнуэлл должна была давно уже лечь спать — естественно, не забыв помолиться своей Святой! — Джеймс отправился в противоположный конец дворца. Его путь лежал в центральное крыло, потому что Брайну он не соврал.

Несмотря на поздний час, у него все еще оставалось порядком дел. Вот-вот должен был прибыть посыльный с отчетом о масштабных обысках в порту, но Джеймс почти не сомневался в том, что проверка в который раз не даст результата.

Но даже если они что-нибудь найдут, герцог слабо верил в удачу.

Не так давно им удалось конфисковать крупную партию нового наркотика, но капитан судна ничего не рассказал, хотя его допрашивали опытейшие дознаватели. Не сознался, ни кто был поставщиком, ни в каком месте был загружен смертоносный груз. Умер во время допроса в страшных мучениях, не получив желанной дозы Желтой Смерти, а маги не сумели ему помочь.

Остальная команда либо ничего не знала, либо побоялась признаваться.

То же самое происходило с мелкими сошками, торговавшими Желтой Смертью на улицах Стенстеда или же снабжавшими ею столичные притоны. Они либо были кем-то настолько запуганы, что молчали, будто набрали в рот воды, или уже сами пристрастились к наркотику. Боялись, что расскажи они хоть что-то — даже перед угрозой королевского правосудия, — то лишатся возможности достать новую дозу.

Желтая Смерть тем временем продолжала стремительно расползаться по столице, каждый день собирая свою смертельную жатву. Число умерших росло в геометрической прогрессии, и все попытки остановить распространение не давали результата.

Погрузившись в размышления, Джеймс зашагал по длинному коридору в сторону рабочего кабинета. И, конечно же, он понятия не имел, что именно в этот момент Агата, прижавшись спиной к камню, заглядывала в покои принцессы Зарейна.

Той самой Шейлы, которую он вызвался сопровождать на премьеру, чтобы выручить двоюродного брата из неловкой ситуации, в которую тот попал по собственному малодушию. Вернее, из-за того, что оказался слишком уж падок на женскую красоту.

При этом Джеймс подозревал, что, узнай Агата о его походе в театр — куда он ее пригласил, но собиравшийся пойти с принцессой Зарейна! — ей бы это нисколько не понравилось. Несмотря на то, что она испытывала к нему «самое искреннее и дружеское расположение».

Впрочем, после их партии в шахматы он серьезно сомневался в ее словах.

Глава 11

Утро принесло с собой целых два известия, ввергших меня в серьезную задумчивость.

Но началось оно, опять же, с визита леди Виторины. К этому времени я давно успела подняться и провести полчаса в молитвах, поэтому встретила распорядительницу одетая, в спокойном и хорошем расположении духа.

Пожелала ей приятного дня и чтобы Святая Истония была к ней благосклонна. На ее вопрос о том, как прошла моя ночь, любезно улыбнулась, не спеша рассказывать распорядительнице о тайном ходе.

Понимала...

Вернее, я еще толком ничего не понимала, кроме того что мне нужно не спешить, чтобы ни в чем не ошибиться.

Я собиралась обо всем рассказать — и о находке, и о странной встрече в покоях принцессы Шейлы, — но, как и вчера, этим утром мне казалось, что лучше всего для этой цели подойдет герцог Раткрафт. Да-да, я расскажу именно ему!

Единственное, если в существовании тайного хода можно убедить кого угодно — вот он, поверни крючок, и плита сдвинется вместе с кроватью, — то насчет ночного собрания у принцессы Зарейна меня терзали большие сомнения.

Я прекрасно понимала, что мне могут и не поверить — даже Джеймс Стенвей!.. Потому что те, кто на ночь глядя пользовался радушием принцессы Зарейна, станут это отрицать.

Скажут, что я все придумала, и герцогу Раткрафту придется поверить мне на слово, потому что доказательств у меня нет.

Но что будет стоить мое слово — а ведь всем прекрасно известно о вражде между Маклаханами и Корнуэллами! — против слова принцессы Шейлы или же возмущения графа Маклахана?

Мне казалось, что в этом случае поверят... не совсем мне. Если быть точнее, мне несколько не поверят, зато Маклахан еще сильнее утвердится в своей ненависти и, наверное, попытается меня убить.

Во второй или же в третий раз.

От этой мысли по позвоночнику начинала бегать мерзкая ледяная поземка, потому что в том, что в лесу в меня стрелял один из людей графа, я уже почти не сомневалась. Также меня терзали подозрения, что именно Маклахан был причастен к попытке покалечить лошадей на конюшне.

Граф был одним из ближайших советников короля — вчера я осторожно расспросила об этом Харриет, знавшую обо всем на свете, — и оказалось, именно он курировал организацию отбора. Кто, как не он — вернее, его люди, — могли свободно войти в конюшню, не вызвав ни у кого подозрений, и поставить Нити Амрона на лошадей?! А потом так же свободно выйти...

Но доказательств, опять-таки, у меня не было.

Никаких.

Зато все еще оставалась надежда на то, что спасшее мне жизнь Братство сможет помочь и на этот раз. Раз уж они уберегли меня от стрелы, то, вполне возможно, видели стрелявшего.

Именно поэтому я собиралась встретиться с Мэтью и расспросить его о злоумышленнике. Быть может, Братство даже назовет его имя?! Это бы очень мне помогло, дав доказательство причастности людей Маклахана к покушению.

При этом я понимала, что Жиль захочет от меня ответной услуги. Какой именно, я пока еще не знала, но решила расспросить и об этом. А потом хорошенько подумать, стоит ли имя убийцы того, что от меня за него потребуют.

Тут леди Виторина, прервав мои размышления, огорошила новостью. Оказалось, сегодня вечером пройдет третье испытание, на котором избранницам нужно будет удивить короля заранее приготовленным сюрпризом.

Ах, леди Корнуэлл ничего об этом не знала?! Но как же так?! Все девушки прибыли в столицу с подарками или же сюрпризами, способными поразить воображение и порадовать Брайна Стенвея.

На это я соврала леди Виторине, что мой подарок сейчас именно там, где и моя одежда — ушел на корм рыбам, — при этом прекрасно понимая, что словами делу не поможешь. Даже если я вызову жалость у распорядительницы, это уже ничего не изменит.

— Выходит, вечером мне придется чем-то удивить короля? — тоскливо спросила я.

— Именно так! — отозвалась распорядительница. — Мне жаль, Агата, что ваша дорога была омрачена столь огромными трудностями, но я надеюсь, что Святая Истония вас не оставит в такой сложный момент и вы сможете что-нибудь придумать. Советую использовать один из ваших талантов и показать себя с лучшей стороны.

— Если бы он еще был, этот талант! — вздохнула я, после чего поблагодарила леди Виторину за ее заботу, прекрасно понимая, что рассчитывать на чью-либо помощь мне не придется.

Только на себя саму и еще на то, что на меня снизойдет божественное вдохновение. Правда, особыми талантами Боги меня не наделили — если только ловкостью рук и сильным магическим даром...

Быть может, мне незаметно обворовать короля, а потом вернуть ему украденное?!

Нет, вряд ли этот талант поможет мне задержаться на отборе!

Что касалось магии, леди Виторина сразу же ответила на мой вопрос отрицательно. Заявила, что для этого отведено пятое, особое испытание, на котором избранницы смогут продемонстрировать королю свои умения. Так что этим вечером придется обойтись без магии.

— Быть может, вы умеете отлично петь? Или же хороши в танцах и живописи? — подозреваю, увидев мое расстроенное лицо, попыталась помочь распорядительница. — Наш король большой ценитель искусства. — Затем она вздохнула, потому что предложенные варианты нисколько меня не вдохновляли. — Да пребудет с тобой Святая Истония, дитя мое! — произнесла она.

На это я унылым голосом согласилась, что Ей не помешало бы пребыть, после чего леди Виторина меня покинула.

Почти сразу же за распорядительницей явилась знакомая молодая служанка с завтраком, и я, показав ей знак Братства, заявила, что хочу встретиться с Мэтью. Нет, не во дворце — здесь слишком много охраны, таскаются за мной повсюду! Пусть лучше он станет ждать меня где-нибудь в центре Стенстеда.

Наверное, сопровождать меня в город будет личный страж, но с Дирком Хатрейзом я уж как-нибудь разберусь. Только мне нужно заранее знать время и место.

— Я передам, — кивнула служанка и через полтора часа пришла в мои покои еще раз.

Принесла на подносе чашку с дымящимся кофе, от которого шел резкий, позабытый мною аромат, сразу же напомнивший о временах, когда мама и папа еще были живы. Оказалось, кофе приказал заварить для меня герцог Раткрафт, а вместе с ним он слал еще и маленькие пирожные из лучшей столичной кондитерской.

К этому подарку прилагалось его послание, исписанное резким, отрывистым почерком. В нем Джеймс Стенвей извещал, что будет занят до самого вечера, но мы обязательно встретимся на балу. И еще наказал мне быть осторожной и глядеть в оба, на что я украдкой вздохнула.

И из-за того, что наша встреча откладывалась до вечера, и еще из-за того, что я собиралась выйти из дворца.

— Можете пить и есть спокойно, — шепнула мне служанка. — Отравы нет. Все проверено нашими людьми!

После чего передала весточку от Мэтью. Оказалось, тот будет ждать меня в три часа дня на четвертой ступени у входа в центральный Собор Всех Святых. Если же по какой-то причине мне не удастся вырваться или же уйти от своего стража, то он станет поджидать меня на том же самом месте и в то же самое время еще завтра и послезавтра.

На это я кивнула, сказав, что все поняла и постараюсь прийти.

Служанка ушла, а я потянулась к чашке с кофе, размышляя о том, что подарок и послание герцога Раткрафта приятно меня удивили, но при этом мне не помешало бы придумать, чем приятно удивить короля.

Пока что я все еще бродила в потемках. Что делать, если удивлять его было нечем?

Так ничего и не решив, попросила у горничных отыскать для меня перо и бумагу, после чего написала записку с благодарностью герцогу Раткрафту и короткое письмо леди Виторине. Сообщила ей, что собираюсь отправиться в город около двух часов дня, чтобы посетить Храм Святой Истории, где планирую хорошенько помолиться.

Быть может, именно там на меня снизойдет озарение?

Отправиться туда я собиралась как раз после того, как меня навестят маленькие принцы, но обязательно вернуться к пяти вечера, чтобы к семи быть готовой к своему провалу на третьем испытании.

И все потому, что в голову мне так ничего и не приходило, хотя я старательно размышляла о своих талантах.

Быть может, поразить короля игрой в шахматы, вызвав его на поединок в Тронном Зале?!

Мысль показалась мне интересной, и я всячески ее обдумала. Но были и подводные камни. А что, если Брайн Стенвей не слишком большой любитель шахмат и не согласится на нашу партию? Тогда меня будет ожидать провал.

Танцевать я особо не умела, так что эту идею я отменяла сразу же. Может, попробовать впечатлить короля своим пением? Мама всегда говорила, что у меня хороший голос.

Только вот песен я толком не знала. Помнила с детства несколько колыбельных, которые пела Олли, когда тот не мог заснуть. Знала еще кое-какие песни Братства, но они совсем не подходили для королевского отбора, да и церковные гимны...

Вот, собственно говоря, и все мои таланты!

Узнав о моей проблеме, близнецы, вырвавшиеся буквально на час из цепких объятий воспрянувшего духом гувернера — целых два дня не сбегали, леди Корнуэлл, это же настоящее чудо! — заявили, что надо показать их брату тайный ход. Брайн будет в таком же неописуемом восторге, как и они, и обязательно сделает меня королевой Арондела!..

А если не сделает, то мне нужно совсем немного подождать. Они очень скоро вырастут и обязательно на мне женятся.

В этом месте принцы принялись спорить, кто из них женится на мне первым, после чего все же подрались. Я быстро их разняла, но, оказалось, все-таки не успела... Теперь поцарапанным носом мог «похвастаться» уже Дэнни, а у Тома была расквашена губа.

На это я тайком вздохнула, но делать было уже нечего.

Заставила их помириться, после чего мы доели пирожные, присланные «дядей Джеймсом», и несколько раз прокатились на кровати, по очереди поворачивая крючок.

Затем, запасшись свечами, отправились исследовать тайный ход. Нашли еще два ответвления, ведущих, по моим прикидкам, к комнатам избраниц. Но, как я и подозревала, открыть их можно было только изнутри, так что мы совершенно напрасно испачкали свою одежду, разыскивая отодвигавшиеся панели и дергая за крючки.

Вернувшись и убрав магией следы подземелья, договорились, что если меня вечером все-таки выставят с отбора, то они обязательно за мной приедут... лет так через шесть-семь, и там мы уже посмотрим. А если не выгонят, то они придут навестить меня завтра перед балом, и мы продолжим развивать ловкость рук.

И еще, если я по какой-то причине не смогу рассказать дяде Джеймсу или же королю о подземелье и о том, что в комнате принцессы Шейлы я видела графа Маклахана, его секретаря Густава и еще двух мужчин зарейнской наружности, то они обязательно сделают это за меня.

Впрочем, я планировала поговорить с Джеймсом сама.

Тут за близнецами пришел гувернер, а я, сопровождаемая Хатрейзом, отправилась в сад, где немного побродила по дорожкам, так как у меня все еще оставалось время до встречи с Мэтью. Там я столкнулась с Тэль и хорошенько расспросила ее о расположении столичных храмов.

Не удержавшись, поведала ей о своей беде.

О том, что у меня нет не только сюрприза для короля, но и ни малейшей идеи, чем его удивить. Если только спеть колыбельные, которые я помнила с детства. Но это казалось мне так себе мыслью...

Бредовой, что уж тут скрывать!

На это Тэль искренне мне посочувствовала, заявив, что и она не сумеет мне помочь. Что касается ее, она почти месяц, узнав об отборе, вышивала гобелен. Выбрала сюжет из «Жития Богов» — тот, где Святая Истония протягивает Сердце Пламени Первому из Стенвеев.

— Я сделала ему лицо, как у Брайна, — выдохнула Тэль. — Как думаешь, королю это понравится?!

— Уверена, он будет в полнейшем восторге! — заверила я.

Затем мы поставили свечи под образами в часовне, после чего я вернулась, сопровождаемая Хатрейзом, в свои покои. По дороге сообщила своему стражу, что дворцовой часовни мне мало, поэтому я решила отправиться в Храм Святой Истонии. Да-да, в тот, что в самом центре Стенстеда, как раз возле Королевского Канала и входа в зоопарк!

Собираюсь там помолиться за здоровье своего младшего брата.

Конечно же, я могла бы покинуть дворец и уйти в город сама, но король приказал усилить охрану, а по личному распоряжению герцога Раткрафта ко мне приставили... его.

Поэтому не мог бы он меня сопровождать?

На это Дирк Хатрейз с большим энтузиазмом согласился, что не стало для меня сюрпризом. Зато им стала черная герцогская карета с крыльями Стенвеев на боку — она поджидала меня у дворцового крыльца, куда я явилась, одетая в свой собственный дорожный наряд.

В тот самый, в котором я прибыла в Стенстед два дня назад.

Как оказалось, Джеймс Стенвей позаботился о том, чтобы, если мне захочется покинуть стены дворца и выбраться в город, я не ходила по столице пешком.

Это была довольно неожиданная, но несказанно приятная забота, и уже очень скоро я смотрела на столицу из окна герцогской кареты. Правда, рядом со мной сидел, рассказывая об увиденном, вовсе не он, а Дирк Хатрейз.

И я, слушая рассказы мага, порядком скучала...

Сидела и скучала по великолепному герцогу — по его голосу, запаху, а еще по каше в собственной голове в его присутствии; по красивому и гордому лицу Джеймса Стенвея, его саркастической улыбке, язвительным репликам и интересу ко мне.

Дружескому интересу, как он сам мне сказал.

Зато у Дирка Хатрейза интерес ко мне был несколько не дружеский, и маг совершенно не собирался его скрывать. Смотрел на меня так, что скоро мне начало казаться, будто бы мое платье, которое, подозреваю, одобрила бы даже сестра Инноренция, слишком уж... гм... откровенное, а еще и просвечивает в разных интересных местах.

При этом маг не забывал говорить.

Немного рассказал о своем родном городе, после чего завел речь о своих планах на будущее, в которых мне было отведено важное место. Именно поэтому Хатрейз время от времени порывался отвезти меня в квартал Барноньез и показать свой дом.

На это я качала головой, заявив ему целых три, а то и четыре раза, что сейчас совсем не время смотреть на его дом! Да и не хочу я, зачем мне это?!

Так ему и сказала, а затем напомнила, что я приехала на отбор невест к королю Брайну Стенвею и никаких чувств к другим мужчинам не испытываю. Если только к Джеймсу Стенвею, но в природе этого чувства мне еще стоило разобраться.

Но Дирк Хатрейз упрямо продолжал гнуть свою линию. Причем настолько упрямо, что даже попытался взять меня за руку. На это я приказала ему сейчас же прекратить, а кучеру немедленно остановить карету.

— Простите, леди Корнуэлл! — выдохнул он растерянно. — Признаю, я слишком увлекся, но ваша красота сводит с ума... Обещаю, такого больше не повторится!

Я покачала головой, заявив, что мы уже приехали и что дальше я пойду пешком, а карета с извозчиком пусть дожидается меня возле Храма Святой Истонии. Заодно и прогуляюсь, времени у меня достаточно!

Судя по всему, до нужного места оставалось идти еще два квартала — из окна мне уже виднелись золотые шпили Кафедрального Собора. Наша встреча с Мэтью была назначена именно там, а вовсе не у Храма Святой Истории, о котором я заблаговременно успела всем объявить, включая Дирка Хатрейза.

Тот, все еще продолжая извиняться, помог мне выбраться из кареты, затем поплелся за мной следом, портя мне настроение своим навязчивым присутствием.

Впрочем, я уже знала, что это ненадолго.

Мы оказались на одной из оживленных улиц — с большими витринами магазинов, кондитерскими и ресторациями, с запруженными пешеходами тротуарами и проезжей частью, по которой наравне с каретами и колясками проезжали самоходные экипажи. Я пару раз оборачивалась им вслед — какое все-таки чудо! — затем отыскивала глазами высоченную Ратушу со сверкавшими на солнце огромными позолоченными часами.

Того, что герцог Раткрафт окажется так любезен и выдаст мне карету, я, признаюсь, нисколько не ожидала, поэтому добралась до центра города значительно раньше, чем планировала. До встречи с Мэтью оставалось еще около пятидесяти минут.

Этого времени как раз должно было хватить, чтобы спокойно избавиться от Хатрейза. Затем я думала помолиться Святой Истории в Кафедральном Соборе, где, по слухам, частенько проводил службы сам архиепископ Плесби, после чего дожидаться друга детства на нужной ступени.

Поэтому, повернувшись, любезно сообщила Хатрейзу, что по дороге к храму думаю заглянуть в несколько магазинов. Маг с виноватым видом кивнул, а я принялась рассматривать витрины, заодно поглядывая в арки, ведущие во внутренние дворы.

Искала нужный, сквозной.

Наконец, обнаружила такой, как раз возле магазина шляпок. Снова повернулась к Хатрейзу и заявила, что мне хочется зайти внутрь и примерить кое-что из выставленного на витрине, но чтобы он за мной не ходил, подождет снаружи. Не стоит смущать клиентов — сквозь стекло было видно, что внутри как раз находилась покупательница.

Покусав губы, маг кивнул, и я с независимым видом толкнула дверь магазина.

Зайдя внутрь, закрыла глаза, моментально нащупав магическим зрением «маячок», который только что навесил на меня Хатрейз. Сработано было грубо, даже топорно — несмотря на то, что он был Высшим Магом, — и это вызвало у меня легкую улыбку.

И не такое снимали!

Тут, к своему удивлению, я обнаружила еще и вторую метку, спрятанную куда более искусно. Если бы специально не искала первую, то, уверена, я бы ее и не заметила!

Она меня порядком удивила, но затем я решила, что это, скорее всего, дело рук Джеймса Стенвея. Такая навязчивая, но, признаюсь, приятная забота обо мне была как раз в его духе.

Только вот когда он успел?!

Пожав плечами — впрочем, какая разница? — аккуратно «срезала» с себя обе метки и перенесла их на покупательницу, примерявшую шляпки возле большого зеркала. Похоже, та крутилась здесь уже давно, потому что возле нее их лежала целая груда, но дама капризным голосом потребовала у продавщицы принести еще вот те...

Да-да, все те десять шляпок с правого прилавка, а потом еще три с того, что посредине!

Стоило продавщице — молодой, но уже порядком издерганной требовательной клиенткой, — освободиться, как я тут же подошла к ней и пожаловалась на тошноту. Сказала ей, что жду ребенка, но не хочу пугать мужа тем, что у меня кружится голова и снова тошнит...

Вот, он ждет меня снаружи — и кивнула на фигуру Хатрейза, видневшуюся через стекло. Быть может, она могла бы проводить меня в отхожее место?! А то меня сейчас... Да-да, стошнит как раз на эти самые шляпки!

Продавщица испуганно округлила глаза, после чего кинулась по коридору в подсобное помещение, поманив меня за собой. А потом, махнув куда-то вглубь дома, извинилась и бросилась назад, потому что клиентка громко и возмущенно заявила, что ей принесли совсем не то, что она хотела. И если ее сейчас же не обслужат, то она уйдет и больше ни ногой в это отвратительное место!..

Но в отхожее место я не пошла. Вместо этого миновала длинный коридор, отодвинула защелку на

двери и вышла наружу, оказавшись во внутреннем дворе. Затем отыскала дверь на противоположной стороне двора — повезло, она оказалась приоткрытой. Возле нее чувствовался запах табака — похоже, сюда кто-то недавно выходил курить, поэтому и не закрыл ее за собой.

Пожав плечами, я вошла в здание. Сперва попала на кухню, чем порядком удивила поваров. На это я лишь приветливо им улыбнулась, словно здесь мне было самое место, и пошла дальше. Оказалась в торговом зале небольшой кондитерской. Снова улыбнулась — на этот раз двум официантам, — после чего вышла наружу через распахнутую дверь, очутившись на другой стороне квартала.

Вздыхнула полной грудью — как же просто все получилось!..

Впрочем, задерживаться возле кондитерской я не стала. Зашагала себе дальше, спеша свернуть за угол, понимая: Хатрейз очень скоро меня хватится — если уже не хватился!..

Правда, сначала ему придется преодолеть препятствие в виде капризной дамы, на которую я переставила его метку — бедный Хатрейз! — а потом понять, куда я делась из внутреннего двора, потому что дверь в кондитерскую я закрыла на засов.

К этому времени я уже буду далеко отсюда.

С такими мыслями я свернула на следующую улицу, вполне довольная собой, несмотря на то, что мои мысли немного омрачались будущей встречей с Мэтью — я не знала, что от меня может понадобиться Братству, — и вечерним провалом на третьем испытании.

Шла, пока не почувствовала взгляд, буравивший мне затылок.

Жизнь в приюте, где в любой момент можно ожидать подлостей от таких же сирот, а потом два года в банде у Годфри обострили мое восприятие, приучив доверять собственному чутью.

Это чутье мне подсказывало, что стоит тотчас же обернуться.

И я обернулась.

И тут же повернула голову обратно, уставившись себе под ноги, а сердце застучало как сумасшедшее. Потому что в нескольких метрах позади меня шагал мужчина в тюрбане.

Ошибки быть не могло — это оказался тот самый самрит, которого я видела с принцессой Шейлой. Я узнала бы его из тысячи!

Во-первых, он порядком выделялся из толпы — одетый в длинный темный халат, несмотря на полетному теплый день, и со сложной конструкцией из черной ткани на голове. Но не только это — еще и его смуглое, запоминающееся лицо и черные как ночь глаза.

К тому же у меня почти не оставалось сомнений в том, что он здесь по мою душу — не зря же уставился мне в спину!.. Его взгляд был таким же острым и пронзительным, как и сабля на его боку — ее я тоже успела разглядеть.

Именно поэтому я прибавила скорости, размышляя, что делать дальше, раз уж он меня преследует.

С другой стороны, быть может, мне не надо ничего делать, потому что это просто-напросто совпадение?! Случайная встреча... Самрит тоже отправился в город по какой-то своей оказии, и мы неожиданно столкнулись на широких улицах Стенстеда. И да, ему тоже нужно по направлению к Кафедральному Собору!

Не мог же он за мной следить?!

Вернее, как бы он мог это сделать? Неужели бежал за каретой — а ведь мы ехали довольно быстро! — после чего шел за нами с Хатрейзом по улицам столицы?!

Или же...

А что если та, вторая метка, принадлежала вовсе не герцогу Раткрафту, как я подумала до этого, а ему?! Зарейнец сумел каким-то образом ее на меня поставить, после чего спокойно проследил мой путь от дворца, а потом быстро меня нашел, когда я сбежала из шляпного магазина.

Но я все же решила удостовериться.

Нет, подходить к нему с расспросами не стала — эта мысль вызвала у меня мысленный протест, а я привыкла доверять своему внутреннему голосу. Вместо этого, стоило заметить сквозную арку, тут же в нее свернула. После чего кинулась бежать, чтобы буквально через минуту оказаться на другой улице.

Но, демоны его побери, самрит бросился за мной следом!

Впрочем, догнать себя я не позволила. Прибавила скорости, ловко маневрируя среди людей. Собиралась от него оторваться, а затем затеряться в толпе — думала превзойти его в беге, потому что я всегда была довольно юркой.

К огорчению, самрит вовсе не собирался от меня отставать. Бежал следом, и мне никак не удавалось от него оторваться.

Ну раз так, то... Тогда я решила найти тех, кто мне поможет.

Да-да, отыскать жандармов!

Мы в самом центре столицы, а за мной гонится вооруженный мужчина!.. Это же какой-то ужас — вернее, настоящее преступление, которое они должны обязательно предотвратить! Потому что, пусть я и поставила на себя магическую защиту, я не была уверена, что она выдержит удар сабли. Вдруг у нее заговоренное лезвие, я не собиралась так рисковать!

Так что пусть меня спасут, защитят от преследователя! Или же, по крайней мере, задержат зарейнца, дав мне шанс от него сбежать.

Но, как назло, этих самых жандармов нигде не оказалось. На рынке позавчера их было хоть пруд пруди, а тут ни одного — первый раз, когда мне понадобилась их помощь!

От Братства подмоги тоже не дожидаться — до встречи с Мэтью оставалось еще слишком много времени. Минут сорок, а до Кафедрального Собора отсюда рукой подать! Даже если я добежу и самрит не зарубит меня по дороге, как мне продержаться на ступенях так долго?!

Быть может, войти внутрь и попросить меня спрятать?! Впрочем, я серьезно сомневалась, что Дом Богов удержит самрита от того, что он задумал. В Зарейне другая вера, и они всегда отзывались о нашей, не скрывая своего презрения.

Поэтому он войдет и меня прикончит.

Да-да, за то, что я увидела в той комнате! Потому что он тоже меня увидел, а эта встреча должна была оставаться тайной.

Я бежала все быстрее и быстрее, чтобы не дать ему со мной разделаться, решив, что жандармы — раз уж их нигде не видать! — наверное, обитают в городском парке. Скорее всего, там много праздношатающихся, которые могли стать легкой добычей для карманников Братства, и у служителей правопорядка есть чем заняться.

К тому же там много дорожек, и у меня будет куда больше шансов затеряться среди кустов и диковинных деревьев, чем на широких и прямых столичных улицах.

Но, чтобы попасть в парк, сначала нужно было миновать впечатлявшее своими размерами здание Королевского Театра.

На миг у меня промелькнула мысль пробраться внутрь. Скорее всего, сейчас как раз должно было начаться представление. Возле украшенного колоннами фасада с крышей-портиком выстроилась очередь из карет и колясок, а по мраморным ступеням поднимались разодетые люди — мужчины в длинных черных пиджаках с атласными отворотами или же в парадных мундирах и дамы в вечерних нарядах.

И я решительно свернула к театру, подумав, что самрита с оружием уж точно не пропустят без билета! Впрочем, как и меня.

Зато я привлеку внимание швейцаров, выстроившихся в два ряда на ступенях, приветствуя гостей. Неужели они бросят девушку в беде?!

Неожиданно я заметила четверых жандармов, но стоявших не у главного входа в театр, а у распахнутой боковой двери, и бежать к швейцарам сразу же передумала. Расстегнув форменные кители и сняв котелки, жандармы курили трубки, о чем-то переговариваясь.

На это я возликовала — какая удача, что их так много и сразу же в одном месте!

Кинулась было к ним — самрит, конечно же, не собирался отставать, — но, чем ближе я подбегала, тем все сильнее меня начинали терзать сомнения. Во-первых, их форма немного отличалась по цвету от той, которую носили в Аронделе, а во-вторых, пуговицы на кителе были совсем другими — уж в таком-то я разбиралась!

Впрочем, я все-таки добежала, решив попросить у них помощи, кем бы они ни оказались.

Остановилась, пытаясь отдышаться и изложить свою просьбу, но тут из распахнутой боковой двери вывалился крупный, лысый и крайне недовольный мужчина, одетый во что-то, похожее на тогу, и приказал жандармам тотчас же заходить внутрь, иначе он уволит всех к демонам!..

Причем уволит так, что ни один приличный театр не возьмет! Если только в бродячие артисты, и будут они на сельских ярмарках скоморохами подрабатывать, а не актерами!..

— Актерами?! — выдохнула я в отчаянии, потому что мне все стало совершенно ясно.

Эти четверо, с понурым видом двинувшиеся к дверям, не были никакими жандармами, поэтому помогать они мне не станут. Они — актеры, и мне снова придется решать свою проблему самой.

— А вы кто такая, милочка?! Что вы здесь делаете?! — накинудся на меня лысый тип.

Впрочем, отвечать ему я не спешила. Вместо этого быстро оглянулась и отыскивала глазами самрита. Вид фальшивых жандармов немного его остудил — зарейнец застыл на противоположной стороне улицы, но не спускал с меня глаз.

Как и лысый тип, тот тоже не спускал.

— Так, я все понял! Ну, наконец-то! — заявил мне, придя непонятно к какому выводу. После чего приказал: — А ну-ка, живо за мной!

Актеры тем временем уже исчезли в здании, и я снова кинула быстрый взгляд на самрита. Тот пересек улицу и теперь стоял неподалеку, делая вид, что изучает огромную афишу с плачущей девицей, вцепившейся в руку высокомерного вида мужчины.

«Покаяние Эннолии» — вот что было написано на плакате.

— Вы ко мне обращаетесь?! — отозвалась нервно, подумав, что оставаться снаружи мне нисколько не хочется. Лучше уж попасть в театр, даже если меня приняли за кого-то другого, а там я что-нибудь да придумаю!..

- К вам, к вам, милочка! — заявил мне лысый тип, после чего сразу же перешел на «ты». — Ты ведь от Милестина? Я давно просил кого-нибудь ко мне прислать, потому что в этой богадельне не осталось никого, кто мог бы нормально работать!.. Две сбежали с любовниками, еще две залетели, и что мне прикажете с вами делать? Цепями вас, что ли, к сцене приковать?!

— Не надо нас цепями! — на всякий случай отозвалась я, подумав, что этот экзальтированный тип, наверное, режиссер. Впрочем, я не слишком-то разбиралась в театральной кухне.

Тут он спохватился.

— Что мы тут встали?! Гримеры уже заждались!..

После чего забормотал что-то совсем уж непонятное о неразберихе и о том, что на премьеру пожаловали важные гости, а это такая ответственность, такая ответственность...

— Да-да! — решив ему подыграть, согласилась я. — Конечно же, это ответственность, я от Милестина, от кого же еще?! И это очень хорошо, что меня уже заждались гримеры! — после чего шмыгнула в распахнутую дверь, которую режиссер не замедлил закрыть за нашими спинами.

На это я вздохнула с явным облегчением, потому что начинавший терять терпение самрит остался снаружи.

Я же шла за режиссером по длинным, узким коридорам и пыталась придумать, в какой момент мне сбежать. А еще глазела по сторонам, уворачиваясь от спешащих актеров, порой в смешных и странных одеяниях, и от потных работников, перетаскивавших декорации.

Словно почувствовав, что я помышляю о побеге, режиссер вцепился в мою руку, словно краб своей клешней.

— Помни, милочка, интонации в голосе — трагические!.. — твердил он. — Там такая любовь, такая любовь... И такое наказание... Наказание за все ее грехи!

— За какие именно грехи? — осторожно поинтересовалась я.

— За грехи не только перед Богами, но и перед людьми! — возвестил режиссер. — Энносия полюбила неправильного человека. Мятежника, покусившегося на Истинную Династию, дарованную нам Святой Истонией. Вместо того чтобы сдать королевскому правосудию, она спрятала его от жандармов и выправила ему документы на другое имя. Но вместо благодарности он ее соблазнил, а потом бросил... Во втором акте ей приходится скрывать, что она носит под сердцем

его дитя. А вы... Вы, ее подруги, пытаетесь отговорить Энносию, заявляя, что этот человек ей не пара. Вы в полнейшем отчаянии, потому что она не хочет вас слушать. Это в первом акте, милочка! Во втором акте вы тоже в отчаянии. — И тут же уставился на меня подозрительно. — Слова-то знаешь? Если нет, урежу зарплату!

На это я заверила режиссера, что слова я знаю — хотя я их не знала — и изобразить отчаяние мне не составит труда. Потому что сейчас пребывала в похожем состоянии.

— Десять минут! — заявил он, затолкав меня в полутемную комнатку. — Через десять минут на выход, так что пошевеливайтесь, криворукие! — с такими словами режиссер обратился к двум угрожающего вида и пышной комплекции женщинам, которые, «вдохновленные» его приказом, тут же накинулись на меня и принялись раздевать.

Сперва я думала сопротивляться, но затем решила, что в гриме и одежде впавшей в отчаяние подруги бедной Энноси я как раз смогу выскользнуть из театра незамеченной.

Если самрит караулит меня у здания, то это поможет мне скрыться.

Поэтому покорно позволила стянуть с себя дорожный наряд, оставшись в одной сорочке. Но вместо платья на меня накинули темно-серое рубище — до пят, но с большим, даже огромным вырезом на груди. Не успела я возмутиться, как из моей прически — час работы моих горничных — стали вытаскивать заколки, и уже очень скоро темная копна волос упала на мои плечи.

— Это еще что такое?! — спросила я у гримерш.

— Это что такое?! — с такими же словами накинулся на меня режиссер, ворвавшийся в гримерную. — Прошло целых семь минут!

— Вы же давали мне десять!

— Сейчас же на сцену, немедленно!.. — завопил он.

— В этом?! — изумилась я.

— А в чем же еще? — и, снова вцепившись мне в руку, потащил за собой.

Возле дверей гримерной, оказалось, нас уже поджидали еще две скучающие и такие же взлохмаченные девушки в похожих рубищах.

Взглянули на меня без энтузиазма.

— Ну что, третьей будешь? — спросила одна из них прокуреным голосом, на что я подтвердила, что буду.

Но не сразу.

— Мне надо... — начала было я, решив отпроситься в отхожее место, а по дороге исчезнуть без следа.

Но не договорила, потому что снова почувствовала тяжелый взгляд. А затем и увидела давешнего самрита — он смотрел на меня из темноты прохода, прячась за старыми декорациями.

Выходило, что и зарейнец тоже каким-то образом смог проникнуть внутрь, за кулисы театра!..

— Там!.. — начала было я, показывая пальцем в сторону самрита. — Там чужой!

Но его там уже не было, а режиссер поморщился, наказав мне не дурить ему голову, у него и так уже волос не осталось. И все из-за нас, девиц легкого поведения, так и норовящих придумать проблемы на ровном месте или же забеременеть от кого ни попадя!

После чего буквально доволоч до бокового выхода на сцену, на которой уже стояли декорации домов.

— Демоны, чуть было не пропустили свой выход! — заявил нам, потому что, получалось, пришел черед подруг Энноси. — А ну-ка живо!..

Две девицы послушно ринулись на сцену, а за ними побежала и я — потому что он буквально вытолкнул меня из-за кулис. Споткнулась об деревянную распорку одного из «домов», едва не растянувшись, слыша, как мне вслед несутся приглушенные ругательства режиссера.

Это был мой первый выход на сцену, но я тут же взмолилась Святой Истории, чтобы он оказался и последним.

Впрочем, сразу же вскинула руки, как и мои товарки. Открыла рот, но так и осталась стоять — с раскрытым... Из него, подозреваю, вылетел наполненный отчаяньем хрип — и вовсе не из-за грехопадения моей несчастной подружки Энноси.

Потому что на меня смотрело несколько сотен, а то и тысяч глаз.

Вернее, не на меня, а на сцену, с которой уже несло дружное пение... Не хватало только моего! Очнувшись, принялась раскачиваться из стороны в сторону, как делали две другие подружки, подпевая...

— Бедная Энносия, бедная Энносия! — выводила я. — Он не стоит твоих слез, он не стоит поруганной девичьей чести!..

Тут девушки замерли, а потом попадали на колени, протягивая руки к висящей над нами голубой портюре, наверное, изображавшей небо. Я тоже бухнулась, после чего на сцену выбежала и сама Энносия — в длинном белоснежном балахоне...

На вид ей было лет под пятьдесят, выглядела она угрожающе, да и комплекция была раза так в три шире моей...

Уставившись на нее, я засомневалась в том, что Энносию удалось бы так просто совратить мятежнику. Вернее, не думаю, что он планировал именно это...

Но тут Энносия запела, и голос у нее оказался настолько звучным и сочным, что у меня снова открылся рот — я даже не подозревала, что человек способен издавать такие звуки!

После чего у меня открылись еще и глаза — куда шире, чем до этого. Потому что, стоя на коленях без дела, я принялась украдкой разглядывать зрителей, а затем уставилась на тех, кто сидел неподалеку от сцены в обитой красным бархатом ложе.

Их было четверо — двое мужчин и две девушки, и я всех их знала. Скорее всего, это была королевская ложа — так вот о каких важных гостях бормотал режиссер!.. В ней присутствовала леди Бэсси Берналь, одетая в золотое платье со сверкающей диадемой в волосах, из-за чего казалось, будто бы Бэсси уже примерила корону Арондела.

Там же находилась и принцесса Шейла в полупрозрачном наряде — ее аппетитные формы можно было разглядеть даже с моего места. Кокетливо обмахиваясь веером, она косилась на своего спутника, несколько не заинтересованная тем, что происходило на сцене.

Наверное, потому что рядом с ней сидел герцог Раткрафт, уставившись прямиком на меня, тогда как король явно благоволил Бэсси Берналь — что-то шептал той на ухо, тоже мало заинтересованный страданиями бедной Энноси.

Неожиданно и Брайн Стенвей поднял глаза. Уставился на сцену, и я поняла...

Осознала, что двое мужчин династии Стенвеев смотрели на меня, тогда как я смотрела на них. И у меня не оставалось никаких сомнений в том, что они узнали меня в третьей подружке бедной Энноси!

Тут пришел наш черед немного пострадать, и мы затянули горестную песнь о том, что Энноси не нужно было поддаваться соблазну. Затем станцевали что-то совсем уж простенькое, с чем я справилась без труда. Но когда мы снова опустились на колени, я внезапно поняла, что герцога в королевской ложе больше нет.

Это меня порядком озадачило, и я замерла, размышляя, куда бы он мог отлучиться. А еще, почему меня терзают не слишком хорошие предчувствия.

Неожиданно поняла, что на меня с большим недоумением смотрят и сама Энносия, и объект ее любви — молодой актер лет так на тридцать моложе нее. Остальные на сцене тоже взирали на меня с недоумением, потому что, оказалось, две мои товарки давно уже поднялись и ушли.

Тогда и я, заламывая руки, кинулась за кулисы, понимая, что Энносию ждет правосудие — на сцену уже готовились выйти те самые фальшивые жандармы, явно собираясь ее покарать.

Впрочем, и меня тоже ждала кара — правда, от рук режиссера.

Но, как оказалось, я ошиблась, потому что карать меня станет вовсе не он, а герцог Раткрафт, непонятно каким образом оказавшийся за кулисами. Его недовольный вид порядком смущал не только меня, но и режиссера.

Но тот смутился еще больше, когда Джеймс Стенвей заявил, что, пожалуй, заберет одну из его актрис.

То есть — меня.

На это лысый тип возмущенным голосом заявил, что я куда больше нужна ему здесь, на сцене, и мой следующий выход через пять минут. Но, оказалось, насчет этого Джеймс Стенвей серьезно бы поспорил. Назвал свое имя, на что режиссер, придя в себя после упоминания герцогского титула, тут же принялся причитать, что милорд забирает его лучшую актрису...

— Меня?! — не поверила я своим ушам, потому что думала, что мой первый выход на сцену оказался полнейшим провалом.

На это Джеймс Стенвей сунул режиссеру мешочек с монетами, на что я, не выдержав, все же возмутилась. Заявила, что, вообще-то, заплатить должны мне — ведь я так старательно изображала отчаяние!

Впрочем, судя по взгляду герцога, моя театральная карьера на этом завершилась.

Но и мне тоже нашлось что ему сказать.

Я прекрасно видела, что по правую руку от него сидела Бэсси Берналь, по левую — принцесса Зарейна, и он был окружен двойной красотой. Тогда какие ко мне претензии?

Вернее, с чего бы ему смотреть на меня с таким недовольным лицом, если я ничего не сделала, когда он развлекался изо всех сил?! Всего-то — спела и станцевала на сцене королевского театра! Мало ли, может, я всегда об этом мечтала!

Да, спела невпопад, но кто из нас идеален?!

Но ничего из этого я так и не успела ему сказать, потому что он заговорил первым.

— Пойдемте-ка со мной, леди Корнуэлл! — произнес герцог. Причем таким тоном, что я, вздохнув, поплелась за ним следом, пытаясь придумать себе оправдание.

Вспомнила — вообще-то, по моим пятам шел убийца!..

Но, как оказалось, убийца больше за мной не идет — испарился, и нигде его не было, сколько бы я ни оглядывалась, — и куда большую опасность для меня представляет разгневанный Джеймс Стенвей.

Потому что он втолкнул меня в какую-то каморку, магией закрыл за нами дверь, после чего потребовал у меня объяснений.

— Ах, значит, вам нужны объяснения! — выдохнула я. — Без проблем, я сейчас все объясню!

Задумалась, размышляя, с какого конца к ним приступить.

Наверное, мне стоило начать с истории Иввен Браммер и тайного хода, но для этого сперва не помешало бы вернуться во дворец, чтобы Джеймс Стенвей все увидел своими глазами. Иначе, подозреваю, мои слова прозвучат слишком уж неправдоподобно.

Но так как мы были незнамо где — далеко от крыла невест! — то я решила пойти по пути наименьшего сопротивления.

— Вообще-то, мне нужно было удивить вашего двоюродного брата, — сказала ему. — У меня не было двух месяцев в запасе, чтобы вышить для него гобелен с эпической битвой двух армий — нашей и зарейнской! У меня вообще не было времени, потому что дядя буквально выпихнул меня на отбор. Поэтому я...

— Поэтому вы, леди Корнуэлл, вышли на сцену вот в этом! — заявил мне герцог, указав на мою робу.

Оказалось, Джеймса Стенвея не столько возмутило мое появление на сцене, сколько то, в чем я была одета.

— А чем вам не нравится мой наряд? — пожала я плечами. — Да, немного напоминает мешок для картофеля с дырой для головы. Зато он подчеркивает страдания главной героини, которая для меня, кстати, лучшая подруга! И сейчас она страдает там, на сцене, без меня!

Даже здесь было слышно, насколько сильно и громко убивалась Энносия, поэтому я заявила Джеймсу Стенвею, что мне нужно идти.

Нет, не на сцену, а переодеться в свою одежду. Затем перевести дух и придумать, как стану все ему объяснять. Наверное, подробности про любовницу его деда стоило опустить и начать сразу же с тайного хода...

Но он не собирался меня отпускать.

— Этот ваш мешок подчеркивает не только страдания вашей подруги! — заявил мне недовольным голосом. Затем сделал шаг в мою сторону, после чего навис надо мной, а я подумала: какой же он все-таки высокий! — Он много что подчеркивает, леди Корнуэлл!

— И что из этого?! — пожала я плечами. — И вообще, что вы ко мне привязались, когда вы сами... Сами сидели, уткнувшись носом в полупрозрачное декольте принцессы Зарейна?! Да-да, в своих страданиях на сцене я прекрасно это разглядела! — добавила ядовито.

- Я смотрел вовсе не туда, — нахмурился он, — а на другое декольте, которое со своего места мне тоже было прекрасно видно. Но не только мне! Весь зал, уверен, не спускал с ваших «страданий» глаз!..

Мне показалось, что он явно преувеличивал. Вернее, делал из мухи слона — так я ему и заявила. А затем добавила:

— Вообще-то, вы пригласили в театр меня, потому что я честно выиграла у вас в шахматы. А вместо этого вы взяли и пришли сюда с Шейлой, а потом пилились на ее и мое декольте! Это какое-то двойное предательство! Или даже тройное, еще и по отношению к ней, вы не находите?!

Но он не находил.

Сказал мне, что на этом хватит и больше терпеть подобного он не намерен. На это я поинтересовалась, что именно милорд герцог не собирается больше терпеть — то, что я говорю чистую правду?! И вообще, пусть он меня ужепустит, почему он на меня давит?!

Но вместо этого Джеймс Стенвей заявил, что он еще не начинал давить, но как раз планирует этим заняться. И пошел на меня, заставив попятиться. Вернее, пятиться так долго, пока я не уперлась спиной в стену.

Кажется, именно этого он и добивался, потому что, приблизившись, пальцами приподнял мой подбородок, заставив посмотреть ему в глаза. Посмотрела, не совсем понимая, чего он добивался.

Но очень скоро узнала, потому что в следующую секунду его губы накрыли мои.

Джеймс Стенвей, герцог Раткрафт

В шахматы играть они не стали, потому что Джеймс пребывал в отвратительном настроении и не собирался этого скрывать.

В отличие от него, губы короля время от времени растягивались в улыбке. А затем он рассмеялся — от чистого сердца.

— Но, Джеймс, не стоит на меня так смотреть! — произнес Брайн. — Вместо этого признай, что я должен был назвать ее имя первой! Такого сюрприза мне никто и никогда не преподносил. Выступить передо мной на сцене, да еще и во время премьеры?! О, это было нечто!.. Интересно, как ей удалось обо всем договориться?

— Она не договаривалась, — мрачно отозвался герцог. — Агате угрожала опасность. Все остальное лишь крайне странное стечение обстоятельств.

На это Брайн ответил ему понимающей улыбкой.

— Ты слишком доверчив, мой дорогой кузен! — возвестил он. — А еще я начинаю подозревать, что ты теряешь способность здраво мыслить, когда видишь перед собой хорошенькое личико леди Корнуэлл! Поверь своему старшему брату...

— Старшему на пару месяцев, — уточнил герцог.

— Но все же старшему! — усмехнулся Брайн. — Уверен, эта история о преследовании и самрите исключительно плод вымысла леди Корнуэлл. Хотя я отдаю ей должное — ее воображению можно только позавидовать.

И, подняв бокал с коньяком, король выпил за отличное воображение Агаты Дорсетт.

На это Джеймс недовольно качнул головой, потому что считал, что из них двоих доверчив как раз его кузен. И что именно Брайн не в состоянии мыслить связно, потому что его взор затмили прелести Бэсси Берналь.

Но, опять же, надо признать, что Джеймс и сам был порядком ею увлечен. Бэсси прекрасно умела скрывать свою истинную натуру, и ему понадобилось время, чтобы разобраться, что к чему.

— То есть ты считаешь, что рассказ Агаты... — начал он.

— Вымысел, — тут же отозвался Брайн. — Но исключительно для того, чтобы добавить красок в ее рассказ. Уверен, не было ничего, кроме... Кроме тайного хода!

— Значит, в существовании хода ты нисколько не сомневаешься?

— Как можно сомневаться в том, что видел своими глазами? — усмехнулся король.

— Но в то, что ее преследовал Амир Тдеш, а Маклахан тайно встречался с советником шейха Зарейна — в это ты не веришь?

— Не верю, — подтвердил Брайн, — но у меня есть неплохое объяснение всей этой истории. Амир Тдеш сам по себе довольно колоритная фигура. Возможно, самрит успел напугать леди Корнуэлл, когда они столкнулись где-нибудь во дворце, поэтому она добавила его в свою историю. Но исключительно для того, чтобы сгустить краски.

— Значит, сгустить краски? — переспросил Джеймс, на что Брайн кивнул, заявив, что именно так оно и было.

— Что же касается Маклахана, — добавил король, — тут мне тоже все ясно. Старик Корнуэлл давно уже настроил свою племянницу против Альберта, и ее история — закономерный итог ненависти между двумя семьями.

— Поэтому она мне соврала? — уточнил Джеймс. — Рассказала о встрече, которой не было, чтобы обогатить Маклахана?

— Поэтому она немного приукрасила действительность, — вновь усмехнулся Брайн. Затем посерьезнел: — Джеймс, ты прекрасно понимаешь, что у нас нет ни единого доказательства, подтверждающего ее слова! И еще, я думаю, что с Агатой Дорсетт стоит поговорить. Ясно дать ей понять, что пора уже оставить Маклахана в покое.

— Значит, верить леди Корнуэлл ты не собираешься?

Покачивая головой, Брайн Стенвей допил содержимое своего бокала.

— Я все же с тобой не согласен, — заявил ему на это Джеймс. — Думаю, нет дыма без огня, поэтому я намерен оградить Агату от встречи с самритом.

— То есть ты хочешь убрать Тдеша из дворца?

Джеймс подтвердил, что именно так он планирует и поступить.

— Нам стоит выставить его из Арондела, но дипломатическим путем, — добавил герцог.

Брайн, подумав немного, все же кивнул.

— Хорошо, пусть будет по-твоему!

— Что же касается Маклахана...

— И что же ты намерен предпринять насчет него? — поинтересовался король. — Также выставить его из Арондела и тоже дипломатическим путем? — Затем покачал головой. — Нет, Джеймс! Если ты намерен сходить с ума из-за девицы, ты имеешь полное на это право, и я не стану тебе мешать! Но делай это так, чтобы не пострадали другие. Особенно те, кто всегда был верен Стенвеям.

— Я не намерен сходить ни из-за кого с ума, — нахмурился герцог, — но все же планирую проследить за Маклаханом. Поэтому я приставил к нему пару своих верных людей. Посмотрим, к чему это приведет.

— Посмотрим, — согласился король, — хотя я знаю, что с Маклаханом это ни к чему не приведет. Что же касается тебя, тут я не настолько уверен...

Это он произнес многозначительным тоном, после чего показал застывшему возле стены лакею пустой бокал. Впрочем, заканчивать свою мысль король не спешил, сменил тему разговора:

— Насколько мне известно, Агату Дорсетт уже переселили в другое место?

— Я распорядился, чтобы ее перевели, — кивнул Джеймс. — Не думаю, что ей хорошо спится рядом с тайным ходом под ее кроватью.

— Опять же, я тебя не узнаю, брат мой! — снова усмехнулся король. — Ты стал несказанно

заботливым!

— Зато ты стал излишне забывчивым, — намекнул ему Джеймс. — Я прекрасно помню нашу вчерашнюю беседу, в которой ты обещал мне отпустить Агату на третьем испытании. Но ты этого так и не сделал!

И поэтому Агата...

Агата, которую он стал считать своей — давно уже считал, хотя не спешил себе в этом признаваться... Агата, которую он целовал — до разрывающего изнутри желания, до темноты в глазах, до момента, когда он застыл на границе между соображениями совести и всеобъемлющим желанием сделать ее своей окончательно...

Так вот, Агата все еще оставалась на отборе.

И это порядком выводило Джеймса из себя.

К тому же в театре она его оттолкнула. На миг Джеймсу показалось, что леди Корнуэлл собирается залепить ему пощечину. Но вместо этого она заявила, чтобы он больше никогда так не делал, потому что у нее есть обязательства...

Если он забыл, она готова о них напомнить. Вообще-то, она приехала на отбор к его кузену, так что... Как он посмел ее целовать?!

Но он не только посмел, но собирался делать это и впредь. Но для этого было нужно, чтобы Агата покинула отбор. Джеймс самоуверенно полагал, что это вопрос всего лишь нескольких часов — до момента, когда все участницы соберутся в Тронном Зале и Брайн вынесет свой вердикт.

Скажет, что победила принцесса Визморская, которой удалось подкупить его интерес великолепными скакунами, присланными из конюшен ее отца. Или же Шейла, младшая дочь шейха Зарейна, привезшая ему в дар несколько ящиков с саблями из лучшей зарейнской стали.

Правда, и Бэсси тоже расстаралась. Ее отец прислал королю статуэтки из чистого золота, найденные во время последней экспедиции на дикие острова, где жили дикие племена, поклонявшиеся диким Богам...

Тронный зал время от времени оглашался аплодисментами и восторженными выкриками придворных, а коллекция Брайна пополнялась диковинками со всех концов света, привезенных его избранницами, чтобы польстить королю.

Но имя Агаты Дорсетт так и не прозвучало — Брайн не вызвал ее к трону и не спросил, чем она может удивить его на третьем испытании.

Джеймс наблюдал за этим, надо признать, с явным удовольствием, размышляя о том, что уже очень скоро утешит бледную как полотно Агату, потому что его кузен выполнит данное ему обещание.

И это были крайне приятные мысли.

Но все пошло совсем не так... Не так, как он планировал!

Стоило распорядителю объявить о том, что подошло время оглашения выбора короля, как Брайн тут же его сделал. И имя леди Корнуэлл прозвучало первым! Оно всколыхнуло тишину замершего в ожидании королевского вердикта Тронного Зала. Придворные тут же заговорили — их недоуменные голоса время от времени сменялись поздравительными выкриками.

Потому что никто и ничего не мог понять.

Никто не знал, что за сюрприз приготовила королю Агата Дорсетт и чем она так смогла польстить Брайну Стенвею, что тот назвал ее имя первой. Но по его решению леди Корнуэлл выиграла третье испытание и стала фавориткой королевского отбора!..

— А ты, похоже, крупно влип, брат мой! — подал голос король, и погрузившийся было в размышления Джеймс повернул голову.

— Влип? — недовольным голосом переспросил он. — Что ты имеешь в виду?

— Ты все сам прекрасно понимаешь, — со смешком отозвался король. — Но тебе не стоит волноваться! Я сдержу свое обещание и не стану тебе мешать.

Джеймс склонил голову.

— И когда же ты собираешься его сдержать?

— То есть ты хочешь знать, когда я ее отпущу? — отозвался Брайн, и Джеймсу в очередной раз показалось, что его кузен порядком забавлялся из-за этой ситуации, которую он вовсе не находил смешной.

Но король уже продолжал:

— Завтра после обеда мы отправляемся в Кафедральный Собор, потому что архиепископ Плесби изъявил желание лично встретиться с прибывшими на отбор избранницами. Он собирается оценить кандидатов в королевы Арондела и назвать имена тех, кто, по его мнению, угоден Богам.

— Знаю! — поморщился Джеймс. — Но врать его высокопреосвященство горазд, так что Боги тут будут явно ни при чем. Старый демон как всегда у себя на уме.

— Но согласись, Джеймс, в уме ему не отказать! — парировал Брайн. — Вчера я имел с ним долгую беседу, и мы вполне успешно обо всем договорились. Сошлись во мнении, чьи имена должны будут прозвучать на четвертом испытании, так что сюрпризов от него можно не ждать. Джеймс, Агаты Дорсетт среди них нет!

На это герцог кивнул, хотя его не оставляло предчувствие, что все может пойти совсем не так, как говорил Брайн. Его высокопреосвященство слишком уж сильно у себя на уме.

— Насколько я понимаю, в числе фавориток, которых назовет архиепископ, будут те, чьи родственники заблаговременно сделали крупные пожертвования в церковную казну? — любезно поинтересовался Джеймс.

— Ты правильно понимаешь! — усмехнулся Брайн.

— Подозреваю, еще он обязательно назовет принцессу Элизу, потому что давно уже ведет переговоры с архиепископом Визморским об объединении.

— И это входит в мои планы, — кивнул Брайн. — Кстати, имя Шейлы тоже прозвучит. Архиепископ честолюбив и мечтает вписать свое имя в церковные хроники...

— Как того, кто приведет Зарейн к нашему многобожию, — согласился Джеймс. — Еще, думаю, он не забудет о принцессе Сине, потому что ты об этом его попросил.

Брайн согласно склонил голову.

— Что же касается остальных, — добавил Джеймс, — насколько я понимаю, к Берналям, Маклаханам, Браммерам и Рэндам архиепископ тоже благоволит. Как раз соразмерно величине их вкладов.

— Еще Найд, — добавил Брайн. — Тот тоже неплохо постарался и проспонсировал строительство нескольких храмов на юге Арондела, в Роздании, так что его дочь Вильгельмина пройдет через четвертое испытание. И все, Джеймс! Имя маленькой леди Корнуэлл никогда не прозвучит под сводами Кафедрального Собора. Она уйдет с отбора по решению архиепископа Плесби.

— Ясно, — кивнул Джеймс. — То есть ты решил убрать ее с отбора чужими руками?

— Именно так, — усмехнулся король. — А то, что я сегодня назвал ее первой, — он потянулся к бокалу и сделал большой глоток. — Джеймс, это вовсе не для того, чтобы тебя позлить! Леди Корнуэлл отличилась, и мне захотелось наградить ее за старания. И я уже знал, что дальше завтрашнего испытания ей не пройти. Так что одним днем больше, другим меньше... — король пожал плечами. — Ты тут совершенно ни при чем!

Но Джеймс не спешил верить, а когда Брайн предложил ему выпить, отказался. Он все еще надеялся вернуться в Бальный Зал и застать там Агату.

К тому же этот день принес ему слишком много дел и не особо приятных новостей. И если эти дела не разрешатся нужным образом, то завтра после обеда он собирался ненадолго отбыть из столицы, чтобы посмотреть на охваченную беспорядками Сизу своими глазами.

Это означало, что на какое-то время Агата останется в столице одна.

Без него.

И эти беспорядки опять же были связаны с Желтой Смертью, как оказалось, успевшей порядком наводнить тот городок. Не так давно в Сизе конфисковали крупную партию наркотика, но отправить ее в столицу так и не успели.

Оказалось, Желтая Смерть успела захватить умы многих, причем настолько, что подталкиваемые неконтролируемой жадой добраться до новой дозы люди отправились крушить жандармерию.

Затем к ним присоединились и недовольные, которых после неудачного мятежа в Аронделе все еще оставалось слишком много.

В Сизе начались массовые беспорядки — крушили лавки, ломали двери городских амбаров, разграбив их подчистую; ворвались в Ратушу. Правда, к этому времени на подмогу прибыла королевская гвардия, и протест удалось подавить.

Все закончилось, но Джеймса не оставляло ощущение, что это только начало и что впереди Арондел ждут непростые времена. Читая доклады из Сизы, ему казалось, что за протестом скрывалась — вернее, им руководила — незримая, но уверенная рука.

Все было продумано и просчитано заранее.

Их словно... пробовали на крепость.

Поэтому он хотел отправиться туда сам. Посмотреть на все своими глазами, поговорить с людьми. Но тогда ему придется оставить Агату почти на сутки — пусть он собирался идти порталами, но вернуться быстрее не получится, — и это порядком его нервировало.

Как и то, что из-за навалившихся на него дел они не увидятся до завтрашнего обеда — он планировал прибыть прямиком в Кафедральный Собор.

Все было бы значительно проще, если бы Агата принадлежала ему! От начала до конца. Тогда бы он не стал думать о том, что она будет делать в его отсутствие — вернее, с кем она проведет это время. Что будет ей угрожать и кто попытается ее у него украсть.

Он сможет ее защитить.

К тому же у него будет полное право смотреть на нее, слушать ее голос — остроумные ответы и смех на его замечания. Водить ее в театр — ее, а не принцессу Зарейна, порядком раздражавшую своими попытками с ним заигрывать. Показывать Агате красоты Стенстеда, наслаждаясь ее изумленным видом и неподдельным интересом. Открывать для нее мир, отправить ее учиться — в конце-то концов! — и следить, как из нее вырастает отличный маг.

Но не только это занимало его помыслы.

Он размышлял о том, что, заполучив ее, он сможет целовать ее сколько ему вздумается, а потом увлечь в постель, где она будет принадлежать только ему.

Последняя мысль оказалась настолько всеобъемлющей, что Джеймс все же подозвал лакея и попросил и ему плеснуть коньяка в стакан. Но исключительно для того, чтобы прийти в себя и приглушить разбушевавшееся воображение. То самое, которое подсказывало ему, насколько все отлично сложится, если Агата окажется в его постели.

Но он все еще собирался об этом поразмыслить.

Давно уже пообещал себе, что женится не под влиянием момента, а подойдет к своему браку трезво и рассудительно. Будет думать головой, а не взбунтовавшимися частями тела.

Но для того, чтобы жениться на Агате Дорсетт, сперва нужно было, чтобы на ней не захотел жениться его двоюродный брат, на отбор к которому она и приехала!

Потому что, несмотря на заверения Брайна и детские шрамы на их руках — когда они дали друг другу клятву, что никто и никогда не посмеет между ними встать, — факт оставался фактом.

Вернее, Агата до сих пор оставалась на отборе.

Брайн считал, что завтра ее отпустит архиепископ Плесби, но Джеймса почему-то терзали большие сомнения. От архиепископа можно было ожидать чего угодно — старый жук всегда был крайне непредсказуем!

Глава 12

До Кафедрального Собора я добиралась в одной карете с принцессой Элизой Визморской.

Когда нас собрали на дворцовом крыльце, она сама мне это предложила, и я с радостью согласилась. К тому же с нами напросилась еще и Тэль, постоянно державшаяся рядом со мной, на что Элиза, конечно же, дала свое согласие.

Это была спокойная, даже умиротворяющая поездка, которую мы провели не в разговорах, а в молитвах. Вернее, я нисколько не сомневалась в том, что мои подруги, закрыв глаза, обращались в своих помыслах к Богам или же к Святой Истории, прося у Них защиты и не оставлять на четвертом испытании.

В отличие от них, я никак не могла сосредоточиться, и все мои попытки погрузиться в молитвы оказались тщетными. Слова вылетали из головы, а мысли путались. Вернее, они снова и снова возвращались к Джеймсу Стенвею и к тому, что произошло после нашего поцелуя в театре.

Но и о поцелуе я думала постоянно.

О том, как забыла обо всем на свете, растворившись в новых ощущениях, позволяя себя не только целовать, но и обнимать. А ведь не должна была!..

Но это оказалось восхитительно.

Украдкой вздохнув, покосилась на своих подруг, а затем подумала, что если бы из сокровищницы Стенвеев достали Малое Сердце — или же большое Сердце Пламени, — то, подозреваю, я бы не прошла испытание артефактом.

Потому что мои мысли были заняты вовсе не Брайном Стенвеем, а его двоюродным братом. А ведь я приехала на отбор к королю и должна была оставаться на нем как можно дольше, а еще и убедить Брайна Стенвея, что мой дядя невиновен в заговоре!

Вместо этого я постоянно думала о герцоге Раткрафте, хотя прекрасно понимала, что я не для него, а он не для меня. Потому что для него это просто забава — так, поцеловал вздорную девицу Агату Дорсетт, чтобы заткнуть ей рот, когда она набросилась на него с обвинениями!..

Я же опасалась, что для меня этот поцелуй будет означать слишком многое.

Настолько много, что приведет к еще большей каше в моей голове. Лишит связных мыслей, и я натворю глупостей, после чего вернусь домой не только несолоно хлебавши, но и с разбитым сердцем...

Впрочем, дорога домой ждала меня довольно скоро, потому что мне уже успели нашептать, что четвертого испытания мне не пройти. Проводить его собирался архиепископ Плесби — поговорить с каждой из избранниц, после чего вынести свой вердикт.

Именно в этом месте Тэль по секрету мне сообщила, что ее отец не так давно сделал внушительный вклад в церковную казну. Причем серьезного размера. На него можно было отреставрировать несколько храмов или же возвести в доках Стенстеда новый корабль для архиепископа — тот любил прибывать в столицу под алыми парусами.

Но, как оказалось, заранее о вкладах обеспокоился не только лорд Найд — об этом шептались другие девушки на дворцовом крыльце, а со слухом у меня все было в полном порядке. Похожие суммы внесли отцы и родственники еще нескольких избранниц.

Зато мой дядя, конечно же, ни о чем подобном не озаботился, потому что лорда Корнуэлла выслали из столицы и он попросту был не в курсе происходящего.

Впрочем, по словам Тэль, пытавшейся меня утешить, даже внушительные суммы не давали гарантии того, что удастся преодолеть четвертое испытание, так как архиепископ Плесби славился своим взрывным и непредсказуемым характером.

Деньги его высокопреосвященство любил и умел их не только получать, но и тратить. Например, облицевал мрамором и украсил золотом свою огромную резиденцию, расположенную в Арвийских Горах неподалеку от въезда в Стенстед.

Но не только на это — при архиепископе Плесби было возведено множество храмов по всему Аронделу, а также открыто бесчисленное число приютов и богаделен. Наш, на Хокке, где жили мы с Олли, курируемый Сестринством Святой Истории, тоже был заслугой его высокопреосвященства.

При этом архиепископ ценил не только деньги. Девушки на дворцовом крыльце шептались, что он

обязательно отметит тех, кто отличался особым религиозным рвением.

Украдкой вздохнув, я покосилась на погруженных в молитвы принцессу Элизу и Тэль. Куда мне до их рвения, несмотря на проведенные мною два года в приюте Святой Истории!..

У Агаты Дорсетт, она же леди Корнуэлл, всего оказалось слишком мало — и денег, и истинной религиозности, основанной на беспрекословной вере.

Потому что в голове у меня всегда было очень много мыслей, из-за которых возникало слишком много вопросов. А в истинной вере, как учила нас Сестра Инноренция, вопросам нет места.

Нельзя думать, говорила она. Вместо этого нужно закрыть глаза и верить.

Но у меня никак не выходило не думать, поэтому матушка Тилиния долгими часами вела со мной душевительные беседы. Наконец, я приняла... Поверила в то, что Святая История с божьей помощью спасла мир. Но при этом я прекрасно понимала, что Ей нужно было быть отличным магом, иначе у Нее ничего бы не вышло.

И еще я знала, что в нашем старом доме хранились папины тетради с расчетами того, как именно все вышло у Святой Истории. После смерти родителей дом продали с аукциона незнакомому, но явно не из наших краев, потому что все эти годы он простоял пустым, с заколоченными окнами. Только вот все папины книги и бумаги пропали — Мэтью как-то открыл для меня дверь, и я прошла, обливаясь слезами, по пустым комнатам...

Чувствуя, что и сейчас, в карете, к глазам подбираются слезы, я покачала головой, решив, что мне не стоит себя изводить подобными воспоминаниями.

Прошлого уже не вернуть, но все еще можно было побороться за будущее — за жизнь моего брата. Поэтому я решила, что постараюсь произвести самое лучшее впечатление на архиепископа Плесби. Пусть денег у меня нет, но наука Сестры Инноренции всегда была со мной.

Размышляя об этом, уставилась в окно, а потом мысли снова перекинулись на насыщенный событиями вчерашний день. Стала вспоминать, как мы целовались с герцогом Раткрафтом в гримерной Королевского Театра, а потом я заявила Джеймсу, что подобное поведение в высшей степени возмутительно.

Но не стала уточнять, чье именно поведение — его или мое, потому что и сама была хороша!..

Затем сказала, что такого больше не повторится, потому что я приехала на отбор к его кузену. Думала рассказать о своем больном брате и нашем с дядей договоре, но быстро подавила свой порыв. Потому что понятия не имела, как на это отреагирует Джеймс Стенвей — герцог смотрел на меня непроницаемым взглядом, а на его губах играла привычная саркастическая усмешка.

Поцеловал и поцеловал, подумала я тогда. Похоже, его это несколько не тронуло.

По крайней мере, не так, как меня.

Но кто знает, что он подумает обо мне, узнав, что на отборе мною двигали меркантильные мотивы?

Поэтому вместо нашей с Олли истории я рассказала ему о... тайном ходе, и еще о том, что стала свидетельницей не менее тайной встречи в гостиной принцессы Шейлы, из-за чего меня преследовал самрит.

На это герцог заявил, что моя история кажется ему крайне увлекательной, но мне придется рассказать ее чуть позже. Да-да, во всех подробностях, но уже по дороге во дворец. Оставил меня под охраной нескольких актеров, сунув каждому по несколько монет и наказав следить, чтобы я никуда не сбежала. Сам же ушел, чтобы «поставить в известность короля» и сообщить тому, что вынужден уехать.

Впрочем, я несколько не сомневалась в том, что Джеймс Стенвей отправился поставить в известность леди Берналь и принцессу Шейлу, и эта мысль меня порядком отрезвила.

Я целовалась с герцогом Раткрафтом, сказала себе. Отлично, Агата, ты молодец! Можно сказать, это большой прорыв...

Только вот не в том направлении.

А что, если он расскажет о нашем поцелуе Брайну Стенвею, похвалившись перед кузеном своей победой над одной из его избранниц?! Разве такое может понравиться королю?

Мне думалось, что несколько и что уже очень скоро я вернусь на Хокк ни с чем — потому что помочь в дядином вопросе мне так и не удалось. Поэтому наш с ним договор не имел силы, и все

мои достижения на отборе не считались!

С этим нужно было что-то делать, чем я старательно занималась всю дорогу до дворца, которую провела в карете герцога. Рассказывала Джеймсу Стенвею о том, как нашла тайный ход, а потом подслушала беседу в комнатах принцессы Зарейна.

Вернее, из беседы я ничего не поняла, так как не знаю зарейнского, зато увидела ее участников. Да-да, там был граф Маклахан, и это показалось мне в высшей степени подозрительным! И нет, я вовсе не собираюсь его очернять, но, быть может, герцогу стоит обратить куда более пристальное внимание на Альберта Маклахана и его секретаря, потому что дело тут явно нечисто?!

Не зря же за мной шел самрит из охраны принцессы!

В этом самом месте Джеймс спросил меня, зачем я отправилась в город — вернее, какая нелегкая меня туда понесла?! — на что я ответила, что решила помолиться в центральном храме.

Не говорить же ему, что хотела выведать у столичного Братства Голодных, кто именно в меня стрелял?!

На это герцог закатил глаза, а я продолжила свой рассказ, вернувшись к тому месту, как на улице меня начал преследовать зарейнец. Да-да, как раз после того, как Дирк Хатрейз меня потерял!..

Вернее, я сама от него сбежала, потому что он стал слишком навязчив.

— Что значит, слишком навязчив? — холодно поинтересовался Джеймс Стенвей. — Как именно выражалась его навязчивость?

Пришлось рассказать, как она выражалась, после чего, кинув украдкой взгляд на лицо герцога, я поняла, что королевский маг больше никогда не потревожит мой покой.

Несмотря на все его планы.

Затем Джеймс попросил рассказать, что произошло дальше, и я настолько увлеклась подробностями — как бежала, как попала в театр, потому что меня приняли за актрису из труппы Милерина, — что и не заметила того, как мы добрались до дворца.

Стоило карете остановиться, как Джеймс привлек меня к себе. Мне показалось, что он собирался меня поцеловать еще раз. Но я покачала головой и отстранилась, напомнив ему еще раз, что приехала на отбор к его брату и такое поведение недопустимо.

— Отбор не проблема, — заявил он мне вежливо, и по его лицу я снова не смогла понять, что было у него на уме. — Не думаю, что вы на нем долго задержитесь, леди Корнуэлл!

Его слова показались мне пророческими, потому что я чуть было снова не опоздала на третье испытание. Но началось все с того, что в крыле невест я продемонстрировала герцогу Раткрафту и еще нескольким приглашенным им магам, как можно весело и увлекательно проводить время в моей кровати...

Вернее, кататься на ней взад и вперед, для чего нужно было всего лишь повернуть небольшой рычажок. Затем в присутствии тех же магов с суровыми лицами — герцог обзавелся таким же — мы спустились по лестнице в тайный ход, где я указала им на дверь, ведущую в покои принцессы Зарейна.

Дверь была закрыта, но мне удалось найти рычаг в стене и его повернуть. Правда, потом мы наткнулись на вторую дверь, которая уже никак не открывалась. На это я сказала герцогу, что, наверное, крючок находится с другой стороны. Как и в моей спальне — попасть в комнату из тайного хода можно было только тогда, когда я поворачивала рычажок, спрятанный на моей кровати.

Еще немного постояв у стены, несколько магов отправились дальше по тоннелю, а мы с Джеймсом вернулись назад, после чего, устроившись в собственной малой приемной, я еще раз в подробностях пересказала ему все, что увидела в гостиной принцессы Зарейна.

Когда, наконец, наша беседа закончилась, спросила у герцога, что будет дальше.

Нет, не со мной, а с Маклаханом.

На это он пожал плечами, заявив, что мои слова, несомненно, представляют большой интерес и что в этой ситуации он обязательно разберется. Затем посоветовал мне держать рот на замке, но пообещал, что самрит никогда больше меня не беспокоит.

Но я тоже не должна его беспокоить! Он не собирается тревожиться еще и за мою жизнь, поэтому

выходить в город до окончания отбора мне строго запрещено. Вернее, он мне запрещает — так и сказал! Но я могу покидать стены дворца с остальными избранницами, если это потребует и нас будут надежно охранять.

Но самой — ни-ни! Только под его личным надзором.

А потом приставил ко мне двух магов с крайне ответственными лицами, заявив, что уверен в них на все сто процентов. Наверное, потому что лет им было хорошо за пятьдесят, на их запястьях красовались брачные браслеты, а дома, подозреваю, их ждали не только жены с детьми, но еще и внуки.

Впрочем, куда больше меня интересовал Маклахан. Неужели моих слов недостаточно, чтобы хоть что-нибудь с ним сделать? Не знаю, что именно, но ведь это же подозрительно сверх меры! Быть может, пора начать расследование?!

На это герцог... приказал меня переселить.

Свободных комнат в крыле невест не отказалось, поэтому меня вместе с горничными перевели в центральное крыло. Разместили в еще более роскошных покоях по соседству с комнатами престарелой герцогини Варден, приходившейся троюродной бабкой нашему королю, и графини Идасской, сказочно богатой вдовы, владелицы нескольких заводов и ткацких мануфактур, доставшихся ей от мужа.

Впрочем, куда больше заводов и мануфактур графиню интересовали придворные интриги и сплетни, которым она внимала, приставив к уху слуховой рожок.

А еще выводок разномастных, постоянно твякающих пуделей.

Именно так — с двумя старушками и с десятком пуделями, — когда пришло время третьего испытания, я отправилась в Тронный Зал. Собиралась поспешить, но вместо этого мне пришлось чинно сопроводить вцепившихся в мои локти пожилых дам — каждая со своей стороны.

И избавиться от них не было никакой возможности!

По дороге они то вспоминали свою молодость, то засыпали меня слухами. Причем на подробности не скупились, и мои щеки, подозреваю, то и дело заливались краской. А ведь мне вовсе не хотелось знать, у кого и с кем были интрижки вне брака, потому что с их слов выходило, будто бы весь дворец погряз в блуде!..

Наконец, кое-как доковыляли до Тронного Зала. Я оставила своих старушек, пробила сквозь толпу и встала в ряд избранниц.

Опять же, последней.

Удостоилась недовольного взгляда леди Виторины и удивленно вздернутой брови короля. Впрочем, на это я лишь пожала плечами. Быстро оглядела выстроившихся девушек — многие из них держали в руках приготовленные для короля сюрпризы, тогда как я...

Я совершенно была не готова к тому, чтобы поразить воображение короля и присутствующих на третьем испытании.

Особенно после того, как целовалась в театральной гримерной с герцогом Раткрафтом.

Особенно после того, как показала Джеймсу Стенвею тайный ход и мы провели порядком времени, его изучая.

Особенно после долгой беседы с ним и другими магами.

Особенно после того, как «веселые» старушки назвали мне как минимум пять имен бывших любовниц Брайна Стенвея из высшего круга, не забыв упомянуть, что и служанок король не оставлял без внимания.

И я не знала, верить им или нет... А еще я не представляла, как стану петь перед Брайном Стенвеем в переполненном зале.

Все это очень сильно тянуло на провал на третьем испытании, но у меня ничего не получалось с собой поделать. Только вот, как оказалось, позориться мне не придется, потому что моего имени так и не прозвучало.

Сперва я подумала, что Брайн Стенвей попросту забыл о моем существовании.

И поделом мне, сказала я себе. Молодец, добегалась... Вернее, «выступила» на сцене Королевского

Театра так, что король надолго запомнил мои «страдания» и больше не хочет меня видеть. А потом еще и целовалась с его кузеном...

Но, как оказалось, все было совершенно наоборот, и король как раз хочет меня видеть.

— Агата Дорсетт, леди Корнуэлл! — раздался его голос, когда пришло время огласить результаты третьего испытания.

Я сделала шаг вперед, обреченно подумав, что сейчас меня выгонят с отбора. Для этого король и назвал мое имя — чтобы вынести свой вердикт.

Но, опять же, ошибалась.

— Агата, — улыбнулся Брайн Стенвей, — мне пришлось по вкусу ваш сюрприз! Вашему воображению и выдумке можно только позавидовать. Не представляю, как вы это провернули, но я надеюсь, что вы расскажете мне обо всем во время нашего первого танца.

На это я вытаращила глаза и не сразу догадалась поклониться — только после того, как мне в спину зашипела Тэль, а потом еще и дернула за подол. Именно тогда я вышла из ступора и, присев в поклоне, поблагодарила короля.

При этом размышляла, что я снова... Я выиграла очередное испытание и прошла на отборе дальше! А еще я все-таки заставила герцога Раткрафта усомниться — мне очень хотелось в это верить! — в непогрешимости графа Маклахана.

И это был очередной прорыв!

Да, можно сказать, я оказалась на один шаг ближе к своей цели. И если бы Братство Голодных дало мне доказательство причастности Маклахана к покушению в лесу, то я могла бы сделать еще один шаг!.. Тогда Джеймс Стенвей куда более внимательно присмотрелся бы к графу Маклахану, а потом, глядишь, уговорил бы короля изменить отношение к моему дяде.

Но для этого мне сначала нужно было встретиться с Мэтью на ступенях Кафедрального Собора. Да-да, как раз у того самого, где должно было пройти четвертое испытание! И даже время совпадало — мне казалось, что Боги на этот раз были на моей стороне, — потому что кареты с избранницами окажутся возле нужного места как раз в нужный час.

Этим я и собиралась воспользоваться.

Но не сразу — станцевала с королем первый танец, чувствуя на себе любопытные взгляды придворных. Наврала Брайну Стенвею о том, что заранее приготовила ему этот сюрприз — когда прибыла в Стенстед. И все потому, что на мои попытки рассказать ему, как все было на самом деле, он лишь рассмеялся, заявив, что мое живое воображение приводит его в восторг.

Но и на мое вранье король заявил, что он в полнейшем восторге.

Затем, когда он меня оставил, пригласив Элизу, я ответила на приглашение молодого придворного, который показался мне милым и несказанно любезным. Впрочем, я не слишком-то обращала внимание на его болтовню, потому что с куда большим удовольствием протанцевала бы с герцогом Раткрафтом.

Но тот куда-то отлучился, и это наполняло мое сердце тревогой.

Затем король удостоил меня еще одной беседы, с интересом выслушав мой рассказ о том, как я нашла подземный ход, недоумленная историей любви Ивьен Браммер и его деда. На это Бэсси Берналь исходила от ревности — вернее, ходила вокруг нас кругами, и, я уверена, будь здесь доступна магия, в меня бы полетели молнии.

Наконец, король пригласил страдающую Бэсси, а в Бальный Зал явился герцог и позвал на танец меня. Правда, особого удовольствия от кружений с ним под музыку я не получила: у Джеймса оказалось плохое настроение, и он был язвителен сверх меры. Не жалел никого, и даже мне порядком досталось.

Но я отнеслась к этому спокойно, неожиданно подумав, что он меня ревнует.

Да-да, ревнует к своему кузену и из-за этого порядком страдает!.. Поэтому я совершенно умиротворенно слушала его язвительные замечания, которые он отпускал по поводу и без, и чувствовала, как в груди зарождается тепло. А еще понимала, что каша в моей голове давно уже переползла из головы на другие части тела, и всему виной был тот поцелуй.

Поцелуй, который я прекрасно помнила.

Поцелуй, который до сих пор горел на моих губах, а это странное, лихорадочное тепло можно было убрать только... еще одним поцелуем.

Но Джеймс Стенвей вовсе не собирался меня целовать — и все потому, что я сама его оттолкнула и ему запретила. Вместо этого он поборол приступ плохого настроения и рассказал мне нечто несомненно забавное о близнецах и собачках графини Идасской.

Но я не особо слушала, порадовавшись тому, что в конце все выжили. И близнецы, и собачки, и даже графиня.

Тут король захотел потанцевать со мной еще раз, хотя его дожидались оставшиеся избранницы. Герцогу пришлось передать меня с рук на руки, что, судя по его лицу, не улучшило ему настроение.

Впрочем, затем к нему подошел человек в черной форме, что-то сообщил, после чего Джеймс Стенвей, кинув на меня прощальный взгляд, покинул Бальный Зал.

Он ушел, а я осталась. Без него, но с королем.

Но мне почему-то казалось, что, уходя, вместе с собой герцог Раткрафт унес мое сердце.

Глава 13

Я тряслась в карете, поглядывая по сторонам и размышляя о том, что из-за всех проволочек мы окажемся на ступенях Кафедрального Собора как раз в то самое время, когда меня станет поджидать там Мэтью. Это был отличный шанс с ним увидеться, но я понятия не имела, удастся ли мне это проверить.

Ясно было одно — из группы избранниц незаметно мне не улизнуть. Несмотря на то, что после вчерашнего испытания нас осталось только пятнадцать, охрана для выезда в город почему-то была усилена чуть ли не вдвое. Наши кареты сопровождал целый отряд всадников, и часть из них, без сомнения, были магами.

К тому же мои личные стражи тоже никуда не делась. Сейчас я их не видела, но нисколько не сомневалась в том, что они рядом.

Обдумав эту проблему так и сяк, я решила, что стану действовать по обстоятельствам. И если обстоятельства будут против меня — то есть у меня не получится вырваться, — я сообщу об этом служанке — моей связной с Братством Голодных — и пусть Мэтью сам что-нибудь придумает!

К удивлению, возможность мне все же представилась, но совсем не такая, какую я только могла предположить.

Правда, сперва наши кареты остановились возле громадного собора, украшенного пятью шпилями по числу главных Богов Арондела, после чего девушки стали выходить наружу. Гвардейцы к этому времени успели спешиться и двинулись вперед, расчищая нам дорогу и оттесняя собравшийся столичный люд.

Толпа оказалась приличной, запружена была вся площадь перед собором, но особой популярностью пользовались ступени, на которых не осталось ни одного живого места.

Правда, внутрь никого не пускали, хотя массивные дубовые двери были приветливо распахнуты, а к ним вела красная ковровая дорожка. Я уже знала, что впереди нас ждала закрытая служба, которую собирался провести сам архиепископ Плесби.

Король и несколько десятков удостоившихся приглашения гостей к этому времени должны были прибыть. Из соображений безопасности мы разделились — их кареты отъехали от дворца, когда девушки только собирались на крыльце. Зато теперь Брайн Стенвей с группой придворных дожидались нас внутри, и я понадеялась на то, что среди них будет и герцог Раткрафт. Мы же стали подниматься по ступеням, кидая монетки приветствовавшим королевских избранниц столичным жителям.

Оказалось, это была древняя традиция.

Монетки этим утром прислал мне Джеймс Стенвей вместе с коротким посланием, в котором сообщал, что отбыл из дворца по государственным делам, но планировал приехать в собор, где мы с ним и встретимся. К тому же он слал мне книгу по Высшей Магии и роскошный букет цветов, к которому прилагалась еще одна записка, на этот раз куда более лаконичная.

«Думал о тебе всю ночь», — вот что было в ней написано, и это бросило меня в краску.

Пришедшая как всегда навестить меня с утра леди Виторина одобрительно кивнула, заметив подарки Джеймса Стенвея, а потом уставилась, подозреваю, на покрасневшую меня.

Неожиданно ее взгляд потеплел, и она заявила, что Боги не даровали ей мужа и семью, зато щедро одарили ее сыновьями. После гибели их родителей леди Виторина вырастила двух мальчиков королевских кровей — Брайна и Джеймса, — а теперь она растит близнецов. И еще — она искренне желает счастья всем своим сыновьям и надеется, что они обретут то, чего она была лишена.

Семью.

Затем посмотрела на меня с таким видом, что я смутилась еще сильнее. Так, словно леди Виторина была строгой матерью, которая оценивала будущую невестку, размышляя, достаточно ли она — я! — хороша для одного из ее горячо любимых сыновей.

Но так ничего и не сказав, леди Виторина сменила тему. Пояснила, что Джеймс прислал мне монетки, чтобы я раздала их беднякам, которые соберутся на ступенях Собора.

...И я это делала — вкладывала в тянущиеся к нам руки или же кидала в толпу, которую старательно теснили гвардейцы, прикрикивая, чтобы не напирали. Такие же монетки бросали идущие рядом со мной Тэль и Элиза и другие девушки.

Первой, конечно же, с царственным видом выступала Бэсси Берналь, подхватив под руку Лауру Итьен, казавшуюся бледной тенью признанной столичной красавицы. За ними шли неразлучные подруги Эстель Маклахан и Дора Браммер, а потом уже мы с Тэль и Элизой, после чего и остальные, замешкавшиеся возле карет.

И я, поглядывая на толпу за спинами гвардейцев, думала о том, что у меня нет никакой возможности сбежать и встретиться с Мэтью. Да и где бы я стала его искать в этом море людей?!

Внезапно в толпе что-то произошло. Причем совсем близко от нас, где-то с правой стороны. Народ пришел в движение, люди подалась сперва вперед, а затем в разные стороны, и почти сразу же в поднявшемся гуле голосов я услышала наполненный страданиями крик.

Затем кто-то истерически завопил, что человек умирает и ему срочно нужна помощь! Но ему тут же стал вторить еще один голос, кричавший, что это смертельная зараза и нужно всем поскорее отсюда бежать!..

Дружно и истерически зарыдали женщины; толпа еще сильнее подалась в стороны, тесня нашу охрану. Те все-таки отступили, принявшись теснить уже нас, накидывая на нас защитные заклинания.

В неожиданно образовавшемся просвете я разглядела, что именно произошло.

Заметила на освободившейся ступени бьющегося в судорогах бедно одетого мужчину и желтую пену, идущую у него изо рта, в тот же самый момент осознав, что с ним случилось.

Потому что уже видела такое и раньше.

— Желтая Смерть! — сказала я застывшей рядом со мной с встревоженным лицом Элизе. — Она пришла, чтобы забрать того несчастного... Пустите меня! — накинулась на магов, которые не только не давали нам подойти к бедняге, но и сами не собирались ему помочь.

Видимо, решили, что это не их ума дело. Им поручено оберегать избранниц, а остальное их не касается.

«Остальным» был бездомный бродяга — все его бросили, и на переполненной людьми площади он умирал в одиночку.

— Сейчас же нас пропустите! — внезапно раздался звонкий, уверенный голос принцессы, потому что я вновь попыталась прорваться, но мне не дали. — Разойдитесь!.. Именем королевской семьи Визмора, я приказываю нас пропустить!..

Маги, охранявшие нас с Элизой, пусть неохотно, но все же расступились, а затем принялись теснить толпу, давая нам возможность подойти к бьющемуся в агонии человеку.

Он был стар и грязен, и от него несло бедностью и отчаянием. А еще — дыханием приближающейся смерти.

— Не стоит!.. — произнес над моим ухом кто-то из охраны. Кажется, один из магов, приставленных ко мне Джеймсом Стенвеем. — Ему уже ничем не помочь.

Но я лишь упрямо помотала головой. Затем нырнула в магические потоки, готовясь активировать целительское заклинание. Тут изо рта несчастного снова пошла желтая пена, на что Тэль, кинувшаяся было за нами, отшатнулась. К тому же мы с Элизой удосужились ядовитого комментария от подошедшей Бэсси, заявившей, что не королевское это дело — возиться с такой грязью.

Но мы все же возились.

Я — потому что у меня были собственные счеты с Желтой Смертью, и эти счеты были далеко не в мою пользу. Принцесса Визморская — потому что иначе она не могла. Я давно уже поняла, что сердце Элизы наполнено добротой и состраданием, и это нисколько не напускное, а искреннее, настоящее.

Именно поэтому мы опустили перед бездомным на колени, хотя стоявший рядом с нами страж упрямо твердил, что бедняге уже ничем не помочь. Лучше оставить его Богам, а самим идти в собор, как сделали остальные избранницы, и заняться делом — попытаться произвести впечатление на короля Арондела.

Но мы не стали его слушать и впечатление производить не спешили, все еще надеясь хоть как-то помочь несчастному.

Оказалось, Элиза тоже обладала целительскими навыками. Принялась рьяно мне помогать, хотя я

довольно быстро поняла, что проиграю и третью схватку с Желтой Смертью. Чувствовала, как она забирала очередную жизнь, несмотря на все наши усилия.

Но мы хотя бы смогли облегчить ужасные муки бедняги. Вливали в его тело магию, снимая боль, потому что наркотик поражал нервную систему, причиняя ему жуткие муки.

Кажется, к нам спешила задержавшаяся у карет Харриет — я видела, как совсем близко промелькнул край ее светло-орехового платья, и вспомнила, что она тоже маг и даже учится в столичной Академии.

Но она не успела, потому что бродяга неожиданно успокоился. Затих под нашими руками, взглянув на нас вполне осмысленным взглядом — его тело перестало страдать. А затем через пару секунд и его душа, потому что она отправилась на небеса.

Туда, где ее ждали Боги на Последний Суд.

Вскоре Элиза закрыла глаза, принявшись молиться, а я... Я поднялась на ноги и уставилась в безоблачное небо. В мыслях царил полнейшее смтение, а внутри был хаос.

Я понимала, что надо бы тоже помолиться за душу несчастного, но почему-то не могла. Слова путались, к глазам подбирались слезы, и я, повернув голову, уставилась на видневшийся отсюда первый шпиль Кафедрального Собора.

Именно в этот момент услышала рядом с ухом негромкий, но знакомый голос.

Мужчина в капюшоне сумел воспользоваться поднявшейся суматохой — тем, что наша охрана продолжала теснить толпу, а люди упрямо напирали, чтобы посмотреть — то ли на нас с Элизой, то ли на покойника. Склонившимся над бродягой двум магам из моей личной охраны тоже оказалось не до меня — они констатировали смерть, хотя и так уже было все понятно.

К тому же еще двое гвардейцев, оставив меня без внимания, пытались уговорить принцессу Визмора подняться с колен.

Именно в этот момент Мэтью сумел подойти совсем близко.

— После испытания останься в соборе, — заявил он негромко. — Придумай что-нибудь! Скажи, что хочешь еще помолиться, а потом и исповедоваться.

— Хорошо! — сказала ему, прикинув, что этот вариант не должен вызвать подозрения даже у моих стражей. — Думаю, я смогу. Что делать дальше?

— Отправляйся в восточной неф, — продолжил давать указания Мэтью. — Жиль деСоль будет ждать тебя в дальней исповедальне.

— Но каким образом?! — выдохнула я. — Как он сможет?..

Вместо ответа Мэтью усмехнулся мне в ухо. Не выдержав, я все-таки повернулась и уставилась в темные глаза своего старого друга. Капюшон скрывал часть его лица, но мне казалось, что Мэтью буквально прожигал меня взглядом.

— Неисповедимы пути Братства Голодных! — заявил он негромко, после чего отшагнул и затерялся в толпе.

А мы с Элизой, которую все-таки подняли с колен, остались.

Вернее, очень скоро пошли дальше. Поднялись по ступеням, миновав распахнутые дубовые двери, и оказались под сенью огромного, поразившего мое воображение собора. Настолько сильно поразившего, что я даже застыла с раскрытым ртом, запутавшись в собственных ногах.

Впрочем, слишком долго рассматривать чудеса храма Богов у нас не было времени, потому что, как оказалось, остальные девушки давно уже были внутри. Все ждали нашего прихода, так что мы быстро заняли места во втором ряду.

Вернее, их с ответственным видом «придержала» для нас Тэль.

Устроившись, я принялась осторожно разглядывать собравшихся. Увидела среди них и главного распорядителя отбора — все время забывала его имя! — и леди Виторину. Наконец, отыскала отдельную ложу, отведенную для короля. В ней заметила Джеймса — он сидел по другую сторону прохода.

Герцог Раткрафт, оказалось, тоже смотрел на меня, а затем поднялся на ноги и подошел к нам, несколько не встревоженный тем, что на него уставились все присутствовавшие в соборе.

Поздоровавшись, поинтересовался, как мы себя чувствуем. Да, он в курсе, что мы с Элизой пытались спасти несчастного, и ему очень жаль, что тот умер.

— Это наркотик, Агата! — заявил он мне, когда я ответила, что мы-то чувствуем себя хорошо, в отличие от того бедняги. — Смертельная зараза, которая расползается по королевству, и мы пока еще не в силах ее остановить.

— Знаю! — сказала ему. — Да, я все прекрасно понимаю, потому что, к сожалению, уже с ней встречалась. Желтая Смерть добралась и до нашего острова и собрала свою жатву. Но в Вильме нам повезло!..

Осеклась, не став ему рассказывать, что Хокк был спасен стараниями Хорошего Годфри, который оказался не последним человеком в криминальном мире острова.

Но кто спасет столицу и уберезет от этой заразы Арондел?

Мне оставалось лишь надеяться, что Стенвеям — Брайну и Джеймсу — это окажется по плечу.

— Думаю, во время службы вам должно стать полегче, — с легкой улыбкой произнес Джеймс. — Все ваши Святые уже в сборе, — он окинул просторное помещение центрального нефа, полное статуй и икон, возле которых горели свечи и теплились лампадки.

К тому же на стенах были росписи сцен из «Жития Богов» — огромные рисунки, убегавшие под сводчатые потолки, на которые бросали разноцветные тени мозаичные арочные окна.

— Осталось лишь дожждаться дирижера этого «оркестра», — добавил он. — Вернее, я хотел сказать, его высокопреосвященства архиепископа Плесби!

Это была очередная его шутка на церковную тему, и я тут же заявила, что нисколько не смешно. И вообще, не стоит насмехаться над такими вещами!

На это герцог улыбнулся, сказав, что узнает прежнюю Агату Дорсетт. Но, кажется, все же узнавал не до конца, потому что продолжал с тревогой вглядываться мне в лицо, тогда как на нас с ним тоже смотрели...

Причем со всех сторон.

Но герцога подобное внимание нисколько не трогало. Судя по всему, ему было все равно, а я... Я словно окаменела, продолжая в мыслях все время возвращаться к тому несчастному бродяге.

У него не было ничего при жизни, а теперь и Боги забрали его к себе!..

Тут Джеймсу все же пришлось меня оставить, потому что на хорах грянули, затянули церковный гимн во славу всех Богов Арондела. Страдальчески закатив глаза, герцог заявил, что началось...

Ушел, а я принялась старательно выводить слова молитв, надеясь, что они помогут мне успокоиться и прийти в себя. Стоило хору замолчать, как тут же распахнулись позолоченные дверцы алтаря. Из них появился архиепископ Плесби в расшитом золотом церковном одеянии и в такой же золотой, украшенной драгоценными камнями митре на голове.

Застыв перед алтарем, архиепископ раскинул руки, и мы послушно поднялись на ноги и склонили головы. Он запел «Благословите нас, Святые!», и его голос — сочный и глубокий, — казалось, заполнил собой все пространство собора, а потом попытался пробраться мне в душу, заставляя ее оставить мирские помыслы и унести вместе с ним в молитвах к Богам.

Но в этот раз у меня ничего не вышло.

Даже служба не принесла мне желаемого успокоения, хотя я жадно впитывала каждое слово архиепископа, а затем, по ее окончании, дождавшись своей очереди, опустилась перед ним на колени, прося дать отпущение моих грехов.

Потому что до сих пор чувствовала себя виновной в том, что не смогла уберечь того несчастного.

— Встань, дитя мое! — отозвался архиепископ, и я подняла голову.

Посмотрела на уже немолодого, но все еще крепкого мужчину, отметив про себя его волевое, но в то же время исполненное доброты и благочестия лицо и цепкий, умный взгляд черных глаз.

— Ваше высокопреосвященство! — пробормотала я, поднимаясь на ноги.

— Я помню тебя, дитя! — неожиданно улыбнулся он. — Но ты порядком выросла с того момента, как мы виделись в последний раз.

Не успела я придумать, что ему ответить, как архиепископ Плесби махнул рукой, показывая, что мне стоит идти, чтобы не задерживать остальных. И я пошла, потому что за мной стояла целая вереница из желавших получить благословение от самого архиепископа.

Наконец, служба закончилась, его высокопреосвященство нас покинул, и мы вернулись на свои места. Оставалось только дожидаться, когда архиепископ соизволит поговорить с каждой из избранниц, а потом под сенью этих сводов, с Богами, уверена, наблюдавшими за нами через витражные окна и множество икон, он огласит свой выбор.

Правда, мой черед никак не наставал. Элизу, которая еще в самом начале службы взяла меня за руку, и мы так и сидели, погруженные в думы и молитвы, позвали то ли второй, то ли третьей. Кажется, все-таки второй, как раз за принцессой Устеда...

Мне показалось это довольно странным — то, что первой все-таки позвали Сину, а не Элизу, и я уставилась вслед молчаливой и светловолосой девушке, ничем не выделявшейся на отборе, и немного удивилась.

Затем все же пришел черед Элизы. Она ушла, а ее место рядом со мной заняла Тэль. Взяла меня за руку, и я была благодарна ее поддержке. Наконец, принцесса вернулась, шепнув мне, что с архиепископом они вместе помолились, после чего он ее благословил — вот и все! — и к нам подошел король, а вместе с ним и Джеймс Стенвей.

Принялись расспрашивать, все ли у нас в порядке.

Теперь уже Элиза за нас двоих ответила Брайну, что все хорошо, но мужчин из рода Стенвеев, как оказалось, не устраивал наш бледный вид. Настолько не устраивал, что Брайн подхватил принцессу Визмора под локоть и увлек ее к колоннам поговорить. Кажется, то же самое собирался проверить и Джеймс, но уже со мной, но тут явилась леди Виторина и его прогнала, потребовав, чтобы он наконец-таки оставил девочку в покое.

То есть меня.

И Брайну тоже досталось. Почему они не понимают, что нам не до них?!

Но они почему-то не понимали и не собирались никуда уходить. Так и бродили неподалеку, кидая в нашу сторону задумчивые взгляды.

После Элизы, кстати, на встречу к архиепископу отправилась принцесса Зарейна. Правда, в собор вместе с нами Шейла не пошла и на службе не присутствовала, дожидаясь приглашения в карете. Ее отправились разыскивать, поэтому снова все порядком затянулось.

За принцессой Зарейна, вернувшейся от архиепископа довольно быстро, настал черед Эстель Маклахан, после чего вызвали Тэль. Затем ушли Харриет, Лаура и Дора Браммер, а за ними и остальные.

Позвали всех, кроме меня.

Первое время меня это нисколько не тревожило — было о чем подумать и о ком помолиться. Затем стало немного удивлять.

В конце концов, когда пришли за четырнадцатой из пятнадцати оставшихся девушек — и ей снова оказалась не я! — мне почему-то подумалось, что архиепископ Плесби вспомнил свой приезд на Хокк и нашу с ним встречу.

Ту самую, когда я обыграла его в шахматы целых три раза.

Кто знает, вдруг с тех пор он затаил на меня обиду или же... Вдруг он и вовсе решил отлучить меня от церкви за подобное святотатство?

Именно поэтому и отказался со мной встречаться.

Впрочем, когда мое имя все-таки прозвучало — последним! — я вздохнула с огромным облегчением. За мной явились два церковных служки и поманили за собой. Мы долго шли длинным коридором собора, пока не оказались перед дверью в приемную архиепископа. Один из служек постучал, на что раздался тот самый густой и глубокий голос, приглашавший меня войти.

И я вошла.

Поклонилась, уставившись на устроившегося в кресле архиепископа Плесби, успевшего переодеться в повседневную мантию. Затем перевела взгляд на столик по соседству с пустующим вторым креслом, и мои глаза округлились.

Я увидела шахматную доску с расставленными на ней фигурами.

— Дочь моя! — произнес архиепископ, когда я, поцеловав его перстень, поднялась с колен. — Я ждал этого реванша много лет и все эти годы продолжал неустанно совершенствоваться в своей игре!

— Ваше высокопреосвященство, — отозвалась я, порядком смущенная. Повинуясь его приглашающему жесту, устроилась во втором кресле возле шахматного столика, — вы всегда были моим самым сильным соперником!

Про Джеймса Стенвея решила ему не говорить.

Архиепископ Плесби довольно крикнул.

— Так и есть, дочь моя! — отозвался он. — Так и есть! И я намерен незамедлительно взять реванш. Но при этом настаиваю, чтобы ты ни в коем случае не вздумала мне поддаваться.

Пришлось поклясться, что не стану.

— Да пребудут с нами Боги! — глубокомысленно произнес архиепископ.

— И пусть Святая Истония меня не оставит! — отозвалась я, после чего выбрала из протянутых им рук правую.

Архиепископ Плесби разжал ладонь — в ней лежала фигурка коня.

Мне снова выпали белые, мои счастливые.

Вернулась я только минут через сорок — потому что это была настоящая битва, — подозреваю, с пылающими щеками. В ответ на удивленный взгляд Элизы пояснила, что мы с архиепископом молились...

Да, именно так, мы молились, ответила я и герцогу Раткрафту, потому что тот не замедлил поинтересоваться, где меня так долго черти носили.

— И черти тут ни при чем! — нахмурилась я. — Нашли о ком вспомнить в Храме Богов!..

Не стала ему рассказывать, что провела эти сорок минут в ожесточенной борьбе — потому что архиепископ серьезно преуспел в шахматной науке, — и с трудом, но все же вырвала у него победу.

На это перед моим уходом его высокопреосвященство заявил, что он со мной не прощается. Ему нужно хорошенько обдумать произошедшее и учесть свои ошибки, после чего он потребует у меня еще один матч-реванш. И будет требовать так долго, пока не вырвет у меня победу, да простят его Боги за столь мирские помыслы!

А то, что я живу на далеком острове, — это не та проблема, которая может стать помехой для наших следующих партий.

— На все воля Богов, дитя мое! — заявил архиепископ многозначительно, после чего протянул руку, чтобы меня благословить.

И я вернулась, размышляя, как наша с ним партия — вернее, очередной мой выигрыш — может отразиться на моем пребывании на отборе. Пойдет ли она мне во благо или же все-таки во вред? Раздосадовал ли архиепископа его проигрыш или, наоборот, раззадорил, и ему очень скоро захочется сыграть со мной еще одну партию?

Впрочем, слишком долго ждать ответа на эти вопросы мне не пришлось.

Уже через двадцать минут архиепископ снова появился в торжественном облачении, заявив, что готов объявить имена тех, кто угоден Богам. Вернее, тех, кого Они видят в роли будущей королевы Арондела.

Сам же его высокопреосвященство выступит посредником между Небесами и людьми и передаст нам Их слова.

Огласит выбор Богов.

Признаюсь, эти двадцать минут для меня тянулись порядком, и мы уже извелись от ожидания. По крайней мере, мы с Тэль, тогда как Элиза хранила молчание, время от времени бросая быстрые взгляды в сторону короля, с которым, несмотря на то, что мы находились в храме, вовсю кокетничала Бэсси Берналь.

Шейлы рядом с Брайном Стенвеем не было — она дожидалась снаружи собора, — зато я увидела возле короля и Сину, и Эстель, и Дору, и Лауру, всеми силами пытавшихся привлечь его внимание.

Но стоило архиепископу появиться, как тут же послали за принцессой Зарейна, и очень скоро мы выстроились перед алтарем в ставший уже привычным ряд. На этот раз Тэль несколько не тряслась, словно твердо уверовала в то, что приватная беседа с архиепископом, а еще и приличный взнос в церковную казну сделают свое дело.

И они его сделали.

Правда, не сразу, потому что первое прозвучавшее из уст его высокопреосвященства имя снова вызвало недоуменный шепоток среди присутствующих, а потом в толпе придворных раздались аплодисменты. Уж и не знаю, кто начал хлопать первым и почему это подхватили остальные, так как я, пораженная услышанным, застыла, не в силах пошевелиться и повернуть голову.

Потому что на четвертом испытании первым снова прозвучало мое имя.

— Да пребудут со мной Боги, потому что я готов огласить первое имя! — до этого громогласно объявил архиепископ, сначала посмотрев на короля, а затем окинув выстроившихся перед ним девушек пронзительным взглядом. — Это Агата Дорсетт, леди Корнуэлл!

И на хорах тут же грянули, затянули «Так угодно Богам!».

На это я, запнувшись, сделала шаг вперед. Сказать, что я была удивлена, — ничего не сказать!

Поклонившись, выдавила из себя, что благодарна Богам и его высокопреосвященству, Их гласу, за столь приятный, но неожиданный для меня выбор.

Впрочем, архиепископ оставил мои слова без внимания, потому что уже оглашал следующее имя, а хор угодливо поздравил вторую названную им девушку своим «Так угодно!».

Ею стала Элиза, принцесса Визморская, на что она, покраснев, вышла из стоя и поклонилась. Затем, вернувшись, кинула на меня довольный взгляд и пожала мне руку. Судя по всему, она несколько не считала меня конкуренткой за внимание короля, хотя мне казалось, что Элиза была по-настоящему увлечена Брайном Стенвеем.

На это я с явным удовольствием ответила на ее пожатие.

Впрочем, уже в следующую секунду я сочувственно сжала ее руку, так как третьим под сводчатыми потолками собора прозвучало имя Бэсси Берналь. На это признанная столичная красавица шагнула вперед, сделав кокетливый поклон, затем, повернувшись, бросила на нас с принцессой уничижительный взгляд.

— Ничего! — шепнула я Элизе на ухо. — Уверена, это недоразумение очень скоро разрешится.

Под «недоразумением» я имела в виду Бэсси Берналь, и мне хотелось верить в то, что Брайну Стенвею хватит здравого смысла разобраться, кто есть кто на этом отборе. То, что Бэсси Берналь — это сплошное недоразумение, а настоящее сокровище для него — Элиза Визморская.

Но тут прозвучало очередное имя. Четвертой архиепископ назвал принцессу Устеда, пятой — Зарейна, после чего вернувшаяся для оглашения результатов Шейла моментально покинула стены храма, словно оставаться внутри доставляло ей непередаваемые мучения.

Она ушла, а затем наконец-таки прозвучало имя Тэль. После нее его высокопреосвященство по очереди вызывал Харриет, Эстель и Дору. Последним он назвал имя Лауры, которая, как по мне, на отборе примечательной была лишь тем, что бестелесной тенью следовала за Бэсси, оттеняя ее красоту и выполняя мелкие поручения.

На этом четвертое испытание завершилось.

Девушек на отборе осталось ровно десять.

Архиепископ предложил нам в очередной раз помолиться, только на этот раз на общую молитву мало кто обращал внимания. Трое из пяти не прошедших отбор рыдали во весь голос, на что Бэсси, не скрывавшая своего злорадства, заявила, что они должны еще радоваться, что зашли ТАК далеко. Сразу же было понятно, что им здесь не место!

За такое высказывание она удостоилась недовольного взгляда леди Виторины, но лишь пожала плечами, высокомерно уставившись на строгую распорядительницу. А потом и вовсе произнесла, что когда она станет королевой, то о ней позаботится... Так позаботится, что леди Виторину и близко ко дворцу не подпустят!

На это мне захотелось подойти и отвесить Бэсси хорошую оплеуху, но я решила, что такое поведение будет неуважением к месту, в котором мы находились.

Элиза отправилась кого-то обнимать, говорила слова утешения покидавшим отбор. Тэль не отставала — подошла к одной из девушек, погладила ее по плечу. Мне казалось, Брайн тоже собирался с ними поговорить, но короля задержали Бэсси и Лаура, преградив ему дорогу. От них не отставали Эстель Маклахан и Дора Браммер.

Я же, еще немного посмотрев на плачущих девушек, подходить к ним не рискнула. Подумала, что сочувствие той, кто победил на четвертом испытании, они могут счесть неуместным. Поэтому решила не вмешиваться, постоять в стороне и немного подумать.

Например, каким образом я осталась на отборе и почему мое имя было названо первым. И почему мне за это так стыдно перед Элизой. Принцесса Визмора откровенно за меня радовалась, а я все еще не могла осознать глубину ее доброты!..

Неожиданно мне захотелось обо всем ей рассказать. И про младшего брата, и про дядю, и про то, что я приехала на отбор вовсе не для того, чтобы стать королевой Арондела и завоевать сердце Брайна Стенвея. У меня были совсем другие цели!

И еще, что я никогда не буду для Элизы преградой.

Но я понимала, что здесь, в переполненном соборе, не совсем правильное для этого место. Да и время, если честно, совершенно неподходящее.

Погруженная в свои мысли, я и не заметила, как ко мне подошел герцог Раткрафт. Остановился, оглядел меня с ног до головы, и я снова ничего не смогла прочитать за его непроницаемым взглядом.

— Неожиданно! — прокомментировал он, и я решила, что это его замечание относится к моей победе на четвертом испытании. — Интересно, чем же вы взяли архиепископа, леди Корнуэлл? Гм... Даже затрудняюсь предположить! Неужели вы целых сорок минут делились друг с другом любимыми моментами из жития Святой Истории?

— Так оно и было, милорд! — отозвалась я, с трудом сдерживая улыбку.

При этом подумала, что моя победа на четвертом испытании стала причиной очередного ухудшения настроения герцога. Меня не оставляло ощущение, что ему нисколько не нравилось то, что я до сих пор оставалась на отборе, и он втайне надеялся на мой проигрыш.

И очень скоро получила тому подтверждение.

— Агата! — неожиданно произнес он.

Мне показалось, что Джеймс захотел ко мне притронуться, но в последний момент себя одернул. Потому что вокруг были люди, ходили, косились...

Уверена, смотрели на нас и говорили о нас.

В этот самый момент мне сильно, до жути захотелось, чтобы в природе были, существовали те самые «мы».

Мы с ним.

— Да, — сказала ему. — Да, я слушаю вас, милорд!

— Мне надо уехать, Агата, — вот что он мне заявил, и это прозвучало словно гром среди ясного неба.

— Ах вот как! — выдохнула я, чувствуя, как меня захлестывает волна отчаяния. Такая сильная, что я едва устояла на ногах.

Как же так, ну почему же он уезжает?.. Куда, затем? Как долго его не будет?! О, неужели я его больше не увижу, и все закончится здесь и сейчас?

Вернее, мое везение очень скоро подойдет к концу, Брайн выставит меня с отбора, и я... Я буду свободна, но останусь одна, потому что Джеймса в этот момент не будет со мной рядом!

Это было странное чувство.

Вернее, впервые за все время нашего знакомства я так остро и сильно ощутила нашу связь. Именно здесь, стоя под сенью Кафедрального Собора.

Скорее всего, эта самая связь возникла в тот момент, когда мы встретились на рынке и Джеймс благородно предложил довезти меня до дворца. Говорил нам с близнецами о том, что Братства Голодных не существует, хотя сейчас оно поджидало меня в дальней исповедальне восточного нефа.

На это я стащила часы и тем самым привлекла к себе внимание.

Затем были балы, охота, наши танцы, наши разговоры, партия в шахматы, покушение, театр.... Наш поцелуй, в конце-то концов!

А теперь он уезжает!..

— Мне очень жаль! — выдавила я из себя, потому что Джеймс стоял и смотрел на меня. Неотрывно, словно искал на моем лице ответ на свой незаданный вопрос. — Ну что же, я желаю вам...

Не договорила, потому что внезапно он улыбнулся, словно в который раз разглядел нужный ему ответ.

— Я вернусь, — произнес он. — Не переживайте так, Агата! Думаю, уже завтра во второй половине дня мы снова встретимся. Быстрее у меня, к сожалению, не получится.

— Но это же... Это отличные новости! — выдохнула я, и сердце забилось, заколотилось с удвоенной силой.

Потому что это и в самом деле были отличные новости.

— Я рад, что вас это так воодушевило, — отозвался Джеймс. — Но перед тем, как я вас покину, у меня все же будет к вам небольшая просьба.

— Какая именно?

— Постарайтесь не стать королевой Арондела до моего приезда, — вот что он мне сказал.

На это я, с трудом подавав смешок, пообещала, что приложу к этому максимум усилий.

Неожиданно Джеймс протянул руку и притронулся к моему подбородку. Прикосновение было легким, мимолетным, но мое тело ответило на него странной дрожью.

Впрочем, он уже отнял руку, после чего, попрощавшись, ушел. А я осталась, глядя ему вслед. Внезапно почувствовала тяжелый взгляд и повернула голову.

Оказалось, Брайн Стенвей стоял неподалеку и смотрел на меня.

Не отрываясь.

Но я отвела глаза, а затем вспомнила, что у меня все еще оставалось одно незавершенное дело — да-да, та самая встреча с Жилем деСолем!

Впрочем, в поднявшейся суматохе — потому что было громогласно объявлено, что сейчас мы все дружно возвращаемся во дворец, — мне не составило труда отыскать приставленных ко мне Джеймсом стражей и сообщить им, что я хочу немного задержаться.

Именно так!

Обещаю, скоро мы поедем, но, возможно, не со всеми, потому что мне жизненно необходимо побыть одной и помолиться в тишине. И да, мне не хватило ни службы, ни длительной беседы с архиепископом, поэтому я сейчас пойду туда...

Отыскала взглядом пустой восточный неф. Вот туда!

Там я как следует помолюсь, а потом хорошенько исповедуюсь, и если они не станут мне мешать, то, быть может, мы успеем присоединиться к остальным. А если не успеем и все к этому времени уедут — ну что же, туда им и дорога...

Вернее, тогда дорогу до дворца мы проделаем сами.

Стражи попытались возразить, но мне обязательно нужно было переговорить с Жилем, поэтому я не стала никого слушать. Предупредила леди Виторину и подруг, что немного задержусь, после чего отправилась в восточный неф, сопровождаемая двумя недовольными магами.

Ненадолго застыла перед иконой с изображением Святой Истони, державшей в руках Сердце Арондела. Разглядывала Ее кроткие, но в то же время уверенные черты и думала о том, что понятия не имею, где в этой истории заканчивается правда и начинается вымысел.

Наконец, очнувшись, поспешила в нужную исповедальню, заявив магам, чтобы они не вздумали мне мешать открыть свое сердце и очиститься от греховных помыслов, сколько бы времени это у меня ни заняло.

Вошла, уселась, сложив руки на коленях, порадовавшись тому, что по другую сторону затянутого шторой окошка кто-то был. А еще — что не вижу его лица.

Меньше знаешь — лучше спишь, — один из постулатов Братства Голодных.

— С чем же ты ко мне пришла, дитя мое? — раздался хриплый, чуть насмешливый мужской голос, и у меня не осталось никаких сомнений в том, что наша встреча с Жилем все же состоялась.

Человек за шторой был молод и нисколько не благочестив.

— С равноценным обменом, святой отец! — усмехнувшись, заявила ему. — Уверена, вам что-то от меня нужно, да и я бы не отказалась от ответной услуги.

— О какой же услуге ты просишь, дитя мое? — продолжил Жиль, пародируя голос архиепископа Плесби. И, надо признать, выходило у него недурно.

Впрочем, сейчас мне было совсем не до забав.

— В меня стреляли, — сказала ему спокойно, — в день королевской охоты, и ваши люди спасли мне жизнь. Я хочу знать имя убийцы.

Жиль задумался — за шторкой раздавалось лишь его уверенное дыхание.

— Мы к этому не причастны, — наконец, заявил он, — и твое спасение не наших рук дело. Но то, что тебя хотели отравить, я знаю и даже могу назвать имя. Будем считать, что это небольшой подарок с моей стороны.

— Значит, меня хотели отравить? — пробормотала я, подумав, что это довольно-таки неожиданный поворот. — Этого еще не хватало!

Слова Жили добавили мне вопросов, причем они были не только об отравлении. Выходило, ту стрелу в лесу от меня отвело вовсе не Братство. Тогда кто же?!

— Хорошо, — сказала ему, кусая губы. — Подарки я люблю, кто же их не любит?! Поэтому приму и этот. Так кто хотел меня отравить? Да и как?

По словам Жили выходило, что пытались подкупить поваренка, сунув ему порошок, чтобы тот подсыпал в мою еду. Позже они нашли этих двоих и хорошенько расспросили, так что больше меня они не потревожат. К тому же те обо всем рассказали.

Оказалось, им заплатила некая леди Берналь.

— Ах вот как! — отозвалась я, подумав, что нисколько этому не удивлена.

Бэсси — она такая Бэсси! Раз уж не получается обойти конкурентку, тогда нужно ее устранить.

— Но в лесу в меня не могли стрелять ее люди, — отозвалась я, поняв, что зашла в очередной тупик. — Бэсси Берналь как раз была рядом, стрела могла отскочить от моей защиты... Нет, это слишком опасно! Уверена, они бы не стали так рисковать ее жизнью.

Но Жиль ничем не мог мне помочь, потому что тоже не знал. Сказал лишь, что они могут поинтересоваться там и сям, а затем выдвинул свое требование.

Заявил, что хочет от меня ответную услугу. Ему нужно, чтобы я устроила одну встречу.

— Значит, встречу! — протянула я, с трудом подавив нервный смехок. — Интересно, с кем же? Надеюсь, с королем Арондела? — все же не удержалась от подколки.

— Нет, не с королем, — отозвался он спокойно. — Мне нужно поговорить с глазу на глаз с герцогом Раткрафтом.

— Но почему именно с ним? — удивилась я.

— Потому что на этот раз мы в одной лодке, — отозвался Жиль. — Я знаю, что дело, которое меня интересует, находится под личным контролем герцога. К тому же по Стенстеду ходят легенды о его неподкупности. И его, как и меня, не устраивает, что уже скоро улицы столицы будут походить на кладбища, — добавил он резко.

— На кладбища? — переспросила я неверяще. Затем догадалась. — Неужели из-за Желтой Смерти?!

Оказалось, я ни в чем не ошиблась.

— Стенстед наводнила неведомая зараза, — немного помолчав, заявил Жиль. — Даже мои люди сходят с ума и мрут от нее как мухи. Но с каждым днем Желтой Смерти становится все больше и больше. В столице ее уже не продают, а раздают всем желающим, и я ничего не могу с этим сделать!

Последнее он произнес с ненавистью в голосе.

— Но как же так? — ахнула я. — Зачем же... раздавать наркотики? Кому это нужно?!

— Тому, что создает свою армию из готовых на все ради новой порции заразы. Потому что тот, кто контролирует Желтую Смерть, очень скоро станет контролировать столицу. Но если Желтая Смерть разойдется по всему Аронделу... Ты понимаешь, дитя мое, к чему это может привести?

— Понимаю, отец! — отозвалась я глухо, потому что прекрасно все понимала. — Выходит, ты хочешь объединить ваши силы с Джеймсом Раткрафтом?!

— Это одно из моих желаний, Агата! — произнес Жиль, и за стенкой исповедальни произошло движение. Шторка заколыхалась, и мне показалось, что она вот-вот отодвинется и я увижу его лицо. На это я отшатнулась — не хочу ничего знать! Но Жиль, похоже, передумал себя показывать. — Мне нужно, чтобы ты устроила нашу встречу, которая станет взаимовыгодной для трех сторон.

— Трех? — переспросила я.

— Про тебя мы тоже не забудем, — пообещал он. — Продолжим приглядывать и поищем того, кто в тебя стрелял...

На это я кивнула, подумав, что это вполне благородно с его стороны. Но тут в голову пришла странная мысль...

— Нет, — сказала ему, — приглядывать за мной больше не надо! За мной и так уже хорошо смотрят. — Вот, двое магов топчутся рядом с исповедальней. — И тех убийц тоже искать не стоит. — Потому что, уверена, скоро появятся новые. — Я хочу, чтобы твои люди проследили за графом Маклаханом.

— Значит, за Маклаханом? — почему-то усмехнулся Жиль.

— За ним! — подтвердила я. — Мне нужно, чтобы вы не спускали с него глаз. Хочу знать о нем все. Что он делает, с кем говорит и с кем встречается. Особенно меня интересуют его встречи с людьми из Зарейна. Поэтому нужно, чтобы за ним присматривали те, кто знает язык.

— Найдем, — пообещал мне Жиль, — и ты получишь свое досье. Все, что я смогу раскопать.

На это я подумала, что Братству раскопать под силу очень и очень многое, и это будет огромный прорыв в дядином деле.

Если, конечно, я выполню свою часть сделки.

— То есть с моей стороны нужно договориться о вашей встрече с Джеймсом Стенвеем? — спросила у него, прикидывая, как я это проверну.

Вернее, как именно стану все объяснять герцогу, когда тот вернется в столицу.

Навскидку у меня получалось так себе, но очень скоро стало еще хуже, потому что одной встречей Жиль решил не ограничиваться. Все оказалось значительно сложнее — в этой игре были высоки не только призы, но и ставки.

— Я хочу, чтобы моего брата Этьена деСоля незамедлительно выпустили из тюрьмы, сняв с него все обвинения. Кроме того, мне нужен документ, подтверждающий, что и с меня сняты все мои прошлые грехи и перед лицом правосудия Арондела я чист как слеза младенца. Не помешало бы такую бумагу и на всю оставшуюся жизнь, но я реалист...

— Не особо похоже! — пробормотала я, прикинув, что герцог вряд ли на такое согласится. Это... Это как-то слишком уж много! — Но что взамен получит корона? — спросила я у Жили. — Мне же нужно и им что-то предложить... Такое, что могло бы их заинтересовать. Не могу же я прийти и сказать милорду герцогу: «Немедленно освободите короля преступного мира и его брата, потому что они что-то знают о Желтой Смерти!».

— Справедливо! — усмехнулся Жиль. — С нашей стороны тоже будет подарок короне. Так сказать,

жест доброй воли. Мы сдадим им корабль, на котором со дня на день в Стенстед прибудет крупная партия Желтой Смерти, а после того, как отпустят моего брата и я получу нужный документ, я назову им имя того, кто за всем этим стоит.

— Выходит, ты уже знаешь?! — выдохнула я. — Знаешь, кто травит людей Арондела?!

— Начинаю догадываться, — отозвался Жиль. — Но мне нужно еще несколько дней, чтобы окончательно убедиться и собрать доказательства. Но уже сейчас я понимаю, какого масштаба это дело... И еще то, что ни я, ни все мои люди вместе взятые в одиночку с ним не справимся. Поэтому я готов сотрудничать с короной. Мы должны это остановить, потому что все зашло слишком далеко.

И я... Я, немного подумав, кивнула.

Жиль был прав, все зашло слишком далеко.

Вот и я тоже... Тоже зашла слишком далеко!

И Маклахан тоже.

А тот, кто привозит яд в столицу и травит народ Арондела бесплатно, обещая им мнимое наслаждение и тем самым собирая армию послушных рабов, — этот человек так и вовсе перешел все границы!

Если я могла хоть как-то это прекратить, мне нужно действовать решительно.

— Хорошо, — сказала я Жилю. — Да, мы договорились! Но герцог вернется в столицу только к завтрашнему вечеру, раньше мне никак с ним не поговорить.

Жиля вполне это устраивало.

— Мы сообщим, — произнес он, — название корабля. До этого в разговоре нет никакого смысла. Так что иди, дитя мое, и жди послания от Братства! Но уходи первая, и охрану свою уведи.

Штора снова заколыхалась, словно Жиль засобирався ее открыть и предстать передо мной, но я решила, что совершенно не хочу его видеть. Поэтому встала и спешно покинула исповедальню.

И магов своих увела, давая возможность главарю столичного Братства Голодных покинуть восточный неф незамеченным.

Глава 14

Следующий день был объявлен Днем Свиданий, и он считался нашим пятым испытанием. Король собирался лично встретиться с каждой из оставшихся на отборе девушек, чтобы уже вечером, хорошенько обдумав увиденное и услышанное, сделать свой очередной выбор.

Проснувшись утром, я долго смотрела в потолок, раздумывая о предстоящем дне. Вернее, сперва прочла несколько молитв, попросив Богов позаботиться об Олли, пока я далеко от брата, а затем уже принялась размышлять.

Думала о том, что вообще-то Брайн задолжал мне еще одно свидание, на которое пригласил уже давно, после происшествия в конюшне. Но, если честно, мне совершенно не хотелось идти ни на одно, ни на другое.

Но я собиралась, потому что до сих пор оставалась на отборе и надеялась на нем задержаться как минимум на один день.

Во-первых, из-за Олли и из-за нашего с дядей договора. Я чувствовала, что за последнее время серьезно продвинулась — если Братство мне поможет, то, глядишь, даже соберу доказательства причастности Маклахана.

Уж и не знаю к чему, но он явно к чему-то причастен!

К тому же мне обязательно нужно задержаться на отборе из-за нашей сделки с Жилем деСолем. Как мне поговорить с герцогом, если меня выставят из дворца, а Джеймс до этого времени еще не вернется в столицу? Где мне его искать, если я провалю свидание и меня попросят... гм... убраться из новых покоев в центральном крыле куда глаза глядят, а герцог прибудет в Стенстед завтра или послезавтра?

Как мне тогда спасти Арондел, в конце-то концов?!

Этого я не знала, поэтому решила вести себя с королем как можно приветливее, надеясь продержаться до следующего испытания. А там, глядишь, Джеймс вернется, а служанка, которая приносит мне завтрак, сообщит название корабля. Я передам это герцогу, на корабле найдут большую партию Желтой Смерти, Джеймс оценит старания Жили деСоля и согласится с ним встретиться.

Все пойдет на благо Арондела, мне хотелось так думать. Ну и на благо моего брата, как без этого.

А еще...

Лежа в кровати и таращась на полупрозрачный балдахин, я думала не только о нашем королевстве и маленьком Оливере. Мне хотелось надеяться, что нас с Джеймсом Стенвеем впереди ждало что-то несомненно прекрасное. Такое, от чего начинало колотиться сердце, а в груди сладко-сладко замирало.

Но при этом меня потряхивало от тревожных предчувствий. Потому что я ничего толком и не знала, могла лишь предполагать! Джеймс ведь так ничего мне и не сказал — лишь попросил не становиться королевой Арондела, пока он будет в отъезде.

Но я и не собиралась.

Вместо этого лежала и надеялась на то, что я ему небезразлична.

Тут в дверь постучали — оказалось, ко мне с привычным утренним визитом явилась леди Виторина, а я все еще валяюсь в кровати!.. Поэтому, подскочив, принялась спешно одеваться. Вскоре вышла к ней в гостиную, мы выпили по чашечке кофе, и... леди Виторина застала момент, когда мне принесли подарки.

Сперва от Джеймса.

Герцог слал мне удивительно-красивый цветок — в хрустальной вазе, окруженный магическим куполом. Я не представляла, что это за растение, да и леди Виторина тоже призналась, что никогда такого не видела.

Я долго рассматривала пышное соцветие с переплетением лепестков синего и голубого цвета, источавшее незнакомый мне сладкий аромат. К цветку шла записка, которую распорядительнице показывать я не стала, потому что она была слишком уж личная.

Джеймс писал, что снова думал обо мне всю ночь. Но обо мне несказанно приятно думать — я напоминаю ему этот самый экзотический цветок.

К тому же он слал мне книгу по механике — внутри были картинки с изображениями паровых двигателей всех форм и размеров — и еще бархатную коробочку, в которой обнаружилась пара чудесных золотых браслетов.

— Красиво! — примерив их, сказала я леди Виторине и неожиданно подумала, что строгая распорядительница почему-то куда больше одобряла подарки от Джеймса, чем от короля, которые, впрочем, тоже не замедлили принести.

Правитель Арондела слал мне роскошный букет, к которому прилагалась записка. Почерк был слишком уж каллиграфическим, и я подумала, что вряд ли ее написал сам король.

Мне желали чудесного дня и сообщали, что наше свидание состоится в четыре часа пополудни в беседке в яблоневом саду, расположенном в западной части сада. И еще — король надеялся, что мы чудесно проведем время.

В конце шла приписка — а вот ее, уверена, написал мне сам Брайн Стенвей! Почерк отличался, был угловатым и немного неряшливым. Король писал, что надеется увидеть меня в зеленом платье из числа последних присланных. Кроме того, к этому платью он распорядился отправить мне золотые украшения — серьги и ожерелье.

Их доставили вместе с письмом — настоящее сокровище, очень много золота!..

Внизу стояли размашистая королевская подпись и печать с драконьими крыльями.

— Ваше свидание последнее на сегодня, — сообщила мне леди Виторина. Затем, поджав губы, добавила: — Желаю приятно провести время!

Прощалась и ушла, а я осталась, разглядывая послание короля и думая о том, что так и не попросила у нее совета. Не узнала, стоит ли мне надевать то, в чем хотел увидеть меня Брайн, — пусть такое в столице и носили, но, на мой взгляд, платье было слишком вычурным, да и вырез казался мне почти на грани приличия.

Подозреваю, спроси я совета у Сестры Инноренции, она бы без колебаний заявила, что такое платье впору только занимающимся неугодной Богам торговлей своим телом девицам в порту Вильмы.

Но уже после того, как очнулась бы после обморока.

Или же надеть то, что нравилось мне?

Тут явились близнецы и тоже с подарками, так что раздумья насчет платья пришлось отложить. Принесли мне скелет голубя, заявив, что это от них двоих, и я растрогалась. Затем принцы попытались всучить мне стащенные у гувернера лорнет и часы, но я не взяла.

Вместо этого похвалила и пожурела их одновременно.

Похвалила за то, что они смогли это повернуть и не попались — наука Братства в действии! Но теперь нужно незаметно вернуть все на место — еще один урок, которым мы займемся как раз сегодня.

Но сперва хорошенько их отругала. Потому что брать чужое нельзя, заявила им. Новыми навыками нужно пользоваться не для развлечения, а только в тех случаях, когда это вопрос жизни и смерти.

Так и сказала, а еще и взяла с принцев клятву — слово Стенвеев! — что они будут строго следовать этому правилу.

Затем мы еще немного потренировались, после чего отправились в сад вместе с графиней Идасской и ее пуделями. Прошлись по дорожкам — мальчишки бегали наперегонки с собаками, а графиня развлекала меня рассказами о том, какой красавицей была моя мама.

Оказалось, графиня прекрасно ее помнила, и вся столица была у маминых ног. А еще графиня помнила, какой поднялся скандал, когда Флоренс Корнуэлл вышла замуж за моего отца, выбрав того, кого она полюбила всем сердцем, а не того, кого выбрали ей родители.

Я же рассказала графине, как прошло четвертое испытание. Пожилую даму тоже пригласили в собор, но брать собак в храм Богов не дозволено, поэтому она отказалась ехать без своих «деточек».

Именно тогда, не выдержав, я все же спросила у нее совета. Сказала, что не знаю, как мне вести себя на свидании с королем, и еще — что мне надеть.

На это графиня посоветовала мне быть самой собой. Именно так она, Лаура Тойволле, девушка без рода и племени, завоевала сердце своего мужа, одного из богатейших промышленников Арондела. Потому что с детских пор никогда не переступала через свое мнение и не шла на поводу у других.

Хотя ей порой бывало непросто.

Но именно так я смогу добиться внимания короля — если буду сама собой.

Поблагодарив графиню за ответ, я подумала, что внимание короля меня порядком тревожило и что на отборе я преследовала совсем другие цели.

Тут графиня засобиралась назад, в свои покои, сказав, что уже утомилась и ей пора вздремнуть. Сопровождать ее вызвались принцы, которых ждало занятие с гувернером, и я понадеялась, что они не стащат у графини что-нибудь из ее драгоценностей или же запасную вставную челюсть.

Сама же еще немного прогулялась по саду, встретив на одной из дорожек Тэль. И та сразу же вывалила на меня кучу новостей.

Рассказала, что Элиза сегодня отправилась на свидание первой. Тэль видела ее возле крыла невест — призналась мне, что подкарауливала, а потом еще и дождалась, когда принцесса вернется.

Так вот, Элиза пришла со своего свидания крайне довольная. Раскрасневшаяся, с горящим взглядом, и еще, кажется, губы у нее тоже были...

В общем, Тэль казалось, что Элиза целовалась с королем. Так она мне и сказала.

К тому же об этом свидетельствовало и то, что принцесса до сих пор в часовне — уже почти два часа, — где благодарит Богов за то...

— За что? — спросила я.

— Она в него влюблена, — возвестила Тэль. — Втрескалась по уши! Бедная Элиза...

На это я вздохнула украдкой, потому что давно об этом догадывалась. Но... бедная Элиза, потому что на отборе оставалась Бэсси Берналь! Тоже, наверное, должна была идти на свидание одной из первых, а она своего не упустит...

Но, как оказалось, сегодняшнего свидания у леди Берналь не состоится.

— Интересно, что бы ей могло помешать? — растерялась я, потому что по моим прикидкам выходило, что остановить Бэсси не в состоянии даже вся зарейнская армия. — Она же до сих пор на отборе, ее имя назвал архиепископ...

— На отборе, — согласилась Тэль, а затем усмехнулась: — Лежит себе влещку, вот что ей помешало! Ее горничные по секрету разболтали моим, что король даже отправил к ней своих лекарей. Говорят, — понизила голос, — кто-то подсыпал Бэсси рвотного зелья в еду, так что ей сегодня не до свидания. И знаешь, что я тебе скажу?!

Покачала головой, так как не знала.

— То, что я все-таки пойду и поставлю свечку за здоровье этого святого человека! — возвестила Тэль. — Кстати, ты случайно не в курсе, кто это сделал?

Но я снова покачала головой, потому что понятия не имела. Вскоре Тэль ушла — ставить свечки, — а я уставилась ей вслед, размышляя о том, кто же все-таки мог отравить Бэсси.

Но через пару часов узнала ответ на этот вопрос.

Правда, сперва я встретилась с Харриет, и мы долго гуляли по дорожкам, проговорив с ней, наверное, больше часа... Говорили бы и дольше, но за леди Рэнд явилась леди Виторина и погнала ее переодеваться на свидание с королем, потому что близилось назначенное Харриет время.

Но мы все же успели вдоль и поперек обсудить возможность моей учебы в Академии Магии Стенстеда.

Харриет принялась задавать вопросы, а потом попросила показать, что я умею, — в саду можно было пользоваться магией. Затем вынесла свой вердикт. Сказала мне, что если бы я подтянула другие предметы, то в магическом плане мои умения ничем не уступают их третьему курсу. К тому же я умею делать некоторые вещи, которые ей и не снились.

Так как отец в совете Лордов-Попечителей Академии, то она обязательно замолвит за меня словечко.

Неожиданно Харриет улыбнулась — у нее были яркие зеленые глаза и чудесная улыбка.

— Хотя... Зачем королеве Арондела учиться в Академии Магии? — заявила мне. — А к этому как раз

все и идет!

Но я покачала головой.

— Нет, — сказала ей уверенно, — я не стану королевой Арондела! До этого момента мне везло, но скоро все закончится. Есть куда более завидные невесты, чем я. — Она, например. — Но когда меня отпустят с отбора, я, конечно же... Вернее, мне бы очень хотелось поступить в Академию!

Хотя я понятия не имела, как все повернется после того как меня выставят из дворца.

К тому же я прекрасно отдавала себе отчет в том, что всего лишь неделю назад у меня ничего не было. Только больной брат и ни дукара за душой. Мы жили милостью дяди, и я справедливо опасалась за жизнь Олли.

Зато сейчас я осмелела до такой степени, что уже мечтаю об Академии!..

Погоди, Агата, сказала я себе. Не стоит гнать лошадей и не надо обнадеживаться раньше времени! Вместо этого мне не помешает быть внимательной и хорошенько обдумывать каждый свой шаг.

Посмотреть, чем все закончится на отборе.

Посмотреть, как у нас все пойдет с Джеймсом Стенвеем. Сбудутся ли мои мечты или же я вернусь на Хокк с разбитым сердцем.

Посмотреть, поможет ли мне Братство и приблизит ли меня оно к решению дядиной проблемы. К тому же криминальный мир довольно непредсказуем...

И уже очень скоро получила этому подтверждение. Потому что светловолосая служанка, которая принесла мне обед, на вопрос, не передавал ли что-нибудь Жиль, покачала головой. Зато, когда я шепотом спросила, не знает ли она, кто отравил Бэсси, кивнула.

Мои глаза округлились.

— Кто же это? — приглушенным голосом спросила я, потому что мои горничные ходили вокруг да около, вооруженные щетками, заколками и щипцами, хотя до свидания с королем еще оставалось около двух часов.

— Она сама себя и отравила, — пожала плечами девушка. — Вернее, Жиль сказал, что если кто-то из людей Бэсси Берналь снова попытается подкупить слуг, то отраву взять, но вместо вас, леди Корнуэлл, подсыпать ее леди Берналь.

— О, Святая Истония! — выдохнула я. — Неужели она опять взялась за старое?!

На мой приглушенный возглас служанка кивнула, заявив, что и поделом ей! Правда, жить леди Берналь все-таки будет, потому что на этот раз мне предназначалось всего лишь рвотное зелье. Наверное, не смогла достать нормальную отраву...

Зато во дворце настоящий праздник.

Слуги ненавидят леди Берналь, потому что она бьет своих горничных за малейшую провинность — если увидит складку на своем платье или же из прически выбьется локон. Или просто потому, что у нее плохое настроение.

Затем девушка ушла, а я понадеялась, что мои служанки испытывают ко мне совсем другие чувства. И вскоре получила этому подтверждение, потому что Майя как бы невзначай попросила не забывать о них, когда я стану королевой Арондела или женой герцога Раткрафта.

Кто как не они смогут сделать мне лучшую прическу или же подготовить платье на выход — я выбрала светлое, а вовсе не зеленое, в котором пожелал меня видеть король, — и подобрать к нему украшения?

И я, подозреваю, покраснев, сказала им, что ничего еще не решено. Вернее, я вообще ничего не знаю! Но если желаемое сбудется, то обязательно возьму их с собой.

Признаюсь, говоря это, я думала вовсе не о короле, на свидание с которым собиралась... И вскоре на него и пришла, сопровождаемая молчаливой леди Виториной.

Брайн меня уже поджидал — в светлом наряде король выглядел сокрушительно-мужественным. Впрочем, в белоснежную беседку со стенами из резного мрамора он меня не повел. Вместо этого предложил устроиться в тени раскидистой яблони, на ветвях которой уже стали появляться первые цветы.

И я сказала Брайну, что это чудо из чудес.

На это король улыбнулся и помог усесться на разложенном одеяле, на котором уже стояло несколько корзин, приготовленных для нашего пикника.

Правда, ничего доставать из них не пришлось, потому что тарелки и бокалы были уже расставлены, а еда разложена заранее. Увидела я лимонад в графине и вино в открытых бутылках; на меня пахло свежей выпечкой, а на фарфоровых блюдах лежали тонкие ломтики сыра, ветчины и морепродуктов...

Много всего — причем названия некоторых деликатесов я и знать не знала.

Тем временем король продолжал проявлять чудеса галантности. Поцеловал мне руку, не забыв сделать комплимент моему внешнему виду. Ничего не сказал насчет того, что я надела совсем другое платье, но все же похвалил подобранные к нему драгоценности — заслуга моих служанок. Среди украшений были и те, которые король прислал этим утром.

Затем кинул взгляд на браслет на моей руке — подарок Джеймса, — но, опять же, говорить ничего не стал.

Вместо этого спросил, не буду ли я против того, если мы проведем время здесь, в яблоневом саду, посаженном еще во времена правления его деда.

На это я снова сказала, что для Хокка это настоящее чудо. Наши яблони цветут только в середине лета и делают это быстро и по возможности незаметно. Словно смущаются из-за того факта, что вообще позволили себе зацвести, когда вокруг только камни и привыкшие выживать суровые люди.

Брайн рассмеялся.

Снова сделал мне комплимент, похвалив за непревзойденное чувство юмора, после чего добавил, что ему даже льстит, что я многого не знаю из чудес Арондела. Именно поэтому он хочет провести для меня небольшой экскурс, в конце которого меня будет поджидать сюрприз.

Сказав это, король потянулся к одной из корзин и выловил из нее шелковый темный платок. Оказалось, Брайн собирался завязать мне глаза.

Да-да, не одной же мне его удивлять!

Он завяжет мне глаза и станет кормить с рук, а мне нужно будет угадывать то, что окажется у меня во рту. Нет, бояться мне не стоит, это будет исключительно приятный гастрономический экскурс!

К тому же, если я все угадаю, меня будет ждать особенный приз. Но даже если я и ошибусь, то все равно получу свой приз. Правда, на этот раз утешительный.

И мне пришлось согласиться, хотя я чувствовала в происходящем какой-то подвох. Во взгляде Брайна было нечто такое, что заставляло меня порядком напрягаться.

Хотя, казалось бы, чего мне бояться?! Что он мог задумать?

Не станет же он меня травить! Да и зачем?..

Насмехаться ему надо мной тоже нет никакого резона — кто я для него, самая незавидная из его невест?! К тому же Брайн был подчеркнута мил с самого начала свидания и смотрел на меня с явным восхищением.

Поэтому, покорно кивнув, я закрыла глаза, позволив обвязать платок вокруг своей головы, и погрузилась в темноту.

— Вот так, — отозвался довольным голосом король. — Теперь я протяну вам бокал. Попробуйте, Агата! Пригубите...

Моей руки коснулось прохладное стекло, и я покорно обхватила тонкую ножку бокала. Поднесла ко рту, сделала маленький глоток. Внутри оказался лимонад, а вовсе не вино, на что я кивнула благодарно, заявив, что очень освежает.

Брайн взял у меня из рук бокал и сказал, что теперь мне стоит открыть рот. Судя по голосу, он улыбался. И тут же моих губ коснулось нечто прохладное, оказавшееся на вкус удивительно сочным.

Признаюсь, за три дня в столице я успела перепробовать многое, но понятия не имела, чем он только что меня угостил.

— Дыня из южных провинций Зарейна, — произнес король, когда я высказала одновременно свое восхищение и свое недоумение. — Их климат позволяет снимать урожай круглый год. Мы ввозим в Арондел дыни из Зарейна зимой и весной, когда на наших южных окраинах еще не вызрели собственные. Но я уверен, что до острова Хокк они вряд ли добирались.

На это я ему сказала, что дыни до нас не только не добирались, но даже не пробовали этого делать.

Затем моих губ коснулось мороженое, которым меня было не удивить. Наоборот, я поведала Брайну, что моя мама была настоящей мастерицей в приготовлении мороженого, потому что снега и холода в Вильме всегда хоть отбавляй. Правда, по ее словам, у северных коровок молоко не такое жирное, как в столице, но маме удавалось сделать из него восхитительные лакомства.

— Дворцовые повара нисколько не уступают ей в мастерстве, — тут же заверила я Брайна. — Возможно, даже во многом обгоняют!

На это король заявил, что теперь он хочет, чтобы я насладились тем, что, по его мнению, превосходило в мастерстве все, с чем я встречалась до этого момента.

Услышав странные нотки в его голосе — с оттенком легкого самодовольства, — я порядком напряглась, не понимая, к чему он ведет. Вернее, чем он собирается меня накормить.

Но в эту самую секунду к моим губам что-то прикоснулось.

И нет, это была вовсе не еда.

Это... Это были другие губы! Он пытался меня поцеловать — он, Брайн Стенвей, король Арондела! — и сделать это против моей воли.

Я растерялась всего лишь на пару мгновений — потому что не ожидала подобного. Но затем сорвала с глаз повязку, увидев перед собой лицо короля. Он прижимал меня к себе. Целовал жадно, пытаясь заставить открыть губы и ответить на его поцелуй.

Но я замотала головой, не собираясь ему поддаваться. Замычала протестующе, раздумывая, что будет, если я приложу короля Арондела магией. Но тут же отмела эту мысль — похоже, на нем был защитный амулет, блокировавший любые заклинания.

Или же мне его укусить — интересно, что тогда меня ждет, тюрьма или каторга?!

Решив не рисковать — мне еще Олли растить! — принялась его отталкивать. Боролась изо всех сил, хотя Брайн явно меня в них превосходил. Неожиданно король меня отпустил. Разжал руки и отстранился, но продолжал на меня смотреть с самоуверенным видом, словно был вполне доволен произошедшим.

— Разве вам не понравился сюрприз, леди Корнуэлл? — спросил он как ни в чем не бывало.

— Нисколько, ваше величество! — резво отодвинувшись, сказала ему.

Затем решила подняться и уйти. Ну что же, на этом наше свидание можно было считать завершенным — я не собиралась здесь оставаться, потому что говорить нам было больше не о чем. Если только спросить, зачем он так поступил.

Впрочем, король и сам ответил мне на незаданный вопрос:

— Вы несказанно притягательны, леди Корнуэлл! Признаюсь, я не смог удержаться от соблазна.

Сказал это, и его губы растянулись в довольной улыбке. Затем подхватил бокал — с вином, а не с лимонадом, — и отсалютовал кому-то, стоявшему... за моим плечом.

Внезапно я поняла, что именно ради того человека все и было затеяно! Ради него и было разыграно это представление! Потому что от нашего поцелуя не было никакого толка ни мне, ни Брайну Стенвею, а в его слова насчет соблазна я нисколько не поверила.

Терзаемая нехорошими предчувствиями, повернула голову, уставившись на дорожку, идущую вдоль яблоневого сада. Признаюсь, я думала, там будет кто-то из избранниц... Быть может, Элиза Визморская, которую Брайн почему-то решил помучить, словно ей не хватало Бэсси Берналь.

Или, быть может, Шейла.

Но все оказалось значительно хуже. Потому что на той дорожке стоял Джеймс Стенвей, герцог Раткрафт.

Стоял и смотрел на нас.

И у меня не осталось ни малейших сомнений в том, что Джеймс все видел. Видел, как я целовалась с Брайном, потому что король специально это подстроил!..

К тому же Джеймс стоял слишком далеко и, подозреваю, не смог разглядеть, что я сопротивлялась. Брайн держал меня крепко, не давая вырваться, а я... Я вовсе не попробовала приложить его магией и не укусила, малодушно подумав о брате и еще о том, что если уж гнев дяди мы с Олли как-нибудь переживем, то гнев короля не оставит нам никаких шансов.

Именно поэтому со стороны все должно было выглядеть как настоящий поцелуй. Причем по обоюдному согласию!..

В ту же секунду меня захлестнула волна отчаяния. Настолько сильная, что из груди вырвался вскрик, а к глазам прилипли слезы. Наплевать на короля, мне нисколько не хотелось, чтобы Джеймс понял меня неправильно, потому что я ни в чем не была виновата!

Мне этого нисколько не хотелось.

Вернее, я не хотела, чтобы все вышло именно так. И то, что было между нами с Джеймсом, закончилось здесь, на этом самом месте, из-за лжи его кузена! И еще из-за того, что я слишком поздно поняла, насколько сильно он мне дорог.

Подскочила на ноги, решив все ему объяснить. Все, от начала до конца, а потом... Потом — если он не сможет мне поверить — ну что же, его дело! Но это окончательно разобьет мне сердце, уже сейчас разрывавшееся на кусочки.

— Вынуждена вас оставить, ваше величество! — заявила я королю, после чего, не дожидаясь его разрешения — плакал мой отбор, но сейчас мне было наплевать! — кинулась к Джеймсу.

Только вот он не стал меня дожидаться — зашагал себе прочь по дорожке. Правда, Джеймс не учел того, что, если мне нужно, я могу бегать очень быстро. А мне было очень и очень нужно!

Зато я не учла, что он, вообще-то, Высший Маг и, если ему нужно, открыть портал для него — раз плюнуть.

Судя по всему, ему тоже было нужно, потому что он исчез в кольце пространственного перехода значительно раньше, чем я до него добежала.

На это я выдохнула растерянно, понимая, что мне его уже не догнать.

Он мог уйти... Вернее, Джеймс мог выйти где угодно и отправиться куда глаза глядят, а я и понятия не имела, куда они глядели! И еще я понятия не имела, как ему объяснить то, что я вовсе не собиралась целоваться с королем, потому что влюблена в другого.

То есть в него.

Мои поиски ничего не дали, хотя я подключила к ним леди Виторину, которой, давясь слезами, сообщила, что произошло ужасное недоразумение. Настолько ужасное, что я должна немедленно разыскать герцога Раткрафта и все-все ему объяснить!

Позже я попросила помощи еще и у близнецов, сказав им, что это как раз то самое дело жизни и смерти — моей жизни или моей смерти! — и мне нужно, чтобы они проявили все свои навыки.

Но, несмотря на наши старания, Джеймса Стенвея мы так и не нашли.

Его попросту не оказалось во дворце, и никто не знал, куда он отправился. А бегать, разыскивая его по городу, я не стала и близнецам не позволила. Мне хватило и того случая с самритом, поэтому я решила, что выходить за стены дворца нам не стоит.

Джеймс обязательно вернется, пообещала себе. Не будет же он вечно от меня прятаться — здесь его дом, в конце-то концов!

Решив, что и я тоже не буду бегать, выпучив глаза, по всему дворцу — а за мной ничего не понимающая охрана, — вернулась в свои покои. Попросила горничных раздобыть мне чернильницу, после чего села и... написала ему письмо, в котором изложила все, что произошло на свидании в яблоневом саду.

В самом конце добавила, что на отборе меня держат личные причины, но они ни в коем случае не связаны с Брайном Стенвеем. И если милорд герцог готов со мной разговаривать, я все обязательно ему расскажу.

И про дядю, и про брата.

Потому что я не хотела, не могла его потерять!..

Правда, письмо все же пришлось переписывать. Причем два раза, потому что на свиток постоянно капали слезы и чернила растекались, образуя мерзкие кляксы. Наконец, я кое-как успокоилась и переписала его в третий раз, но в куда менее истеричной манере.

Четко и по делу.

Выбросила половину из того, что было в первых попытках, оставив лишь то, что я целовалась с Брайном не по своей воле, и еще что нам обязательно нужно поговорить. Я буду рада, если он сможет выслушать мою версию произошедшего, встретившись со мной на балу этим вечером.

Запечатала письмо, поставив на него магическую ловушку. Решила, что открыть его будет под силу только Джеймсу, остальных же не в меру любопытных ожидает провал. После чего, попросив заглянувшего по моему зову лакея отнести мое послание герцогу Раткрафту, стала готовиться к вечернему балу — времени до него оставалось совсем ничего.

И уже очень скоро встревоженные горничные напали на меня с пудрой, заявив, что мои заплаканные глаза и красное лицо никуда не годятся!

На это я сказала им, что очередное платье, присланное королем, тоже... Тоже никуда не годится! Пусть в таком ходит леди Берналь, я не собираюсь расхаживать по дворцу полуголой!

Поэтому я надену то платье, в котором уже была на первом балу. И мне все равно, что обо мне подумают люди или что скажет, если сможет прийти в Тронный Зал, та самая Бэсси Берналь.

Да пусть говорят что угодно, мне-то какая разница! Я надену то, что мне подарил Джеймс.

О, Святая Истония, пусть он получит мое письмо и тоже придет на бал!..

Наконец, кое-как собралась и на этот раз явилась без опоздания. Наоборот, даже раньше времени, сбежав от своих старушек. Принялась выискивать Джеймса, но вместо него наткнулась на Элизу. Оказалось, она тоже пришла пораньше и уже очень скоро стала допытываться, что произошло.

Почему у меня такой бледный вид и красные глаза?

— Недоразумение, — сказала ей. — Случилось страшное недоразумение!

А затем подумала, что во дворце даже у деревьев и травы есть глаза и уши, и если еще и Элиза узнает о нашем поцелуе с Брайном...

Станет ли она смотреть на меня с такой добротой и сочувствием? Неужели я потеряю не только Джеймса, но и лучшую подругу?

— Расскажи мне, — попросила принцесса, но я лишь покачала головой.

— Что бы ты ни услышала, — сказала ей, — не верь! Прошу тебя, не верь никому! Меня нисколько не интересует, — все же всхлипнула, — Брайн Стенвей! Потому что я...

Не удержалась, и слезы все-таки потекли по присыпанному пудрой лицу, подозреваю, оставляя на нем глубокие борозды: косметики служанки не пожалели.

— Потому что ты любишь его двоюродного брата, а он без ума от тебя, — мягко произнесла Элиза. — Все об этом знают, Агата, и я тоже! Это видно даже невооруженным взглядом. Но неужели вы с Джеймсом поругались?

Покачала головой, кусая губы.

— Он стал свидетелем того самого страшного недоразумения, а я... О, Боги!.. Я не знаю, как ему все объяснить, потому что Джеймс не хочет меня слушать! Вернее, он не хочет меня слушать, потому что его нигде нет! Он просто-напросто от меня сбежал!

— Все обязательно утрясется, — так же мягко улыбнулась мне Элиза. — Вот увидишь, это недоразумение скоро разрешится, потому что Боги на стороне тех, кто чист душой. Они на твоей стороне, Агата!

Засобиравшись меня обнять, но оказалось, что король уже прибыл, а распорядитель потребовал у избранниц выстроиться в ряд перед тронным возвышением, добавив, что по причине своего легкого недомогания леди Берналь на оглашении результатов пятого испытания присутствовать не будет.

Эта новость вызвала у Элизы многозначительную улыбку.

— Вот видишь, — шепнула она мне, — все недоразумения разрешаются! Причем многие сами по себе.

Тут она ошибалась, потому что у недоразумения с Бэсси было имя. Можно сказать, она отравила себя сама, но по приказу Жилия деСоля — правда, я не спешила ставить принцессу в известность.

К тому же недоразумения продолжали набирать силу, потому что и на этом испытании первым снова прозвучало мое имя. На это я бросила жалобный взгляд на Элизу, но она лишь пожала плечами.

Я же, выйдя из строя, поклонилась королю.

На миг промелькнула мысль все это прекратить — здесь и сейчас!.. Но затем на ум пришли слова леди Виторины. Нет, я не могла уйти с отбора добровольно — таковы правила, и изменить их невозможно.

Меня мог отпустить только король.

Но выбор у меня все же будет, правда, лишь на последнем, финальном испытании, если Брайн предложит мне стать его женой и королевой Арондела. Именно тогда я буду вольна либо согласиться, либо отказаться.

Следующей из нашего ряда шагнула Элиза — ее имя Брайн назвал вторым. Третьей была принцесса Шейла, четвертой — Эстель Маклахан.

Король продолжал называть имена...

К моему удивлению, среди них не было Бэсси, и я втайне порадовалась тому факту, что леди Берналь обыграла саму себя. Но прекратила радоваться, потому что ее имя все-таки прозвучало.

Восьмым, как раз после Тэль.

На этом король замолчал. Выходило, пятое испытание не прошли принцесса Устеда и Лаура, подруга Бэсси Берналь. И я, снова поклонившись Брайну, стала дожидаться начала бала, поглядывая по сторонам в поисках герцога Раткрафта.

Но ни во время церемонии выбора, ни позже, в Бальном Зале, Джеймс так и не появился.

Джеймс Стенвей, герцог Раткрафт

С Брайном они встретились уже около полуночи, когда Джеймс вернулся во дворец, до этого вызванный в Канцелярию по не терпящему отлагательств делу, а его брат наконец-таки покинул незатихающее веселье в Бальном Зале.

Судя по его виду, король был вполне доволен прошедшим днем. Зато Джеймс такого про свой сказать не мог.

Проблемы нарастали, словно снежный ком. Прибыли со срочными докладами — сперва из Амстора, затем из Герты, — рапортовавшими о бунтах, и Джеймс, к своему недовольству, обнаружил, что дела там разворачивались ровно по такому же сценарию, что и в Сизе.

Только на этот раз все было значительно хуже.

Именно поэтому Джеймс созвал срочное совещание, понимая, что следующими на очереди будут стоять большие города. Злоумышленники попробуют «расшатать» уже их, а затем перекинутся на столицу. К тому же в Амсторе и Гертe подавить бунты силами местных жандармерий не удалось, и ему пришлось в спешном порядке отправлять туда подмогу из расквартированных поблизости гарнизонов.

И все это время, решая проблемы Арондела, он пытался выкинуть из головы увиденное. Своего кузена и Агату, целовавшихся в тени яблоневого сада.

Джеймс прекрасно понимал — хотя это и приводило его в бешенство, — что у двоюродного брата были все права на ту, которая оказалась ему настолько дорога.

Агата добровольно прибыла на королевский отбор. Значит, Брайн имел полное право ее целовать.

Агата же, в свою очередь, имела полное право ему отвечать, потому что была свободна и не связана никакими обязательствами.

Он даже про свои чувства не успел ей рассказать — все откладывал, дожидаясь нужного, вернее, того самого правильного момента. Думал утешить с размахом, когда кузен наконец-таки ее отпустит.

Но дела обернулись таким образом, что, вполне возможно, Брайн собирался презреть интересы Арондела и клятву, которую они дали друг другу в детстве, и выбрать себе в жены леди Корнуэлл.

Впрочем, Джеймс куда больше склонялся в мыслях к другому варианту. Королевой Арондела станет одна из принцесс — Визмора или Зарейна, что было бы вполне логичным шагом со стороны Брайна, а Агату — его Агату! — он сделает своей фавориткой, пойдя по пути их деда Теодора.

Правда, Джеймс серьезно сомневался в том, что Агата на такое согласится, но в груди словно засела острая игла. Вернее, даже не игла, а клинок из острейшей зарейнской стали, которым он ковырял каждый раз, стоило ему вспомнить увиденное.

Да, он попытался об этом не думать, отвлечься, с головой погрузиться в проблемы, и на какое-то время ему это удалось. Но проблемы все-таки закончились — по крайней мере, этим вечером Джеймс больше ничего не мог сделать на благо королевства, если только самому отправиться в Амстор, затронутый бунтом сильнее всего, и лично принять участие в его подавлении.

Но вместо этого, посчитав, что справятся и без него, он приказал возвращаться во дворец. Ехал в карете, поглядывая на спящий город — Джеймс так и не заметил, когда успела наступить ночь, — и размышлял о том, что обязательно должен с Агатой поговорить.

Поставить ее перед фактом. Если Брайн не отпустит ее и на следующем испытании, ей придется уйти с отбора во время финала. Потому что у нее есть только один способ быть счастливой — рядом с ним.

С первой же встречи ему стало ясно, что Агата предназначена ему — высшими силами или же судьбой, потому что в божественный пантеон Арондела Джеймс не слишком-то верил.

Он понял это довольно быстро. Да, немного посопротивлялся для порядка, но теперь с предельной четкостью осознавал, что Агата должна принадлежать ему. И по дороге Джеймс нашел множество неоспоримых доводов в свою пользу.

Но, как оказалось, поставить Агату перед фактом, перечислив все эти доводы, не получится, потому что она, в очередной раз названная первой на последнем испытании, уже покинула Бальный Зал. Отбыла восвояси, сославшись на плохое самочувствие.

Ей стало нехорошо, сообщили ему. Правда, не настолько плохо, как Бэсси Берналь...

На это Джеймс отмахнулся, заявив, что Бэсси выживет при любом раскладе, даже если в леди Берналь попадет зарейнское пушечное ядро. И лорд Сторас, выкладывавший ему последние новости, сдвоенно усмехнулся.

Но тут же добавил, что сегодня Агата Дорсетт выглядела очень бледной, это отметили многие. Открыла с королем бал, но в скором времени ушла в свои покои, сопровождаемая графиней Идасской, герцогиней Варден и десятком пуделей.

Услышав это, Джеймс поблагодарил лорда Стораса и решительным шагом отправился в центральное крыло. Хотел было переговорить с Агатой, но его к ней не пустили.

С приставленной охраной проблем не возникло — ему хватило недовольно качнуть головой, и они тут же расступились, — но тут на его пути встали горничные, заявив, что леди Корнуэлл плохо себя чувствует. Она давно уже легла спать и просила никого ее не беспокоить.

Поэтому не стоит ее беспокоить!

Но Джеймс сломил и их сопротивление, заявив, что кому как не ему — Высшему Магу — судить о самочувствии Агаты Дорсетт. И да, он желает осмотреть ее немедленно!

Но, миновав растерянных горничных, он столкнулся с куда более достойным противником. В Малой Гостиной в покоях Агаты он обнаружил двух пожилых дам, коротавших вечер за виски, вистом и вязанием шарфов своим правнукам.

Они-то и заявили ему, чтобы он убирался. Причем сейчас же!

Вернее, не лез не в свое дело, если у него нет серьезных намерений. И нет, ни о каком ночном осмотре не может идти и речи. Они не позволят запятнать репутацию леди Корнуэлл — и разбуженные пудели графини Идасской тут же ответили залившимся, недовольным твяканьем.

На это Джеймс смело заявил, что его намерения самые что ни на есть серьезные, хотя прекрасно понимал, что тем самым он подкинет дров в дьявольский костер. Вернее, даст почву для бесконечных дворцовых сплетен и слухов.

Зато узнал, что у Агаты всего лишь разболелась голова и этот самый осмотр ей нисколько не нужен.

Помощь тоже не нужна, потому что ее уже напичкали пилюлями и успокоительными настойками. Да так, что она стала засыпать еще в одежде.

Поэтому не стоит ее беспокоить! И вообще, где это видано, чтобы молодые люди в полночь навещали королевских избранниц?

Сказав это, старушки уставились на него глазами строгих судей, готовых вот-вот вынести ему самый строгий приговор. Но не успели — Джеймс спешно покинул «зал суда», не забыв пожелать графине и герцогине приятного вечера.

Ушел, размышляя, что стало причиной плохого самочувствия Агаты.

Быть может, ее мучают угрызения совести из-за того, что она целовалась не с ним? Или же — усмехнулся — ей настолько не понравилось целоваться с его кузеном, что леди Корнуэлл до сих пор не может прийти в себя от отвращения?

Тут-то Джеймс и столкнулся с Элизой. Принцесса Визмора, сопровождаемая лакеем, возвращалась в крыло невест, и они пересеклись на той самой лестнице, где он однажды уже подкарауливал Агату.

Обычно любезная принцесса, остановившись, смирив его холодным взглядом, после чего заявила, что ему не стоит так мучать ее подругу. Зачем он так жестоко с ней поступает? Неужели у него совершенно нет сердца?!

— Это еще с какой стороны посмотреть! — пробормотал Джеймс. — Она что-то обо мне говорила?

— Агата все изложила в своем письме, — заявила Элиза, — которое отправила вам еще несколько часов назад. Судя по всему, вы так и не удосужились его прочесть. Но как вы могли?!

На это он быстро поблагодарил принцессу и, развернувшись, зашагал в сторону своих покоев. Значит, Агата отправила ему письмо? Конечно же, он его не прочел, потому что сразу по возвращении во дворец отправился на ее поиски!

Немного повозившись с защитой на свитке — такую могла придумать только леди Корнуэлл, — он все-таки его развернул.

Какое-то время он размышлял над прочитанным, подавив инстинктивный порыв пойти и... разобраться со своим кузеном. Так, как они делали это в детстве, выясняя, кто прав, а кто виноват, после чего леди Виторина, обработав им ссадины, заставляла просить друг у друга прощения, а потом замаливать свою вину в часовне.

Затем подавил еще один порыв — пойти и все-таки разбудить Агату, презрев то, что в ее покоях устроились склочные старухи. Наплевать, что они об этом подумают, — серьезность его намерений удивляла даже его самого!

Но он никуда не пошел, справедливо рассудив, что с Агатой он поговорит обо всем завтра. Ей стоило выспаться — оставшихся на отборе девушек ожидал ранний подъем, потому что, сопровождаемые магами, они отправлялись в Арвийские Горы.

Шестое испытание по владению магией давно было решено провести в том самом месте, где, по преданиям, Святая Истония протянула Первому Стенвею Сердце Пламени, а затем, прощально махнув всем рукой, шагнула за Грань.

Ушла в другой мир.

Туда, куда до этого отправила драконов.

И Джеймс, порядком посмеиваясь над старыми преданиями, любил приговаривать, что это, на его взгляд, довольно-таки несправедливо. Драконов Истония могла и оставить здесь, но вместо этого всучила Стенвеям ненужный артефакт, провалявшийся без дела в сокровищнице Аронделов тысячу лет.

Неравноценный обмен — зачем этот камень вообще кому-то сдался?

Как оказалось, кому-то все-таки сдался.

Именно так — сухо и официально — заявил ему об этом Брайн, когда они все же встретились после бала.

Речи о радушной беседе не шло — Джеймс был холоден и резок, а король молчалив и отстранен. На вопрос Джеймса, что за демоны в него вселились и что это за новое поветрие во дворце — целовать девушек без позволения, — Брайн сухо ответил, что Агата прекрасно знает правила игры.

Она на его отборе и, пока он ее не отпустил, является его собственностью. Поэтому он волен целовать ее столько, сколько ему вздумается.

К тому же она его не отталкивала, с чего это Джеймс решил? Наоборот, вполне наслаждалась процессом.

— Зачем ты это делаешь? — поинтересовался он у двоюродного брата.

Мог бы уличить Брайна во лжи, предъявив ему письмо Агаты, на котором угадывались следы слез — чернила в некоторых местах расплылись. Но не стал. Решил, что это не относится к делу.

— Неужели из-за того, чтобы посильнее мне досадить? — добавил он.

— Досадить? — переспросил король, потянувшись за очередным бокалом, хотя Джеймс подозревал, что Брайн уже порядком навеселе.

— Или же ты пытаешься мне что-то доказать? — поинтересовался он. — Но что именно, Брайн? Да и зачем? Ты прекрасно знаешь, как я к ней отношусь, я никогда этого не скрывал. Как знаешь и то, что для меня все очень серьезно.

Король молчал.

— Хорошо, — сказал ему Джеймс. — Я пойду дальше и дам тебе еще один козырь против себя. Я собираюсь на ней жениться.

На этот раз тишина повисла на куда большее время.

Наконец, Брайн заговорил.

— Ты прекрасно понимаешь, что сможешь жениться на Агате Дорсетт только после того, как она уйдет с отбора, — заявил король холодно. Затем закрыл глаза, но, когда открыл их, взгляд Брайна потеплел. — Я помню, Джеймс, и о нашей старой клятве, и о том, что ты разглядел ее первым. К тому же я несколько раз обещал тебе ее отпустить. Но обстоятельства изменились...

— Интересно, что же могло их так сильно изменить? — саркастически поинтересовался у него герцог.

— Мне слишком много раз указывали на Агату Дорсетт, — отозвался Брайн. — Все, Джеймс, включая тебя самого! Но, признаюсь, по большому счету меня зацепил твой к ней интерес, и я захотел разобраться... Увидеть своими глазами и понять, что есть такого в леди Корнуэлл, что тебя так сильно задело. Узнать, не пропустил ли я чего-нибудь ненароком. Поэтому я решил к ней присмотреться повнимательнее.

— Выходит, тебя раззадорил мой собственный интерес?

Впрочем, давать прямого ответа на этот вопрос Брайн не спешил.

— Я увидел в ней то, что сперва и не заметил, — наконец, произнес он, — поэтому больше не собираюсь отдавать ее тебе без боя. Кроме того, тебе не мешает хорошенько присмотреться к...

— Обойдусь и без твоих советов! — резко оборвал его Джеймс. — В бой, Брайн, ты вступил не только со мной, но и с ней, а она не испытала от этого особого энтузиазма. Послушай меня, прекрати уже дурить! Отпусти ее!

— Зачем? — пожал кузен плечами, окинув его холодным взглядом.

— Хотя бы затем, что ты мне обещал.

На это король еще раз пожал плечами и потянулся к своему бокалу.

— Но раз это для тебя не довод, — усмехнулся Джеймс, — то хотя бы потому, что тем самым ты поступишь справедливо. Она тебе не нужна, Брайн! Не думаю, что у тебя есть серьезные намерения, а на другое Агата не согласится. К тому же этим ты сделаешь счастливыми двух людей.

— И несчастным одного, — парировал Брайн. — С чего ты решил, что у меня нет серьезных намерений? И еще: почему ты думаешь, что я не в состоянии сделать счастливой ту, которую выберу? — Не дождавшись ответа, продолжил: — Джеймс, пойми, я тоже не хочу ошибиться! Возможно, это не слишком справедливо по отношению к тебе, но Агата на моем отборе, и я буду действовать в собственных интересах.

— Интересно, в чем же заключается твой интерес? Жениться на одной из принцесс и обзавестись гаремом из любовниц, словно зарейнский шейх?

На это рот Брайна искривился, но он все же промолчал. Затем вскинул руку в примирительном жесте:

— Джеймс, не пори горячку! Послушай, я все-таки нашел выход из этой довольно... гм... затруднительной ситуации.

— И что же это за выход? Как ты предлагаешь нам поделить Агату Дорсетт?

Джеймсу казалось, что выход был только один: Брайн должен перестать дурить. Но кузен не собирался этого делать. Наоборот, его дурость только набирала обороты.

— Я приказал достать Сердце Пламени из сокровищницы, — сообщил ему король. — Мы возьмем его завтра в горы, и древний артефакт даст мне ответ. Подскажет, кто должен стать моей избранницей.

Джеймс склонил голову.

— И как же ты планируешь это проверить? — Затем все же не сдержался от издевки: — Что еще за бредовые мысли посетили твою голову? Расскажи сразу обо всех, мне не помешает об этом знать.

Но Брайн к его вопросу отнесся вполне спокойно, заявив, что он все уже решил и никаких возражений не принимает.

— По окончании испытания каждая из девушек ответит на мой вопрос. Если леди Корнуэлл влюблена в другого, — он уставился Джеймсу в глаза, — ну что же, камень не даст ей соврать, и я ее отпущу. На этот раз я клянусь, Джеймс!

— Клянешься? — усмехнулся герцог. — Где-то я уже это слышал... Может, напомнишь?

— Клянусь! — подтвердил Брайн. — Если хочешь, я даже готов поклясться на крови, как мы сделали с тобой в детстве. Что ты на это скажешь, брат мой?

На это Джеймс промолчал. Причем молчал он довольно долго, потому что понимал: пусть вся эта ситуация его порядком бесила, но другого выхода у него не было.

Только согласиться на то, что предлагал кузен.

При этом его порядком тревожила неоднозначная реакция Малого Сердца на присутствие Агаты Дорсетт. Он читал в отчетах о первом испытании и теперь размышлял о том, что если даже Малое Сердце рядом с Агатой необъяснимо сбоят, то Большое — так иногда называли Сердце Пламени — могло дать совершенно непредсказуемый ответ.

Попытался было объяснить это Брайну, но кузен продолжал упорствовать, заявив, что это единственное верное решение в их ситуации.

И Джеймсу ничего не оставалось, как только согласиться. Не похищать же Агату из-под носа у своего двоюродного брата? Это была бы крайняя мера, хотя он начинал подумывать и о такой.

— Я вот что на это скажу: тебе стоило отпустить ее еще на третьем испытании! — заявил он Брайну.

После чего, сухо попрощавшись, покинул кабинет.

Зашагал в сторону своих покоев, прислушиваясь к звукам музыки, все еще доносившимся из Бального Зала. Думал о том, что ему не помешает немного вздремнуть. В последние дни с этим не слишком-то складывалось.

Но Джеймса не оставляло ощущение тревоги. Чем дольше он размышлял о завтрашнем дне, тем сильнее оно нарастало. Агата, Сердце Пламени, Утес Святой Истории и Грань в Арвийских Горах — было в этой комбинации что-то такое...

Нечто крайне разрушительное!

Глава 15

Он поджидал меня возле мраморной лестницы, ведущей из центрального крыла в большой холл, в конце которого находились распахнутые двери в сад. Стоял — черная одежда, сосредоточенное лицо, темные волосы собраны в хвост, — и я, увидев его, почувствовала...

О, я многое почувствовала — меня захватила даже не волна, а целый шквал эмоций. Настолько сильный, что пришлось приложить усилие, чтобы устоять на ногах.

И я застыла, вцепившись в прохладный мрамор перил, проклиная противную слабость. А еще предательскую нерешительность, которая тут же принялась нашептывать на ухо, что мне стоит убежать. Вот так, развернуться и спрятаться от проблем в своей спальне. Прижать к себе «плакательную» подушку, в обнимку с которой я провела несколько часов, и продолжить страдать.

Потому что по непроницаемому лицу герцога невозможно было понять, дожидался ли он меня для того, чтобы покарать, заявив, что больше знать меня не хочет, или же Джеймс прочел мое письмо и теперь караулит возле лестницы, чтобы перед испытанием сообщить, что он не злится за увиденное.

Именно об этом я размышляла последние часы, проснувшись на рассвете. Думала, сможет ли он меня простить, хотя я ни в чем не была виновата.

Размышляла бы и дальше, но в дверь моей спальни постучали горничные. Оказалось, пришло время вставать и собираться на шестое испытание, которое должно было пройти вне стен Стенстеда. К тому же явившаяся с завтраком служанка напомнила, что у меня есть обязательства — не только глухое отчаяние, в которое я впала после вчерашнего свидания с королем.

Потому что она нашептала мне на ухо заветные слова.

— «Морская Звезда», — сообщила девушка. — Корабль Южного Торгового Союза Арондела. Прибудет в порт Стенстеда из Амроса, — это был один из крупных портовых городов Зарейна, — завтра ближе к закату.

Вот и все, что Жиль поручил мне передать, а больше ничего она не знала.

На это я кивнула. Потянулась к ложке, размышляя о том, как мне поговорить с Джеймсом, если с ним никак не поговорить — я понятия не имела, где его искать! Но тут горничные вспомнили, что герцог Раткрафт приходил навестить меня поздно вечером, но его не впустили.

Почему не впустили?

Потому что негоже благородным господам тревожить покой королевских избранниц на ночь глядя. Хорошо, хоть герцогиня Варден и графиня Идасская встали на стражу моей репутации и выставили герцога вон!

На это я мысленно застонала, но... ничего им не сказала.

Ну что же, Джеймс приходил меня навестить, но его выгнали вон. Это хороший знак. Или же плохой?!

Думала об этом все время, пока меня причесывали и помогали облачиться в ту самую подаренную Джеймсом вишневую амазонку. Размышляла, что мне обязательно нужно с ним поговорить. Уж не знаю, как это сделать, но наша беседа должна состояться до завтрашнего вечера. Потому что ему обязательно нужно услышать о «Морской Звезде», даже если мне придется покинуть дворец и оббегать в поисках его всю столицу!

Он должен узнать о тех, кто ввозит Желтую Смерть в Арондел. А еще всю правду о проклятом поцелуе с его кузеном!..

Все утро я молила Богов о том, чтобы Джеймс оказался во дворце и мне удалось бы с ним встретиться еще до отъезда в горы. И Они меня услышали — герцог поджидал меня возле лестницы, нетерпеливо расхаживая взад-вперед по мозаичному полу. И именно в этот момент, несмотря на то, что я так долго его ждала, на меня напала проклятая нерешительность.

Но я все же не сбежала, осталась.

Стояла, комкая от волнения кожаные перчатки, и молча смотрела, как он подходил. Но и Джеймс не спешил ничего мне говорить — все так же молча взял меня за руку и увлек вниз по лестнице. Завел куда-то вбок, к картине с суровым всадником и драконом над его головой, остановившись рядом с перилами, украшенными миниатюрными статуями главных Богов Арондела. После чего повернул к себе и уставился мне в глаза.

Впрочем, ему не нужно было ничего объяснять — мне и без слов стало понятно, что он собирался сделать. Потому что я хотела того же самого.

Потянулась к нему, потому что какие-либо слова в этот момент показались мне лишними. И уже в следующую секунду он обхватил меня за талию, прижимая к себе, словно каждая секунда вдали от меня была для него настоящим мучением.

Но я тоже обхватила его за шею и закрыла глаза, дожидаясь, когда он меня поцелует. Потому что каждая секунда вдали от него тоже была теми самыми муками...

Долго ждать не пришлось — в следующую секунду его губы накрыли мои.

...Это походило на жажду, которую невозможно утолить. Потому что с каждым новым глотком, с каждым следующим мгновением нашего поцелуя, когда его губы ласкали мои, а я смело касалась его в ответ, эта жажда становилась лишь сильнее.

Но мне хотелось, чтобы она длилась вечно. Как путник, припавший к живительному источнику после долгих блужданий по пустыне, я впитывала в себя новые, неведомые доселе ощущения.

Потому что наш первый поцелуй в театре сейчас казался мне лишь легким узнаванием, тогда как этот... Этот унес в мир, где было место лишь нам двоим.

Правда, разум все-таки восторжествовал над чувствами, вернув нас в реальность, хотя это произошло далеко не сразу. И не по моему решению — Джеймс отпустил меня первым. Вернее, прервал наш поцелуй, из-за чего я посмотрела на него совсем уж ошалелым взглядом, пытаюсь прийти в себя.

Но это оказалось непросто — мысли порядком путались, а каша в голове давно уже стала моим вторым «я». В этот момент мне хотелось лишь одного — бесконечно смотреть на его любимое лицо, наслаждаясь тем, что все разрешилось.

Джеймс больше на меня не злится. Он куда-то пропал; наоборот, он здесь, рядом, смотрит на меня, а в его глазах беснуется огонь, из-за которого попытавшийся было успокоиться мой собственный вспыхнул с новой силой.

— В твоём участии на отборе нет никакого смысла, — наконец, произнес он. Это были первые его слова после поцелуя. — Надеюсь, ты понимаешь, почему?

Кивнула, заявив, что понимаю.

— Если Брайн по очередной выдуманной им причине сегодня снова тебя не отпустит, тогда завтра ты уйдешь сама, во время финала. — Сказав это, Джеймс уставился на меня давящим, темным взглядом. — Надеюсь, ты тоже понимаешь причину? Но если у тебя все еще остались сомнения, я помогу тебе их развеять.

И с выразительным видом уставился на мои губы.

На это я кивнула, подумав, что не отказалась бы, чтобы он что-то там развеял, хотя никаких сомнений не было и в помине.

— И еще: так целоваться ты будешь только со мной, — добавил он. Затем сам себя поправил: — Вернее, впредь целоваться ты будешь только со мной.

Снова покивала, потому что ничего не имела против.

Открыла было рот, чтобы ему об этом сказать — у меня собралось много всего, о чем ему непременно нужно было сообщить! — как внезапно над нашими головами раздался стук каблучков.

Кто-то спускался по лестнице. Где-то на середине девушка замерла и... посмотрела на нас сверху вниз. Я тоже подняла голову. Оказалось, это была Тэль.

Впрочем, она тут же округлила глаза, быстро поздоровалась и поспешила себе дальше.

За ней по лестнице с высокомерным видом прошествовала Бэсси в вызывающе-алой амазонке, словно леди Берналь собиралась отправиться в горы и лично бросить вызов всем Богам Арондела в битве за сердце Брайна Стенвея. Окинула нас насмешливым взглядом, а потом фыркнула настолько презрительно, что мне захотелось поинтересоваться, все ли у нее в порядке со здоровьем.

Потому что такие взгляды могут вызвать очередные желудочные колики.

Но Джеймсу было привычно все равно, что увидят или же что о нас подумают остальные.

— Агата, это важно! — начал он после того, как сообщил, что очень сильно скучал и ему жаль, что вчера днем он был вынужден срочно покинуть дворец. И эта ночь, как и вчерашний день, тянулись для него бесконечно. — На испытание в горы везут Сердце Пламени.

— Знаю, — отозвалась я. — Леди Виторина мне об этом уже рассказала.

— Я пытался отговорить Брайна от этой затеи, но он, как всегда, оказался упрям, как баран.

Я с трудом удержалась от смешка — Джеймс запросто говорил такое о короле Арондела!..

— Поэтому я прошу тебя — будь осторожной! — добавил он.

— Разве мне что-то угрожает? — удивилась я. — Наоборот, это несказанно редкая возможность и удивительный шанс — увидеть древний артефакт своими глазами. Он пролежал в сокровищнице почти тысячу лет, а теперь я смогу на него посмотреть вблизи, да еще и на утесе, где его сотворила сама Святая Истония!.. О, а нам дадут к нему прикоснуться?

Джеймс покачал головой.

— Не думаю, что это будет разумно. К тому же артефакт везут в горы вовсе не для того, чтобы выставить его напоказ. Брайн собирается каждой из вас задать по вопросу, на которой вам придется ответить предельно честно. — Тут он поморщился, после чего признался: — Артефакторика никогда не была моим любимым предметом, но я подозреваю, что близость к Сердцу Пламени не даст соврать.

На это я пожала плечами, заявив ему, что готова ответить на любой вопрос короля абсолютно честно. Мне нечего скрывать.

Но почему Джеймс об этом так печется?

На это он произнес, что признания не являются его любимым времяпрепровождением, поэтому ему стоит потренироваться, чем он сейчас и собирается заняться. Будет тренироваться, а потом повторит, но в куда более подходящей обстановке.

Услышав это, я окинула взглядом мозаичный пол и убегающие вверх белоснежные мраморные перила, украшенные статуэтками, после чего заявила, что это отличное место. Так в чем же он собирается мне признаваться?

Оказалось, с первой же нашей встречи я произвела на него столь сильное впечатление, что Джеймс хотел бы, чтобы я производила его и дальше.

Всю оставшуюся жизнь.

И мне стоит это учесть, когда стану отвечать на вопросы его кузена.

Я застыла с открытым ртом, но Джеймс тут же сменил тему, заявив, что мы поговорим обо всем позже, когда я покину отбор.

К тому же он тоже скоро меня покинет. Нет, на этот раз ненадолго — Джеймс собирался проследить за тем, чтобы испытание на Утесе Святой Истонии прошло без происшествий. Его будут проводить на высоте более трех тысяч метров, поэтому он уже распорядился, чтобы мне принесли плащ потеплее.

Так вот, склон практически отвесный, и единственный безопасный способ туда добраться — это идти порталами. Да, дорога тоже существует, хотя она больше похожа на облагороженную тропу, которую проложили паломники. В течение столетий эту самую тропу несколько раз расширяли — в некоторых местах даже пришлось вгрызаться в гору, — а через самые опасные места перекинули навесные мосты.

Но дорога на Утес все равно забирает несколько дюжин жизней каждый год, потому что она небезопасна. Особенно сегодня, после прошедшего ночью дождя, везде должно быть скользко.

Поэтому часть пути мы сделаем верхом — как раз до перевала Гурназ, — а самый опасный участок тропы пройдем с помощью порталов. Но так как он привык доверять только самому себе, то собирается проконтролировать все лично.

Сказав это, он посмотрел мне в глаза.

— Ты хоть представляешь, — спросил у меня, — насколько ты мне дорога?

И я, собиравшаяся рассказать ему про «Морскую Звезду» и Жилия деСоля, внезапно поняла, что сейчас этому совсем не время.

Я сделаю это позже, сказала себе. Корабль прибудет завтра вечером, у меня полным-полно времени.

Мы вернемся во дворец после испытания, и я с Джеймсом поговорю — потому что мне нужно спокойное место, чтобы все-все ему объяснить, — а по лестнице все время кто-то ходит. Вот, спустилась принцесса Элиза, посмотрела на нас с улыбкой и пошла себе дальше.

Сейчас куда важнее ответить, что я понимаю.

Что он тоже... Тоже несказанно мне дорог!

И я ответила. А потом, как оказалось, у нас вполне хватает времени для еще одного поцелуя, и разгуливающие по лестнице люди несколько этому не помеха.

Это я прочла в его глазах, и сама к нему потянулась. Но на этот раз поцелуй вышел совсем другим — куда более требовательным и страстным.

Уже скоро он заставил меня раскрыть рот, а потом его язык скользнул внутрь, лаская мой, вызывая во мне бурю новых, самых разнообразных эмоций, складывавшихся в одну...

В острое и непереносимо-сильное желание, сладкой болью пронзившее все мое существо.

Это ощущение оказалось настолько всеобъемлющим, что я покачнулась на ослабевших ногах и, чтобы не упасть, вцепилась в камзол Джеймса. Он меня удержал, а позже, когда разжал свои объятия, я уставилась на него с расширенными глазами.

Мне казалось, что он и сам едва не утратил привычного самообладания.

Но он все же его не утратил.

— Со свадьбой придется поторопиться, — заявил мне. — Иначе дела принимают довольно мучительный оборот!

Дворец мы покинули только через час из-за затянувшихся сборов, ожидания опоздавших — нет, не меня, я-то как раз явилась вовремя, — многократных проверок лошадей и сопровождающих нас повозок с провизией, так как возвращение в Стенстед планировалось только к вечеру.

Мельком видела короля — Брайн подходил поздороваться и пожелать нам хорошего пути, заявив, что поговорит с каждой, но уже на Утесе Святой Истони. Джеймса тоже видела и тоже мельком, когда он отъезжал от дворца с группой магов. Они отправлялись в горы раньше остальных, чтобы проверить дорогу и установить порталы.

Наконец, все-таки собрались — и разноцветная кавалькада в сопровождении целого отряда гвардейцев, десятка слуг и нескольких повозок с провизией покинула дворец.

Долгое время я ехала рядом с Элизой где-то в середине колонны. Мне хотелось поговорить с Тэль — да-да, расспросить у нее о «Морской Звезде», потому что я краем уха слышала, что ее отец как раз занимался морскими перевозками. Но в суете сборов пообщаться с ней не удалось, а по дороге у Тэль нашлось чем заняться.

Дирк Хатрейз, оказавшийся среди наших сопровождающих, уже успел утешиться после моего отказа и нашел новый объект своего интереса. Ехал рядом с леди Найд, о чем-то рассказывая ей проникновенным голосом, и Тэль заворуженно ему внимала.

Что именно вещал королевский маг, мне не было слышно, но я несколько не сомневалась в том, что Хатрейз говорил о своем небывалом карьерном росте и планах на будущее, в которые, несомненно, входила женитьба на титуле.

Вернее, на девушке с титулом.

Потому что он умел ставить ясные цели и шел к ним напролом. Не получилось со мной — передохнул немного и снова ринулся в бой. Только на этот раз новая «цель» выглядела куда более заинтересованной.

На это я, украдкой вздохнув, отвернулась. Подумала, что Тэль уже взрослая и разберется во всем сама. К тому же разве Дирк Хатрейз плохая партия?

Вполне отличная, но не для меня. Быть может, для нее будет в самый раз?

Этого я не знала, но решила не вмешиваться. Повернулась к Элизе, и мы всесторонне обсудили наше примирение с герцогом Раткрафтом, а затем я честно призналась принцессе, что не знаю, как поступить.

Мое сердце отдано Джеймсу Стенвею, в этом у меня нет ни малейших сомнений. Тогда стоит ли мне показывать свои магические умения на шестом испытании? Быть может, сделать все, чтобы его провалить?

Про дядю и наш с ним договор рассказывать Элизе я не стала, но меня не оставляло ощущение, что очень скоро все разрешится и без моего участия на отборе.

Братство идет по следу Маклахана, и, если мне удастся договориться о встрече, они передадут мне досье. Если граф нагрешил в прошлом — так сильно, что его грехи протянулись и в настоящее, — у него не будет шансов избежать наказания.

К тому же слова Джеймса вселяли в меня надежду в наше с ним счастливое будущее. Если он не захочет со мной расставаться — я тоже этого не хотела — и даже заговорил о свадьбе — которую я хотела, и еще как! — неужели он не поможет моему маленькому брату?

— Нет же, Агата! — покачала головой Элиза. — Даже и не вздумай этого делать! Не стоит искушать судьбу... На Святом Утесе мы будем слишком близко к Богам, и Они сразу же почувствуют твою ложь. Зачем тебе брать грех на душу? К тому же сама Святая Истония станет глядеть на нас сверху вниз — это принцесса произнесла благоговейным шепотом, — поэтому нам стоит быть искренними в своих помыслах и деяниях.

На это я поблагодарила ее за совет, решив, что не стану ничего утаивать. Покажу Брайну, что умею в магическом плане, а потом искренне признаюсь в том, что мое сердце несвободно. В нем нет места для короля Арондела, потому что оно отдано его двоюродному брату — и пусть Боги и древний артефакт будут мне свидетелями!

Тогда Брайну не будет никакого смысла оставлять меня на отборе.

— О, Агата! — неожиданно выдохнула Элиза. Этим утром, с горящими от предвкушения глазами, одетая в приглушенно-бордового цвета амазонку, она была чудо как хороша. — Я о таком и помечтать не смела, когда ехала в Арондел! Не могла поверить...

— Во что? — спросила у нее, хотя уже догадывалась, в чем Элиза собиралась мне признаться.

— В то, что я полюблю вашего короля всем сердцем, смогу побывать на Святом Утесе и увидеть древний артефакт своими глазами!

На это я сказала ей, что испытываю похожие чувства. Нет, не к нашему королю — пусть она забирает его себе! — но у меня нет никаких сомнений в том, что я люблю Джеймса Стенвея. И еще, что я наконец-таки своими глазами узрю Сердце Пламени, о котором так много была наслышана.

Затем про себя добавила, что там, на утесе, я буду искренней в своих деяниях и помыслах, а потом, когда мы вернемся во дворец, обо всем расскажу герцогу.

...Например, о «Морской Звезде», везущей свой смертоносный груз из Зарейна. И еще о том, что ему не придется искать связь между Желтой Смертью и графом Маклаханом, потому что я ее уже нашла.

Узнала об этом от раскрасневшейся Тэль, которую Хатрейз наконец-таки оставил в покое, и мне удалось с ней поговорить. Она-то мне и рассказала, что в учредителях Южного Торгового Союза Арондела как раз ходил тот самый граф Маклахан.

Да, она много раз слышала о нем от отца — тот сетовал на недобросовестных конкурентов.

Почему недобросовестных? Потому что Маклахан слишком высоко забрался — слишком близко к трону, — и у него полным-полно «прикормленных» людей в Стенстеде, из-за чего граф чувствует себя в столице как рыба в воде. Так, словно город давно уже принадлежит ему, поэтому он может творить что угодно.

И еще, что у графа много доверенных людей в порту. Они-то и закрывают глаза на все его грязные дела. Вернее, их глаза придавливают отсыпанные Маклаханом денежные купюры — так любил приговаривать отец Тэль, — поэтому и в порту он чувствует себя, как в своей вотчине.

Правда, ничего внятного о грязных делах Маклахана Тэль рассказать мне не смогла, но я и так уже обо всем догадалась.

Если Желтую Смерть ввозили в Арондел кораблями Южного Торгового Союза, то связи Маклахана помогали миновать проверки в порту. Вернее, таможня закрывала глаза, придавленная крупными взятками.

Именно так наркотик беспрепятственно попадал в Стенстед, а потом уже расползался по всему

королевству. Вот, даже до Хокка добрался.

Но у меня все еще не было доказательств. Никаких.

Одно лишь название — «Морская Звезда». И время — завтра ближе к закату.

Покачиваясь в седле, я принялась вспоминать наш разговор с Жилем. У него тоже еще не было доказательств, да и имени он мне не назвал. Заюлил, сказав, что ему нужно время, чтобы окончательно во всем убедиться. Но, быть может, речь как раз шла о Маклахане?!

Этого я не знала, но пока что у меня все складывалось.

И я решила, что разговор Джеймса и Жилия пойдет всем только на пользу — и Аронделу, и Братству Голодных, и, что уж тут душой кривить, я тоже не останусь внакладе.

Но, как оказалось, по дороге нашлось время для еще одного разговора.

— Агата... Агата Дорсетт! — услышала я чей-то голос.

Обернувшись, увидела приближающегося к нам мужчину средних лет. Он восседал на рыжей низкорослой лошадке с косматой гривой. В этот момент мы с Элизой и Тэль как раз подъезжали к воротам на выезде из города, но стража, до этого старательно отгонявшая прохожих, заставляя кареты и всадников сворачивать в сторону, уступая дорогу королевскому выезду, пропустила этого человека без вопросов.

Лет мужчине было за пятьдесят, седые волосы торчали из-под темной вязаной шапочки, закрывавшей его лысину.

Лысину, которую я видела собственными глазами шесть лет назад!..

Одет он был в несуразного вида камзол и мешковатые штаны, на глазах очки — новомодное средство от близорукости, хотя, как по мне, он отлично мог бы все исправить магией.

Потому что был магом — от него шли сильнейшие вибрации.

Но я уже знала, что такие мелочи его мало волновали.

Потому что вспомнила.

Это был магистр Стенли Уффорд — один из известнейших ученых-энтомологов и ботаников Арондела. Однажды он приезжал на Хокк по исследовательским делам, и я была среди тех, кто разыскивал для него редкие виды растений и ловил северных бабочек в Черных Скалах.

Произошло это как раз в первые месяцы после нашего с Олли попадания в приют. То время далось мне тяжело, и я была рада возможности вырваться из стен монастыря, куда больше походившего на тюрьму. Так же, как я была рада историям о Гранях, которые магистр Уффорд рассказывал нам у костра, когда мы ели сложенную нам Сестрами в дорогу еду.

И вот теперь мы снова встретились — здесь, в столице, по дороге на шестое испытание королевского отбора. Но меня удивило не только это — выходило, магистр Уффорд знал мое имя, что, по мне, было довольно странным.

Неужели я настолько сильно запала ему в память после двух дней, проведенных в Черных Скалах, и он сразу же меня вспомнил? Но ведь я всегда молчала, слушая его рассказы о Гранях! Не вставила ни словечка, хотя мне было что ему добавить или же возразить. К тому же, подозреваю, за последние шесть лет я порядком изменилась.

Но он все равно меня узнал.

Вспомнила и я — зато магистр ничуть не изменился, если только натянул на лысеющий затылок смешную шапку и обзавелся очками.

— Магистр Уффорд, — отозвалась я. — Какая неожиданная встреча!

— Оставляю вас, — улыбнулась мне Элиза, после чего учтиво поклонилась ученому.

Отъехала в сторону и Тэль с собой забрала. Впрочем, могла и не забирать — подруга вряд ли бы стала помехой нашему разговору, потому что ехала, погруженная в свои мысли, с мечтательным видом поглядывая в сторону Хатрейза.

Но девушки меня покинули, и я осталась один на один с напоминанием о своем прошлом.

Вернее, вокруг нас были люди — где-то далеко впереди ехал король, за ним следовала разноцветная вереница избранниц, магов и гвардейцев. Джеймс, скорее всего, давно уже был в горах и делал все, чтобы обезопасить своего кузена и его избранниц, в число которых входила и я.

Мне же почему-то стало очень одиноко.

— Как вы меня узнали? — спросила я у магистра Уффорда, когда тот поравнялся со мной и наши лошади зашагали бок о бок.

— Разве я мог не узнать дочь своего старого друга? — заявил он, на что я порядком удивилась.

— Когда мы виделись с вами на Хокке, вы ничего мне не говорили, — напомнила ему. — Не было ни слова, ни единого намека на то, что вы были знакомы с моим папой!

— Не захотел беречь ваши раны, — отозвался он уклончиво. — Спрашивал о вас, Агата, у Сестер в приюте, и они посоветовали не напоминать вам о родителях. Сказали, что вы с братом тяжело переносите свою утрату.

— Было бы странно, если бы мы переносили ее легко, — пожалала я плечами. Затем вздохнула, потому что эта боль все еще была со мной. Пряталась где-то внутри, лишь немного притупившись со временем. — Но что вы здесь делаете, магистр? С какой целью к нам присоединились? — Тут я не удержалась от улыбки, потому что в голову пришла донельзя странная мысль: — Неужели мы снова будем ловить бабочек? О, быть может, в этом и заключается пятое испытание? Кому нужна эта магия — кто больше всех наловит жуков и бабочек, тот и пройдет в финал королевского отбора!

Улыбка все же тронула узкие губы магистра.

— К величайшему моему сожалению, бабочек вам сегодня ловить не придется. Меня пригласили на испытание как консультанта по Граням. Подняли с кровати ни свет ни заря по приказу герцога Раткрафта. В обязанности мне вменяется проследить, чтобы все прошло гладко и без инцидентов.

— Затрудняюсь даже предположить, с какими... гм... инцидентами мы можем столкнуться, — искренне удивилась я. — Артефакт оставался стабильным целое тысячелетие, и вряд ли какая-либо сила способна вывести его из покоя именно сегодня. К тому же близость к Грани нисколько не влияет на эту самую стабильность.

Уффорд склонил голову, слушая меня с явным интересом. Я же продолжала:

— С этой стороны нам вряд ли что-то может угрожать. Неужели кто-то может на нас напасть? Сомневаюсь — Арвийские Горы совершенно неприступны... Что же касается самой Грани, она тоже не представляет никакой угрозы, потому что открыть ее не под силу ни одному из ныне здравствующих магов. Вернее, если кто и мог это сделать, им был мой отец.

На это магистр Уффорд покивал, заявив, что согласен с каждым моим словом, но он не смог отказать герцогу Раткрафту: сегодняшнее приглашение прозвучало как приказ.

А затем почему-то добавил:

— Вы правы, Агата! Из ныне здравствующих магов открыть Грань под силу только вашему отцу.

Это замечание показалось мне немного странным — потому что папа давно уже умер, — но так как сам магистр Уффорд был доволен... гм... оригинален, то я решила не брать его слова в голову.

Тут он произнес:

— Подозреваю, милорд герцог все же опасается, что из-за близости к Грани Сердце Пламени может проявить некую активность.

На эту тему я могла дискутировать долго и развернуто, но сейчас лишь покачала головой.

— С чего бы артефакту это делать? Пусть Сердце Пламени и создала Святая Истония на самом утесе, куда мы отправляемся, без Нее камень не работает.

Магистр Уффорд почему-то улыбнулся.

— Думаю, герцог Раткрафт читал ранние работы вашего отца. В них Норман Дорсетт утверждал, что именно Сердце Пламени способно убрать Грани, так как в артефакте заключена сила, их и породившая. Поэтому было бы логично предположить...

На это я покивала, потому что Уффорд принялся цитировать выкладки из папиных книг.

— Я тоже читала папины работы, — сказала ему. — Вернее, пыталась, но, признаюсь, в то время

была еще слишком мала, так что я мало поняла из прочитанного. Зато папа многое мне рассказывал. Например, что в своих первых книгах по Магии Граней он допустил существенные ошибки. И что его выкладки были лишь теоретическими, потому что, как вы понимаете, проверить их не было никакой возможности. Отец никогда не держал Сердце Пламени в руках — кто бы ему позволил?! Правда, позже папа стал полагать, что Сердце Пламени откликается только на магию, подобную той, которой обладала Святая Истония, и что лишь носитель созвучной магии может его активировать. Для остальных артефакт не представляет никакого интереса. Если только одно из его свойств...

— Он действует как детектор лжи, — кивнул Уффорд.

— Да, именно так! — согласилась я. Затем добавила: — Выходит, его могут использовать лишь дальние потомки Святой Истонии, только вот незадача — детей у Нее не было, потому что Она выбрала совсем другой путь.

Какое-то время мы ехали молча, после чего магистр Уффорд признался, что не так давно он был допущен в королевскую библиотеку и нашел в хрониках Стенвеев записи о попытках открыть или убрать Грани с помощью Сердца Пламени.

Король Теодор, дед Брайна, допустил своих магов в сокровищницу. Те пытались, но их усилия не увенчались успехом. Правда, чтобы не смущать ученые умы, эти эксперименты были строго засекречены.

— Ах вот как! — выдохнула я.

Уффорд вновь покивал.

— Да, Агата, у них ничего не вышло. Сердце Пламени, несмотря на все попытки, так и осталось в нейтральном состоянии, и Грани до сих пор стоят. Зато Норману Дорсетту удалось это сделать и без артефакта. Он был первым магом в истории Арондела — со времен Святой Истонии, — кто распахнул Грань.

— Какую еще Грань? — нахмурилась я. — О чем вы говорите?

— О той самой Грани, которая проходит в полусотне километров от острова Хокк, — как ни в чем не бывало отозвался Уффорд.

— Нет же, — заявила ему. — Ничего подобного не было! Как раз наоборот, у папы ничего не вышло! Он много раз пытался — я сама об этом от него слышала, но отец никогда...

— Ваш отец открыл Грань, Агата! — перебил меня Уффорд. — Это произошло примерно за три месяца до его исчезновения.

Я снова нахмурилась. Какого еще исчезновения, о чем он вообще говорит?! Папа погиб — пусть Уффорд называет все своими именами!

Но магистр не собирался.

— Когда это свершилось — а это величайшее открытие в истории не только Арондела, но и всего мира! — ваш отец отправил письмо в Магическую Коллегию, дав краткое описание своего эксперимента. При этом он упомянул, что оставил детальные записи в своих тетрадях на Хокке. Через короткое время после этого ваш отец пропал без вести.

— Он погиб, — заявила я мрачно, совершенно не собираясь ему верить.

И эта глупая надежда, всколыхнувшаяся у меня в груди, — она совершенно мне ни к чему! Не стоит обольщаться раньше времени, потому что потом будет еще более разочаровываться.

— Да, папа часто уходил в море и брал с собой помощника, мистера Хачкинсона, — произнесла я. — Нанимал его на деньги, которые зарабатывал частным преподаванием и лечением, потому что у него не было своей практики. Ему отказали в лицензии после того самого суда в Стенстеде!

— Мне жаль, — отозвался Уффорд.

Я же, пожав плечами, продолжала.

— Да, неподалеку от Хокка проходит Грань, все об этом знают. Именно к ней папа частенько отправлялся и ставил там свои эксперименты. Уходил в море на несколько дней, а потом, когда возвращался, неделями безвылазно работал в своем кабинете. — Или же играл со мной в шахматы, потому что, по его словам, это помогало ему думать. — Но однажды он уплыл и уже не вернулся...

Их накрыл страшный шторм. Через несколько дней после исчезновения волны выкинули на берег

остатки шлюпа, а на другой стороне острова нашли тело мистера Хачкинсона.

Но отца мы так и не обнаружили. Прождали три мучительных недели, все еще надеясь, что его подобрало одно из торговых судов. Но надежды не оправдались. Он так и не дал о себе знать, и Нормана Дорсетта официально признали мертвым.

Папу забрало у нас море.

Но виновным я считала не только его.

— Моего отца убила Грань, — сказала я магистру Уффорду, на что тот упрямо покачал головой.

— Я так не думаю, — заявил мне уверенным голосом. — Норман Дорсетт все еще жив.

Снял очки, попытался вытереть стекла о полу мешковатого камзола и чуть было не выпал из седла. Но все же удержался.

— С чего бы это? — отозвалась я.

Вот именно, с чего бы?!

— С того, что я получил его письмо, которое он отправил как раз перед своим исчезновением. К сожалению, в мои руки оно попало только через несколько месяцев, когда Нормана уже признали мертвым, а его жена умерла... Впрочем, у меня было оправдание. Я исследовал Изгульский Хребет, а потом детально изучал склоны горы Каравес на севере Устеда. Когда я вернулся в Стенстед, то обнаружил, что меня дожидается послание вашего отца.

— И что же он такого вам написал? — пожала я плечами. — Да и зачем папе было что-то вам писать? Не помню, что у него оставались друзья после того, как его осудили за отличные от принятых взглядов на Магию Граней!

Но магистра Уффорда оказалось ничем не смутить, даже подобным высказыванием.

— Мы с вашим отцом, Агата, были давними друзьями по Академии. Не сказать, что близкими друзьями, но, было дело, одно время мы занимались совместной научной работой. Потом наши пути разошлись. Я посвятил себя энтомологии, хотя всегда живо интересовался Магией Граней. Думаю, именно поэтому Норман мне и написал. Не слишком-то доверял Магической Коллегии, поэтому отправил копию своего письма еще и мне.

— Но зачем?! Что было в том письме?

— Ваш отец хотел, чтобы его заслуги наконец-таки признали. Собирался всем доказать, что они были не правы, когда осудили и лишили его ученых степеней, потому что он совершил настоящий прорыв в Магии Граней!

— Что-то я ничего не слышала о его прорыве, — пожала я плечами. — Допустим, папа его совершил, а потом известил об этом вас и Магическую Коллегию. Но его заслуги все еще не признали, хотя его открытие, по вашим словам, величайшее в истории Арондела.

— Вы правы, Агата! Делу так и не был дан ход, потому что в Коллегии о письме вашего отца никто и никогда не слышал.

— Но как же так? Выходит, его просто-напросто выкинули? — спросила я, подумав, что не удивлюсь, если его сожгли, даже не читая.

— Оно пропало, — возвестил Уффорд, — и я так и не смог его найти. В ту пору Магическую Коллегию курировал лорд Браммер...

На это я открыла рот. А затем закрыла.

— Ах вот как! — все же не удержалась от возгласа. — Значит, лорд Браммер?! — и мое сердце заколотилось быстрее, потому что...

Потому что это был еще один злейший дядин враг.

Маклаханы и Браммеры — эти семьи всегда держались вместе. Их взлеты и падения были связаны, но... Как это могло касаться моего отца?

Казалось бы, две совершенно разные истории — мой дядя, обвиненный в заговоре против Стенвеев, и папа, которого еще за несколько лет до этого за своеобразие исключили из магического сообщества столицы.

Они были далеко друг от друга, как... Как солнце и луна.

Разве тут можно провести параллели?

— Когда я пришел к Браммеру, он сделал вид, что понятия не имеет, о каком письме идет речь, — продолжал Уффорд, — хотя у меня были доказательства, что послание ему все-таки доставили. Браммер знал, что Норману Дорсетту удалось открыть Грань неподалеку от острова Хокк, но он почему-то решил это утаить.

Я все еще не могла поверить в услышанное.

— Папа открыл Грань? — переспросила у магистра. — Вы в этом уверены?

— В своем письме Норман утверждал, что сделал это несколько раз. Кроме того, ему удалось не только распахнуть Грань, но и удерживать стабильный проход в течение нескольких часов. Агата, я знаю, что он собирался отправиться в другой мир, Норман написал мне об этом в своем письме! Но он все еще колебался, так как не знал, что его там ждет. В конце он все же оставил приписку, что собирается попробовать... И еще, что на всякий случай он оставляет записи с расчетами и полным описанием своего эксперимента в тетрадах.

— Ах вот как! — в который раз пробормотала я. — Значит, папа шагнул за Грань и оставил записи в своих тетрадах!..

— Я уверен, что Норман Дорсетт ушел за Грань, — покивал Уффорд.

— Но если это так... — Я все еще не спешила ему верить. — Нет же, мы с мамой ничего не знали! Это был обычный день. Такой же, как всегда. Папа попрощался, сказав, что скоро вернется, а потом он отправился на пристань, где его поджидал Томас Хачкинсон.

— Наверное, Норман не хотел, чтобы вы его отговаривали, — пожал плечами магистр. — Когда ученого обуревают страсти к неизведанному...

— У вас есть семья? — перебила я, на что Уффорд покачал головой. — Вот видите, вы и понятия не имеете!.. А у моего отца семья была! Жена, которую он буквально носил на руках, и мы с братом. Он не мог... Вернее, он бы не стал так рисковать! По крайней мере, не предупредив нас заранее о своем эксперименте.

— В первую очередь, ваш отец был ученым, — отозвался Уффорд, — и я уверен, он это сделал. Ушел за Грань, Агата! К тому же я думаю, что Норман все еще жив. Сейчас он в другом мире, но по какой-то причине не может найти дорогу назад.

— Фантастическое предположение, — похвалила я магистра. — Но почему же вы не предположили его раньше? Ведь вы были на Хокке, видели меня, знали об Оливере. Почему вы нам не сообщили?!

Он замялся.

— Потому что я чувствовал, что если я это сделаю, мне придется пойти и дальше, — наконец, признался мне Уффорд. — Если я дам вам с братом надежду, то мне нужно будет принять дальнейшее участие в вашей судьбе. Но я не был готов... Не мог взять на себя ответственность за детей Нормана! Такая жизнь не для меня, — покачал он головой. — Да и какой из меня опекун?! Я постоянно в разъездах, меня интересуют дела и материи, далекие от мирских... Но я все равно приехал на Хокк, чтобы лично убедиться, что в приюте за вами хорошо присматривают.

— О да, за нами хорошо присматривали! — отозвалась я, вспомнив, как умирал Олли. — Молитвами Сестер, как видите, мы выросли и все еще живы.

— Вижу, — отозвался он, не уловив моего сарказма.

А затем спросил меня о том, что, подозреваю, и было истинной целью его посещения острова.

Нет, Уффорд приезжал вовсе не для того, чтобы ловить бабочек в Черных Скалах или же убедиться в том, что с детьми его «старого друга» все в полном порядке!

— Агата, быть может, вы знаете, что стало с книгами и рабочими материалами вашего отца? Тогда, шесть лет назад, я у вас не спрашивал...

— Вы ведь приезжали именно из-за этого? — не удержалась я. — Да-да, из-за папиных тетрадей с описанием его экспериментов с Гранью, а вовсе не из-за бабочек Севера! Заодно посмотрели и на меня с Олли, но решили, что дети все равно ничего не знают...

На это Уффорд поджал и так тонкие губы, но отвечать не спешил.

— Но вы так ничего и не нашли, — закончила я. — Каким-то образом вам удалось проникнуть в наш старый дом. Вернее, для вас, Высшего Мага, это не составило особого труда. Там вы обнаружили, что кто-то успел раньше вашего и выкрал все папины работы по Магии Граней. Не только тетради, но забрал с собой еще и его книги. Это был тот, кто тоже об всем знал... Да, уверена, это был тот, кто первым прочел письмо, а потом не дал ему огласки!..

Выходило, что им мог быть только лорд Браммер, в те времена курировавший Магическую Коллегию Арондела и оставивший папино письмо для личного пользования.

К тому же Браммеру несказанно повезло — мой отец то ли погиб во время шторма, то ли ушел за Грань, как утверждал Уффорд, — и о его открытии, получалось, знал только он один.

Если, конечно, не считать непутевого магистра Уффورда, помешанного на бабочках и горных травах.

Мама очень скоро зачахла от горя, детей отправили в приют, а наш дом выставили на продажу. Думаю, именно Браммер и купил его задешево через подставное лицо! Но сам дом ему был не нужен, поэтому так и остался стоять заколоченным.

Зато оттуда забрали все папины записи. Ну и книги заодно. Мало ли, папа делал пометки на полях?

Скорее всего, так оно и было.

Только вот зачем это Браммеру?

Допустим, папа открыл способ ходить через Грани. Неужели в лорде Браммере — я видела его: худой как жердь, с высокомерным лицом, полная противоположность его упитанной, круглолицей дочери, — открылась жажда естествоиспытателя, и он решил повторить папин эксперимент?

А потом присвоить себе все заслуги...

Но то ли маг из Браммера оказался средненький, то ли что-то пошло не так, но о прорыве в изучении Магии Граней до сих пор не было слышно, хотя с папиной смерти или же исчезновения прошло больше шести лет.

Тут либо Браммер провалился, либо он все скрыл.

Но если последнее, то зачем?! В чем тут подвох? Вернее, где здесь его выгода? Потому что, уверена, эта парочка — Маклахан и Браммер — всегда действовала исключительно себе на пользу.

Об этом я и спросила Уффорда и очень скоро получила у него вполне исчерпывающий ответ.

— Грани отделяют нас не только от других миров, — пожевав губы, произнес ученый. — Они стали непреодолимым препятствием длиной в несколько сотен, а то и тысяч километров для торговых караванов. Вы, наверное, знаете, Агата, что часть Граней пожирает пространство вокруг себя. В этом случае принято считать, что за ними лежит вход в другой мир. Другие Грани — прямые и похожие на многометровые стены из непрозрачного стекла, рассекают тело земли, и порой объехать их занимает несколько недель.

На это я покивала. Конечно же, я знала о свойствах и характеристиках Граней, папа много раз мне об этом рассказывал!

— Несколько Граней пересекли издревле известные торговые пути, отделив нас от рисовых полей Изерстана или же северной оконечности гор Кузыма, славящихся своими плантациями кофе, — продолжал Уффорд, на что я снова кивнула, а потом закончила его речь, потому что в голову мне пришла странная мысль:

— Или же от флота Зарейна, потому что одна из Граней как раз проходит через всю восточную часть Бискарского залива, а за ней как раз начинаются территории наших беспокойных соседей.

Именно там, в Бискарсом заливе, погибли родители Брайна и Джеймса. Корабль попал в шторм, а потом затонул, налетев на эту самую непробиваемую стену.

— Но что, если флот Зарейна стоит по ту сторону Грани в полной боевой готовности, несмотря на мирный договор?! — спросила я у ученого. — А ведь никак и не проверить!

Уффорд склонил голову.

— Умей зарейнцы открывать Грани, они могли бы напасть на нас в любом удобном для них месте, выбрав время, когда этого никто не ожидает. Мы бы и не заметили, как они постучали в наши дома... Но это всего лишь теория, Агата! Домыслы, не имеющие под собой никаких доказательств. Ни единого достоверного факта, конечно же, кроме моей твердой уверенности в том, что вашему

отцу все-таки удалось...

— Вы правы, это всего лишь домыслы, — согласилась я. — Но тот факт, что папины рабочие тетради пропали, — он вполне реален. Если в них было решение загадки Граней, то эти тетради еще обязательно себя проявят. Вернее, однажды они всплывут...

И я закрыла глаза, потому что меня не оставляло ощущение, что это произойдет очень и очень скоро. И еще то, что Желтая Смерть и пропажа папиных записей каким-то образом связаны. Точно так же, как переплетены между собой истории двух семейств — Маклаханов и Браммеров.

Правда, доказательств у меня не было. Лишь предчувствия и домыслы.

— Вы кому-то уже об этом говорили? — спросила я у Уффорда. — О том, что моему отцу, предположительно, удалось открыть Грань?

— Упомянул как-то в разговоре. В нем участвовала еще пара человек, — пожал он плечами, — но никто не счел нужным заинтересоваться высказываниями Нормана Дорсетта. Его репутация, как вы понимаете, довольно сильно пострадала после того судебного процесса. При упоминании его имени...

— Не продолжайте! — попросила я, не готовая услышать грязь о своем отце.

Особенно когда у меня появилась надежда.

Пусть я все еще опасалась пустить ее в свое сердце, но мне очень сильно захотелось поверить в то, что папа до сих пор жив!

Глава 16

В странном настроении — издерганная мыслями, подозрениями и всколыхнувшейся надеждой, — я доехала до горного перевала. Правда, рядом со мной постоянно были Элиза и Тэль, отвлекали разговорами, иначе мне бы было совсем тоскливо.

Сам же магистр Уффорд, вспомнив о своих обязанностях, меня покинул и ускакал в голову колонны. И эта самая «голова» сразу же, стоило нам добраться до места привала — небольшой горной долины с зеркалом-озерцом посредине, расположенной за перевалом, — отправилась наверх.

Маги распахнули порталы и ушли. Король со своей охраной присоединились к ним чуть позже, а девушки и слуги остались.

Избранницы в ожидании шестого испытания расположились со всеми удобствами — нам сделали навесы и расстелили одеяла, на которые слуги принялись выставлять еду и напитки, готовя обед, мало чем отличавшийся от того, чем нас кормили во дворце. Но пока его не было, девушки под надзором охраны бродили по долине, любуясь чудесными видами — заснеженные вершины скал сверкали в ярких лучах полуденного солнца, а горное озеро на свету походило на расплавленное золото.

Я тоже отправилась на прогулку вместе с погруженной в молитвы Элизой и болтавшей без умолку Тэль. Сама же преимущественно отмалчивалась, в который раз прокручивая в голове недавнюю беседу с магистром Уффордом. Наконец, твердо решила, что, когда все закончится, я обязательно выучусь — уж и не знаю как, но выучусь! — после чего пойду по папиным стопам.

Хорошенько возьмусь за магию и узнаю все, что только возможно, чтобы самой открыть ту самую Грань, которая проходила в полусотне километров от острова Хокк.

После этого отправлюсь в другой мир и постараюсь отыскать там своего отца.

У меня все должно получиться!..

Папа всегда говорил, что я способная и у меня особенный дар. Такой же, как и у Олли. И еще, что не может найти нашей магии разумного объяснения, потому что она отличалась от всего, с чем он сталкивался ранее.

Впрочем, объяснений своим способностям искать я не собиралась. Вместо этого надеялась, что их хватит для того, чтобы шагнуть в другой мир. Раз уж папе это удалось, значит я тоже смогу!

Я способная, наш учитель по магии всегда меня хвалил!..

А еще я упрямая. Обязательно выращу Олли, обязательно стану счастливой и достигну своей цели!

Но для этого сначала нужно было закончить со своими делами на отборе, ожидание очередного испытания которого для меня снова порядком затягивалось. Потому что с вершины спустились два мага, торжественно объявив, что у них все готово. После чего позвали на испытание первую девушку, и ею — ну конечно же! — стала Бэсси Берналь.

Вернулась она где-то через полчаса, с торжествующим видом уставившись на нас с Элизой. И у меня не осталось никаких сомнений в том, что Бэсси вошла в финал, где поборется за право называться королевой Арондела.

За ней на утес отправилась принцесса Шейла — и она тоже вернулась вполне довольная собой. Но ничего рассказывать остальным не стала, вместо этого отправилась о чем-то перешептываться с Эстель Маклахан и Дорой Браммер.

Потом пришел черед и остальных. Девушки уходили одна за другой и возвращались кто через полчаса, кто через пятнадцать минут, а кто и через час.

Ушла и Тэль, а потом, вернувшись, заявила нам с Элизой, что провалила отбор. Да-да, она не вошла в финал!..

Правда, расстройства на ее лице я так и не заметила. Вместо этого Тэль спокойным голосом рассказала нам, что ей потребовалось три перехода через порталы, чтобы попасть на Утес Святой Истони. Место внушало ей суеверный ужас, да и ветер гулял такой, что она до сих пор не понимает, как мужчины могут выдерживать там так долго.

Правда, для короля разбили палатку, но Брайн в ней не отсиживается. Вместо этого внимательно следит за испытанием вместе с несколькими магами — среди них были Джеймс Стенвей, Дирк Хатрейз и магистр Уффорд.

Сердце Пламени она тоже заметила — древний артефакт стоял на бронзовой треноге рядом с пугающей Гранью — Тэль никогда не видела ее вблизи, поэтому порядком растерялась и не сразу смогла окупнуться в магические потоки, чтобы показать свои способности.

Хотя — что уж тут скрывать! — особых способностей у нее никогда не было, так что ее представление вышло слабеньким, на троечку, если не сказать, что еще хуже. Впрочем, король оказался к ней добр и снисходителен, даже похвалил.

После этого задал ей один единственный вопрос. Спросил, по доброй ли воле она приехала на отбор и испытывает ли к нему чувства, достаточные для того, чтобы создать семью, стать ему верной женой и родить наследника Аронделу.

На это Тэль порядком замялась с ответом, что не понравилось ни королю, ни артефакту. Зато это явно пришлось по душе Дирку Хатрейзу.

Но все закончилось тем, что Брайн Стенвей с ней попрощался, заявив, что на этом их пути расходятся. Он рад знакомству, но истинных чувств друг к другу, к сожалению, у них не возникло.

Впрочем, Тэль была вполне довольна своим результатом на отборе — что добралась аж до шестого испытания! Это оказалось намного дальше, чем она могла помечтать, так что отец не будет на нее слишком зол.

Сказав это, Тэль как ни в чем не бывало отправилась к разложенным одеялам, заявив, что порядком проголодалась. В отличие от нее, мне кусок в горло не лез, как и Элизе.

Принцесса продолжала молиться, дожидаясь своей очереди, тогда как я все время размышляла о вопросе короля.

Оказалось, точно такой же вопрос он задавал и остальным девушкам. Это подтвердили и Элиза — ее позвали пятой, — и вернувшаяся с утеса Харриет — она отправилась наверх шестой, — и обе мои подруги прошли в финал.

Я же все время думала о том, что формулировка вопроса довольно-таки странная. Да, Сердце Пламени не даст соврать, но ответить утвердительно на этот вопрос сможет любая избранница, даже если она не чувствует к Брайну пылкой влюбленности.

В наше-то время, когда о браках частенько договаривались родители, хватало и того, чтобы девушка не испытывала к будущему мужу отвращения!..

Правда, принцессе Визмора ничего такого не показалось, потому что по возвращении с Утеса благоговейная улыбка еще долго не сходила с ее лица. А потом Элиза и вовсе ушла — заявила мне, что ей нужно побыть одной и что здесь, в горах, да еще и после посещения Утеса Святой Истонии, она как никогда раньше чувствует близость к Богам.

А я осталась, все так же размышляя о том, что при любом раскладе королевой мне не быть, потому что я люблю другого, а Брайн Стенвей не производил впечатления слепца. Но если даже я пройду это испытание — потому что слишком уж причудливо сформулирован вопрос, — то в любом случае смогу уйти во время финала.

Тут наконец-таки пришли и за мной, сообщив, что настал мой черед подняться на Утес Святой Истонии.

И уже через три перехода я очутилась на продуваемой горными ветрами площадке метров тридцати диаметром. Холодные порывы трепали ту самую палатку, о которой говорила Тэль, а над светлыми полотнищами истерически развевался стяг с драконами Арондела.

С двух сторон к утесу подкрадывались сизые полосы ледников с убегающих в небо склонов, с третьей высилась зеркальная стена Грани.

Но с последней...

Затаив дыхание, я кинула взгляд на хлипкое ограждение, за которым начиналась пропасть. Если не смотреть вниз и не думать о том, что, сорвавшись, никакой магией себя уже не спасти... Так вот, если поднять взгляд, то можно было увидеть огромный город Стенстед, раскинувшийся на берегу лазурового Бискарского залива и отделенный от скал темной полосой леса.

Этот вид был настолько впечатляющим, что у меня перехватило дыхание!

Впрочем, ненадолго, потому что и на утесе было на что посмотреть — мой взор притягивала Грань, которая, казалось, словно ножом врезалась в теплое масло гор. Я знала, что начиналась она где-то далеко в море, затем выходила на сушу и простиралась на сотню километров вглубь материка,

делая Арвийские Горы непроходимыми.

Потому что Грань никому не пересечь!

Наконец, перестав озиаться, я уставилась на тех, кто собрался на утесе. Первым мое внимание привлек Брайн, стоявший возле своей палатки. На плечи короля был накинут подбитый мехом плащ. Брайн смотрел на меня непроницаемым взглядом, словно ожидал, когда я подойду к нему и займусь тем, зачем мы здесь собрались. Продемонстрирую свои магические умения и отвечу на заданный им вопрос в присутствии свидетелей и Сердца Арондела, рядом с которым толпился народ.

Среди них я и разглядела и Джеймса, и магистра Уффорда.

Зато они нисколько не обращали на меня внимания. Стояли неподалеку от палатки, переговариваясь, рядом с алым, пульсирующим камнем размером с конскую голову, устроенным на бронзовой треноге в форме драконьих голов.

Признаюсь, когда увидела артефакт, первой моей мыслью было: интересно, как Святой Истории вообще удалось удержать его в руках? Потому что камень выглядел не только массивным, но и порядком тяжелым.

К тому же с ним явно было что-то не так — с каждой секундой, с каждым моим вздохом морозного горного воздуха пульсация внутри артефакта нарастала. Кажется, такого не должно было быть, потому что мужские голоса вскоре зазвучали совсем уж встревоженно.

А потом маги забегали.

Вернее, часть из них отступила, и рядом с артефактом остались только Джеймс, Хатрейз и Уффорд. Несколько человек кинулись к королю, но и меня тоже не обделили вниманием.

— В сторону! — приказал мне один из охраны. — Немедленно отойдите от пропасти, леди Корнуэлл! — и я послушно сделала несколько шагов по направлению к Грани.

Захотела к ней прикоснуться, но затем решила, что любопытству сейчас не место.

Маги тем временем совместными силами попытались успокоить артефакт. Джеймс вытянул руки, к нему присоединились Хатрейз и Уффорд. С ладоней герцога сорвалось синее пламя, тогда как остальные усилили его заклинание.

Магическое облако окутало Сердце Пламени, скрыв артефакт от моих глаз, и я подумала, что у них получилось... Уж и не знаю, что они сделали, но им удалось совладать с растревоженным камнем!

Только вот я ошиблась, потому что через пару секунд Сердце Пламени полыхнуло снова. Да так, что, ахнув, я прикрыла глаза.

— Уводите отсюда короля и леди Корнуэлл! — раздался напряженный голос Джеймса. — Немедленно!

С его рук все лилось и лилось синее свечение, Уффорд и Хатрейз ассистировали, но к ним присоединилось еще трое магов. Питали совместное заклинание, тогда как остальные кинулись к королю.

Два стража рядом со мной тоже напряглись.

— Нет же! — внезапно услышала приглушенный порывом ветра голос Хатрейза. Ветер принес с собой миллионы острых снежинок, и я, порядком растерянная, потянулась к капюшону. — Надо уводить Агату Дорсетт! Сердце Пламени реагирует на нее! Она уйдет, и артефакт успокоится!

На это я засобиралась им сказать, что я тут ни при чем. Я вообще ничего не сделала! Просто шагнула из портала, и все.

Но Джеймс, повернувшись, вскинул руку и распахнул передо мной пространственный переход.

— Быстрее! — приказал мне.

И я, кивнув, шагнула к синему кольцу. Но не успела, потому что в эту самую секунду Сердце Пламени взорвалось.

Вернее, уж и не знаю, был ли это взрыв, потому что звука я не услышала. Зато увидела ярчайшую вспышку, заставившую меня в ужасе ахнуть, за которой последовал магический всплеск. Он вышел такой силы, что всех собравшихся на утесе буквально разметало в разные стороны.

Кого-то из охраны даже откинуло к барьеру, ограждавшему площадку от пропасти, но в последний момент он сумел-таки удержаться. И Джеймс тоже устоял — о да, он выдержал, остался на ногах!..

А больше я ничего и не увидела, потому что меня саму откинуло к Грани. Устоять не удалось, и я влетела в нее боком. Ожидала, что пребольно ударюсь плечом или же бедром, — потому что стена, я знала, тверда, как непробиваемое стекло.

Но боли не ощутила.

Грань почему-то оказалась вязкой, и я провалилась в непонятную субстанцию плечом, застряв в ней, как... Как муха в варенье! Принялась дергаться, пытаюсь из нее выбраться, закричала, зовя на помощь, потому что мне показалось, будто бы Грань начала меня засасывать.

Но никто не обращал на меня внимания. Мало кто из магов устоял на ногах — если только Джеймс, который все еще боролся с артефактом, пылающим так, словно все пожары мира явились сюда на зов Большого Сердца. Остальным же не было до меня никакого дела, потому что они либо пытались прийти в себя, либо вызволяли короля, запутавшегося в постромках палатки.

Я же принялась дергаться, стараясь высвободиться, но вместо этого провалилась в Грань еще глубже. И она продолжала меня засасывать!..

Я закричала в полнейшем ужасе, умоляя прийти мне на помощь, — потому что уже увязла настолько, что не могла помочь себе магией.

Тут Джеймс меня услышал.

Бросив артефакт, кинулся мне на помощь. С его руки сорвалось заклинание, но он все-таки не успел.

Потому что ровно через одно ужасное мгновение я очутилась внутри Грани, на секунду увидев размытые очертания темных недр горы, и уже в следующий миг выпала из нее с другой стороны. Покатилась кубарем, пребольно отбив колено и локоть...

Кубарем по знойной, каменистой земле!

Подскочила, вдохнув жаркий — вернее, показавшийся мне после холодных гор обжигающим — воздух. Подвывая от ужаса — что же со мной такое произошло?! — обвела диким взглядом место, в котором очутилась.

Но никаких гор или же дремлющего на берегу Бискарского залива Стенстеда я не заметила. Их не было и в помине!

Ничего не было! Вообще ничего!

Я оказалась совершенно одна в незнакомом месте. Но не только это — даже Грань исчезла, что меня напугало даже больше, чем все остальное.

Принялась судорожно оглядываться, пытаюсь ее отыскать. Потому что если бы она здесь была, эта самая Грань, то я... Быть может, она все еще вязкая, и мне бы удалось снова в нее залезть и выбраться наружу, но уже с нужной мне стороны?

Но ничего похожего на зеркальную стену я так и не обнаружила. Во все стороны убегала красноватая, каменистая равнина, где-то на зрительной границе которой — там, где расплывающаяся на жару почва сливалась с голубым, безоблачным небом, — виднелись то ли невысокие горы, то ли холмы.

Так сразу и не разобрать!

Вернее, ничего не разобрать, потому что пот моментально начал заливать глаза, вытекая из-под мехового капюшона. Да плащ грозил стать причиной будущего теплового удара.

Не только он, но и узкий жакет амазонки тут же показался совершенно лишним в моем гардеробе. Как и весь гардероб — жарко было до невозможности! Но при этом я понимала, что снять с себя все или же остаться без головного убора нельзя: солнце убьет меня очень и очень быстро.

Поэтому, скинув плащ и расшнуровав жакет, я нагнулась и оторвала от тонкой нижней сорочки приличного размера кусок белоснежной ткани и обмотала им голову.

Ничего, сказала себе, я не собираюсь сдаваться!

Я обязательно найду Грань в этом мире и... уж как-нибудь просочусь через нее обратно! А если даже ее нет поблизости, то все равно отыщу. Она обязательно где-то проходит, не может же ее не

быть?! Я ведь как-то сюда попала...

Но во все стороны убегала лишь каменная пустыня — ни людей, ни города, ни водоема, и, самое страшное, никакой огромной стены не было и подавно.

Поэтому, постояв еще немного, я решила, что мне стоит отправиться на ее поиски. Но так как направления я не знала, то не придумала ничего лучшего, чем идти к горам. По крайней мере, не собьюсь с дороги и не стану ходить кругами, потому что у меня будет направление.

Вдруг Грань проходит именно там?

А если не проходит, то по крайней мере там я смогу укрыться от солнечных лучей или же, если здесь велики дневные перепады температуры, найти убежище от ночного холода. Быть может, там есть и вода...

Вода в горах — вполне логично!

На это, словно смеясь над моими судорожными размышлениями, горячий пустынный ветер швырнул мне в лицо пригоршню пыли и мелкой каменной крошки.

— Джеймс! — не выдержав, позвала я, и мой голос прозвучал до невозможности жалко. — Джеймс, где ты?!

Ничего не изменилось — он так и не отозвался. И все потому, что его попросту не было в этом мире!

Но мне казалось, что Джеймс обязательно станет меня искать. Не сдастся, пока не обнаружит способ, как шагнуть за мной через Грань. Нет же, он не бросит меня здесь одну!

Быть может, мне все-таки стоит остаться? Усесться здесь, на этом самом месте и... ждать спасения?!

При этом я прекрасно понимала, что у Джеймса может ничего и не выйти. Магистр Уффорд говорил, что маги короля Теодора уже пытались убрать Грани, достав артефакт из королевской сокровищницы, но у них ничего не получилось.

К тому же на уступе Хатрейз кричал, что артефакт таким образом реагирует только на меня одну. А что, если Сердце Пламени не реагирует больше ни на кого другого?! Что, если я пропала из Арондела — и артефакт успокоился? Теперь его уже никак не активировать, и он снова заснет на добрые тысячу лет?!

Тогда у Джеймса оставался только вариант с папиными тетрадами, которые украл лорд Браммер. Если Уффорд расскажет об этом герцогу, то Джеймс может потребовать вернуть пропажу.

Но отдаст ли Браммер записи моего отца или же прикинется дохлой рыбой, принявшись все отрицать, — этого я не знала. Но понимала, что все может затянуться надолго и что жара и пустыня убьют меня значительно быстрее.

Выходило, пока надеяться я могла только на себя саму. Мне придется выбираться самой, поскольку у меня попросту не оставалось другого выхода.

Но я должна, обязана была его найти! Не могла погибнуть здесь без воды и еды, расплавившись под лучами чужого, яростного солнца, иначе...

Иначе все будет напрасно!

Мой бедный братик, как он без меня? Позаботится ли о нем лорд Корнуэлл так же хорошо, как позаботилась бы я, если наш с дядей договор так и останется невыполненным?

И что будет с Аронделом? По своей глупости я отложила разговор с Джеймсом — как теперь он узнает о «Морской Звезде» и Желтой Смерти?! Хотя я была уверена, что Братство обязательно найдет другой способ с ним поговорить, только вот...

Что будет с самим Джеймсом?

Наверное, он станет очень сильно переживать.

Но я не хотела, чтобы он переживал! Поэтому запретила себе паниковать, посмотрела на далекие горы, а потом зашагала в их сторону. Решила, что, если в этом мире где-нибудь проходит Грань, я сделаю все, чтобы ее разыскать.

...И я ее искала.

Вернее, сперва все выглядывала, переживала, тревожилась, прикидывая, как далеко отсюда до гор и что мне делать, если Грань и там не обнаружится.

Затем просто шла. Упрямо несла плащ, подумав, что ночи здесь могут быть холодными. Жакет все-таки выбросила — тащить его больше не было сил.

Шла, жалея, что не напилась как следует и не поела в горной долине перед тем, как меня закинуло в другой мир. Сейчас бы мне не помешало побольше сил! Затем стала черпать их из магического резерва — магия здесь была, причем яркая и сильная.

Брела, размышляя о словах Стенли Уффорда. О том, что папа шагнул в другой мир и пропал без вести. Быть может, он пропал, потому что столкнулся с похожей проблемой? Что, если Граней в других мирах нет и в помине?

Да, Святая Истония установила их в нашем мире, пытаюсь его спасти, но зачем бы Ей было это делать в остальных? Им не грозило уничтожение или же что-то в этом роде, и магия у них не выходила из-под контроля...

Что, если мой папа, как и я, тоже сейчас ищет Грань — целых шесть лет! — потому что, проникнув на другую сторону, мы с ним оказались запертыми в ловушке?

Логично, это бы объяснило его исчезновение на столь долгое время...

На миг я даже позволила себе немного потешиться надеждой, что он тоже здесь, в этом самом мире. Быть может, если я выживу — дойду до скал, найду воду, найду еду, — я его встречу?!

Впрочем, голос разума упрямо подсказывал, что папа должен был очутиться совсем в другом месте. Потому что этот мир — красный и раскаленный, из растений в котором мне попало лишь пережаренное поле, а из животных я видела проползшую неподалеку змею...

Так вот, по преданиям, именно сюда, в этот мир, Святая Истония отправила драконов. Остальные Грани, если верить записям в «Житии Богов», ограждали нас от совсем других миров.

Но я ничего, ничего не знала! Ни в чем не была уверена наверняка... Даже в том, что могу встретить здесь драконов, если не умру от жажды!

Часа через три — а может, и через пять, я давно уже потеряла счет времени — мне стало казаться, что никого я здесь не встречу и до гор тоже не доберусь. Потому что идти дальше попросту не оставалось сил.

Но я все равно упрямо брела, падала, пару раз даже прилегла вздремнуть, накинув сверху плащ. Но заставила себя подняться, подумав, что если засну, то, наверное, уже не проснусь.

То же самое, как если бы я заснула на сильном морозе.

К тому же во мне все еще продолжала теплиться надежда. Может, я все-таки дойду — потому что горы стали значительно ближе, — или Джеймс придумает, как прийти за мной в этот мир?! Что же тогда я здесь валяюсь, жалея себя?!

Или же... это сделает вовсе не герцог Раткрафт, а драконы? Что, если они обнаружат меня первыми? Найдут и... не сожрут?

Мне оставалось надеяться только на это, потому что уже какое-то время назад я обнаружила в небе черные точки. Их было явно больше десяти и становилось все больше и больше. Первое время они висели где-то очень далеко, у самого раскаленного марева горизонта, но затем стали приближаться.

И я, поглядывая то ли на черных птиц, то ли на тех самых драконов, принялась размышлять, что мне делать дальше. Быть может, все-таки попытаться от них спрятаться? Зарыться... Вернее, собирать камней и быстро построить себе убежище?

Вдруг они не заметят меня с высоты?

Или же наоборот, пусть они меня заметят?! Кто знает, вдруг они все еще разумны? Вдруг у драконов остались теплые чувства к людям, и мне удастся попросить у них помощи?

Но если драконы окончательно одичали, проведя без своих вторых ипостасей тысячу лет, тогда... Тогда они сожрут меня, и дело с концом!

С чего бы мне ждать от них понимания?

Кусая губы, вскинула руку, и с нее послушно сорвался огненный шар. Ну что же, магический резерв я до сих пор не исчерпала, так что все еще могла себя защитить.

Правда, выстою ли я против драконов и пригодится ли мне магия, я пока еще не знала. Но очень скоро мне предстояло в этом разобраться, потому что точки стали увеличиваться не только в размерах, но и в количестве, оказавшись стаей гигантских птиц с вытянутыми длинными шеями.

Они стремительно приближались, а я стояла и смотрела в небо. Не стала строить убежище из разбросанных повсюду камней, вместо этого глядела на то, как подлетали — больше трех десятков черных, огромных, крылатых ящеров...

Нет, это были не птицы. Это были драконы.

Думала о Джеймсе.

О том, что на гербе Стенвеев изображены драконьи крылья, а встретиться лицом к лицу с гигантскими ящерами выпало все-таки мне.

На всякий случай окружила себя защитным полем, решив, что вот так просто сожрать себя не дам. Вернее, пусть только попробуют — за обед им придется заплатить дорогую цену!

Наконец, приземлились — причем лишь часть стаи и в приличном отдалении от меня. Сели бесшумно, и мне почему-то показалось, что они сделали это специально, чтобы меня не испугать. И еще чтобы окончательно не замести меня пылью и мелкой каменной крошкой, поднятой огромными крыльями.

Сосчитала — драконов на земле было около дюжины, еще пара десятков кружили над моей головой.

Те, что приземлились, сложили крылья и уставились на меня.

Разглядывали.

Вот и я тоже смотрела.

Черные, как на наших картинках, они были длиною около пяти метров, с рогатыми головами, с шипами вдоль позвоночника и с заканчивавшимися острыми пиками хвостами.

Тут один из них, по виду чуть больше и увереннее остальных, что-то рыкнул. Драконы послушно расступились, а он направился в мою сторону.

И я замерла, а сердце, кажется, перестало биться. Но затем застучало с удвоенной силой, потому что, подойдя и замерев в метрах трех от меня, дракон уставился мне в лицо зелеными глазами с черными вертикальными зрачками.

Но страха не было. Вместо этого появилось странное ощущение, что драконы для меня неопасны. Ко мне прилетел самый главный из них, но он явно не собирался причинять мне вреда.

Потому что если бы он хотел его причинить, то давно бы уже это сделал.

Вместо этого дракон почему-то тянул. Чего-то выжидал. Смотрел на меня, и я, к своему удивлению, почувствовала, как вокруг него заволновались магические потоки.

Нет, этого заклинания я не знала и его сути не понимала, но оно явно было направлено в мою сторону. И уже очень скоро вокруг моего защитного поля закрутились, заплесали похожие магические потоки, словно приглашая в них погрузиться.

Отдаться драконьей магии.

Правда, для этого сперва нужно было снять защиту.

Но я все еще опасалась. Не понимала, могу ли доверять дракону и что ему от меня нужно.

— Агата, — произнесла вместо этого. — Меня зовут Агата Дорсетт. Я оказалась в вашем мире случайно.

Дракон, не отрываясь, смотрел мне в глаза. Магические потоки заволновались еще сильнее, и тогда я... Тогда я все-таки опустила защиту, подумав, что если бы он собирался мною закусить, то ему вряд ли бы понадобилась для этого магия.

Зубы, когти и шипастый хвост были намного опаснее окружавшего меня заклинания.

Скорее всего, тут что-то другое.

И я... На секунду зажмурив глаза, я все-таки сняла защиту, позволив себя охватить неведомой магии. Внезапно внутри меня что-то пробудилось — в голове словно щелкнуло, после чего я тут же

почувствовала присутствие другого разума.

Иного, нечеловеческого — отвлеченного, отстраненного, думавшего значительно медленнее моего, — но при этом совершенно разумного.

Затем я услышала голос — чужой голос в своей голове!

О нет, он звучал вовсе не на языке Арондела, но я прекрасно понимала то, что собирался сообщить мне дракон.

«Не бойся! Мы не причиним тебе вреда», — вот что он мне сказал.

Я сидела в драконьей пещере драконьего города, расположенного в Красных Скалах — да-да, тех самых скалах, к которым я так долго и упорно шла. Оказалось, именно здесь обитала стая Шарена, которая меня и нашла.

Сперва заприметили разведчики, затем сообщили об этом Вожаку, который и привел ко мне свой отряд. Теперь же я была почетной гостьей в Гнезде Шарена — так они называли свой город.

По моим прикидкам здесь обитало несколько сотен черных драконов. Гнездились в изрытых тоннелями и пещерами скалах, улетаая охотиться в раскинувшуюся в паре десятков километров саванну, расположенную по другую сторону гор. Вернее, они называли то место по-другому, но на языке Арондела у меня нашлось лишь это определение.

Конечно же, никакого города с крепостными стенами, ратушей и жилыми кварталами здесь не было и в помине. Драконы ничего не строили, но их пещеры, расположенные глубоко в недрах скалы, оказались чистыми и теплыми — они обогревали свои жилища магией, — с выложенным сухой травой полом.

Напиться можно было в источнике в центральной пещере, считавшейся местом сбора стаи. К тому же неподалеку протекала небольшая горная река.

...Путь до Гнезда я проделала в когтях Шарена, с которым у нас установилась ментальная связь. И эта связь, мне казалось, его тоже порядком удивляла.

Вернее, то, что нам удалось сделать это так просто.

Правда, слишком долго мы с ним не разговаривали — дракон почти сразу же почувствовал, что я устала и выбилась из сил, поэтому предложил отправиться в свой город. Я дала свое согласие, но все же спросила, как далеко отсюда проходит Грань.

Они должны были знать! Может, она еще не до конца закрылась, и я смогу вернуться в свой мир?!

Но Шарен понятия не имел, что это такое.

«Длинная стена, — попыталась объяснить ему, чувствуя, как меня охватывает отчаяние. — Прозрачная или же полупрозрачная... Очень высокая и может мешать вам летать. По крайней мере, драконам было бы сложно ее не заметить».

Но он ответил, что такой стены в его краях нет.

Зато есть два монолита, которые находились в нескольких часах лета отсюда. Как раз возле Гнезда его двоюродного брата Балгура — он тоже Вожак, правда, его стая чуть поменьше, чем Шарена.

Они с Балгуром всегда отлично ладили и объединялись по первому зову, если нужно было дать отпор врагам.

Про врагов Шарен рассказывать мне не стал, зато заявил, что Монолиты Прародительницы считаются местом поклонения у драконьего народа и обладают необычной магией. Быть может, они сойдут вместо моих граней?

Если я захочу, то он обязательно меня туда отнесет. Но уже завтра. Сначала я должна отдохнуть и набраться сил — путь до Монолитов и Гнезда Балгура неблизкий.

На это я поблагодарила Шарена, тоскливо подумав, что понятия не имею, нужно ли мне к тем самым Монолитам. Если бы где-то поблизости проходила Грань, я бы принялась умолять дракона меня к ней отнести, а так...

Поблагодарив за приглашение, сказала, что я с радостью его принимаю. И уже через полчаса оказалась в пещере Шарена — и вовсе не в качестве еды, а как его гостья.

Это он и заявил своему народу, когда опустился вместе со мной в горной долине, где уже собрались

остальные драконы из его Гнезда. Судя по всему, прослышали о том, что в пустыне нашли человека, и пришли на меня посмотреть.

Их было очень много — целое море драконов. Причем они были встревожены, тянули в мою сторону головы, толкались, шипели друг на друга и пару раз даже огрызались огнем. Нет, не на меня, а если кто-то в толпе отдавливал соседу хвост или же наступал на крыло.

Я же, стоя перед драконьей стаей, чувствовала, как волновались магические потоки — это была чужая, неподвластная мне магия.

Да и меня саму, признаюсь, порядком потряхивало.

И все потому, что я не до конца понимала, что у драконов на уме. Но повезло — я частично ощущала мысли Шарена, даже если он ко мне не обращался, потому что мы все еще поддерживали с ним ментальную связь. Через Вожака я поняла, что драконы вовсе не собирались мною закусить, а сейчас не спорили, кому достанется лучший кусок.

Наоборот, они были взволнованы и хотели поскорее узнать, кто я такая и откуда взялась.

На это Шарен потребовал у своей стаи быть вежливыми и дать ему возможность проявить гостеприимство, пообещав, что расспросит гостью обо всем позже. А потом обязательно всем поведает, что от меня узнал.

Но сперва мне нужно отдохнуть, поесть и прийти в себя.

Сказав это, Шарен представил заботу обо мне своей жене. Вернее, он назвал ее немного по-другому, но я ощутила, что драконы вкладывали в это понятие значительно больше, чем люди.

«Моя Пара, Сайрен», — представил он драконицу чуть меньших размеров, которая тут же шагнула вперед и посмотрела мне в глаза. Попыталась установить со мной ментальный канал, и я смело ответила на ее взгляд, позволяя себя окружить драконьей магией.

К удивлению, контакт нам удалось установить даже быстрее, чем с Шареном. Быть может, потому, что в зеленых, с вертикальными зрачками глазах драконицы я разглядела... саму себя?

Внезапно мне показалось, что я нашла свою вторую половину. Внешний вид, конечно же, и образ жизни разительно отличался, но внутренний... Я чувствовала, словно встретила недостающую часть себя.

Да, Сайрен жила в этом жарком мире, парила в небе, бесстрашно защищая свое Гнездо от нападок виверн — мерзких, опасных тварей, — раз в год летая к Теплым Источникам, где однажды и встретила Шарена.

Он сразу же ее приметил. Добивался — был сокрушительно уверен в себе и чуть было не растерзал нескольких соперников, попытавшихся заявить на Сайрен свои права. Вышел победителем из всех боев, и она не смогла ему отказать. Да и зачем, если почти сразу же поняла, что он — только для нее, а она для него?

Да, она стала Парой Вожака клана; они вместе уже второй год и подумывают о том, что пора бы завести детенышей...

Тут я заморгала, решив, что такое меня нисколько не касается. Это их жизнь, зачем мне знать такие... подробности?

Впрочем, маленьких дракончиков я видела — немного неуклюжие, еще не научившиеся летать, они смотрели на меня огромными глазами, клацая зубами, когда я шла за Сайрен к пещерам. Один из них, растерявшись, даже выпустил дым — выдыхать пламя он еще не умел, — за что на него тут же нарычали старшие, и он спрятался за их спины с виноватым видом.

«Но как такое возможно?» — спросила я у Шарена, когда устроилась на мягком, теплом полу его пещеры.

Не так давно мне принесли целую охапку фруктов, а потом даже половину убитого животного, похожего на лося.

Но от мяса, поблагодарив за заботу, я все же отказалась, хотя в пещере для меня развели костер. Решила, что вода и фрукты отлично подойдут для того, чтобы подкрепиться и вернуть себе силы.

«Что именно?» — Шарен устроился напротив меня, а Сайрен уселась рядом.

Зрение у меня было не настолько хорошим, как у драконов, поэтому я зажгла еще два магических светлячка, и теперь они отражались в круглых глазах Шарена.

«Как я могла выпасть так далеко от Грани? Вернее, как я вообще могла через нее пройти и попасть в ваш мир, если вы никогда не видели эту самую Грань? — До этого я успела поведать Шарену краткую и печальную историю своего появления в пустыне. — И еще — почему вы встретили меня с такой добротой и заботой?»

Спросив это, с тревогой посмотрела на то, как прыгал по сухой древесине огонек. Мне казалось, что он прыгал совсем уж близко от Сайрен. Ее глаза были закрыты, но она прекрасно слышала все, о чем мы говорили с Шареном, потому что наш ментальный контакт оказался даже сильнее, чем с ее мужем.

Я опасалась, что огонь обожжет ей лапу, но драконица, уловив мои мысли, заверила меня, что с ней все в порядке.

Приятное тепло. Первый рукотворный костер на ее веку.

Сайрен помнила, что это такое, но никогда не видела его вживую.

«Как так? — вновь удивилась я. — Как вы можете помнить то, с чем никогда не встречались?»

Тут Шарен начал свой рассказ, постаравшись ответить на все мои вопросы.

Заговорил о том, что передавалось в драконьем племени из поколения в поколение. О Мудрости, которую оставила им Прародительница, Последняя из Объединенных Драконов.

Она пришла вместе с ними в этот мир тысячу лет назад и прожила здесь три сотни лет. Затем, умирая, Она наказала драконам, Своим Возлюбленным Детям, ждать своего кровного потомка. Сказала, что однажды появится человек, с помощью которого драконы смогут вернуться туда, где они и должны жить.

Домой, в родной мир, из которого им пришлось уйти, иначе всему живому грозил конец.

«Как ее звали?» — спросила я у Шарена, хотя и так уже знала ответ.

И нисколько не ошиблась. Ее имя было Истония, и Ее Мудрость гласила, что разделение с людьми стало первым шагом, вестником грядущей катастрофы, едва не уничтожившей все живое.

Чтобы предотвратить эту катастрофу, Истонии пришлось увести драконов в другой мир.

Она объяснила им, что вибрации драконьей магии слишком сильны, а новый мир, который Истония создала на месте старого, сшив его «нитем» Граней, — еще слишком слаб. Жуткие раны, которые Она оставила на его теле, выкорчевывая лишнюю, вышедшую из-под контроля магию, должны сперва зажить.

Поэтому драконам придется запастись терпением на целую тысячу лет.

Именно так гласила их Мудрость.

Но когда они вернутся в свой старый мир, от которого Истония отвела угрозу уничтожения, драконы смогут заново слиться с людьми, и никакой катастрофы уже не произойдет.

Если, конечно, они этого захотят.

— Разве вы этого хотите? — спросила я, неожиданно поняв, что говорю вслух. — Думаете вернуться?

Драконья пара напряглась, и я повторила тот же самый вопрос, но уже мысленно.

«Хотим! — отозвался Шарен. — Конечно же, мы давно мечтаем, каждый раз повторяя это на Совете Стай. Вот уже целое тысячелетие рассылаем в разные стороны свои патрули, разыскивая человека, которого пообещала нам Прародительница. Да, я знаю, многие уже начинают терять терпение и веру, сомневаясь в том, что потомок Истонии когда-либо появится. Но ты здесь, Агата, и мое сердце наполняется ликованием!»

На его месте я бы не спешила радоваться, но Шарен все-таки радовался. Я чувствовала, как его переполняет волнительное ожидание. А еще я видела, как он поглядывает на Сайрен, довольный и гордый тем, что обещанный потомок Прародительницы появился рядом с его Гнездом...

«С нашим Гнездом», — тут же поправил он себя, и мне показалось, что Сайрен мысленно ему улыбнулась.

«Но как вы обо всем этом помните? — поинтересовалась я, потому что уже знала, что драконий век едва ли длиннее человеческого. — Неужели у вас есть... книги?»

Я слабо представляла, как по-другому можно пронести мудрость Святой Истони через века. Та же Сайрен видела костер, зажженный человеком, в первый раз, но при этом она заявляла, что помнит... Еще меньше я представляла драконов, листавших старые книги.

Как такое возможно?

И Шарен объяснил.

«Книг у нас нет, но мы в совершенстве владеем ментальной магией. Это еще один дар нашей Прародительницы. Именно магия дает нам возможность передавать из поколения в поколение наши воспоминания. Пусть те, кто все видел своими глазами, уже тысячелетие как мертвы, но мы мало что утратили из памяти предков. У нас есть Хранители, в каждом из Гнезд. Они учат новое поколение, передавая свои воспоминания, которые получили от таких же Хранителей».

«Ах вот как!» — отозвалась я.

«Мы все еще помним огромные города, высокие горы и глубокие моря нашей настоящей родины. Помним, что когда-то у нас были руки — такие же, как у тебя. Мы жили в домах, спали на кроватях и ели из тарелок. Мы умели писать и читать, и магия у нас была совсем другая — совместная, драконья и людская. О, мы помним те времена и скучаем по иной жизни и своей второй ипостаси!»

«Но как же нам быть? — выдохнула я. — Вы возлагаете на меня такие надежды!.. — Они возлагали, я это чувствовала, одновременно поддерживая два контакта — и с ним, и с Сайрен. — Но я появилась здесь случайно. Артефакт, который оставила людям Святая Истония, неожиданно заработал. Странное стечение обстоятельств, и я...»

Дальше они уже знали.

«Не было никакого странного стечения обстоятельств, — уверенно заявил Шарен. — Ты появилась здесь, потому что ты — потомок Истони, и в тебе течет кровь Последней из Объединенных Драконов. И еще потому, что пришло наше время вернуться на родину, в свой родной мир. Ему уже ничего не угрожает, и мы тоже давно готовы».

«Но у Истони не было детей!» — качнула я головой.

«У Нее был сын, — в беседу вмешалась Сайрен. — Она оставила в твоём мире свое дитя, и мы прекрасно это помним. Именно Ее сын — вернее, его потомки — это наша надежда на то, что однажды мы сможем вернуться. В тебе течет Ее кровь, Агата, иначе ты бы не смогла пройти через свою стену и очутиться в нашем мире!»

«К тому же кровь Прародительницы дает особую защиту, — добавил Шарен. — Магическое поле, схожее с драконьей магией, которой ты не обладаешь. Это родовая защита. Я ее чувствую и нисколько не сомневаюсь, что это знак того, что ты избрана».

Хотела ему возразить — о чем он вообще говорит? Какая родовая защита, о которой я понятия не имела и которую в нашем мире никто не обнаружил?

Неожиданно вспомнила об опаленной стреле, упавшей к моим ногам в лесу во время Королевской Охоты, а я так и не нашла того, кто меня спас.

Никто не захотел признаваться.

Джеймс тоже не обнаружил — ни спасителя, ни защиты. Оказалось, потому что эта защита была похожа на драконью магию, невидимую в нашем мире, потому что никто не знал, что это такое.

О, Джеймсу это бы понравилось, если бы я только смогла вернуться и обо всем ему рассказать!

«Ты сможешь, — уверенно заявила мне Сайрен. — Наша Мудрость гласит, что как только ты уйдешь в свой мир, откроется Проход, которым мы сможем воспользоваться. Именно так нас учили!»

«Ты уйдешь, и мы тоже сможем вернуться», — добавил Шарен.

«Но как же мне уйти, если у вас не существует Граней, а у меня с собой нет артефакта?!»

Не догадалась его с собой захватить, потому что никуда не собиралась!..

Вот и драконы тоже не знали.

«Возможно, тебе помогут на Совете Стаи, — перестав ломать голову, заявил Шарен. — Я уже отправил гонцов, созывая все Гнезда. Завтра утром мы полетим к Балгуру, он будет нас ждать».

«Не представляю!.. — вновь сказала ему. — Но мне обязательно надо вернуться! У меня там остался

брат, и ему нужна моя помощь. А еще, у меня там Джеймс...».

Услышав его имя, Сайрен заинтересовалась. Склонила голову, попросив рассказать о Джеймсе. Но это было еще не все — внезапно я почувствовала тяжелый взгляд Шарена, а потом уловила нотку ревности в мыслях Вожака.

Причем ревновал он уже не Сайрен, а...

Он ревновал меня.

«Там остался человек, который мне дорог, — порядком растерянная, попробовала объяснить ему. — И я...»

Тут Шарен тряхнул головой, но я чувствовала, что он не может отделаться от мысли, что я принадлежу ему точно так же, как Сайрен.

«Думаю, Сайрен — твоя вторая ипостась, — неожиданно произнес он. — Вернее, я нисколько не сомневаюсь, что однажды вам удастся слиться воедино. Именно поэтому ты очутилась рядом с нашим Гнездом. Немного промахнулась, но в следующие разы сможешь ходить через свои стены или же Грани так, как тебе угодно. И оказываться в местах, где захочешь. В тебе течет кровь Прародительницы и лучше всего получается прийти к тем, кого ты любишь всей душой».

«То есть, если я оказалась здесь из-за Сайрен, то, выходит...»

С его слов получалось, что раз уж я потомок Святой Истории, то могу перемещаться в любое место своего или других миров, стоит мне только этого захотеть. Ведь их Прародительница тоже это могла!..

«Логично», — отозвалась я, но тут же добавила, что, быть может, во мне и течет толика Святой Крови, но мне вряд ли передались все ее способности. К тому же я понятия не имела, как это работает, хотя мне очень хотелось вернуться к Джеймсу.

А еще я чувствовала, что Шарену это не по нраву — он сразу же включил меня в свой круг интересов, и я стала его, точно так же, как и Сайрен.

В его драконьей голове все прекрасно уложилось.

Зато в моей, не драконьей, не укладывалось.

Не только это, но и многое другое. Как я могу путешествовать через Грани без артефакта и папиных знаний, к тому же если нигде нет этих самых Граней? И еще — что мне делать, если за мной бдительно следит вождь драконьей стаи?!

Где бы мне отыскать ответы на эти вопросы?

Завтра, сказала я себе, понимая, что в голове царит полнейший разброд. Завтра я отправлюсь на Совет Стаи и попробую во всем разобраться. Возможно, туда слетятся лучшие драконьи умы этого мира, и они-то все мне объяснят.

Сейчас мне нужно немного поспать, потому что сил не осталось больше ни на что.

И довольно скоро я заснула, положив голову на лапу Сайрен, вымотанная днем, который я провела сразу в двух мирах. Кажется, Шарен позже куда-то уходил, а она осталась со мной, охраняя мой покой.

...Проснулась я где-то через час и какое-то время лежала, прислушиваясь к дыханию свернувшихся рядом драконов. Их хвосты переплелись, Сайрен положила голову на шею Шарена, а тот собственническим жестом устроил на ней свое крыло.

И я была где-то... среди них.

Но проснулась я не из-за того, что драконы неловким движением потревожили мой покой, а потому что внезапно обо всем догадалась. Ответ пришел во сне — мне приснилась Святая История и с недовольным видом поведала о том, о чем я давно должна была догадаться сама.

Но раз у меня не вышло, то Прародительнице пришлось лично обо всем рассказать.

Джеймс Стенвей, герцог Раткрафт

В палатку даже через завязанную полотняную стенку задувал поднявшийся к ночи ветер, качал висевшие под матерчатым потолком магические светлячки. К тому же снаружи недавно прошел дождь, и Джеймс, вернувшийся на утес по зову короля, убрал мокрые волосы с лица, после чего

установился на своего двоюродного брата.

Установился, надо признать, с заметным раздражением, потому что Брайн заявил вовсе не то, что Джеймс был готов услышать.

— Я приказал сворачивать поиски, — сообщил король. — В этом нет никакого смысла, и ты прекрасно это понимаешь.

— Что именно, по-твоему, я прекрасно понимаю? — поинтересовался Джеймс, сделав над собой усилие, чтобы не сорваться на грубость.

Он как раз обследовал труднодоступную часть Грани, проходившую над самой пропастью. Можно сказать, буквально завис над ней, стоя на крохотной площадке. Но ему все же пришлось распахнуть портал и вернуться на утес, потому что король пожелал его увидеть.

Как оказалось, для того, чтобы сообщить о прекращении поисков.

— Ты прекрасно понимаешь, что Агату нам не найти. Ее здесь больше нет, — произнес Брайн терпеливо. — Каким-то непостижимым образом она ушла за Грань, и назад ей уже не вернуться. Вполне вероятно, она давно мертва...

— Нет! — выдохнул Джеймс протестующе.

— Но даже если она жива, — Брайн вскинул руку в примирительном жесте, — это не меняет сути дела. Джеймс, пойми, пути назад для нее не существует! И не смотри на меня так... Я тебе не враг и не вестник, приносящий плохие новости, которого нужно убить! Но ты должен отдавать себе отчет, что вернуться у Агаты не получится, потому что артефакт остался на этой стороне Грани.

В этом Брайн оказался прав.

Проклятый камень был здесь, стоял на треноге в палатке, светился тускло и безразлично, как и всегда до этого дня. Вернее, до часа, когда Сердце Пламени отправило Агату в другой мир.

После этого оно вспыхнуло в последний раз и затихло. И сколько бы Джеймс ни пытался с его помощью заново открыть Грань, в его руках древний артефакт так и остался лишь бесполезным куском горной породы.

— Брайн!.. — покачал головой Джеймс, собираясь сказать королю, что прекращать поиски он не намерен.

— Она там, брат мой! — мягко произнес Брайн. — За Гранью, и этого нам уже не изменить. Ничего не исправить, поэтому ты должен признать свое поражение.

— Нет! — упрямо повторил Джеймс. — Я не собираюсь ничего признавать. Согласен, Агата где-то там, за Гранью. Но раз ей это удалось, я тоже смогу. Отправлюсь за ней и верну назад.

Брайн устало закрыл глаза, и Джеймс увидел, как король покачнулся. Впрочем, подобное состояние кузена объяснялось довольно просто: от Брайна порядком несло выпивкой. Он давно уже удалился в палатку — вернее, сразу после того, как начались поиски, — откуда выглядывал пару раз, спрашивая, как идут дела.

Судя по всему, Брайну нашлось чем заняться. Но теперь запасы спиртного подходили к концу, и оставаться на утесе он больше не собирался.

Правда, ему хватило ума отправить остальных избранниц во дворец.

Уехали все, кроме Элизы, принцессы Визморской. Она не только отказалась покидать разбитый неподалеку от перевала лагерь, но и была настолько настойчива в своей просьбе подняться на утес, что пришлось ей уступить. И вот уже третий, а то и четвертый час Элиза стояла на коленях возле Грани, моля Богов, чтобы они вернули Агату живой и невредимой.

Такая преданность и вера Джеймса несказанно трогали, хотя ему казалось, что тронуть его уже ничего не в силах.

С исчезновением Агаты его душу словно заполнили черные демоны отчаяния. И они, эти самые демоны, появились аккуратно в тот страшный момент, когда он увидел...

Понял, что распахивается Грань, и осознал, что не успевает.

И он не успел — Агата исчезла с утеса. Джеймс кинулся за ней, но уже в следующее мгновение Грань вернулась к своему первозданному состоянию. Стала безликой и непреодолимой стеной, забравшей у него ту, которую он любил.

А теперь Брайн заявляет, что они должны сворачивать поиски!..

— Тебе стоит позаботиться об Элизе, — заявил он королю холодным тоном. — Принцесса, подозреваю, промокла и замерзла до полусмерти, пока ты здесь напивался в одиночестве.

Глаза кузена сузились, но король молчаливо снес упрек.

— Да, я ее заберу, — заявил он Джеймсу примирительно, — и мы вернемся во дворец. Спущусь сам, не стану отвлекать тебя от твоей безумной идеи продолжать ее искать.

Но Джеймс покачал головой.

— Ты пьян, Брайн, и открывать порталы тебе будет неразумно. Угроишь не только себя, но еще и принцессу. Я прикажу Тонейлу вас сопровождать. Уходите! В чем-то ты прав, делать вам здесь больше нечего.

От кузена все равно никакого толка, а Боги, к которым так старательно взывала Элиза, остались глухи к ее молитвам.

— А ты? — полюбопытствовал Брайн. — Неужели ты все-таки останешься? Ночь на дворе, Джеймс! Возвращайся с нами, а завтра утром продолжишь ее искать, раз уж тебе так нейдет.

На это герцог подумал, что, несмотря на свои отрицательные качества, Брайн всегда был довольно отходчив. Джеймс только что порядком наговорил ему резкостей, но кузен привычно не обратил на них внимания.

Но отходчив король был не только в плане резкостей.

Агата пропала, но Брайн преспокойно пережил эту потерю, словно ничего и не произошло. Так, досадный инцидент в горах, о котором можно с легкостью забыть. Была Агата Дорсетт — и нет ее, хотя сам недавно уверял Джеймса, что разглядел в ней то, чего раньше не видел.

И еще, что он не отдаст ее без боя.

Но Брайн сдался сразу же, никакой бой его не интересовал.

Зато Джеймс сдаваться не собирался.

Нет, сказал он себе, я никуда отсюда не уйду! Без Агаты мне уже никак, потому что за одну неделю она успела стать для меня смыслом жизни.

Наконец, Брайн немного протрезвел и все же уговорил Элизу подняться с колен. И Джеймс, глядя в заплаканное лицо принцессы, неожиданно подумал, что его двоюродный брат по большому счету не заслуживал любви этой смелой и самоотверженной девушки.

Хотя он тоже... Он тоже не заслуживал Агаты!

Не смог ее уберечь, хотя самоуверенно считал, что ему все по плечу.

Но он не понял. Не догадался сразу же, еще во время первой их встречи, что Агата не должна ехать на королевский отбор. Ему нужно было остановить ее раньше! Запретить, оставить у себя, отнять у Брайна, пока тот еще не разглядел, какое она сокровище, и не стал вести собственную опасную игру.

Игру, которая и привела Агату на Утес Святой Истории к этой проклятой Грани!..

...Тут начали сворачивать поиски. К Джеймсу один за другим стали подходить маги, с извиняющимся видом пытаясь донести до него собственные соображения — подкрепленные доводами, будь они прокляты!.. — что леди Корнуэлл уже ничем не помочь, поэтому всем нужно возвращаться в Стенстед.

По крайней мере, до завтрашнего утра.

Среди них был и Хатрейз, и Джеймс уставился на того, не скрывая своей ненависти.

Потому что Дирк Хатрейз имел степень по артефакторике, курировал Сердце Пламени и разбирался в древнем камне больше, чем кто-либо другой в Аронделе. Он должен был предвидеть катастрофу! Внятно объяснить ему и королю, что Агате нельзя участвовать в испытании, потому что для нее это слишком опасно.

— Скорее всего, леди Корнуэлл жива, — помявшись, произнес Хатрейз. — Я считаю, что ей удалось открыть Грань, потому что в ней чудесным образом течет кровь Святой Истории. Нас учили, что

Святая оставила потомка...

— Да, я тоже читал, что у Истонии якобы было незаконнорожденное дитя от Корнуэлла, — раздраженно отозвался Джеймс. — Но даже если и так, с этого «счастливого» события прошло больше тысячи лет... Или же у вас были подозрения, что кровь Корнуэллов может проявит себя подобным образом?!

На его вопрос Хатрейз снова замялся, затем промывчал что-то совсем уж невразумительное.

— Тогда почему я не увидел эти самые подозрения в рапорте на моем столе? — резко поинтересовался Джеймс.

— Мы не могли этого предположить, — пошел на попятную Хатрейз. — Да, после ухода Святой Истонии в другой мир был основан Орден Хранителей, но скоро его расформировали. Никто из Корнуэллов не отличался выдающимися магическими способностями, поэтому посчитали, что Святой Дар утрачен навсегда. Но сегодня он проявил себя в полной мере!

— Ну раз так, Хартейз! — Джеймс уставился на мага давящим взглядом. — Вернее, раз уж вы прозевали появление этого вашего Святого Дара, то придумайте, как запустить Сердце Пламени еще раз. — Джеймс пытался больше часа, включая brutальную попытку расколоть артефакт на части. — У меня ничего не вышло.

На это Хатрейз попытался было заявить, что это выше его магических сил. Запустить артефакт под силу только Агате Дорсетт!

— Чушь! — прервал его Джеймс, гоня прочь ту же самую предательскую мысль. — Если ей это удалось, то и мы будем пытаться так долго, пока дьявольский камень не заработает еще раз! Кстати, вы этим и займетесь. — И он с легким злорадством увидел, как вытянулось лицо Хартейза. — Я же планирую отправиться на другую сторону Грани.

Джеймс собирался это сделать, как только ему привезут детальную карту Арвийских Гор — он уже отправил за ней гонца во дворец. Грань простиралась на добрую сотню километров вглубь материка, места были плохо исследованными, а заблудиться Джеймсу не хотелось — он не собирался терять время, блуждая в поисках пути. Поэтому ждал карту, уже распланировав, как дойдет порталами до долины Дветтер к уже завтрашнему утру, после чего завернет за Грань и станет исследовать другую ее сторону.

Быть может, Агата все-таки прошла Грань насквозь, а не отправилась в другой мир, и теперь бродит где-то там, одна?!

— Но, милорд!.. — Хатрейз попытался было возразить, но Джеймс лишь качнул головой, и тот покорно поплелся к королевской палатке за артефактом.

Впрочем, был еще один неприятный тип, на которого сперва Джеймс возлагал большие надежды. Некий специалист по граням Стенли Уффорд.

Но этот тоже недосмотрел. Тогда какой же он специалист?!

К тому же сейчас нес полнейшую, мало относящуюся к делу чушь. Например, заявил, что вернуть из-за Грани Агату сможет только ее отец, Норман Дорсетт. Только вот незадача — тот еще шесть лет назад и сам пропал за Гранью!

На это Джеймс посмотрел на Уффорда как на сумасшедшего.

— Норман Дорсетт погиб, — напомнил ему. — Вам ли этого не знать?!

Но Уффорд забормотал что-то совсем уж несусветное насчет того, что Норман Дорсетт, оказывается, жив, но пропал без вести, уйдя за Грань.

Джеймс было заинтересовался, но оказалось, что записей отца Агаты у Уффорда нет и попытку Нормана Дорсетта им не повторить. Эти самые записи кто-то украл — Уффорд узнал об этом, когда ездил навещать Агату и ее маленького брата на остров Хокк.

Он считал, что записи могут быть у лорда Браммера, правда, тот вряд ли признается. Но если на него надавить, пригрозив королевским правосудием...

— У меня нет времени вникать в ваши дразги с Браммером, — поморщился Джеймс. — Получается, у Агаты есть брат?

Уффорд подобострастно покивал.

— Его зовут Оливер... Оливер Дорсетт! У мальчика очень яркий магический дар. Вполне возможно,

он схож с тем, которым обладает его старшая сестра.

Джеймс застыл, размышляя. Ну что же, выходит, тот самый Святой Дар Корнуэллов, которому отказали в существовании еще тысячу лет назад, сполна проявился у детей Нормана Дорсетта!

— Немедленно отправляйтесь на Хокк и доставьте мальчика в столицу, — приказал он Уффорду. — Я сейчас же выпишу вам документ, с которым вам будут оказывать полнейшее содействие. Его вы и предъявите опекуну Оливера Дорсетта.

Это заняло около десяти минут, после чего Уффорд спешно покинул утес. При этом Джеймс понимал, что, даже если в столицу доставят брата Агаты и тот каким-то образом распахнет Грань, самое быстрое, это произойдет через неделю.

Неделя!..

Он не знал, было ли у Агаты столько времени.

Наконец, на утесе почти никого не осталось — лишь Хатрейз продолжал уныло мучать артефакт, а за ним без энтузиазма приглядывала оставленная сторожить Сердце Пламени охрана. Посланник с картой задерживался, и Джеймс с ненавистью уставился на безразличную Грань.

Полы его плаща озлобленно трепал ветер, холодный дождь хлестал по лицу мокрыми каплями вперемешку со снежинками, все норовя залиться за воротник.

Но холода Джеймс не чувствовал.

Он не понимал, что ему делать дальше.

Но он знал, что несомненно продолжит поиски и будет делать это так долго, пока окончательно не поймет, что пришла пора сдаваться.

К тому же Джеймс прекрасно осознавал, что нужен не только Агате. Он нужен всему Аронделу — кузену без него не справиться!..

В королевство намеренно ввозили непонятную дрянь — никто из ученых умов Арондела не мог понять, откуда взялась Желтая Смерть и что это такое, потому что до этого момента они не встречались ни с чем похожим. К тому же в стране снова назревал бунт, управляемый чьей-то незримой рукой и грозивший своими размерами во многом превзойти мятеж, случившийся пять лет назад.

Джеймс прекрасно понимал, что не может передать все дела заместителям, во всем положившись на Ближний Круг. И уж точно он не может оставить их на Брайна, который привык во всем полагаться на него. Короля намного больше государственных забот занимали любовные дела, охота и светские развлечения.

Но сейчас Джеймсу было не до проблем Арондела.

Взмахнув рукой, он распахнул портал, отправившись на небольшой выступ, расположенный как раз возле самой Грани.

— Что же ты такое? — с ненавистью спросил Джеймс, уставившись на безмолвную, безразличную стену. — И кому ты здесь нужна?!

Но Грань хранила молчание.

— Как ты это сделала? — вновь потребовал он у нее ответа, словно Грань была разумным, но злобным существом. — Кто позволил забрать у меня то, что тебе не принадлежит?!

Грань все так же молчала, и Джеймс, замахнувшись, запустил в нее боевым заклинанием. Сгусток Огня ударил в стену и стек к ее подножию, хотя Джеймс прекрасно понимал всю бессмысленность своей затеи.

Но его это не остановило — он знал, что у его бесполезной вспышки гнева не будет свидетелей. Только он, Грань и еще, быть может, паривший в ночном сумраке горный орел.

— Ну же, отвечай мне! — заорал он.

Удар, еще один — в каждый их них он вкладывал свою ярость, свою боль, свой страх.

Страх за Агату.

За то, что потерял ее уже навсегда. Потому что подсознательно понимал: Брайн прав, им ее не

вернуть!..

Он может хоть с лупой исползгать все эти скалы или же раскрошить артефакт в мелкую пыль, но самому Грань ему не открыть.

Да, у него до сих пор оставалась надежда на брата Агаты. Но если тот слишком мал и его дар еще не стабилизировался — что казалось Джеймсу вполне логичным поворотом, — то вместо недели им придется ждать долгие годы, пока Оливер Дорсетт в полной мере не овладеет своей магией.

И это, опять же, кормило демонов у него в груди.

Успокойся, приказал себе Джеймс, еще ничего не решено! Надо продолжать поиски. Посмотреть, удастся ли Хатрейзу активировать артефакт. Кто знает, может, этот маг не так уж и бесполезен?

К тому же скоро прибудет посланник с картой, и можно будет отправляться на другую сторону Грани. Если Агату он там не обнаружит, то стоит проверить, что представляет из себя Оливер Дорсетт.

Но ярость и злость рвались из груди, и успокоиться у Джеймса не получалось. Вместо этого он продолжал лупить по Грани одним заклинанием за другим.

Понимал, что все бесполезно, но ничего не мог с собой поделать.

Это тянулось так долго, пока Джеймс внезапно не осознал, что Грань начала поддаваться.

Такого не могло быть — этому попросту не было логического объяснения. Но с каждым новым его ударом Грань продолжала понемногу изменяться. Если раньше боевые заклинания либо стекали, либо отскакивали от нее, словно мячи от каменной стены, то и теперь они тоже отлетали и стекали, но...

Но уже с задержкой.

Наконец, Джеймс перестал долбить стену. Подойдя, прикоснулся к ней ладонью. Ему показалось, что стена на ощупь стала теплой и мягкой, поддающейся его давлению. Такого эффекта с Гранью простейшими огненными заклинаниями добиться было невозможно — считалось, что она не реагировала на магию. Но факт налицо — с Гранью что-то происходило.

Убрав мокрые волосы с лица, Джеймс нажал еще сильнее.

Грань снова поддалась, на этот раз куда сильнее, чем раньше. Он почувствовал, как ладонь стала проваливаться в вязкую, теплую субстанцию. Но все же отдернул руку, потому что внутри Грани принялся разгораться огонь.

И Джеймс решил, что это хороший знак.

Накинув на себя защитное заклинание, он отшагнул и запустил в воздух несколько магических светлячков. По поверхности Грани тем временем пробежали первые трещины.

Казалось, она стала расходиться в стороны, поддавшись его бараньему упорству, и Джеймс принялся дожидаться, когда пролом откроется настолько, чтобы он смог в него протиснуться.

У него не было ни малейших сомнений в том, что он планировал сделать. Он собирался отправиться за Агатой на ту сторону, и его снедало нетерпение — ну почему же так долго?!.. Быть может, стоит врезать по Грани еще несколькими заклинаниями и ускорить процесс?

Но Джеймсу так и не пришлось никуда протискиваться, и боевые заклинания ему тоже не понадобились. Внезапно раздалось растерянное «Ах!», и он едва успел выставить руки.

Потому что из Грани, словно пробка из бутылки, вылетев, на него упала Агата.

Его Агата!..

С трудом, но он все же устоял на ногах — хотя такого поворота Джеймс явно не ожидал. Но не растерялся, прижал ее к себе, накинув защитное заклинание, а затем открыл портал и утащил ее с собой.

Подальше от Грани.

Подальше от своих демонов, которые чуть было не сожрали его заживо, когда он понял, что ее потерял... Вернее, чуть было не потерял, потому что сейчас Агата была с ним, и Джеймс, прижимая ее к себе, продолжал один за другим открывать порталы, уходя все дальше и дальше — сперва вниз по склону, а затем и за перевал.

Он не знал, как такое могло произойти, но все же подозревал, что Агату ему вернули Боги, — другого объяснения пока что не нашлось.

— Джеймс, погоди!.. — наконец, после шестого или седьмого перехода произнесла Агата.

Ее голос прозвучал слабо, она вцепилась в его одежду и смотрела на него огромными глазами, в которых отражалась выглянувшая из-за облаков луна. Смотрела так, словно не могла наглядеться.

Вот и он не мог, но сейчас ему нужно было открыть очередной портал...

— Джеймс, стой! Куда ты меня тащишь? — после еще одного перехода спросила Агата.

— Подальше отсюда! — пробормотал он. — Подальше, где ты мне обо всем расскажешь!

Наконец, остановился в одной из долин. Кажется, это была Долина Цветов, и он немного сбился с пути, забрав чуть правее от столицы. Зато они были в приличном удалении от Грани, и Джеймс решил все-таки перевести дух.

— Где ты была?! — поинтересовался у Агаты так, словно... Словно она загуляла на одном из приемов и забыла о времени. — Ты хоть представляешь, что со мной было?!

— Джеймс... Какой сейчас день? — вместо ответа спросила она. — О, скажи мне!.. Сегодня еще сегодня или уже завтра?! Сколько часов ты меня...

— Сколько часов я сходил с ума? — спросил он вполне любезным тоном. — Примерно пять, а может, и шесть. Но, как видишь, я все еще при полном сознании, хотя мне это далось непросто.

Затем он посмотрел на звезды. Арктус был довольно низко, а это означало, что до полуночи оставалось время.

— Подозреваю, сейчас все еще сегодня, — сообщил он Агате.

— Хорошо! — отозвалась она. — О, как же хорошо!.. Значит, «Морская Звезда» пока еще не прибыла в порт Стенстеда и я успела...

На это Джеймс слегка усомнился в ее душевном здоровье. Но ему было все равно, даже если бы они дружно сошли с ума. Главное, Агата вернулась, и он больше не собирался ее терять.

— Как ты себя чувствуешь? С тобой все в порядке?

— Со мной все хорошо, — ответила она, затем прижалась к нему еще сильнее. — Вернее, даже отлично.

— Ты была за Гранью?

— Да, — кивнула Агата. — Я была за Гранью, Джеймс! Там я встретила драконов. И еще... Кажется, во мне течет кровь Святой Истони. По крайней мере, они мне так сказали.

Он застыл, пытаясь осмыслить услышанное.

— У меня долго не получалось вернуться, — добавила Агата, — потому что Граней в их мире не существует. Это и было самой большой проблемой... Но мне повезло, потому что меня нашел Шарен. Он отнес меня в свой город и... Он мне подсказал! О, Джеймс, тебе нужно обязательно послушать о Шарене!..

— Это дракон? — хмуро поинтересовался Джеймс, не совсем уверенный, что сейчас ему хочется слушать о каком-то там Шарене.

— Да, это дракон, и они давно хотят вернуться! Вернуться назад, в свой мир... Вернее, в наш мир, который когда-то тоже был для них родным. Но они не могли это сделать, потому что все еще было слишком рано. Но теперь, кажется, пришла и их пора, потому что мне удалось вернуться... Значит, для них тоже откроется проход.

— Но как тебе удалось вернуться, если в том мире нет Граней?!

Агата замялась.

— Мне было так страшно тебя потерять!.. Я очень сильно хотела к тебе назад, в Арондел, и внезапно поняла, как это сделать.

— И как же ты это сделала?

— Все очень просто, — отозвалась она, а затем посмотрела ему в глаза. — Я пошла туда, где

оставила свое сердце. Я вернулась к тебе, Джеймс!

— Ты пришла ко мне из другого мира?

— Да. И ты знаешь причину.

— Знаю, — согласился он. — Подозреваю, по той же самой причине, по которой я пытался взломать эту Грань добрых шесть часов подряд. Но так как крови Святой Истории во мне нет, то мне не удалось. Поэтому...

Поэтому он поставил ее на ноги. Затем повернул к себе, понимая, что тренировался только один раз, но уже все... Все, пора переходить к делу и во всем ей признаться!

— Поэтому я хочу, чтобы эта кровь текла в наших детях, — заявил он. — И еще ты должна знать, что я не собираюсь больше тебя отпускать, даже если в других мирах по тебе скучают драконы. Поэтому впредь мы будем путешествовать как одна семья. Как муж и жена, даже к твоим драконам, потому что я прошу тебя стать моей женой! Я люблю тебя, Агата Дорсетт, и готов доказывать тебе это каждые день и ночь до конца нашей жизни. Правда, не знаю, какие тебе потребуются доказательства...

— Мне не нужно никаких доказательств, — улыбнувшись в свете луны, покачала она головой.

— И брачные браслеты я тоже с собой не захватил. Но я это исправлю, как только мы вернемся в Стенстед.

— Не нужно мне никаких браслетов...

— Что же тебе нужно?

— Мне надо, чтобы ты меня поцеловал.

— Хорошо! — согласился он. — Но для этого тебе придется сказать мне «да».

— Это шантаж? — поинтересовалась Агата.

— Так и есть, миледи! — отозвался он, посмеиваясь.

— Да, — ответила она. — Конечно же, я выйду за тебя замуж, потому что я люблю тебя, Джеймс Стенвей! Именно это чувство помогло мне найти дорогу домой.

И уже в следующее мгновение его губы прикоснулись к ее.

Глава 17

Огромный королевский барк — четырехмачтовик, несколько палуб, дерево и железо, — едва заметно покачивался на волнах, хотя ветер после того, как мы вышли из Бискарского залива, стал совсем уж солидным.

Трепал мне волосы, так и норовя сорвать и унести шляпку — последний подарок Джеймса, — и вдоволь с ней позабавиться. К тому же, он совершенно бесстыдно задувал под подол нового сиреневого платья — опять же, подарка моего жениха, — которое при сильных порывах преобильно хлестало меня по ногам.

Но я не спешила возвращаться в свою каюту. Так и стояла на верхней палубе, ухватившись за поручень, и смотрела вдаль. Думала о том, что, наверное, если бы я путешествовала на «Гордости Империи», то сейчас бы лежала в лежку с зеленым лицом, вцепившись в «Житие Богов» и умоляя Эмгу быть к нам милосердным. Зато здесь, на борту «Крыльев Стенвеев», идущем попеременно то на парусном, то на паровом ходу, качки почти не ощущалось.

Именно поэтому последние полчаса я преспокойно разглядывала скрывшийся в вечерней дымке берег, с трудом различая высшие пики Арвийских Скал и понимая, что где-то там, у их подножия, спрятался Стенстед. Или же переводила взгляд в другую сторону — смотрела, как заходившее солнце плескалось в бесконечном море, окрашивая его воды в золотисто-малиновые цвета.

А еще поглядывала в безоблачное небо, чувствуя, как меня переполняет целая гамма чувств. И самое сильное из них — любовь к человеку, который очень скоро станет моим мужем. Оставалось совсем немного — мы с Джеймсом собирались пожениться, как только Брайн соизволит отпустить меня с отбора.

Именно так и заявил нам король, когда мы сообщили ему столь радостную весть. Поставили его в известность, что мы с Джеймсом любим друг друга и собираемся всегда быть вместе, и нет такой силы, которая могла бы нас разлучить.

Даже Грани и другие миры не стали для нас помехой.

Впрочем, возражений у короля не нашлось — пусть на его лице появилась натянутая улыбка, но он вполне приветливо нас поздравил, сказав, что не станет препятствием для двух любящих сердец.

Единственное, все же высказал свое пожелание. И это пожелание прозвучало как приказ.

Брайн хотел, чтобы мы с Джеймсом во всем следовали традициям Арондела. Я до сих пор оставалась на отборе, потому что король так и не отпустил меня на шестом испытании... Разве он мог это сделать, если я открыла Грань на глазах у всех, и слухи об этом стремительно разбегались по всему королевству?!

Выходило, я снова вышла победительницей, поэтому мне придется принять участие в финале.

Но Брайн поклялся, что для меня это будет всего лишь формальностью.

На это Джеймс улыбнулся крайне скептически, заявив, что уже порядком слышал подобных клятв на своем веку, затем попытался вразумить своего кузена. Но, увы — безрезультатно! Брайн уперся как баран, и нам пришлось смириться.

Последнее испытание, так последнее испытание — вот что я сказала Джеймсу, заявив, что нам осталось лишь запастись терпением. Ничего не изменится, вернее, моих чувств к нему уже не изменить, так что Брайн прав, это будет всего лишь формальность. Отбор скоро закончится, мы навсегда будем вместе, а королю придется сделать выбор из...

Я выпала, потому что любила Джеймса. Ушла и Эстель Маклахан — она больше не могла участвовать в отборе. Так что оставались Элиза Визморская, Шейла, принцесса Зарейна, Харриет Рэнд, Дора Браммер и, конечно же, Бэсси Берналь — как без нее!

Для меня ответ был очевиден — нет никого лучшего для Брайна Стенвея и Арондела, чем принцесса Элиза, которая искренне любила короля и нашу страну.

Но Брайн до сих пор колебался и, по словам Джеймса, даже спрашивал у него совета. Не только это — по мнению моего жениха, его кузен продолжал совершать одну дурость за другой.

Во-первых, не отпустил меня с отбора, а затем, несмотря на все уговоры, увещевания и призывы думать головой, король уперся и заявил, что финал пройдет именно там, где давно уже планировалось. И нет, он не изменит своего решения в угоду каких-то там обстоятельств или мятежников, почти всех из которых уже были пойманы!

Финал пройдет на королевском барке, на который Брайн приказал доставить — правда, на этот раз не Большое, потому что король справедливо опасался моего дара и того, что мы все провалимся в тартарары, — а Малое Сердце.

Брайн все еще надеялся, что древний артефакт поможет ему не ошибиться с выбором.

Присутствие кусочка древнего артефакта добавило мне тревог, несмотря на то, что мы уже vyplыли в открытое море, и ни в какие тартарары проваливаться не собирались.

Нападения тоже никто не ожидал — по соображениям безопасности нас сопровождало с дюжину боевых кораблей, а часть военного флота Арондела, стоявшего в гавани Стенстеда, на всякий случай была приведена в полную готовность.

Но пусть я понимала, что волноваться мне не из-за чего, и что до окончания отбора оставалось всего ничего... Еще пару часов, и все закончится, после чего мы с Джеймсом будем свободны, но все равно мне было почему-то тревожно.

Вот и сейчас, стоя на ветру, я пыталась понять, что именно меня беспокоит. Небо казалось совершенно безоблачным. К тому же, я видела, как зажигались огоньки на кораблях сопровождения, покачивавшихся на волнах неподалеку от нас.

Но я все равно не могла отделаться от ощущения, что на нас надвигалась гроза.

Нет, не тучи, а внешняя угроза, справиться с которой будет совсем непросто.

Покачала головой, пытаясь себя разогнать тревожные мысли. Ведь все же только началось налаживаться!..

Я с нетерпением ждала приезда младшего брата, за которым Джеймс снарядил целое судно, отправив на Хокк магистра Уффорда и двух Высших Магов, чтобы те по прибытии моментально оценили состояние Оливера, и, если понадобится, в срочном порядке помогли ему с лечением.

К тому же, вместе с магами я передала на Хокк два письма. Первое было адресовано Олли, в котором я объясняла брату, что бояться ничего не стоит, и что я жду-не дождусь его в столице.

Потому что в нашей жизни все изменилось в лучшую, даже великолепную сторону!

Я выхожу замуж за прекрасного человека, которого люблю всем сердцем. Жить мы будем вместе, в новом доме — Джеймс успел показать свой особняк, заявив, что после свадьбы мы сразу же в него переедем.

Второе письмо я написала дяде, изложив в нем то, чего мне удалось добиться в его деле до этого момента. Начала с приятных для лорда Корнуэлла новостей, написав, что его старый враг Маклахан задержан и помещен в тюрьму.

Да-да, за свои ужасные преступления!

Выяснилось, именно с его подачи и на его кораблях в Арондел ввозили Желтую Смерть, а потом распространяли по всему королевству. Длилось это несколько лет, но в последние месяцы приняло совсем уж огромные масштабы, что повлекло за собой множество жертв.

Уверена, за Маклаханом водились и другие грехи — например, участие в старом заговоре пятилетней давности и подготовка нового. Но он упрямо все отрицал, хотя доказательства его причастности были налицо. Именно из-за этого молчания мы еще не знали всех организаторов заговора и к нему причастных.

Но дело продвигалось — частично в этом помогло досье Жилия, остальные успели раскопать ищейки Джеймса.

Про Жилия писать дяде не стала, не захотев рассказывать о своей связи с Братством Голодных. Мне хватило и сложного разговора с Джеймсом, который, впрочем, завершился поцелуем и очередным признанием в любви.

От дяди поцелуев и признаний я не ждала, поэтому добавила, что молчание Маклахана продлится недолго. Очень скоро тот заговорит, рассказав обо всем, что уже совершил и что только планировал повернуть. Преступлений за ним и его поделщиками водилось столько, что это потянет даже не на длительное тюремное заключение, а на целую плаху на центральной площади Стенстеда...

Впрочем, до приговора и обвинения дело не дошло — пока еще шло следствие, так что, вполне возможно, Маклахан куда больше пользы принесет и на королевских каменоломнях.

Этого я не знала, и решение было за судом.

К тому же, я сообщала лорду Корнуэллу, что обратилась к герцогу Стенвею, моему жениху, с просьбой в свете новых обстоятельств пересмотреть дядино дело. Ясно же, что лорд Корнуэлл никакой не заговорщик, а Маклахан оболгал его пять лет назад!..

И Джеймс пообещал сделать все, что в его силах. Причем, в ближайшее время.

Именно так я и закончила свое письмо — словами надежды и ободрения для дяди. Мне захотелось поделиться с ним тем ощущением счастья, с которым я жила в последние дни. Именно по этой причине не стала ничего рассказывать про проступок Абигейл. Решила, что Боги ей в судьи, а мне не стоит омрачать письмо со столь приятными новостями тяжелыми признаниями.

Во многом столь позитивные перемены в деле дяди и поисках виновных в возе наркотиков произошли потому, что важная встреча между Джеймсом и Братством все-таки состоялась.

Но сперва задержали «Морскую Звезду». На ее борту была обнаружена крупная партия Желтой Смерти. За этим последовали обыски в порту, в зданиях Южного Торгового Союза и у самого Маклахана, которые, по словам Джеймса, увенчались успехом...

Так вот, после этого мой жених согласился на встречу с Жилем, и даже ничего не сказал, когда я попросила у него не два, а целых три помилования.

И все потому, что я решила немного слукавить.

Это в последний раз, пообещала себе. Клянусь Святой Истонией и всеми Богами Арондела — я больше никогда не стану ничего скрывать от своего будущего мужа!..

Но сейчас это был мой откуп от Братства — потому что в список помилованных я внесла еще и Мэтью.

И пока два короля — потому что именно Джеймс правил Аронделом вместо своего венценосного брата, закрывая глаза на его глупости, а Жиль был истинным правителем Братства Голодных в столице... Так вот, пока они разговаривали, прохаживаясь по уединенному пляжу неподалеку от Стенстеда под бдительным надзором своих людей, я передала Мэтью свиток с королевским помилованием.

— Это тебе, — сказала своему старому другу. — Считаю, я вернула свой долг за то, что ты спас жизнь Олли. Теперь мы в расчете, и моя совесть чиста.

— Не ожидал такого! — признался Мэтью, но бумагу все-таки взял.

Выглядел он порядком растерянным, словно не знал, что с ней делать. То ли радоваться помилованию, то ли выкинуть за ненадобностью, потому что все равно в ближайшее время нагрешит.

Впрочем, я сделала все, что могла, дальше он был волен поступать как ему угодно.

— Это твоя жизнь, — сказала я, — и твой выбор. Ты можешь начать все с чистого листа. Уйти из Братства, заняться ремеслом и вести праведную жизнь. Или же оставить все как есть. Но меня это больше не касается. Дальше ты уже как-нибудь сам!

— Агата...

— Я выхожу замуж за герцога Раткрафт, — заявила ему, — так что вряд ли мы с тобой когда-нибудь свидимся, — потому что я почти не сомневалась, какое решение он примет.

— Как бы ты высоко ни взлетела, ты всегда будешь нашей! — произнес он уверенно, на что я покачала головой.

Мэтью был неправ — Братство навсегда осталось в моем прошлом. Потому что в своих мечтах о будущем я взлетала намного выше...

В них была не только счастливая, полная любви и страсти жизнь с Джеймсом — в своих грезах я вспархивала высоко в небо, где могли парить только драконы.

Но они так и не появились в Аронделе, хотя я старательно ждала, спрашивая о новостях все три дня до начала финала. Про драконов никто до сих пор не слышал!..

Вот и сейчас, стоя у борта «Крыльев» и время от времени поглядывая в небо, я размышляла, что могло пойти не так. Почему они так и не появились?!

Это тоже наполняло меня тревогой.

Настолько сильной, что в ближайшем времени я снова собиралась шагнуть через Грань. Отправиться к драконам — вернее, за ними, правда, на этот раз с Джеймсом, — и спросить у Шарена...

Неужели они передумали? Собрали Совет Стаи и решили остаться?

Или же что-то им помешало?!

Шарен говорил, что как только я уйду, для них откроется проход в старый мир. Но, быть может, я что-то сделала не так, и обещанный Святой Истонией портал так и не появился?!

Я понятия не имела, что произошло после моего ухода, как и не знала, жив ли мой отец. Тоже собиралась на его поиски, и тоже с Джеймсом, но — опять же! — для этого мне нужно было сперва покончить с королевским отбором, а моему жениху решить насущные проблемы Арондела.

Он их решал.

Стоило залучить досье от Жиля, как тут же полетели головы — вернее, начались обыски и задержания к тем, кто был замешан в ввозе наркотиков и подготовке нового заговора. Именно поэтому Эстель Маклахан пришлось уйти с отбора — ее отец первым попал под стражу, и его вина ни у кого не вызвала сомнений.

Зато Дора Браммер осталась, так как лорда Браммера в списке Жиля не оказалось, а его причастность к заговору и Желтой Смерти доказать не удалось. Но Джеймс знал о пропавших бумагах отца, поэтому Браммера все-таки вызвали на допрос.

Правда, тот держался уверенно и высокомерно. Заявил, что работы моего отца он не брал и никаких экспериментов по открытию Граней не проводил. Да, старый дом на Хокке приобрел, но разве это запрещено законом?

Законом это было не запрещено.

Зачем он это сделал? Потому что хорошее вложение денег, и он имеет полное право покупать любую собственность как в Аронделе, так и за его пределами.

Добиться от него ничего не удалось, поэтому Браммера все-таки отпустили. Его дочь Дора тоже оставалась на отборе, хотя ее шансы стать королевой, подозреваю, были мизерными.

Зато они все еще оставались у прекрасной Шейлы, принцессы Зарейна. Ее экзотическая красота притягивала мужские взоры, что король никак не мог с ней расстаться. Какие чувства испытывала она к Брайну Стенвею, мне было сложно судить, по ее невозмутимому лицу поди еще что-то пойми!..

Но развязка была близка, и очень скоро все должно было закончиться.

Как именно, я не знала, поэтому мне было тревожно.

Очень.

Тут на верхней палубе появился Джеймс. Кивнув моему стражу, прохаживавшемуся неподалеку — этого я не знала, он недавно сменил двух прежних, — подошел ко мне. Поцеловав, спросил, как у меня дела.

На это я пожала плечами. Ответила ему, что все еще размышляю, куда именно нам отправиться в свадебное путешествие — то ли искать моего отца за Гранью возле Хокка, то ли сразу же идти за драконами.

Усмехнувшись, Джеймс заявил, что тут уже на мой выбор — он готов пойти со мной в любой из миров, куда бы я только ни захотела.

И я покивала, сказав ему, что очень скоро все разрешится. Оставалось совсем немного подождать.

Вот и у него оставалось совсем немного времени, чтобы вразумить своего двоюродного брата. Сейчас как раз начались последние свидания, и, пусть Джеймс дал себе и Брайну обещание ни во что не вмешиваться, он все-таки собирался поговорить с ним еще раз.

Вернее, уговорить его остановить свой выбор на Элизе.

Принцесса Визморская — лучшей жены Брайну и не пожелать, Джеймс тоже так считал. Но затем добавил, что его кузен упрям как баран, поэтому ожидать от него можно чего угодно.

Еще раз меня поцеловав, он все-таки ушел, я снова осталась в одиночестве у своего борта.

Дожидалась своей очереди встретиться с королем, нисколько не сомневаясь в том, что идти мне последней.

Тут на палубе, перемахнув через перила, появились близнецы — ходить по лестнице, как оказалось, им было неинтересно.

Маленьких принцев тоже взяли с собой в плавание. Они так долго ныли и упрашивали брата, что Брайн дал свое согласие. Поэтому к моим тревогам добавилось еще и опасение за их жизнь.

Грань совсем рядом — буквально в паре километров от нас, темнела в окружившей ее вечерней дымке, Брайн привычно уперся, бумаги отца мы не нашли, и вся эта каша — даже не каша, а какое-то дьявольское варево, — тревожила меня до невозможности!..

Казалось, не хватает лишь одного компонента, чтобы добавить его в варево, и все встанет на свои места. Мне оставалось совсем немного, чтобы понять.

Но компонента не было, и я все еще не понимала.

Если только...

— Мы были в машинном отделении, — заявил мне Том.

— И ничего там не сломали, — тут же с гордостью добавил Дэнни.

— Какие вы молодцы! — похвалила я их совершенно искренне.

Впрочем, мы с Джеймсом тоже недавно были в машинном отделении и тоже ничего не сломали. Потому что целовались и там, и на лестнице, и в коридоре, и на палубе, и, признаюсь, я мало что запомнила с той экскурсии.

Поэтому сказала принцам, что хотела бы сходить в машинное отделение вместе с ними еще раз, но сперва...

— Сперва у меня будет для вас задание. Нужно незаметно пробраться в королевскую каюту, где сейчас проходят последние свидания, а потом выбраться оттуда так, чтобы никто и ничего не заподозрил. Но перед этим кое-что сделать.

— Это важное задание? — спросил Том.

— Очень! — отозвалась я. — Можно сказать, вопрос жизни и смерти. Причем, не только нашей, но и всего Арондела. Судьба королевства в ваших руках.

Я нисколько не лукавила, и они это почувствовали.

— Мы сделаем все, что нужно, — важно заявил мне Дэнни, и его брат покивал с торжественным видом.

А потом они округлили глаза, потому что я взяла и... совершила часть того, что и Святая Истония тысячу лет назад. Почему бы и нет, раз во мне течет Ее кровь, есть часть Ее магии, и я все еще помнила удивительный сон в пещере Шарена?

Правда, сотворить мне удалось лишь жалкое подобие артефакта, да и работать оно нисколько не работало. Так, лишь фальшиво светилось, излучая схожую с Малым Сердцем магию, но, конечно же, его свойствами не обладало.

Впрочем, для моей задумки нужно было именно это.

Затем я объяснила принцам, что им надо будет сделать, и близнецы, взяв у меня фальшивый артефакт, ушли выполнять задание.

А я осталась, дожидаясь... Ждала, когда все начнется.

Дождалась — на моей палубе появился тот самый человек, на которого я думала, и я поняла, что ни в чем не ошиблась!

Я увидела Шейлу — именно она шла ко мне от лестницы, на что я мысленно кивнула — ну что же, началось!

К тому же, об этом свидетельствовало еще и то, что мой страж пропал — только что маячил неподалеку, но теперь его нигде не было видно. То ли переметнулся на сторону заговорщиков — чему я мало верила, — то ли пострадал или же был убит от их руки.

Теперь же, выходило, пришла и моя очередь.

Но я спокойно смотрела, как приближалась принцесса, — убийственно прекрасная в ярко-голубом наряде своей страны, явно надетом на предстоящее свидание с королем. Возможно, в ходе свидания Брайн не должен был выжить — этого я пока еще не знала.

Но планировала выяснить.

К тому же, я нисколько не собиралась изображать на своем лице любезную улыбку. Неожиданно вспомнила, как Джеймс смотрел на Шейлу в театре, и как она с ним заигрывала при встречах, и мое настроение стало совсем уж кроважидным.

Впрочем, Шейла тоже не собиралась разыгрывать любезность.

— Ты чуть было нам не помешала, — заявила она мне на чистом аронделском языке, хотя до этого старательно прикидывалась, что его не знает. — Едва не погубила то, что мы так долго и старательно планировали!

Я кивнула.

— Это ведь тянулось много лет, не так ли? — спросила у нее, заметив промелькнувшее в глазах принцессы удивление. — Думаю, лет десять, если не больше. Зарейн давно уже хотел захватить Арондел. Сперва вы попытались взять нас военной силой, но у вас ничего не вышло. Ваш флот безжалостно разбил генерал Берналь, поэтому вы пошли другим путем. Начали давать деньги, спонсируя первый мятеж. Тот самый, который подняли Зеймуры, всколыхнув многих благородных лордов Арондела... Но заговор все равно провалился. Затем вы решили и сами в нем поучаствовать, чтобы на этот раз наверняка. Правда, путь выбрали довольно сложный. Слишком уж извилистый, хотя вы были уверены, что он приведет к победе, потому что никто не сможет вас раскусить.

Склонив голову, Шейла слушала, а я продолжала ей рассказывать то, что уже успела понять.

Я во многом разобралась, но мне все еще не хватало последнего ингредиента.

Того, что расставит все на свои места.

Я говорила о том, что Маклахан давно уже продан Зарейну, еще с первого мятежа. Он и Браммер — правда, этим двоим все-таки удалось выйти сухими из воды пять лет назад. Зато во второй раз они подготовились значительно лучше.

К тому же, у них было тайное оружие — никто в обитаемом мире таким не обладал и не был к нему готов. Потому что вместе с зарейнскими им магами все же удалось открыть Грань. Да-да, они это сделали с помощью тетрадей моего отца, которые забрал из нашего дома Браммер!

Но, в отличие от папы, заговорщики не совершили его ошибку — не остались по ту сторону Грани, когда она закрылась.

— Не так ли, Шейла? — спросила я, посмотрев принцессе в глаза.

Она пожала плечами.

Ну что же, карты были брошены. У меня не было никаких сомнений, что они не собирались оставлять меня в живых.

Наверное, поэтому Шейла произнесла:

— У нас было много попыток, пока одна из них не увенчалась успехом. Да, нам удалось открыть Грань! И да, мы потеряли много хороших магов, потому что в том, другом мире, Граней не существует. Зато в нем живут монстры — страшные, кроважидные твари, против которых наша магия почти бессильна. Но мы все-таки научились удерживать стабильный проход... Сперва он работал в течение пяти, а потом и пятнадцати минут. На большее не способны даже лучшие наши маги.

Я кивнула, понимая, что мой отец совершил настоящий прорыв в Магии Граней!

— Именно оттуда, из нового мира, вы и притащили Желтую Смерть, — сказала ей. — Жуткую заразу, которой никогда не было в Аронделе!

Шейла склонила голову, медля с ответом, а я демонстративно добавила магии к своей защите.

Мне было тревожно, но не из-за того, что должно было произойти в конце нашего разговора. Я боялась, что нам кто-то помешает, и я так и не узнаю все до самого конца.

А потом, когда Шейла примется меня убивать — вот тогда пусть и спасают!..

— Поэтому вы решили ослабить Арондел бунтами, — произнесла я, пытаюсь вновь втянуть ее в разговор. — Для этого стали ввозить Желтую Смерть. Создавали себе армию послушных рабов, готовых на все ради новой дозы, чтобы потом уже... Потом, когда все будет готово, ударить по нам еще раз.

— Неплохо, — кривя губы, похвалила меня Шейла. — Пока что ни в чем не ошиблась.

— Вы бы пришли из-за Грани, которую можете распахнуть в любой момент, выбрав удобное для вас время и место. Вполне возможно, — я посмотрела на нее, а потом перевела взгляд на восток, где проходила та самая Грань, разделявшая нас с Зарейном, — это время уже настало. Корабли ваших поделщиков арестованы, главный заговорщик Маклахан сидит в тюрьме. Он вот-вот заговорит, и тогда все годы подготовки пойдут насмарку!.. Зачем вам тянуть еще дольше? Уверена, вы должны ударить здесь и сейчас, чтобы сохранить хотя бы минимальное преимущество и эффект неожиданности.

— В проницательности тебе не отказать, — отозвалась принцесса, и в ее голосе прозвучала неприкрытая ненависть. — Да, мы были вынуждены изменить наши планы, но этот раз поражения не будет. Все давным-давно готово!

— Тогда зачем отбор? — спросила я. — Какой смысл тебе в нем участвовать? Зачем это было нужно?

— Нам не нужен никакой отбор, — качнула Шейла головой. — Кому сдался ваш слабак-король?! Его кузен намного интереснее, — добавила она, уверена, чтобы позлить меня напоследок. — Впрочем, Джеймс Стенвей тоже совершенно бесполезен. Его бы все равно не удалось склонить на нашу сторону.

Неожиданно я все поняла.

Догадалась, что это был за последний ингредиент.

— Я знаю зачем вам был нужен отбор, — сказала ей. — Вы хотите заполучить Сердце Арондела.

— Ты права, — склонила голову Шейла.

— Но почему?! При чем здесь древний артефакт?!

— Потому что способ, который открыл твой отец... Да, он работает, и Грани распахиваются, но нам этого мало. Слишком мало времени! Проход держится самое долгое пятнадцать минут, а потом нужно ждать больше часа, чтобы открыть ту же самую Грань во второй раз. Зато с Сердцем Арондела мы сможем держать ее распахнутой любое время. Столько, сколько нам понадобится.

— С чего вы так решили?

— Потому что это тоже было в расчетах твоего отца, — усмехнулась Шейла. — Он описал и второй способ, сделав расчеты уже с артефактом.

— Ясно! — отозвалась я, потому что все встало на свои места. — А Грань вы хотите распахнуть для того, чтобы в воды Арондела вошла целая армада кораблей Зарейна, не так ли?

— Именно так, — согласилась Шейла. Ее глаза сузились, и я поняла, что умереть мне по ее плану предстоит очень и очень скоро. — Сегодня мы заберем артефакт. Думали сделать это на утесе, но место там неудобное — с нашей стороны Арвийских Скал к вам сложно подобраться, а бить напрямую бесполезно, слишком много охраны. Зато сейчас... — она обвела взглядом море — бесконечное море, даже берега уже не видать. — Сейчас, когда через Грань уже прошла часть нашей армады, никто не в силах нам помешать. Правда, этот идиот Брайн взял из столицы только Малое Сердце, хотя я пыталась его переубедить...

— Ментальное воздействие, не так ли? — спросила я, подумав, что это объяснило бы причину многих странных поступков Брайна.

Но принцесса, усмехнувшись, покачала головой.

— На этот раз обошлось без магии. Ваш король попал под мои чары, и я нашептала ему на ушко, что он должен взять с собой артефакт. И еще, что я хочу, чтобы финал прошел в открытом море. Ну что же, поэтому мы сперва заберем Малое Сердце, а Большое достанем тогда, когда в вашу столицу войдут наши войска!

— Интересно, как вы планируете все это провернуть?

— Сперва убьем тебя, — пожала плечами принцесса. — Нам не нужны конкуренты. Через Грань

могут ходить только зарейнские маги. Кстати, охрана тебе не поможет — она либо мертва, либо перешла на нашу сторону. Мы хорошо подготовились.

— Я вижу, — сказала ей, кусая губы. — Допустим, вы убьете меня, но что дальше? Ударите по «Крыльям» и нас потопите? Но как же ты сама и твои люди?!

- Какая тебе разница, что будет дальше? — поинтересовалась принцесса. — Зачем это знать покойнице?

И в этот самый момент она кинула в меня заклинание.

Но я была готова к удару — отразила его с легкостью, как и сгусток огня, сорвавшийся с руки типа в черной одежде королевского мага, бросившегося на помощь Шейле. Выставила защиту, отбив еще одно боевое заклинание, но уже со стороны принцессы. Повернулась к Шейле, которая заметно побледнела — все шло совсем не так, как она планировала!

А уж мое боевая молния, разорвавшая ее защиту и хорошенько приложившая об борт «Крыльев» — так сильно, что она сползла на палубу, — нет, к ней Шейла явно была не готова!

Зато я не ожидала еще одно заклинание. Причем, оно прилетело откуда-то сбоку, со стороны лестницы, когда я полностью сосредоточилась на маге, понимая, что совсем немного, и я разделаюсь еще и с ним.

Но прогадала — в меня ударила еще и Дора Браммер.

Ее заклинание неожиданно вышло очень сильным. Таким, что и меня снесло с ног и ударило об тот самый борт, к которому я недавно отправила Шейлу. Правда, та уже приходила в себя, зато теперь я сползла на палубу. Задышала шумно, чувствуя сильную боль в затылке. В глазах двоилось, а сознание попыталось меня покинуть.

— Джеймс! — позвала я, но голос прозвучал хрипло, словно в легких не хватало воздуха, а затем мысленно обратилась к тому, о ком постоянно думала последние три дня.

Но никто не спешил мне на помощь, поэтому я попыталась поднять руку, чтобы выставить защиту. Не удалось — проклятый маг накинул на меня еще и связующее заклинание.

— Прикончи ее! — раздался полный ненависти голос тихони Доры Браммер. — Нет, не магией! Мало ли, она на нее не подействует?! Святая Кровь, как никак!..

Ее губы презрительно скривились, а на лицо упал черный, вьющийся локон.

— Сейчас мы ее выпустим, эту вашу Святую Кровь! — отозвалась поднявшаяся на ноги Шейла. — Я сама это сделаю, — заявила она магу, после чего выхватила из-под своей одежды кинжал.

Но я не собиралась сдаваться, рвалась наружу из магических пут. Мне удалось даже пошевелить рукой, но мерзкий маг накинул на меня еще одно заклинание — наверное, чтобы Шейле было сподручнее меня убивать.

И уже очень скоро мне оставалось лишь смотреть, как принцесса Зарейна заносит надо мной кинжал. А еще надеяться на то, что родовая защита не подведет — ведь заговорщики ничего о ней не знали!..

— Сдохни! — прошипела Шейла, но уже в следующую секунду ее отбросило в сторону — потому что полыхнуло красным драконьим огнем защитное поле.

Удар вышел такой силы, что принцесса и охнуть не успела — отлетела и покатила по палубе.

Правда, что с ней стало дальше, я уже не увидела. Сознание начало затуманиваться, а я... Понимая, что меня вот-вот похитит тьма, подумала — ну что же, вот вам задачка!

Попробуйте еще меня прикончить, когда меня защищает магия Святой Истории!..

Стоило мне открыть глаза, как я увидела перед собой встревоженное лицо Джеймса. Даже не так — мой жених был бледен, словно сама смерть. Но он явно закачивал в меня магию, поэтому я чувствовала себя... почти живой.

Тут голова окончательно прояснилось, и я заморгала в полумраке, пытаюсь понять, что это за место. Оказалось, я лежала в маленькой комнатке, заваленной непонятными механизмами и кусками парусины. Неожиданно ко мне вернулся слух — через распахнутую дверь до меня донеслись звуки магических разрядов, перемежавшиеся с криками и звоном мечей.

Но Джеймсу не было дела до идущего снаружи боя.

— Опять! — заявил он с чувством. — Стоило мне оставить тебя без присмотра на полчаса, как тебя снова начали убивать! Подозреваю, мне придется приковать тебя к себе цепью!

— Не откажусь, — пробормотала я. Затем вздохнула, пытаюсь собрать воедино разбегающиеся мысли — а разбегались они из-за вязкой, тянущей боли в пострадавшем затылке. — На меня напали, Джеймс! Шейла и Дора, — сказала ему. — С ними был еще и третий, выдававший себя за королевского мага.

Они попытались меня убить, но так и не смогли. Наверное, времени решать задачку с родовой защитой у них не было, поэтому они решили запереть меня здесь, в этой каморке, чтобы я не мешалась под ногами.

Но Джеймс все-таки меня нашел.

— На всех напали, — сообщил он. — С предателями, кто был на корабле, мы почти разобрались, но есть проблема и посерьезнее. Зарейнцы открыли Грань в нескольких километрах отсюда и сейчас прорываются к «Крыльям».

— Сколько?! — выдохнула я. — Сколько кораблей?!

Джеймс едва заметно поморщился, да и лицо выглядело встревоженным.

— Чуть больше тридцати, — признался мне. — Но я думаю, что скоро их будет еще больше.

— Будет, — согласилась я, — но не сразу. Им нужно время. С момента открытия первого прохода должно пройти около часа. Тогда они смогут заново распахнуть Грань.

Тут корабль содрогнулся, словно застонал, и Джеймс моментально накинул на меня дополнительную защиту.

Я знала, что это такое — в «Крылья» только что угодило зарейнское ядро. Выходило, вражеские корабли совсем близко.

— Шейла и Дора, что с ними? — спросила у него, кусая губы от тревоги.

— Дору Браммер удалось задержать, а вот Шейла все-таки сбежала сразу после того, как попыталась убить Брайна.

— О, Святая Истония! — выдохнула я в полнейшем ужасе. — Король жив?!

— Жив. Его спасла Элиза, закрыла собой.

— О Боги!..

Тут Джеймс усмехнулся — в такой-то момент!..

— Вот и она говорит, что Боги послали ей благую весть, и она почувствовала, что Брайну грозит опасность. Ворвалась в последний момент и отвела кинжал.

— Как она сама?! Как Элиза?

— Ранена, — признался мне Джеймс, — и ее состояние довольно тяжелое. Зато с Брайном все будет в порядке, если, конечно, мы дружно не пойдем ко дну. К сожалению, я не могу пробить портал так далеко и вывести нас на берег, а нашему флоту нужно еще немного времени, чтобы прийти на помощь.

— Джеймс...

— Но мы продержимся, — заявил он уверенно. — Все будет хорошо.

Мне очень хотелось ему поверить, но получалось так себе. К тому же, он добавил:

— Шейла и ее соратники прихватили с собой Малое Сердце. Ты случайно не знаешь, зачем им понадобился артефакт?

Тут в корабль угодило еще одно ядро, я ахнула, а мой жених снова поморщился.

— Знаю, — сказала ему. — Заклинание моего отца имеет одну особенность — оно действует около пятнадцати минут, а зарейнцам нужен стабильный проход через Грань. В папиных расчетах был еще один вариант с артефактом. Наверное, с Большим Сердцем, но и Малое им тоже подойдет. По крайней мере, оно увеличит время разрыва Грани.

— Звучит не слишком-то оптимистично, — отозвался Джеймс. — Против целого флота Зарейна

«Крылья» долго не продержатся. — И поднялся на ноги. — Отнесу тебя на нижнюю палубу, там безопаснее.

Я покачала было головой, но Джеймс знал, как меня уговорить.

— Думаю, тебе стоит навестить Элизу. Она тебя звала.

— Конечно же! — моментально встрепенулась я. — Да-да, я сейчас же к ней спущусь! Но, Джеймс, ты должен знать, что Шейла забрала вовсе не Малое Сердце!

Он уставился на меня удивлением.

— Тогда что же она украла из каюты Брайна?

— Грубую подделку. Камень, который я сотворила и отдала близнецам. Я нисколько не сомневаюсь, что им удалось подменить артефакт... Кстати, где они?! С ними все в порядке?

— В своей каюте, дожидаются тебя, — отозвался он. — Сидят с крайне важным видом, словно они что-то знают. Но теперь-то я догадываюсь, что именно они знают! — Джеймс сдавленно усмехнулся. — Вот же охламоны, ничего мне не сказали!

— Потому что это страшная тайна, — округлила я глаза. — Чтобы ее узнать, ты должен был показать им знак Братства Голодных.

На этот раз Джеймс не стал меня уверять, что Братства не существует, потому что знал, своими глазами видел — оно есть, и оно рядом. Вместо этого подхватил меня на руки.

— Сам тебя отнесу, — заявил мне.

Мы вышли из каморки наружу, и я оказалась на той самой палубе, где прошла моя быстрая и бесславная битва с заговорщиками. И я почти сразу же увидела горевшие корабли. Три, нет же, пять — похоже, из нашего сопровождения. Они полыхали словно факела, а в этом демоническом свете к нам приближались не меньше трех дюжин зарейнских боевых фрегатов — их красно-золотые стяги развевались на ветру.

А затем я посмотрела в небо, потому что внезапно почувствовала...

— Погоди! — сказала Джеймсу. — Отпусти меня! Ты должен сейчас же поставить меня на ноги!

Потому что я заметила, как в лунном свете со стороны Стенстеда к нам приближалась черная туча.

Но я знала, что нас ждал вовсе шторм.

— Подмога придет значительно быстрее, чем ты думаешь! — улыбнулась я.

— О чем ты говоришь?!

— О драконах, Джеймс! Они уже рядом! Они все-таки прилетели... Наверное, будет лучше, если ты меня отпустишь, — потому что он не спешил ставить меня на ноги, а я вспомнила о ревнивом Шарене. — Пришла пора их встретить!

И мы их встретили.

Прилетели целых два отряда — Шарена и Балгура, его родственника, а это больше сотни драконов. Но так как Шарен первым нашел меня в пустыне и установил контакт, то именно он опустился на верхнюю палубу «Крыльев». Уставился мне в глаза, восстанавливая ментальную связь, после чего на мой мысленный вопрос заявил, что они долго не могли понять, как им вернуться.

Так долго, пока не появился портал — распахнулся буквально двадцать минут назад над монолитами Прародительницы, что как раз рядом с Гнездом Балгура.

К этому месту уже слетелись все стаи на Совет — гадали, почему я ушла, а они так и не смогли последовать за мной. Но тут Шарен и Сайрин — она тоже была рядом, парила в черном, озаренном заревом пожаров небе, — услышали мой зов о помощи, а потом увидели проход.

Они незамедлительно отправились в наш мир, прихватив с собой подмогу.

И я, глядя ему в глаза, внезапно все поняла. Догадалась, что нужно было не только уйти, но и позвать их за собой. Пригласить драконов в этот мир. Но я этого не знала, иначе они давно бы уже были в Аронделе!

Зато у меня получилось это сделать сегодня, в момент наивысшей опасности. Теперь драконы были

здесь и не собирались никуда улетать.

Они быстро положили конец беззаконию в водах Арондела. Сожгли с десяток кораблей Зарейна, на что остальные быстро вывесили белые флаги и убрали пушки, показывая, что сдаются. Часть кораблей ринулась было к вновь распахнувшемуся спасительному для них проходу в Грани, но я не позволила им уйти.

Сама, без Малого Сердца, захлопнула Грань перед их носом — внезапно поняла, что и это в моих силах. К тому же, догадалась, как ее убрать, потому что наш мир заслуживал существование без Граней.

Но решила, что не все сразу.

Это произойдет, когда мы будем готовы — слишком долго Грани разделяли континенты и страны, их внезапное исчезновение может вызвать хаос и военную агрессию. Нужно еще немного подождать и хорошенько подготовиться.

Может, месяц, может, два или три.

Чуть позже, когда с нападением Зарейна было покончено, на верхнюю палубу снова опустился Шарен, а вместе с ним ним и Сайрен. Их уже встречали. Люди смотрели на драконов — некоторые с восторгом, некоторые с недоверием и затаенным страхом, хотя я заявила, что бояться нам нечего.

Драконы — наши друзья, и они не причинят нам вреда.

Тут Шарен заметил Джеймса, стоявшего рядом со мной, и они уставились друг другу в глаза, причем, с крайне недовольным видом. На миг мне показалось, что они вот-вот начнут выяснять, кому я нужнее...

Впрочем, дракон моргнул, и взгляд его изменился. Мой жених тоже заметно расслабился, и я почувствовала, что у Джеймса установился такой же контакт с Шареном, как и у меня с Сайрен.

Это означало лишь то, что мы с ним встретили свои вторые ипостаси — притянулись друг у другу, как магниты, — и уже очень скоро сможем обрести единство со своими драконами.

Скоро, но не сразу.

Сперва нам всем нужно будет привыкнуть. Осознать, что наша жизнь уже никогда не станет прежней, потому что в ней появились драконы. Они обрели свой старый мир, а мы получим крылья.

И еще, что это единение повлияет на людей, изменив нас уже навсегда.

Потому что прилетевший на подмогу со своим отрядом Балгур тоже нашел свою вторую ипостась, но уже в Брайне, короле Арондела. А его Пара, Эмилис, увидела свою половину в Элизе Визморской, которая моментально пошла на поправку, излеченная не только людской, но и драконьей магией.

Чуть позже исполнилась и затаенная мечта принцессы — она сказала «да» Брайну Стенвею во время финала королевского отбора, когда мы праздновали победу над Зарейном и возвращение драконов в Арондел.

Именно ее Брайн объявил победительницей и попросил выйти за него замуж.

Я видела, какими влюбленными глазами король смотрел на Элизу — и она отвечала ему таким же взглядом, потому что эти двое не хотели смотреть ни на кого другого. Точно также, как для Балруга не существовало никого другого, кроме его Эмилис, так и для Брайна стала его Парой Элиза.

А Бэсси оставалось лишь скрежетать зубами — и делала она это очень и очень громко!.. — потому что драконья связь оказалась куда сильнее ее желания заполучить корону Арондела. Впрочем, я надеялась, что скоро и к ней прилетит драконица, которая сможет уравновесить хотя бы часть безудержного нрава леди Берналь.

Сама же я смотрела на счастливых Брайна и Элизу и думала о том, что король всегда будет любить свою будущую жену, как и я всегда буду любить своего будущего мужа.

А еще, что в небе в день нашей свадьбы будут кружить драконы.

Нет, не единороги, как я однажды заявила дяде...

Впрочем, кому они нужны, эти крылатые лошади?!

ЭПИЛОГ

И они состоялись, наши свадьбы — причем, три в один день, потому что Тэль с Дирком Хатрейзом тоже не захотели ничего откладывать.

Их обвенчали первыми, затем настала наша очередь с Джеймсом, а третьими в Кафедральном Соборе ждали короля Арондела и принцессу Визморскую, после чего у нас был запланирован пир на целых два мира.

И я, стоя на коленях перед алтарем и слушая глубокий, проникновенный голос архиепископа Плесби, чувствовала, как меня в очередной раз захлестывают самые радужные мысли и ожидания.

А еще любовь...

О да, ее оказалось так много, что любовь буквально лились из меня наружу в окружающий мир.

То же самое произошло и в карете по дороге к Собору, на что Джеймс заявил, что я вся свечусь — да-да, он видит это своими глазами! Затем добавил, что, наверное, таким образом проявляет себя Святая Кровь.

Но ему очень даже нравится — вернее, ему во мне все нравится! Нет, не так, он в полнейшем восторге!

К тому же, удобно — в сумерках он никогда меня не потеряет...

На это я сдавленно усмехнулась — и тогда, в карете, и сейчас, возле алтаря, — после чего постаралась уменьшить интенсивность свечения. Затем, прислушиваясь к молитвам, стала размышлять о том, что единорогов с разноцветной гривой выпустить в небо мне так и не удалось. Но это не означало, что я нарушила какой-либо из пунктов нашего с дядей договора.

Во-первых, я выходила замуж вовсе не за короля, а за его двоюродного брата, а во-вторых, в небе над Аронделом с каждым днем становилось все больше и больше драконов.

К тому же дядя, пусть он и не получил место министра финансов, но в срочном порядке вернулся в столицу. Естественно, на мою свадьбу, но не только для этого.

Король лично принес ему извинения за несправедливые подозрения и столь холодное отношение, — слишком мало извинений, как любил приговаривать лорд Корнуэлл, — после чего все же вручил дяде министерский портфель.

Лорд Корнуэлл оказался нужнее короне в столице, а не на далеком острове.

Теперь в его обязанности входил контроль над всеми морскими и сухопутными перевозками. Но так как я готовилась убрать Грани, то это, несомненно, должно было внести сумятицу в привычный уклад жизни.

Надо сказать, приятную сумятицу.

Так что дядя пропадал в своем министерстве с утра до ночи, и я почти его не видела. Впрочем, он не забыл привезти с Хокка несколько сундуков с подарками, намекнув Джеймсу, что тот заполучил настоящее сокровище.

Но Джеймс и сам об этом знал.

И сегодня именно дядя с наиважнейшим видом вел меня к алтарю, раскланиваясь с гостями так, словно сам выходил замуж. Впрочем, я была рада не только за нас с Джеймсом, но и за него.

Потому что мою фату нес Олли, чувствовавший себя отлично — брату даже не понадобилось магического вливания, когда за ним прибыл корабль с магами. И все потому, что дядя выполнил свою часть договора — сразу же отвел Оливера к доктору, стоило мне отплыть в столицу.

За одно только это я была готова простить лорду Корнуэллу все что угодно. Например то, что нам с братом довелось пережить в его доме на Хокке, пока мы оставались там на правах бедных родственников.

Впрочем, Олли давно уже об этом позабыл, да и к столице привык очень быстро. Он и маленькие принцы сразу же подружились, став почти неразлучными, на что леди Виторина иногда жаловалась, что теперь у нее даже не двойня, а тройня, которая постоянно сводит ее с ума.

Но она была довольна таким поворотом дела, я видела это по ее глазам. К тому же, она очень помогла мне со свадебными приготовлениями.

И эти приготовления вовсе не омрачались ожиданием войны.

Потому что Зарейн извинился.

Сказали нам, что бесы их попутали — вернее, Маклахан с его компанией, дожидавшейся суда — но, вообще-то, они хорошие соседи и добрые друзья. А принцессу Шейлу они обязательно накажут. Можно сказать, даже покарают, выдав замуж за виночерпия в дальнюю провинцию.

Но извинился Зарейн не только на словах — прислали целых три корабля с золотом, а мне вернули тетради отца. Естественно, потому что они им больше были не нужны — весь мир, не только Арондел, ждал падения Граней и слияния с драконами.

К тому же, шейх Зарейна вместе с тетрадями отправил мне ларец с драгоценностями и наилучшими пожеланиями в связи с грядущей свадьбой. При этом не забыл намекнуть, чтобы я поскорее убрала их Грани, потому что у них дальние колонии, к которым уж очень неудобно плавать!..

— Вот же проныра! — заявил мне на это Джеймс, когда я показала ему письмо.

И я была полностью с ним согласна.

Впрочем, первой я планировала убрать совсем другую Грань — ту самую, которая проходила возле Хокка, потому что сразу же после свадьбы мы с Джеймсом отправлялись на поиски моего отца. Не одни, я собиралась захватить с собой драконов, чтобы побыстрее со всем справиться.

Сердцем чувствовала, что мой отец жив, и уже очень скоро мы с ним встретимся.

Затем нас ждала жизнь в новом мире без Граней. Я собиралась поступать в Академию Магии и найти для Оливера нормальную школу. Впрочем, и моей сводной сестре Абигейл не помешало бы подыскать хорошего мужа, но желательно подальше от столицы.

...Да, меня ждало непростое, но невероятно прекрасное будущее, потому что и мы с Джеймсом только что ответили на самый главный вопрос.

Сказали друг другу «да» под сенью Кафедрального Собора, а потом под звон храмовых колоколов архиепископ Плесби зычным голосом объявил нас мужем и женой, на что хор тут же грянул «Так угодно Богам».

И у меня не было ни малейших сомнений в том, что Им угодно именно это!

Многие другие книги вы найдете в телеграм-канале **«Цокольный этаж»**:

Давайте кинем автору награду на Литнет. Хотя бы 10-20 рублей...